

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Mediaeval Rus': People's Destinies
and Destinies of Manuscripts

Power in Russia and Issues of Communication

The Duke of Richelieu in Russian Service

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 6 | 2018 | № 4

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *АНЦИ Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *АНЦИ Web of Science, Scopus*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Номер подготовлен в рамках договора
№ МОН2018/28 от 26 апреля 2018 г.
по реализации программы развития
научного журнала «Quaestio Rossica».

The issue was prepared as part of contract
MON2014/28 as of April 26, 2018
for the realisation of development programme
of the *Quaestio Rossica* academic journal.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

E d i t o r - i n - C h i e f: Prof. **Francine-Dominique Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Executive Editor: Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Guest editor: **Irina Dergacheva** (Russia, Moscow State Institute of Culture). *Reviews Section Editor*: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation Editors*: Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU), PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate*: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (United Kingdom, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr **Julia Zaparyi** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutski** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo & cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенан** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор: проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); приглашенный редактор: проф. **И. В. Дергачева** (Россия, Московский государственный институт культуры); *отдел рецензий*: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *редакторы перевода*: доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ), PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: д. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Орхидского); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-Х. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Д. Уо** (США, Сиэтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<p><i>Irina Dergacheva, Vladimir Arakcheev.</i> Mediaeval Russia: Characters in History and Everyday Life. 935</p>	<p><i>Irina Dergacheva, Vladimir Arakcheev.</i> Mediaeval Russia: Characters in History and Everyday Life. 935</p>
--	--

Problema voluminis

<p>От средневековой Руси к России раннего Нового времени: траектории социальной интеграции</p> <p><i>Адриан Селин.</i> Новгородские татары в Смуту и после Смуты: реконсоли- дация социальной группы. 943</p> <p><i>Андрей Павлов.</i> Судьбы родового вот- чинного землевладения в первой половине XVII в. 955</p> <p><i>Владимир Аракчеев.</i> Феномен «разбо- ев» в России начала XVII в.: к типологии повстанческих движений. 972</p> <p><i>Дмитрий Лисейцев, Степан Шамин.</i> «Годы бедствий» первого россий- ского заводчика Андрея Денисовича Виниуса. 984</p> <p>Культурное наследие Древней Руси: современные трактовки</p> <p><i>Татьяна Исаченко.</i> Афон: рукописные источники в Российской государственной библиотеке. . . 995</p> <p><i>Людмила Журова.</i> Учение о согласии и примирении в Окружном послании московского митрополита Даниила. 1015</p> <p><i>Людвиг Штайндорф.</i> «Строго по прави- лам и в меру»: стол в Иосифо- Волоколамском монастыре. 1031</p> <p><i>Ольга Щеглова.</i> Памяти славянским святым в составе Стишного Пролога XV-XVII вв. 1053</p> <p><i>Александр Клейтман, Игорь Тюменцев.</i> Летописание Нижнего Поволжья XVIII-XIX вв. как социокультурное явление. 1063</p> <p><i>Евгений Килимник.</i> Замки Тевтонского ордена на территории России . 1078</p>	<p>From Mediaeval Rus' to Russia of the Early Modern Period: Ways of Social Integration</p> <p><i>Adrian Selin.</i> Novgorod Tartars in the Time of Troubles and after: Social Group Reconsolidation 943</p> <p><i>Andrei Pavlov.</i> Destinies of Old Family Lands in the First Half of the 17th Century. 955</p> <p><i>Vladimir Arakcheev.</i> The Phenomenon of "Razboy" in Russia in the Early 17th Century: On the Typology of Rebel Movements 972</p> <p><i>Dmitry Liseitsev, Stepan Shamin.</i> The "Years of Hardship" of the First Russian Manufacturer Andrei Denisovich Vinius 984</p> <p>The Cultural Heritage of Ancient Rus': Modern Interpretations</p> <p><i>Tatiana Isachenko.</i> Athos: Manuscript Collections of the Russian State Library. 995</p> <p><i>Ludmila Zhurova.</i> The Teaching about Concord and Reconciliation in the <i>Encyclical</i> of Metropolitan Daniil of Moscow. 1015</p> <p><i>Ludwig Steindorff.</i> Strictly Regulated and Measured: Meals at the Iosifo- Volokolamsky Monastery. 1031</p> <p><i>Olga Shcheglova.</i> The Feast Days of Slavic Saints as Part of the <i>Stishnoy Prologue</i> from the 15th-17th Centuries 1053</p> <p><i>Alexander Kleitman, Igor Tumentsev.</i> Chronicle-writing in the Lower Volga Region between the 18th and 19th Centuries as a Sociocultural Phenomenon 1063</p> <p><i>Yevgeni Kilimnik.</i> Castles of the Teutonic Knights in Russia. 1078</p>
--	--

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Disputatio

Мари-Пьер Рей. Герцог Ришелье на службе царя Александра I и Реставрации: посредник между Францией и Россией. 1095

Ангелина Вачева. Русские и Россия в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой (1762–1774) 1110

Дмитрий Тимофеев. Крепостной вопрос в России: социальный диалог и коммуникативные практики власти (первая четверть XIX в.) 1129

Elena Korchmina. Conceptualising the Notion of “Profit” among the Russian Nobility (Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries) 1144

Ян Грегор, Елена Томашкова. Как назвать Ангелу Меркель: неологизмы немецкого политического дискурса в иноязычных СМИ. 1160

Екатерина Постникова. Архетип «Родины-матери» в современном политическом дискурсе (Александр Проханов vs Дмитрий Быков). 1174

Юлия Кривошапова. Образ Волги в русской языковой традиции 1188

Олеся Сурикова. К вопросу о прагматической обусловленности фольклорного текста (на материале конструкций с предлогом и приставкой без-) . . 1202

Marie-Pierre Rey. The Duke of Richelieu in the Service of Tsar Alexander I and the Restoration: A Mediator between Russia and France 1095

Angelina Vacheva. The Russians and Russia in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova (1762–1774) 1110

Dmitry Timofeev. The Question of Serfdom in Russia: Social Dialogue and Communicative Practices of Power (First Quarter of the 19th Century) 1129

Elena Korchmina. Conceptualising the Notion of “Profit” among the Russian Nobility (Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries) 1144

Jan Gregor, Elena Tomášková. What Angela Merkel Should Be Called: Neologisms of German Political Discourse in the Media of Other Countries 1160

Yekaterina Postnikova. The Archetype of the Motherland in Modern Political Discourse (Aleksandr Prokhanov vs Dmitry Bykov) 1174

Yulia Krivoshchapova. The Image of the Volga in the Russian Language Tradition 1188

Olesya Surikova. On the Pragmatic Conditionality of Folklore Texts: Constructions with the Preposition and Prefix без- 1202

Hereditas: nomina et scholae

Петр Кабытов, Екатерина Барينو-ва. Драматическая рефлексия М. М. Богословского 1217

Pyotr Kabytov, Yekaterina Barinova. M. M. Bogoslovsky’s Dramatic Reflection. 1217

Controversiae et recensione

Бронислава Овчинникова, Вера Соловьева. Великий Новгород в научных исследованиях Уральского университета . 1233

Александр Гадомский, Татьяна Ицкович, Ольга Михайлова. Язык русского православия в лексико-графическом освещении 1246

Об авторах 1256

Сокращения 1262

Bronislava Ovchinnikova, Vera Solovyeva. Veliky Novgorod in the Research of Ural University 1233

Aleksander Gadowski, Tatiana Itskovich, Olga Mikhailova. The Language of Russian Orthodoxy through the Prism of Lexicography 1246

On the Authors 1256

Abbreviations 1262

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2018.4.337

MEDIEVAL RUSSIA: CHARACTERS IN HISTORY AND EVERYDAY LIFE

Der Maulwurf Geschichte gräbt sich langsam, aber gräbt gut.
Georg Wilhelm Friedrich Hegel

The four history articles in the central *Problema Voluminis* section of *Quaestio Rossica* No. 4, 2018, are united by one epoch and one essential problem – how the people and the state were involved in a civil war and then dramatically overcame their disputes. *Vladimir Arakcheev* (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS) considers the Time of Troubles in early 17th-century Russia and the emergence of “brigands” (or rebel movements) in 1602–1603. Despite its limited chronological scope, he touches upon the essence of the “Russian revolt” and its institutional framework. Arakcheev identifies two distinct types of rebel movement which recur throughout Russian history (both in reality and ideologically) up until the 20th century¹. *Andrei Pavlov* (St Petersburg University) illuminates the important issue of land ownership by the boyar and princely elites of Russia in the first half of the 17th century. In the article’s historiographical review, the author includes two important opinions that still wield significant influence on the understanding of this era. Firstly, S. F. Platonov wrote that the “middle classes” of the time – the landed gentry and the craftsmen, who managed to organise the rebel brigands and to restore national independence – were the true winners of the Time of Troubles. This conclusion follows from Platonov’s understanding of the collapse of boyar and princely land ownership during the *oprichnina* and the complete restructuring of the land ownership system that followed. On the other hand, V. B. Kobrin observed that the large estates remained in the hands of the noble princely families; he emphasised the continuity of Russian society in the second half of the 16th and the first half of the 17th centuries. Pavlov specifies that the lands returned to the descendants of boyar and princely families had often belonged to their very distant relatives, meaning they were re-granted as a reward for service to the new dynasty. At the same time, these facts clearly reflect a desire for the restoration of a hierarchy in the Muscovite

¹ It was M. A. Bakunin who called for a reliance on marginal elements during revolution; one should not forget that one of the most important characters of Dostoevsky’s *Demons* was none other than Fedka the convict – an unprincipled chum but a true heir to the “brigandage” of the early 17th century.

service class, one that would directly correspond to the views of the ruling elite on equitable compensation for the suffering and heroic deeds of each family's ancestors.

While the ruling elite were seeking the return of thousands of hectares of land from princely and monastic estates, ordinary Novgorod land owners were hardly making ends meet. Interestingly, these boyar scions, Russian and Orthodox in origin, found themselves in the same situation as the Tatars, both those retaining Islam and the "newly-baptised". *Adrian Selin* (National Research University Higher School of Economics, St Petersburg Campus) describes the complex, nuanced process of their adaptation into a society ruled by a foreign religious confession – a process that took almost a century.

The era of "Restoration" was not a favourable one for economic development; *Dmitry Liseitsev* and *Stepan Shamin* (Institute of Russian History of RAS) make this observation convincingly in their article on Andrei Vinius' attempts to establish arms production at the Tula metal plants. Vinius' fiasco as a factory owner changed his career strategy, the fate of his offspring, and factory ownership; however, decades had to pass before imperial armament plants started to function in the Urals. Understanding that the "mole of history digs slowly" is fundamental to grasping the essence of many historical epochs; is it best seen, however, when significant steps forward endure reversals.

Tatiana Isachenko (Russian State Library, Moscow) considers a philological aspect of the Russian Middle Ages. Isachenko summarises the manuscript heritage of Mount Athos so significant to Russian Orthodoxy; the article reveals the logic of reference and reality at different times. New data on the *Teaching on Reconciliation and Concord* by Metropolitan Daniil in his 16th-century *Encyclical* is provided by *Ludmila Zhurova* (Institute of History of the SB RAS, Novosibirsk). *Olga Shcheglova* (Novosibirsk University) identifies several editions of the *Stishnoy Prologue* as juxtaposed with feast day calendars for Slavic saints. New data on household monastic culture, found in 16th-century *kormovaya* books (donations registers), come to light in the article by *Ludwig Steindorff* (University of Kiel, Germany).

The modernisation of the medieval manuscript tradition in local historical works of the 18th and the 19th centuries is poorly understood in contemporary historiography. The article by *Alexander Kleitman* and *Igor Tumentsev* (Volgograd Institute of Management) on the *Chronicles of the Lower Volga* aims to fill this gap. The mediaeval theme in this issue of *Quaestio Rossica* is further developed by *Yevgeny Kilimnik* (Ural State Mining University, Yekaterinburg), who characterises Teutonic castles in Kaliningrad Region, continuing his research on architectural monuments located on the border between the Catholic and Orthodox worlds.

Filed under the *Disputatio* section are several articles by historians, literary critics, and linguists that focus on the role of contacts in the history of peoples and their destinies. *Marie-Pierre Rey* (Sorbonne, France) presents the Duke of Richelieu in the service of Tsar Alexander I in several different periods, while *Angelina Vacheva* (Sofia University, Bulgaria) introduces unique 18th-century correspondence between Valentin Jamerai-Duval

and Anastasiya Sokolova, containing the opinionated views of foreigners on Russia and Russians. *Elena Korchmina* (New York University Abu Dhabi) discusses how the Russian nobility, during the development of new types of economic activity, came to a modern understanding of “profit”. The communicative practices of the authorities in connection with the problem of serfdom, showing the acceptable boundaries of change for Russian officials in the first quarter of the 19th century, are described by *Dmitry Timofeev* (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS).

Two articles in this issue correspond in their examinations of the field of political discourse. Researchers from the Czech Republic, *Jan Gregor* and *Elena Tomášková* (Institute of Technology and Business, České Budějovice), take material from the non-Czech media (including Russian) to reveal the political realities of German language genesis. *Yekaterina Postnikova* (Magnitogorsk Technical University, Russia) compares the image of the Motherland in the public speeches and articles of Alexander Prokhanov and Dmitry Bykov, finding a crisis of archetypical imagery in the minds of contemporaries.

The linguistic block consists of three articles by Ural Federal University researchers. *Yulia Krivoshchapova*, based on examples from different genres of speech, offers an interpretation of the Volga River as a foundational linguistic and cultural object. *Olesya Surikova* analyses various folklore genres with the aim of identifying the characteristics of the linguistic and pragmatic use of the prefix *без-/без-*. A review of the *Encyclopaedic Dictionary of Orthodox Vocabulary* (written by G. N. Sklyarevskaya) by *Alexander Gadowski* (University of Opole, Poland), *Tatiana Itskovich* and *Olga Mikhailova* (Ural Federal University) concludes this group of essays.

The *Hereditas: nomina et scholae* section features researchers *Petr Kabytov* (Samara Research University) and *Yekaterina Barinova* (Samara State Economic University), who provide a detailed account of the views of historian M. M. Bogoslovsky, reveal the impact of a dramatic revolutionary change on his writing, and describe the ups and downs of his fate and the importance of his work for Russian historical scholarship.

The review of the evolution of the Veliky Novgorod theme in historical studies at Ural Federal University is the result of a regular participation of students and professors in archaeological expeditions to the region. *Bronislava Ovchinnikova* (Ural Federal University) and *Vera Solovyeva* (ООО “Языки без гранит”, St Petersburg) reveal the findings of academic Novgorod archaeology. This review elegantly echoes the theme of Mediaeval Russia, thereby logically wrapping up the issue.

Irina Dergacheva
(Moscow State Institute of Culture),

Vladimir Arakcheev
(Institute of History and Archaeology of the Urals Branch of RAS)

Translated by Anna Dergacheva

Крот истории роет медленно, но роет хорошо.

Г.-В.-Ф. Гегель

Публикуемые в рубрике *Problema voluminis* четыре исторических статьи объединяет одна эпоха и, по сути, одна проблема – как народ и государство были ввержены в гражданскую войну, а потом драматически преодолевали возникшие противоречия. Смуте начала XVII в. посвящена лишь статья *Владимира Аракчеева* (Институт истории и археологии УрО РАН) о движении «разбоев» 1602–1603 гг., но, несмотря на узкие хронологические рамки, работа затрагивает проблематику «русского бунта», его организационных основ. Выявленные два типа повстанческих движений в дальнейшем встречаются в русской истории (и в реальности, и в идеологии) вплоть до XX в.² В статье *Андрея Павлова* (Санкт-Петербургский государственный университет) освещается важная проблема землевладения боярско-княжеской элиты первой половины XVII в. В историографии были высказаны два суждения, до сих пор оказывающие значительное влияние на понимание этой эпохи. С. Ф. Платонов писал, что победителями в Смуте вышли «средние классы» – поместное дворянство и посадские люди, сформировавшие ополчения и восстановившие национальную независимость. Этот вывод следовал из его же концепции разгрома боярско-княжеского землевладения в годы опричнины и полной перестройки системы землевладения в России. В. Б. Кобрин, отмечая известные факты сохранения крупных вотчин в руках знатных княжеских родов, делал упор на континуитете русского общества второй половины XVI – первой половины XVII в. А. Павлов показывает, что возвращаемые потомкам боярских и княжеских родов владения принадлежали чаще всего их очень дальним родственникам, а возвращались они как вознаграждение за службу новой династии. Однако в этих фактах явно проглядывает и стремление к реставрации такой иерархии служилого сословия, которая отвечала бы представлениям правящей элиты о справедливом возмещении за страдания и подвиги предков.

В то время, когда правящая элита добивалась возвращения тысяч четвертей земли из состава дворцовых и монастырских владений, рядовые помещики Новгородской земли едва сводили концы с концами. В одинаковом положении оказались как русские и православные по происхождению дети боярские, так и татары, как сохранившие ислам, так и «новокрещены». В исследовании *Адриана Селина* (Высшая школа экономики, Санкт-Петербург) показан сложный нюансиро-

² Опираясь на маргинальные элементы в ходе революции призывал еще М. А. Бакунин, а одним из важных персонажей «Бесов» Ф. М. Достоевского стал Федька-каторжник – безыдейный, но подлинный наследник «разбоев» начала XVII в.

ванный процесс их адаптации в состав иноконфессионального общества, шедший почти на протяжении столетия.

Эпоха «реставрации» не вполне благоприятна для развития экономики: эта очевидная истина еще раз подтверждена в статье *Дмитрия Лисейцева* и *Степана Шамина* (Институт российской истории РАН) о попытках Андрея Виниуса наладить оружейное производство на тульских железоделательных заводах. Фиаско Виниуса как заводчика изменило его карьерную стратегию и судьбы его потомков, привело к смене владельцев заводов, но прошли десятилетия, прежде чем на Урале встали оружейные заводы имперской России. Понимание того, что «крот истории роет медленно», но все равно роет, свойственно многим историческим эпохам, но лучше всего видно тогда, когда кажется, что время повернуло вспять.

Филологический аспект исследований русского Средневековья обрисован в статье *Татьяны Исаченко* (Российская государственная библиотека, Москва). Она суммировала существенное для русского православия афонское рукописное наследие, выявила логику обращения и активность текстов в различное время. Новые данные об учении о примирении и согласии митрополита Даниила в его Окружном послании (XVI в.) приведены в исследовании *Людмилы Журовой* (Институт истории СО РАН, Новосибирск). В статье *Ольги Щегловой* (Новосибирский государственный университет) выявлены редакции Стишного Пролога в соответствии с памятниками славянским святым. Новые данные о бытовой монастырской культуре, выявляемые по кормовой книге XVI в., приведены в статье *Людвига Штайндорфа* (Кильский университет, Германия).

Летописная традиция Средневековья, будучи модернизирована в локальных исторических сочинениях XVIII–XIX вв., недостаточно изучена в современной историографии. Исследование *Александра Клейтмана* и *Игоря Тюменцева* (Волгоградский институт управления) о летописании Нижнего Поволжья существенно восполняет этот пробел. Завершают исследования культуры Средневековья размышления *Евгения Килимника* (Уральский государственный горный университет, Екатеринбург), в которых представлена характеристика замков Тевтонского ордена в Калининградской области. В этой статье автор продолжает изыскания архитектурных памятников, находясь на границе католического и православного миров.

В рубрике *Disputatio* соединились статьи историков, литературоведов и лингвистов, посвященные роли контактов в истории народов и судьбах людей. В статье *Мари-Пьер Рей* (Сорбонна) предстает герцог Ришелье на службе царя Александра I в разные периоды своей деятельности, а в работе *Ангелины Вачевой* (Софийский университет) презентуется уникальная переписка XVIII в. В. Жамре-Дюваля и А. Соколовой, донесшая мнение иностранцев о России и русских. В материале *Елены Корчминой* (Нью-Йоркский университет Абу-Даби) углубляется характеристика русской элиты в момент освоения нового

типа деятельности и приобщения к концепту «прибыль» из обихода и терминологии нового времени. К коммуникативным практикам власти в связи с проблемой крепостного права, демонстрирующим границы изменений, на которые были готовы российские чиновники первой четверти XIX в., обращается *Дмитрий Тимофеев* (Институт истории и археологии УрО РАН).

Две перекликающиеся статьи посвящены политическому дискурсу. Исследователи из Чехии *Ян Грегор* и *Элена Томашкова* (Технико-экономический институт, Ческе-Будеёвице, Чехия) остановились на материале из иноязычных СМИ (включая русскоязычные), раскрывающем политические реалии немецкоязычного генезиса. *Екатерина Постникова* (Магнитогорский технический университет, Россия), сопоставив образ Родины-матери в публицистических выступлениях Александра Проханова и Дмитрия Быкова, приходит к выводу о кризисном состоянии архетипического образа в сознании современников.

Лингвистический блок объединяет три статьи исследователей УрФУ. *Юлия Кривошапова* на примерах из разных речевых жанров предлагает интерпретацию Волги-реки как одного из основополагающих лингвокультурных объектов рассмотрения. *Олеся Сурикова* анализирует различные фольклорные жанры с целью выявления особенностей лингвопрагматического использования приставки *без-*. Примыкает к ним рецензия на толково-энциклопедический словарь православной лексики (автор Г. Н. Скляревская), подготовленная *Александром Гадомским* (Опольский университет, Польша), *Татьяной Ицкович* и *Ольгой Михайловой* (Уральский федеральный университет).

В рубрике *Hereditas: nomina et scholae* *Петр Кабытов* (Самарский исследовательский университет) и *Екатерина Барина* (Самарский государственный экономический университет) подробно рассмотрели воззрения историка М. М. Богословского, выявили влияние на его построения драматических революционных перемен, описали перипетии судьбы ученого и значение его работ для русской исторической науки.

Публикация обзора развития темы Великого Новгорода в исторических исследованиях Уральского федерального университета вполне закономерна, учитывая многолетнее участие студентов и преподавателей УрФУ в археологических экспедициях. *Бронислава Овчинникова* (Уральский федеральный университет) и *Вера Соловьева* (ООО «Языки без границ», Санкт-Петербург) выявляют закономерности и результаты новгородской темы в исследованиях различного уровня. Обзор перекликается с темой средневековой Руси, логически завершая номер журнала.

Ирина Дергачёва
(Московский государственный институт культуры),

Владимир Аракчеев
(Институт истории и археологии УрО РАН)

Problema voluminis

FROM MEDIAEVAL RUS' TO RUSSIA OF THE EARLY MODERN PERIOD:
WAYS OF SOCIAL INTEGRATION

THE CULTURAL HERITAGE OF ANCIENT RUS': MODERN INTERPRETATIONS

Problema voluminis

ОТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ – К РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ:
ТРАЕКТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ

FROM MEDIAEVAL RUS' TO RUSSIA OF THE EARLY MODERN PERIOD: WAYS OF SOCIAL INTEGRATION

DOI 10.15826/qr.2018.4.338

УДК 94(470)"15/16"+94(470.24)+39(=943.21)+316.35

НОВГОРОДСКИЕ ТАТАРЫ В СМУТУ И ПОСЛЕ СМУТЫ: РЕКОНСОЛИДАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ*

Адриан Селин

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия

NOVGOROD TARTARS IN THE TIME OF TROUBLES AND AFTER: SOCIAL GROUP RECONSOLIDATION**

Adrian Selin

National Research University – Higher School of Economics,
St Petersburg, Russia

The regional diversity of Muscovy, which was established in the second half of the 16th century, and attempts to describe it with the help of the emerging language of Muscovite bureaucracy was a way to construct the ranks that were later to become a specific feature of Muscovite society. The Novgorod lands were the first place where this language was created. Throughout the 16th century, the structure of ranks in the Novgorod lands became more diverse and complex. This article studies the restoration of a specific group of servicemen of Veliky Novgorod following the Time of Troubles and 1617, i. e. Muslim Tartars and the newly-baptised. Due to an immense decrease in the number of representatives of this and other categories of servicemen, the bureaucratic structure simplified. Very few Novgorod Muslim Tartars and newly-baptised kept their estates. Although different records kept referring to this special rank, it was mentioned together with

* Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, продолжающийся проект «Трансформация режимов управления разнообразием: война, реформы, революции в Российской империи».

** *Citation*: Selin, A. (2018). Novgorod Tartars in the Time of Troubles and after: Social Group Reconsolidation. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 943–954. DOI 10.15826/qr.2018.4.338.

Цитирование: Selin A. Novgorod Tartars in the Time of Troubles and after: Social Group Reconsolidation // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 943–954. DOI 10.15826/qr.2018.4.338 / Селин А. Новгородские татары в Смуту и после Смуты: реконсолидация социальной группы // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 943–954. DOI 10.15826/qr.2018.4.338.

all the other categories of servicemen in the same documents. Large numbers of the descendants of Novgorod Tartars changed their status and started receiving salaries on a regular basis, which made their status comparable to that of streltsy and artillerymen. For the purposes of comparison, the author refers to examples connected with former representatives of the group who, following the Treaty of Stolbovo, became subjects of the Kingdom of Sweden. Initially, i. e. until 1630, the Swedish administration kept references to this rank in its documents but as of the second generation of former Muscovite servicemen, their descendants were referred to as Bayors (Swedish *bajorer*), and almost all of them converted to Lutheranism. References to the Tartar descent of landowners can only be found in registries until the mid-17th century. The article considers the correspondence of the bureaucratic ranks to 17th-century social groups. In this context, it seems appropriate to consider Novgorod Tatars, as they were a group which was special both from the point of view of language and religion.

Keywords: Time of Troubles; Novgorod lands; Tatars; newly-baptised; servicemen; social groups.

Региональное многообразие Московского царства, созданного в середине – второй половине XVI в., и попытки его описать рождающимся языком московского делопроизводства были тем путем, каким конструировались чины, ставшие впоследствии специфической характеристикой московского общества. Новгородская земля была первым «полигоном», на котором данный язык создавался; в течение XVI в. структура чинов в Новгородской земле дополнительно усложнилась. В статье исследуются направления, по которым в годы Смуты и после 1617 г. происходило восстановление специфической группы служилых людей Великого Новгорода – татар-мусульман и новокрещенов. Огромная убыль численности в этой (и других) категории служилых людей вела к упрощению чиновной структуры. Крайне незначительное число новгородских татар-мусульман и новокрещенов сохранило поместья. При этом в документах учета особый чин «новгородских татар и новокрещенов» сохранился, однако он стал учитываться в одних документах со всеми остальными категориями служилых людей. Большая часть потомков новгородских татар перешла на положение «кормовых», то есть стала получать регулярное жалованье – корм, сблизившись с группами служилых людей «по прибору» – стрельцами и пушкарями. Важный сравнительный материал дает пример бывших представителей этой группы, которые после Столбовского мира стали подданными Шведского королевства. Первоначально (вплоть до 1630 г.) шведская администрация сохраняла указания на этот чин в документах, но уже во втором поколении все потомки бывших московских служилых людей составили общую категорию байоров; почти все они приняли лютеранство. В Московском государстве указания на татарское происхождение тех или иных помещиков к середине XVII в. исчезают из документов учета. В статье ставится вопрос о соответствии бюрократических чинов московской деловой практики социальным группам XVII в. Исследование примера новгородских татар – группы,

обладающей не только языковой, но и религиозной спецификой, представляется удачным для изучения этого вопроса.

Ключевые слова: Смутное время; Новгородская земля; татары; новокрещены; служилые люди; социальные группы.

Специфика территориальной и служебной организации Новгородской земли XVI–XVII вв. заключалась, в частности, в присутствии в ней многочисленных категорий (чинов) служилых людей, наиболее разнообразных в низах городской организации. Со времен первых земельных конфискации Ивана III в Новгороде Великом сохранялись своеземцы – потомки мелких и средних землевладельцев эпохи независимого Новгорода; на рубеже XV–XVI вв. появились «пятиобежники» – служилые люди преимущественно «осадной службы», владевшие небольшими участками, прежде всего в приграничных западных районах Новгородской земли [Бернадский, 1961, с. 327–329]. Особой группой были архиепископские (с 1589 г. – митрополичьи) служилые люди, владевшие поместьями преимущественно в Обонежье и комплектовавшиеся также частично из числа своеземцев. В середине XVI в. к ним добавились новгородские «татары и новокрещены» – переведенные из покоренных Казанского и Астраханского ханств (царств) мурзы и «казаки», получившие несколькими волнами поместья в восточных районах Новгородской земли, преимущественно в Бежецкой пятине. В течение середины – второй половины XVI в. происходила конверсия части татар – обращение в христианство; однако вплоть до начала XVII в. некоторая их часть сохраняла ислам.

Сложный бюрократический язык Поместного и Разрядного приказов был ответом на многообразие территорий, оказавшихся под властью московских царей в XVI в. Широкая номенклатура служилых чинов приводила к сложностям их учета разрядом и местными властями, во взаимодействии Разрядного и Поместного ведомств, в местном управлении в целом. Термины, использовавшиеся дьяками для описания чинов разных уездов, «городов», часто совпадали, но не везде точно указывали на генезис того или иного чина, на синонимичность чинов в разных уездах. Так, пока не исследован вопрос о том, насколько «земцы» Пскова и Смоленска в XVI – начале XVII в. были так же, как и в Новгороде Великом, сохранившими свои владения потомками представителей местных элит. В каком-то смысле выработанная в приказах терминология была способом упрощения управления, в особенности малыми группами служилых людей.

В годы Смуты происходит заметная трансформация структуры чинов Новгородской земли, прежде всего в сторону ее упрощения. Многие чины, созданные разрядными дьяками в ходе поэтапного перевода этих групп в Новгород, превратились в бюрократические категории и стремились к исчезновению. После перехода Ивангорода, Корелы, Орешка и Яма под власть шведской короны исчезли

пятибежники и городовые своеземцы; со временем исчезали своеземцы как таковые.

Наиболее устойчивой группой служилых людей Новгорода Великого может считаться, пожалуй, именно группа новгородских татар-мусульман и новокрещенцов как обладавшая дополнительными признаками, объединявшими своих представителей, – это религия и, вероятно, язык. Эта группа была сформирована в Новгороде в течение XVI в. в результате раздач поместий служилым людям, переведенным из вновь присоединенных к Московскому царству поволжских мусульманских территорий. Новгород Великий был только первой территорией царства, где возникли небольшие островки татарского землевладения; позднее раздача поместий татарам-мусульманам и новокрещенцам продолжилась на территории Ливонии.

Интеграция разных групп служилых людей татарского происхождения в новгородский «служилый город» шла несколькими этапами. Карамышевы, заметные среди лиц, получавших в середине XVI в. кормления в Новгородской и Псковской землях [Акты Юшкова, с. 53, 120, 126], несомненно, были связаны происхождением с выехавшими в Московское великое княжество татарами. Следующие фамилии, ставшие частью новгородского «города», верставшиеся на общих основаниях с представителями других групп – по пятинам, а не в рамках особой корпорации – дети боярские, несомненно, татарского происхождения (Ададуровы и Изетдиновы). В середине XVI в. они становятся интегрированной частью верстанных по пятинам новгородских городских дворян [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 958. Л. 44, 86 об.–87, 108, 111; Писцовые книги Новгородской земли, т. 4, с. 94, 137, 150, 151].

После ухода московских войск из Ливонии в 1583–1584 гг. «юрьевские» и «ругодивские» служилые люди получили компенсацию за свои поместья в Новгородской земле и в некоторых других уездах Северо-Запада [Аракчеев]. Таким образом, группа новгородских татар усложнилась за счет притока татар – ливонских помещиков: в волости Удомля было испомещено 29 «юрьевских новокрещенцов» и 27 «говейских казаков»¹. После возобновления военных действий со Швецией в конце 1589 г. новгородские татары в числе других служилых людей были посланы под Ивангород. Некоторые из них погибли. Так, обыскная книга 1592 г. упоминает поместье «за говейским казаком Ногаем Янсубиным деревня Сотонина гора, живет сам Ногай... И Ногай убили в прошлом во 100-м году под Иванегородом немецкие люди, и после него осталась жена его Софья з детьми...» [РГАДА. Ф. 1209. Д. 17139. Л. 105–120 об.].

В конце XVI – начале XVII в. к новгородским татарам и новокрещенцам были отнесены части дворов крымских царевичей, в Новгороде были испомещены представители других мусульманских территорий, ставших московскими служилыми людьми. На востоке Новгородской земли в 1590-е гг. получали поместья московские татарские толмачи,

¹ О происхождении этого чина, частично совпадавшего с «татарами и новокрещенцами», см.: [Селин, 2016].

служащие Посольского приказа. Так, в 1595 г. в Прокофьевском погосте на Белой были испомещены три новокрещеных татарина-толмача – Григорий Ежов, Юрий Тенишев, Федор Исуфов (последний был назван «новокрещеном Гилянские земли») [РГАДА. Ф. 1209. Д. 16954. Л. 45–53].

К 1602 г. относится самый ранний сохранившийся подробный список новгородских служилых татар-мусульман и новокрещенов [Селин, 2014]. Вплоть до верстания 1605–1606 гг. в списках новгородских татар-мусульман и новокрещенов сохранялись указания на происхождение: казанские татары отделялись от астраханских, крымские – от ногайских и проч. В 1605–1606 гг. для этой категории служилых людей была составлена особая десятня [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122]. Десятня учла 200 человек с небольшим. Именно в этой единственной десятне, специально зафиксировавшей новгородских татар как особый служилый чин, начали стираться внутригрупповые границы.

В годы Смуты, в том числе в 1611–1617 гг., татары и новокрещены сохранялись как особый чин новгородского «города». Однако именно в это время они, как и другие группы служилых людей, понесли невосполнимые демографические потери. Уже в 1612 г. территории, где новгородские татары были испомещены, вышли из-под контроля новгородского правительства. Вскоре волость Удомля полностью обезлюдела, находясь, видимо, вне контроля каких бы то ни было правительств (до лета 1613 г.), равно как и Суглицкая волость, располагавшаяся к востоку от Тихвина, на дороге к Устюжне. Все сохранившиеся известия о новгородских новокрещенах и татарах 1611–1617 гг. относились собственно к Новгороду. С 1612 г. они стали получать поместья в западных районах Новгородской земли; сохранив верность новгородскому правительству в годы кризиса лета 1614 г., многие представители этой группы получили пригородные поместные владения. При этом производились и разовые денежные выплаты как поместным, так и беспоместным татарам-мусульманам и новокрещенам². Значительная их часть, однако, осталась без поместных дач и довольствовалась денежными выплатами.

Сохранилась коллективная челобитная новгородских кормовых татар на имя новгородского правительства Я. Делгарди и князя И. Н. Большого Одоевского, из которой следует, что они составляли особый отряд, действовавший на всех направлениях военной активности Новгорода: в 1611–1612 гг. – в Порхове против псковичей, в 1612–1613 гг. были возвращены в Новгород. Татары писали:

...Бьют челом новокрещены кормовые Иванко Гордеев с товарищи, дватцать человек. В прошлом, государи, во сто двадцатом году в Порхове дал нам ротмистр Карбел по рублю денег, а кроме того на прошлой на сто двадцатой и на нынешней на сто двадцат первой год нам жалованья не дано ничево, и ныне мы били челом вам, великим бояром, о жалованье денежном

² Так, «поместные новокрещены» Андрей Алисин, Павел Алобердеев, Яков Кудашев, Данила Секизов, Богдан Иванов, Ченелы Уланов получили одновременно по полтине денег [RA, NOA. Ser. 2 : 186. L. 123].

по нашим окладом, и вы, государи, пожаловали, велели наши оклады выписати, и выписка была перед вами бояры, и по ся место мы не пожалованы, наги и босы и бесконныи государеву службу служити нечем и не на чем...

На обороте челобитной была записана резолюция: «Поди к Монши, приказано дати по рублю, да по етот час на службу». Таким образом, по получении единовременного жалованья у секретаря М. М. Пальма татары вновь посылались на военную службу, видимо, под Тихвин [RA, NOA. Ser. 2 : 288. L. 13].

Боевые действия 1612–1615 гг., плен и обращение с пленными вели к изменениям в составе служилой группы новгородских татар, в том числе к пополнению их состава. В декабре 1612 г. группа новгородских татар во главе с Ивашком Нуралеевым просила освободить татарина, взятого ими же в плен:

В прошлом, государь, во 120-м году взяли мы, холопы твои, подо Псковом в языках тотарина Еналейка Ботакова и привели к тебе, государь, в Великой Новгород, и ноне, государь, тот тотарин Еналейко сидит в заключение в темнице в твоей государеве пене живот свой мучит... [RA, NOA. Ser. 2 : 193B. L. 9].

Правительство отреагировало положительно и выдало пленного челобитчикам на поруки. Сходная ситуация произошла в сентябре 1615 г., когда взятый в плен в столкновении с московским войском служилый кадомский татарин Байбак Кудашев был освобожден по челобитной новгородского новокрещеного татарина Павла Таребердеева, который поручился за него перед новгородскими властями [RA, NOA. Ser. 2 : 41. L. 2–3].

Сохранилась расходная запись о выдаче кормовых денег большой группе новгородских татар-мусульман и новокрещенов, вероятнее всего, составленная в июле-августе 1613 г. Корм выдавался на 30 дней (согласно записи, он был сокращен в два раза по отношению к выдаче месяцем раньше); если кормовым татарам выдавались разные суммы (от 60 до 195 денег), то поместным – по полтине на месяц³ [RA, NOA. Ser. 2 : 201. L. 23]. Таким образом, обязательный корм выдавался всем представителям чина, в том числе имевшим поместья.

В списке новгородского войска, составленном в марте 1613 г. (предположительно должно было собраться под Старой Руссой), ни один из новгородских татар не упомянут [RA, NOA. Ser. 2 : 172B]. Летом 1613 г. новгородские татары были отправлены под Тихвин, где вместе

³ Корм был выдан всего 19 новокрещеным татарам: Ивану Танаеву (32 алтына 3 деньги), Ивану Наралееву (22 алтына 3 деньга), Ивану Исупову (20 алтын), Ивану Гордееву (25 алтын), Денису Евгостееву (22 алтына 3 деньга), Гаврилу Охкобякову (25 алтын), Данилу Булатову (15 алтын), Михайлу Орину (27 алтын 3 деньга), Миките Максutowу (32 алтына 3 деньга), Христофору Иванову (20 алтын), Василью Кангилдееву (25 алтын), Миките Анисимову (10 алтын), Ивану Девлетеву (20 алтын), Льву Агисшеву (20 алтын), а также поместным Андрею Алисину, Павлу Алебердееву, Якову Кудашеву, Данилу Секизову, Богдану Иванову, Челенею Уланову (по полтине на человека).

с другими новгородскими служилыми людьми и со шведами участвовали в неудачной для себя осаде Тихвина монастыря. После столкновения под Бронницами с московской армией князя Д. Т. Трубецкого летом 1614 г. новгородские татары не перешли на сторону Москвы.

Кормовые татары Василий Кангильдеев и Никита Максutow летом 1614 г. подали челобитную с целью получить поместья новгородских детей боярских Софонтия Оклячиева и Ивана Дементьева, перешедших в полки осаждавшего Новгород князя Д. Т. Трубецкого. В челобитной татары писали: «...а нас, государь, холопей твоих, посылают на службу в Порхов... а жены и детишка наши остаются, есть и пить нечего». В записных книгах 1606–1607 гг. оклад челобитчиков был записан следующим образом: «новокрещены, которые сидели в Твери в тюрьме за Васильем Хангилдеевым с товарищи велено за человеком по двести четей учинити, и в которой пятине кто приищет» [RA, NOA. Ser. 2 : 25]. У прибывших из Твери всего за несколько лет до взятия Новгорода шведами татар-новокрещенных действительно в Новгороде были жены (возможно, и дети): известны жена Никиты Максutowа Мария⁴ и жена Василия Кангильдеева Хавронья⁵. Сами тверские татары наверняка имели отношение ко двору царя Семиона Бекбулатовича, распущенному в 1587 г. [Беляков, с. 288].

После событий июня 1615 г. в Новгороде новгородские татары были принуждены к присяге королю Густаву Адольфу. Поп Федор, вышедший в Тихвин к послам князьям Д. И. Мезецкому и А. И. Зюзину вместе с княгиней Агафьей Одоевской, показывал на допросе:

...Приказывали... новокрещены Иван Муралеев да Иван Тонаев с товарищи, дватцать шесть человек, которые целовали свейскому королю крест, а татарове шертовали неволею, что де после того целованья целовали они, новокрещены, крест, а тотаровя верились по своей вере, что им служити и во всем прямити царскому величеству, свейского де короля в подданстве быти не хотят [РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 6. Л. 205].

В 1615 г. новгородские татары участвовали в осаде Пскова королем Густавом Адольфом. Отряд татар, по сообщениям лазутчиков, посланных из посольского стана на Песках, возглавил Никита Калитин, «а Микита де Калитин у короля думной дворянин и ныне пошел х королю подо Псков, а с ним в полку тотаровя всего 25 человек» [Там же. 1615. Д. 10. Л. 312–316].

Массовый переход татар на московскую сторону под Тихвином произошел в самом начале 1616 г. 16 марта 1616 г. 12 новгородских «татар и новокрещен» были пожалованы сукном за «новгородский выход». Это была половина тех, кто полугодом ранее присягнули королю

⁴ 21 июня 1613 г. она «искала на посадском человеке» Трешке Хлебнике 1 руб. за серги [RA, NOA. Ser. 1 : 64. P. 101].

⁵ 17 сентября 1613 г. ей в числе других 21 жен, сестер и матерей служилых татар и новокрещенных был выдан государев хлеб, так как ее муж находился на государственной службе под Тихвином [RA, NOA. Ser. 1 : 46. P. 9–10].

Густаву Адольфу⁶. Остальные либо исчезли со страниц источников, либо оказались королевскими подданными.

После Столбовского мира новгородские татары разделились: часть из них отъехала на московскую сторону, как Иван Танаев и его товарищ Гаврило Охкобяков (Кобяков), а часть осталась на службе шведскому королю. Танаев и Охкобяков уже летом 1617 г. били челом о вспомоществовании, утверждая, что перед передачей Новгорода Москве они

...покиня в Новгороде жон своих и детеи со всеми животы и после де их неметцкие люди жон их и детеи мучили на пытках огнем жгли животы их все поимали и хотели жон их и детеи свесть съ собою в свою Немецкую землю на поруганье [СПБИА. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 68 об.–70].

Катастрофические события Смуты привели, во-первых, к мобилизации поместных дач татар и новокрещенов, до Смуты располагавшихся компактно в бывших дворцовых волостях; значительная часть татар перешла на положение кормовых. Источники разрядного и поместного делопроизводства более не содержат указаний на происхождение служилых людей – татар из разных групп, преимущественно мусульманских, переселенных на Северо-Запад двумя поколениями раньше. Так, вместо более чем 50 помещиков-новокрещенов, известных в волости Удомле в 1590-е гг., в 1625 г. насчитывалось всего восемь человек⁷ (это была самая крупная компактная группа татар-помещиков). В Суглицкой волости к 1618 г. все поместья суглицких татар оказались розданы помещикам Кулибакиным, Нарбековым и Ушаковым [РГАДА. Ф. 1209. Д. 16974. Л. 1–4 об.]. То же произошло и в Деревской пятине. В Полоновском погосте поместье Ондогул-мурзы Маметева (включая сохранившуюся усадьбу) было передано губному старосте Афанасию Ежевскому [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 968. Л. 413 об.]. Несколько татар сохранили поместья в Шелонской пятине⁸.

⁶ «...новгородским выходцом новокрещеном Ивану Тонаеву да Ивану Гордееву да Гаврилу Кобякову да князь Якову Кудашеву да Василью Кангельдееву да Максиму да Елисею Тонаевым да новгородскому тотарину Досаю Колбекову да юртовским тотаром новокрещену Богдану Исаеву да татаром Семену Ондрееву да Кулашу Магмахколову по 6 аршин сукна еренку червчатого и лазоревого цена всем по 1 рублю по 16 алтын по 4 деньги портище... А пожаловал государь их за новгородской выход» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 279–125. Л. 199 об.–200].

⁷ Братья Алексей и Иев Фомины дети Аракчеева (получили отцовское поместье в 1619–1620 гг.), Кондратий Денисов сын Загашев (получил в 1620–1621 г. поместья Гурия Сюндюкова и Мурата Чарымова), Федор Иванов сын Мамзеяров (получил в 1622–1623 гг. поместье Федора Тахтамышева), Афанасий Иванов сын Рыков (получил отцовское поместье в 1625–1626 гг.), Тимофей Михайлов сын Бигилдеев (получил в 1619–1620 гг. поместье говейского казака Андрея Григорьева сына Буракова), Роман Андреев сын Ерманов (получил поместье в 1622–1623 гг.), Григорий Павлов сын Менделеев (получил поместье Василия Ясенева в 1624–1625 гг.), Иван Андреев сын Баигорин (получил отцовское поместье в 1620–1621 гг.) [РГАДА. Ф. 1209. Д. 750. Л. 92–92 об., 97–97 об., 100 об., 103–103 об., 105, 110, 112 об., 114 об.].

⁸ В Логовещком погосте в 1625–1626 гг. получил отцовское поместье Федор Данилов сын Секизов [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800. Л. 168].

Документы Разрядного делопроизводства после Смуты идут по пути упрощения системы служилых чинов. Указания на то, что тот или иной служилый человек «новокрещен» или «татарин», в десятнях сохраняются, но спорадически. В структуре десятен этот чин не выделяется в особую группу. Это же касается и других низовых новгородских чинов, таких как своеземцы.

Разумеется, можно говорить не только о физической гибели татар и новокрещенов в Смуту, но и 1) о десоциализации – уходе во дворы более успешных служилых людей и 2) о перемещении в другие уезды Московского государства. Один из примеров этому содержится в расспросных речах холопа переводчика Прокофия Вражского, вышедшего из плена в 1623 г. Татарин по происхождению, Логин Иванов показал в патриаршем Дворцовом приказе, что родился в Новгородском уезде, во дворе у новгородских татар Яныша и Уразлея Утешевых. В Смуту («в разоренье») он был взят в плен, вывезен в Тульский уезд и продан там касимовскому мурзе Уразлею, от которого бежал на запад, в село Яковцово Стародубского уезда. Видимо, еще до продажи мурзе Уразлею он был крещен «никольским попом на Клину» на Оке [РИБ. Т. 2. 1875. Д. 166. Ст. 597–668].

Как, вероятно, и другие представители разоренных низовых чинов Новгорода Великого, новгородские татары находили службу во дворах «сильных людей». Новгородский «новокрещен» Осип Сергеев сын Салтанов, видимо, в 1620-е гг. поступил на службу приказчиком вотчины князя Ивана Пожарского с центром в селе Рахин Мост. Его сын Андрей в 1650 г. был назван уже «человеком», то есть холопом князя Ивана [Мятежное время, с. 91–97].

Потерявшие в Смуту поместья татары и новокрещены преимущественно верстались кормом и оседали в городе. В первые месяцы после возвращения из Новгорода Иван Евнулетев просил царя о даче корма ему с женой и детьми, указывая на то, что его товарищам (Гаврилу Кобякову и другим) таковой корм выдается [СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 63–64]. Того же в июле 1617 г. добился другой новокрещен Григорий Кондратьев (с матерью и братом) [Там же. Л. 62 об.–63]. Лишь немногие новгородские татары получили поместья после Смуты (Кобяковы, Танеевы).

Появление в Новгороде группы кормовых татар, по всей вероятности, послужило указанием для разрядных дьяков увеличивать эту группу за счет родственных, как им казалось, групп из соседних городов. В июне 1617 г. «кормовые татарове Ахмамет Алманеев, Иван да Бурундук Нешхелевы, Ашмамет Ахметев» были переведены в Новгород из Вологды [СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 61 об.–62]. По наблюдениям Т. А. Опариной и С. П. Орленко, в 1621 г. Новгород из Москвы отправили пленных азовских, ногайских и крымских татар, в последующие годы подававших челобитные о крещении в надежде на освобождение [Опарина, Орленко, с. 37].

В Пскове до Смуты среди помещиков татар и новокрещенов не было. В 1620-е гг. структура псковского служилого города усложняется: туда переводится на корм отряд из 24 новгородских служилых татар, лишившихся поместий. Прежде «по литовским вестям» этот отряд служил на тех же условиях корма в Торопце. В царском указе псковским властям о раздаче денежного жалованья этому отряду особенно подчеркивалось, что выдача денег должна производиться только лично (а не заочно), дабы не допустить получения жалованья на «на выбылых и на мертвых»; запрещалось и «прибирать» новых новокрещенов в этот отряд [ОР РНБ. Ф. 120 (Акты Бычкова). Псковские акты. Т. 1. № 5. Л. 19–22].

Таким образом, после окончания Смуты новгородские татары и новокрещены сохранялись как особый чин, относящийся к низам служилого города. Их служба в это время – преимущественно в гонцах, «в осаде», в приставах. Поместные татары (в Удомле, в Шелонской пятине) постепенно сливались с городскими дворянами и детьми боярскими. В переписных книгах 1646 г. и более поздних, в другой поместно-вотчинной документации принадлежность новгородских помещиков татарского происхождения к татарам и новокрещенам почти никогда не отмечалась, так как раздачи дворцовых волостей в это время прекратились. В это время с точки зрения логики приказного учета служилых людей и исчез смысл указания на татарское происхождение предков помещиков. В качестве особой группы новгородских служилых людей сохранялись только не имевшие поместных дач новгородские кормовые татары. По всей вероятности, ближе всего они были к служилым людям по прибору, новгородским казакам и стрельцам (в среде которых в течение XVII в. также наблюдается наследование детьми отцовского чина). К 1675 г. число новгородских татар и новокрещенов также исчислялось несколькими десятками. Но в этой категории во второй половине XVII в. учитывались только кормовые, то есть не имевшие поместья татары⁹. Таким образом, чин «новгородские татары и новокрещены» сохранялся к тому времени только в разрядной документации, исчезнув из практики Поместного приказа. Вплоть до 1699 г. эта категория учитывалась в сметных росписях Новгорода. Согласно переписной книге Великого Новгорода 1678 г., новгородские татары не жили компактной группой (наподобие слободы), но в значительном числе селились бок о бок со служилыми казаками – «беломестцами на тяглых местах» [Писцовые и переписные книги Новгорода Великого, с. 127, 129 и др.].

Чем же были новгородские служилые татары, особой социальной группой или бюрократически выделяемой категорией – чином? Относящиеся к эпохе Смуты вышеприведенные примеры, пожалуй, говорят о социальной самоидентификации. Она была связана, с одной стороны, с сохранением частью новгородских татар ислама, а возможно, и языка. После Смуты наблюдаются те же процессы, которые фиксиру-

⁹ В описи Новгорода 1675 г. записано: «...новокрещенов кормовых и черкасов, которые живут в Новгороде дворами своими, 29 человек» [Новгород Великий в XVII в., с. 152].

ются в течение XVI в., когда испомещенные в Новгородской земле «на общих основаниях» татарского происхождения служилые люди так же на общих основаниях попадали в десятни и не выступали в качестве особого чина. Построения о социальном многообразии новгородского (или какого-то еще) общества базируются на данных московской деловой письменности. Преимущественно речь идет о памятниках, созданных в Поместном приказе и Разряде. Эти старейшие учреждения московской системы управления создавали чины, реагируя на вызов многообразия земель и уездов, объединенных в Московском царстве. Насколько создававшиеся дьяками бюрократические категории соответствовали реальным различиям в социальных отношениях, иными словами – насколько границы между дискретными чинами были границами социальными? Полагаю, что ответ на такой вопрос можно попытаться дать только путем привлечения источников такого рода, о котором говорилось выше: это крайне редко сохранившаяся частная переписка, изветные челобитные, материалы следственных дел, словом, те памятники, которые не связаны с намеренным приказным разделением общества, прежде всего служилого, на чины.

Список литературы

Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества : в 1 ч. М. : Университет. тип., 1898. Ч. 1. 416 с. (Акты Юшкова).

Аракчеев В. А. Утраченный указ 1582 г. об испомещении «детей боярских немецких городов» и его реализация // Феодальная Россия : Новые исследования. СПб. : Третья Россия, 1993. С. 38–42.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : Просопографическое исследование. Рязань : Рязань. Мир, 2011. 512 с.

Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 375 с.

«Мятежное время» : Следственное дело о новгородском восстании 1650 года. СПб. ; Кишинев : Нестор-История, 2001. 502 с.

Новгород Великий в XVII в. : Документы по истории градостроительства. М. : Ин-т истории Акад. наук СССР, 1990. 316 с.

Опарина Т. А., Орленко С. П. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещеных иноземцев» // Отеч. ист. 2005. № 1. С. 22–39.

ОР РНБ. Ф. 120 (Акты Бычкова). Псковские акты. Т. 1. № 5.

Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 685 с.

Писцовые книги Новгородской земли. М. : Древлехранилище, 2004. Т. 4. Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. 805 с.

РГАДА. Ф. 96 (1615). Д. 10; Ф. 96 (1616). Д. 6; Ф. 210. Оп. 4. Д. 122; Ф. 396. Оп. 2. Кн. 279–125; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 750, 800, 958, 968; Ф. 1209. Оп. 3. Д. 16954, 16974, 17139.

РИБ. СПб. : Тип. братьев Пантелеевых, 1875. Т. 2. 1228 стб.

Селин А. А. Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле : формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 93–110. DOI 10.15826/qr.2016.3.177.

Селин А. А. Приезд принца Ганса Датского в Московское государство и Новгородский служилый город в 1602 г. // *Единорогъ* : Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 3. М. : Фонд «Русские витязи», 2014. С. 278–349.

СПБИБИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17.

RA, NOA. Ser. 1 : 46, 1 : 64, 2 : 25, 2 : 172B, 2 : 186, 2 : 193B, 2 : 288.

References

Akty XIII–XVII vv., predstavlennye v Razryadnyi prikaz predstavitel'yami sluzhilykh familii posle otmeny mestnichestva v 1 ch. [Acts of the 13th–17th Centuries Provided to the Razryad Chancellery by the Representatives of Service Families after the Abolition of Mestnichestvo. 1 Part]. (1898). Moscow, Universitetskaya tipografiya. Part 1. 416 p.

Arakcheev, V. A. (1993). Utrachennyy ukaz 1582 g. ob ispomeshchenii “detei boyarskikh nemetskikh gorodov” i ego realizatsiya [The Lost Order of 1582 on Giving Estates to the Boyar Sons from “German Cities” and Its Implementation]. In *Feodal'naya Rossiya. Novye issledovaniya*. St Petersburg, Izdatel'stvo “Tret'ya Rossiya”, pp. 38–42.

Belyakov, A. V. (2011). *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov. Prosopograficheskoe issledovanie* [The Chingisides in 16th- and 17th-Century Russia. A Prosopographical Study]. Ryazan, Izdatel'stvo “Ryazan’ Mir”. 512 p.

Bernadsky, V. N. (1961). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV veke* [Novgorod and the Novgorod Lands in the 15th Century]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 375 p.

“Myatezhnoe vremya”. *Sledstvennoe delo o novgorodskom vosstanii 1650 goda* [“Seditious Epoch”. Investigation on the Uprising in Novgorod, 1650]. (2001). St Petersburg, Kishinev, Nestor-Istoriya. 502 p.

Novgorod Velikii v XVII v. Dokumenty po istorii gradostroitel'stva [Novgorod the Great in the 17th Century. Documents on Urban History]. (1990). Moscow, Institut istorii Akademii nauk SSSR. 316 p.

Oparina, T. A., Orlenko, S. P. (2005). Ukazy 1627 i 1652 godov protiv “nekreshchennykh inozemtsev” [The Orders of 1627 and 1652 against “Unbaptised Foreigners”]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 1, pp. 22–39.

OR RNB [Manuscript Department, National Library of Russia]. Stock 120 (Akty Bychkova). Pskovskie akty. Vol. 1. No. 5.

Pistsovye i perepisnye knigi Novgoroda Velikogo XVII – nachala XVIII v. [Land Record and Population Record Books of Novgorod the Great, 17th – Early 18th Centuries]. (2003). St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 685 p.

Pistsovye knigi Novgorodskoi zemli [Land Record Books of the Novgorod Lands]. (2004). Moscow, Drevlekhranilishche. Vol. 4. Pistsovye knigi Derevskoi pyatiny 1530–1540-kh gg. 805 p.

RA, NOA. Ser. 1 : 46, 1 : 64, 2 : 25, 2 : 172B, 2 : 186, 2 : 193B, 2 : 288.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 96 (1615). Dos. 10; Stock 96 (1616). Dos. 6; Stock 210. List 4. Dos. 122; Stock 396. List 2. Book 279–125; Stock 1209. List 1. Dos. 750, 800, 958, 968; Stock 1209. List 3. Dos. 16954, 16974, 17139.

RIB [Russian Historical Library]. (1875). St Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh. Vol. 2. 1228 stb.

Selin, A. A. (2014). Priezd printsa Gansa Datskogo v Moskovskoe gosudarstvo i Novgorodskii sluzhilyi gorod v 1602 g. [The Arrival of Prince Hans of Denmark to Muscovy and the Novgorod Servicemen Corporation in 1602]. In *Edinorog”. Materialy po voennoi istorii Vostochnoi Evropy*. Iss. 3. Moscow, Fond “Russkie vityazi”, pp. 278–349.

Selin, A. A. (2016). Tatars-musul'mane i novokreshchenny v Novgorodskoi zemle: formirovanie i funktsionirovanie maloi sotsial'noi gruppy (konets XVI – nachalo XVII v.) [Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Functioning of a Minor Social Group in the Late 16th and Early 17th Centuries]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 3, pp. 93–110. DOI 10.15826/qr.2016.3.177.

SPbII [Archives of St Petersburg Institute for Russian History, RAS]. Collection 2. List 1. Dos. 17.

The article was submitted on 17.02.2018

СУДЬБЫ РОДОВОГО ВОТЧИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.*

Андрей Павлов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

DESTINIES OF OLD FAMILY LANDS IN THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY

Andrei Pavlov

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article considers the peculiarities of the old family lands of the boyar elite in the first half of the 17th century. Despite the fact that many princes and boyars owned vast old family lands (the princes Shuysky, Romodanovsky, Pozharsky, Lykov, Repnin, Troekurov, Sitsky, Prozorovsky, and Bakhteyarov-Rostovsky, as well as the most prominent representatives of the old Moscow untitled boyars, such as the Romanovs, Sheremetevs, Morozovs, and Saltykovs), the history of these properties is not as transparent as many researchers believe. The author demonstrates that in the 17th century, most princes and boyars continued to own these legacies not only due to the principle of natural inheritance but also because they came into possession of lands they had lost in the 16th century during the Time of Troubles and the reign of Mikhail Fyodorovich. These returns were not a general rule and did not apply to most of the service class. As a rule, old family lands were only returned to the most prominent boyars and courtiers as special grants for their services or because of their position at court. Among the people granted old family lands which they had lost under Tsar Mikhail Fyodorovich in the 16th century (including the lands of distant relations), there were royal family members, favourites and the most prominent boyars (Ivan Nikitich Romanov, Fyodor Ivanovich Sheremetev, Prince Boris Mikhailovich Lykov, Prince Boris Alexandrovich Repnin, Prince Dmitry Mikhailovich Pozharsky, Prince Ivan Ivanovich Shuysky, the Romodanovsky, Prozorovsky, Sitsky, Tro-

* *Citation:* Pavlov, A. (2018). Destinies of Old Family Lands in the First Half of the 17th Century. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 955–971. DOI 10.15826/qr.2018.4.339.

Цитирование: Павлов А. Destinies of Old Family Lands in the First Half of the 17th Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 955–971. DOI 10.15826/qr.2018.4.339 / Павлов А. Судьбы родового вотчинного землевладения в первой половине XVII в. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 955–971. DOI 10.15826/qr.2018.4.339.

ekurov, and Bakhteyarov-Rostovsky princes, and the old Moscow untitled boyars Morozov, Saltykov, Golovin, and Dolmatov-Karpov). Most of the other noble families either completely lost or owned insignificant remnants of their old family lands. Thus, even possession of such lands in the 17th century became a reward, which led to the increased dependence of the boyar elite on the monarchy.

Keywords: Time of Troubles; Mikhail Romanov; *votchina*; old family lands; grants; boyar elite.

Статья посвящена изучению особенностей родового вотчинного землевладения боярской элиты в первой половине XVII в. Несмотря на то, что многие представители знатных княжеско-боярских родов продолжали владеть крупными родовыми вотчинами и в XVII в. (князья Шуйские, Ромодановские, Пожарские, Лыковы, Репнины, Троекуровы, Сицкие, Прозоровские, Бахтеяровы-Ростовские и др., а также виднейшие представители старомосковского нетитулованного боярства – Романовы, Шереметевы, Морозовы, Салтыковы и др.), история родовой боярской вотчины не была столь благополучной, как считают многие исследователи. Автор показывает, что многие князья и бояре владели родовыми и старинными вотчинами в XVII в. не только и не столько по принципу естественного родового наследования, сколько благодаря возвратам им утраченных в XVI в. вотчин в годы Смуты и в царствование Михаила Федоровича. Эти возвраты не были общим правилом и не затрагивали основную часть служилых людей. Родовые вотчины возвращались, как правило, лишь наиболее видным боярам и придворным в качестве особых пожалований за служебные заслуги и в силу близости ко двору. Среди лиц, пожалованных утраченными в XVI в. родовыми вотчинами (в том числе вотчинами довольно дальних сородичей) при царе Михаиле Федоровиче, мы видим царских родственников, фаворитов и наиболее видных бояр – Ивана Никитича Романова, Федора Ивановича Шереметева, князя Бориса Михайловича Лыкова, князя Бориса Александровича Репнина, князя Дмитрия Михайловича Пожарского, князя Ивана Ивановича Шуйского, князей Ромодановских, Прозоровских, Сицких, Троекуровых, Бахтеяровых-Ростовских и представителей старомосковских нетитулованных боярских родов – Морозовых, Салтыковых, Головиных, Долматовых-Карповых. Большинство же других служилых родов либо полностью утратили свои родовые вотчины, либо владели их незначительными остатками. Таким образом, даже владение родовой вотчиной в XVII в. в значительной мере становилось фактом пожалования, что приводило к усилению зависимости боярской элиты от верховной власти.

Ключевые слова: Смутное время; Михаил Романов; вотчинное землевладение; старые родовые земли; пожалования; боярская элита.

В литературе распространено мнение о том, что старая родовая княжеско-боярская знать, пережив разорение опричнины и Смутного времени, в значительной мере сохранила старинные крупные земельные владения (в том числе родовые вотчины) и благодаря это-

му оставалась высшим окружением первых Романовых [Шватченко, с. 138; Кобрин, с. 157–158]. Действительно, в писцовых книгах и других источниках рассматриваемого времени встречаем родовые вотчины (порой довольно крупные) «княжат» Северо-Восточной Руси (Шуйских, Ромодановских, Пожарских, Лыковых, Репниных, Троекуровых, Сицких, Прозоровских, Бахтеяровых-Ростовских и др.) и виднейших представителей старомосковского нетитулованного боярства (Романовых, Шереметевых, Морозовых, Салтыковых и др.). На первый взгляд, вырисовывается картина благополучного сохранения представителями княжеско-боярской знати и в XVII в. своих старинных родовых владений. Однако история их родового вотчинного землевладения была значительно сложнее, и многие князья и бояре владели родовыми и старинными вотчинами в XVII в. не только и не столько по принципу естественного родового наследования, сколько благодаря возвратам им утраченных в XVI в. вотчин правительствами Смутного времени и царя Михаила Романова (причем в ряде случаев не прямых отцовских и дедовских, а вотчин довольно дальних сородичей).

Так, основную часть родовых владений Б. М. Лыкова составляли не «прародительские» вотчины, а пожалованные ему при царе Василии выморочные вотчины князя Ивана Ивановича Курлятева (ум. ок. 1606–1607) в Оболенском – с. Казариново с деревнями и пустошами, 583 четв. [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 325. Л. 6–18], и в Боровском – с. Боболи-Алтухово с деревнями и пустошами, 257 четв. [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10326. Л. 436; Боровский уезд в XVII веке, с. 89–90]. Передача Б. М. Лыкову вотчин И. И. Курлятева (принадлежавшего к другой, старшей линии рода князей Оболенских) рассматривалась как особое государево пожалование, которое было произведено не только «по родству», но и «за службы» [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 325. Л. 18 об.; Там же. Кн. 10326. Л. 436]. При царе Василии Б. М. Лыков добился также возвращения ему старинной (приданой?) дедовской вотчины в Тверском у. (с. Степурино в Микулинском (Юрьевском) стане)¹. В 1630-х гг. в качестве особой царской милости близкий к семье Романовых боярин князь Б. М. Лыков получил право на выкуп из Бо-

¹ Согласно писцовым книгам Тверского у. 1620-х гг., с. Степурино прежде было в вотчине за Тимофеем Васильевичем Борисовым; владел князь Лыков этой вотчиной по государевой (царя Василия) жалованной вотчинной грамоте 1608–1609 гг. и «по рядной записи 68-го (1559–1560) году» [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 875. Л. 42–46 об.; Там же. Кн. 16081. Л. 34; Там же. Кн. 467. Л. 93 об.]. В дозорной книге Тверского у. 1551–1554 гг., являвшейся приправочной для писцов 1620-х гг., с. Степурино действительно значится в вотчине за Тимофеем Васильевичем Борисовым, а затем за его вдовой и сыновьями Григорием и Иваном; последние, как указано в дозорной книге 1551–1554 гг., служили князю Владимиру Андреевичу Старицкому [Писцовые материалы Тверского уезда, с. 243–244]. Князю Владимиру Старицкому, как известно, служил дед Б. М. Лыкова князь Юрий Васильевич Чаплин Лыков [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 479–480; Веселовский, 1963, с. 166]. Вероятно, в 1559–1560 г. с. Степурино перешло от Борисовых «по рядной» князю Ю. В. Лыкову (их зяту?). Однако в дальнейшем эта вотчина была утрачена князьями Лыковыми – в писцовой книге 1580 г. Степурино упоминается за Панкратием Яковлевичем Салтыковым [Писцовые материалы Тверского уезда, с. 419]. При царе Василии в 1608–1609 гг. Б. М. Лыков, очевидно, добился возвращения ему этой дедовской вотчины.

ровского Пафнутьева и Троице-Сергиева монастырей вотчин своего сородича князя Дмитрия Михайловича Кашина-Оболенского (последнего представителя рода Кашиных, умершего в 1632 г.) в Оболенском у. [ЗВК, с. 205, 625–626; Вкладная книга, с. 59–60; Черкасова, с. 100].

Стремительно возвысившийся при дворе царя Михаила в конце 30-х – начале 40-х гг. XVII в. князь Борис Александрович Репнин-Оболенский в качестве особого царского пожалования в 1641 г. получил крупную родовую вотчину своего дальнего давно умершего сородича князя Д. И. Немого-Оболенского [AGAD, Zb. Doc. reg., nr. 8767]² (см. также: [РГАДА. Ф. 233. Кн. 670. Л. 225; Там же. Ф. 1209. Кн. 325. Л. 197 об., 217 об.]), а в 1643 г. в знак особой царской милости и право выкупить из Троице-Сергиева монастыря весьма крупную оболенскую вотчину своего «прадеда» князя И. Ф. Овчинина-Оболенского (с. Овчинино Новое с пустошами в Оболенском у., всего 1697 четв.), которая была дана в монастырь вдовой И. Ф. Овчинина еще в 1559–1560 г., а также вотчину своего отца князя А. А. Репнина, данную в монастырь в 1574–1575 г. [AGAD, Zb. Doc. reg., nr. 8768; РГАДА. Ф. 233. Кн. 670. Л. 315 об.]. В знак особой царской милости Б. А. Репнину и его брату Петру в 1637 г. были пожалованы вотчины (в том числе родовые в Оболенском у.) их сородича князя В. И. Туренина, последнего представителя пресекшегося в начале 1630-х гг. рода Турениных-Оболенских [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 412; AGAD, Zb. Doc. reg., nr. 8764; РГАДА. Ф. 233. № 797. Л. 24]. Братьям Б. А. и П. А. Репниным были пожалованы при царе Михаиле старинные вотчины их сородичей и в других уездах – в Оглоблинской вол. Коломенского у. они получили бывшую вотчину вдовы князя Михаила Петровича Репнина, их троюродного деда [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 204. Л. 134–138; ПКМГ, ч. 1, отд. 1, с. 514]. В результате именно за счет новых пожалований им удалось многократно увеличить размеры своего родового землевладения и выдвинуться в число крупных родовых землевладельцев.

В числе крупнейших владельцев родовых вотчин рассматриваемого времени выступали князья Ромодановские-Стародубские, за которыми, согласно писцовой книге 1628–1630 гг., числилось в общей сложности почти пять тысяч (4 845) четв. вотчинной земли в родовом Стародубском у. [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11320. Л. 1092–1162]. Большую часть этих владений составляло с. Петровское-Пазухино (всего с деревнями и пустошами около 2 800 четв. земли), которое было пожаловано Ромодановским (очевидно, князьям Григорию Петровичу и его племяннику Ивану Ивановичу Ромодановским) при царе Василии в 1609–1610 г. [Там же. Л. 1123, 1129]. В писцовой книге 1628–1630 гг. указано, что с. Петровское-Пазухино прежде было в вотчине за князем Михаилом Юрьевичем Ромодановским [Там же. Л. 1149]. Князь М. Ю. Ромодановский-Норков не был близким родственником

² Вотчинные грамоты Репниных, хранящиеся в Главном архиве древних актов (AGAD) в Варшаве, любезно предоставлены нам профессором Варшавского университета Иеронимом Гралей.

князя Г. П. Ромодановского и его племянника И. И. Ромодановского (приходился Г. П. Ромодановскому двоюродным дядей). М. Ю. Ромодановский умер еще где-то в 40-х гг. XVI в., а его стародубская вотчина с. Петровское была тогда отписана на царя [Акты Российского государства, с. 467]. Пожалование князьям Г. П. и И. И. Ромодановским при царе Василии являлось скорее не возвращением им их родовой вотчины, а вознаграждением за верную службу, наподобие того как был пожалован царем Василием «по родству и за службу» выморочной вотчиной князей Курлятевых боярин князь Б. М. Лыков.

Значившиеся по писцовым книгам 1628–1630 гг. за князем Д. М. Пожарским родовые вотчины в Стародубе-Ряполовском в значительной мере являлись уже послесмутными приобретениями. По писцовой книге Стародубского у. 1628–1630 гг., за князем Д. М. Пожарским числилась «отца ево и деда родовая вотчина» с. Волосынино-Мугреево, приселок Могучей с деревнями, починками и пустошами, всего 609 четв. [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11320. Л. 1024–1050]. Однако Д. М. Пожарский владел этой вотчиной до Смуты не в полном объеме. Согласно духовному завещанию Д. М. Пожарского 1642 г., с. Могучее, бывшую вотчину своего дяди князя Федора Ивановича, он «взял из Спасского монастыря» и дал распоряжение сыновьям дать за эту вотчину в Спасо-Евфимьев монастырь 100 руб. [Эскин, с. 153]. Известно, что с. Могучее было в 1586–1587 г. дано в Спасо-Евфимьев монастырь вдовой князя Федора Ивановича Пожарского (сына князя Ивана Ивановича Меньшого Пожарского) княгиней Анастасией [Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, № 225, 148, с. 424–425, 294–295]. Пустошь Могучее находилась за монастырем еще в 1606 г. [Там же, № 263, с. 496]. Князю Д. М. Пожарскому были возвращены старинные вотчины в Коломенском у. (бывшая вотчина его деда по матери Федора Берсенева с. Марчукино, данная ему по грамоте 1622 г., а перед этим находившаяся в дворцовых селах) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 204. Л. 408; ПКМГ, ч. 1, отд. 1, с. 350, 351].

За князем Иваном Федоровичем Троекуровым в земляном списке 1613 г. значились «вотчины... старые отца его 930 четьи, да новые дачи, дано ему при боярех из Богдановских вотчин Бельского княж Федоровская вотчина Троекурова, 952 четьи» [ЧОИДР, 1895, кн. 1, отд. 1, с. 6], то есть значительная часть (более половины) старинных вотчин была возвращена Троекурову только «при боярех» (очевидно, за активное участие в земском освободительном движении³). При царе Михаиле Федоровиче князь И. Ф. Троекуров как близкий родственник семьи Романовых сумел сохранить за собой эту «боярскую» дачу⁴.

Благодаря службе в опричнине удалось к концу XVI в. сохранить свои родовые владения в Ярославском у. практически в полном объ-

³ О службе князя И. Ф. Троекурова в I и II ополчениях см.: [Любомиров, с. 295].

⁴ Князь И. Ф. Троекуров умер в 1621 г., а его родовые вотчины в Ярославле общим размером в 1 844 четв. в ярославских писцовых книгах 1627–1629 гг. значатся за его сыном Борисом [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 549. Л. 267 и далее].

еме князьям Сицким [Павлов, с. 153, 167–168]. В царствование Бориса Годунова Сицкие подверглись гонениям по делу Романовых, а их вотчины были конфискованы, но в годы Смуты возвращены в род. В земляном списке 1613 г. за представителями рода князей Сицких числилось в общей сложности 7 483 четв. старых вотчин, в основном это были их родовые вотчины в Верховском стане Ярославского у. [ЧОИДР, 1895, кн. 1, отд. 1, с. 12, 17]. В годы царствования Михаила Федоровича они расширяют свои владения в Верховском стане, в частности, князья А. Ю. и Ю. А. Сицкие добились пожалования им здесь крупных вотчинных владений – сел Мышкино и Березово-Серь, которыми в конце XVI в. владел их сородич боярин князь И. В. Сицкий, погибший вместе с женой и сыном во время годуновских гонений [РГАДА. Ф. 233. Кн. 670. Л. 318, 320; Там же. Ф. 233. Кн. 671. Л. 287].

Значительную часть родовых вотчин князей С. В. и М. В. Прозоровских в Верховском стане Ярославского у. наряду со старой отцовской вотчиной селом Прозорово, согласно жалованной вотчинной грамоте 1615 г. и писцовой книге 1628–1629 гг., составляли полученные ими в Смуту «при боярех» бывшие родовые вотчины давно умерших их дедов князей Василия и Никиты Ивановичей и Михаила Федоровича Прозоровских (с. Рождественское на р. Редме с деревнями и пустошами) [АСР, т. 4, № 524, с. 432–434; ОР РНБ. Ф. 4. № 529. Л. 1552–1567; ЧОИДР, 1895, кн. 1, отд. 1, с. 7].

Представляет интерес история владения родовой вотчиной князьями Бахтеяровыми-Ростовскими. В первый год царствования Михаила Федоровича (1613) князь Владимир Иванович и его сын Петр Бахтеяровы-Ростовские были пожалованы родовой вотчиной в Сотемском стане Ростовского у. – селами Приимковым и Никольским (всего 526 четв. земли). В жалованных грамотах от 17 мая и 7 июля, выданных Вл. И. и П. Вл. Бахтеяровым на эту вотчину на основании их челобитной, указывалось, что вотчина прежде принадлежала деду и отцу Вл. И. Бахтеярова князьям Федору Бахтеяру Приимкову-Ростовскому и Ивану Федоровичу Бахтеярову, которые при царе Иване IV подверглись опале и ссылке в «казанские городы»; их вотчина была конфискована и взята «во Дворец», а затем находилась в поместьях за разными лицами [Лихачев, с. 225, 226, 234, 243, 244, 274, 298, 302–304, 345]. Известно, что отец князя Вл. И. Бахтеярова Иван Федорович Бахтеяров-Ростовский действительно попал в опалу и был сослан в казанские пригороды. В 1564–1565 (7073) г. он упоминается на воеводстве в Чебоксарах; он оставался в ссылке в Казани (на воеводстве в Чебоксарах) и после отмены опалы казанским ссыльным 1 мая 1566 г., когда часть их была возвращена в Москву [РК 1475–1605, т. 2, ч. 1, с. 176, 178, 197; РК 1475–1598, с. 213, 214; Скрынников, с. 260]. В 1570–1571 г. князь И. Ф. Бахтеяров находился на воеводстве в Васильгороде, где его настигла новая опала; на него был наложен арест, а его имущество было конфисковано [РК 1475–1598, с. 241; РК 1475–1605, т. 2, ч. 2, с. 274; Скрынников,

с. 260]. Со времени опалы на И. Ф. Бахтеярова и конфискации его вотчины до ее возвращения его сыну и внуку прошло более 40 лет, и получить родовую вотчину отца и деда князя Вл. И. и П. Вл. Бахтеяровы смогли лишь в качестве особого государева пожалования. В своей челобитной царю Михаилу Федоровичу 1613 г. Вл. И. и П. В. Бахтеяровы добивались, чтобы государь их «пожаловал за их кровь и работу тое их родовую вотчину велел им дать» [Лихачев, с. 302]. Оспаривая права сородичей и других претендентов на владение селами Приемково и Никольское, вдова князя П. В. Бахтеярова княгиня Авдотья неизменно подчеркивала жалованный, выслуженный характер вотчины своего свекра и мужа (по ее словам, вотчина была дана им «за службу и за кровь», «вотчина... выслуженная кровавая мужа моего», «выслуга мужа моего кровная вотчина», «свекра ее за полонное терпение и за мужа ее службы и за кровь», «мужа ее выслуга» и т. д.) [Лихачев, с. 233, 236, 258, 339, 345]. Пожалование князьям Бахтеяровым вотчины, принадлежавшей ранее их предкам, было действительно обусловлено их служебными заслугами, в том числе перед царской семьей Романовых⁵.

В 1620 г. в Москву из польского плена вернулся князь Иван Иванович Шуйский, который был приближен ко двору царя Михаила и патриарха Филарета⁶. Осенью 1622 г. (в начале ноября) князь И. И. Шуйский женился на дочери боярина В. П. Морозова Марфе Васильевне [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 208. Л. 3 об., 14, 18], став свяком ближнего боярина князя И. Б. Черкасского, женившегося (в мае того же 1622 г.) на другой дочери В. П. Морозова Авдотье [Там же. № 207. Л. 378–386]. В значительной мере благодаря близости ко двору изавязыванию родственных связей в правящей придворной среде князю И. И. Шуйскому удалось вернуть в полном объеме принадлежавшие прежде ему и его братьям старинные родовые вотчины в Суздальском и других уездах. В январе 1624 г. лояльный и близкий ко двору князь получает от царя восемь жалованных грамот на родовые и старинные вотчины князей Шуйских – в Суздальском у. (в Матницком стане с. Парское; в Опольском станес. Ивановское-Кохмай Воскресенское), во Владимирском у. (с. Калитеево в Илмехотском стане), в Дмитровском у. (с. Даниловское-Никольское в Повельском стане), в Звенигородском у.

⁵ Князь Вл. И. Бахтеяров, посланный в 1604 г. царем Борисом Годуновым воевать Кумыцкую землю, в бою под Тарками был ранен и попал в плен; вернулся из плена уже в годы царствования Василия Шуйского [Тюменцев, с. 354, 355, 361]. Немаловажную роль при пожаловании князьям Бахтеяровым их старинной вотчины сыграло, очевидно, то обстоятельство, что Вл. И. Бахтеяров в 1613 г. входил в состав делегации от земского собора на Кострому к избранному собором на царство Михаилу Федоровичу [ДР, т. 1, стб. 17, 24, 30 и др.].

⁶ По-видимому, он пользовался расположением со стороны Филарета, который сочувствовал ему как человеку, страдавшему в польском плену. Характерно, что в 1620-х гг. наблюдается общая переоценка царствования Василия Шуйского и самой личности этого царя, который стал рассматриваться как жертва не только польской интервенции, но и внутренних заговоров [Вовина-Лебедева, с. 281–285].

(в Городском стане с. Раево, пустошь (сельцо) Симановское с пустошами), в Московском у. (в Манатыне, Быкове и Коровине стане с. Вельяминово, д. Семчино, пустошь Семеновская-Черницыно и другие деревни и пустоши), в Переяславском у. (в Борисоглебском стане с. Семеновское) и в Юрьев-Польском у. (в Опольском стане с. Железово – 398 четв.) [РГАДА. Ф. 233. Кн. 661. Л. 52 об.—53] (см. также: [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11320. Л. 486 и сл. ; Там же. Кн. 11317. Л. 1015, 1943 об.; Там же. Кн. 608. Л. 437; Там же. Кн. 627. Л. 61; Там же. Кн. 638. Л. 182; Там же. Кн. 9806. Л. 659–661; Там же. Кн. 812. Л. 945]). Всего, согласно жалованным грамотам данным писцовых книг 20–30-х гг. XVII в., ему принадлежало около 6 200 четв. старинных родовых вотчин. Это были все те вотчины, которыми он и его братья (сыновья князя И. А. Шуйского) владели накануне Смуты [Павлов, с. 163–164]. В дальнейшем в конце октября – начале ноября 1626 г. И. И. Шуйскому была дана по государеву указу на основании духовной вдовы царя Василия царицы-инокини Елены Петровны ее вотчина в Балахонской приписи Нижегородского у. (Белгородская вол., кроме Василевой слободы, остававшейся за царицей, всего 5214 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 293. Л. 1097–1170 об.; Ф. 233. Кн. 664. Л. 8]. Другая вотчина царицы Екатерины (Елены) Петровны, вдовы царя Василия Шуйского – сельцо Морево (Федново) в Кремчевской вол. Рузского у. (бывшая вотчина боярина князя Дмитрия Ивановича Шуйского) в марте 1626 г. (очевидно, по ее завещанию) была дана в пожизненное владение ее родному брату князю Юрию Петровичу Буйносову-Ростовскому. Но права на эту вотчину как «ближайший вотчич» сохранял князь И. И. Шуйский, который по своему устному завещанию 24 ноября 1637 г. передал их князю Ю. П. Буйносову, а последний окончательно закрепил за собой эту вотчину после смерти И. И. Шуйского в 1638 г. [ЗВК, с. 404]. После смерти княгини старицы Анисьи Петровны Скопиной-Шуйской, вдовы боярина князя В. Ф. Скопина-Шуйского (умерла в июле 1631 г.), к князю И. И. Шуйскому перешли родовые вотчины Скопиных-Шуйских в Опольском стане Суздальского у. – с. Ивановское на р. Увоти, 1645 четв. и с. Семеновское, 380 четв. [РГАДА. Ф. 1209. 11317. Л. 717– 717об.; ЗВК, с. 173; РГАДА. Ф. 233. Кн. 666. Л. 11, 12]. К И. И. Шуйскому перешла также старинная вотчина Скопиных-Шуйских в Манатыне стане Московского у. – сельцо Новосильцево на р. Клязьме. Княгиня Анисья Петровна Скопина-Шуйская заложила эту вотчину князю Д. М. Пожарскому, у которого в 1631 г. ее выкупил И. И. Шуйский [ЗВК, с. 1269; РГАДА. Ф. 233. Кн. 666. Л. 10 об.]. В царствование Михаила Федоровича князь И. И. Шуйский стал одним из крупнейших землевладельцев в государстве. По самым скромным подсчетам, за ним числилось около 14 тыс. четв. вотчинной и 1,6 тыс. четв. поместной земли. Основу его земельных богатств составляли возвращенные (пожалованные) ему родовые вотчины князей Шуйских, которыми они владели до «московского разорения».

В царствование Михаила Федоровича активно возвращаются старинные родовые владения царским родственникам и приближенным из старомосковских боярских родов.

За дядей царя Михаила боярином И. Н. Романовым в земляном списке 1613 г. числилось 4626 четв. старых вотчин [ЧОИДР, 1895, кн. 1, отд. 1, с. 1]. В писцовых книгах 20–30-х гг. XVII в. за ним значатся старинные вотчины в Московском у. (в Васильцове стане старинная отцовская вотчина с. Измайлово, 503 четв., и старинная вотчина, бывшая прежде за Протасием Васильевичем Юрьевым и перешедшая затем Никите Романовичу Юрьеву и его сыновьям, д. Бутыркина с пустошами, 146 четв.; в Манатыне стане – старинная отцовская вотчина с. Чашниково с деревнями, 681 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9806. Л. 617, 1060; Там же. Кн. 687. Л. 6 об.; ПКМГ, ч. 1, отд. 1, с. 2, 3, 176–178], в Коломенском у. (в Большом Микулине стане старая вотчина – села Ильинское и Микицкое, 1263 четв.; в Похрянском стане старая вотчина сельцо Карпово на р. Похрянке, 448 (423) четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 203. Л. 470 об.– 484 об.; Там же. Кн. 204. Л. 234–243], во Владимирском у. (в Колпском стане старинная родовая вотчина с. Заколпье, 3395 четв., и старинная вотчина в Опольском стане – с. Кишлеево, 248 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 608. Л. 250 об.; Там же. Кн. 72. Л. 241], в Юрьев-Польском у. (в Золоцком стане – старинная вотчина с. Лычево, 322 четв.; в Шуткине стане – старинная вотчина с. Смердово и с. Клины, 719 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 915. Л. 41 об., 294], в Боровском у. (в Вепрейской вол.) – старинная вотчина с. Карамышево, 1266 четв. [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10326. Л. 372; Боровский уезд в XVII веке, с. 25, 90], в Тверском у. (в Захожском стане) – старинная вотчина с. Тургиново с деревнями, 1117 четв. [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 871. Л. 65 об.; Там же. Кн. 467. Л. 11; Писцовые материалы Тверского уезда, с. 324, 342], а также укрепленные городки на юге страны, которые находились в вотчинном владении Романовых (за братьями И. Н. Романова Александром и Василием Никитичами) еще в XVI в. – в Лебедянском у. Романово городище с селами Сырское, Студенки Большие, Студенки Малые и Подгородское и деревнями (1020 и 325 четв., 164 и 84 дв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 229. Л. 205 и след.] и в Рязском у. г. Скопин с селами Вослеба, Келец, Вязовенки и деревнями [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 13329. Л. 678; Писцовые книги Рязанского края, т. 1, вып. 1, с. 152]. Всего по писцовым книгам за И. Н. Романовым числилось около 12 350 четв. старинных вотчинных земель в различных уездах; это были вотчины, принадлежавшие ему и его братьям до опалы на романовскую семью при Борисе Годунове в 1600 г. [Павлов, с. 190–191]. Большая часть этих вотчин была пожалована И. Н. Романову, очевидно, уже после 1613 г. (в земляном списке 1613 г., как мы видели, за ним числилось всего 4 626 четв. старых вотчин).

Благодаря возвратам-пожалованиям старинных родовых владений в годы Смуты и при царе Михаиле удалось существенно (по крайней мере, в полтора раза) увеличить объем старых вотчин

боярину Ф. И. Шереметеву, человеку, близкому к романовской семье. Если в 1604 г. он выставил в поход отряд из 60 всадников, то есть имел около 6 тыс. четв. вотчинной и поместной земли [Боярские списки, ч. 2, с. 44], то в земляном списке 1613 г. за ним значится уже 9214 четв. «вотчин старых и с тем, что ныне его государь пожаловал старую вотчиною дядей его» [ЧОИДР, 1895, кн. 1, отд. 1, с. 2]. Под «старую вотчиною дядей» в земляном списке подразумевалась, очевидно, бывшая вотчина Федора Васильевича Шереметева (дяди Ф. И. Шереметева) – с. Песочня Рязанского у. (916 четв.), розданная в поместья и пожалованная Ф. И. Шереметеву в 1610 г., а затем в 1613 г.⁷ В писцовой книге Московского у. 1623–1624 гг. за Ф. И. Шереметевым значилось в Васильцове стане сельцо Губино-Гирево, которое в приправочной дозорной книге 1573–1574 г. упоминается как вотчина Ф. В. Шереметева [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9806. Л. 1059; ПКМГ, ч. 1, отд. 1, с. 3]. Известно также, что при царе Михаиле в 1613 г. Ф. И. Шереметеву была возвращена старинная вотчина в Доблинском стане Московского у. (д. Иванисова в Доблинском стане), находившаяся до того в поместьях за разными лицами [РГАДА. Ф. 233. Кн. 666. Л. 2]. По данным писцовых книг 1620–1640-х гг., Ф. И. Шереметеву принадлежали старинные вотчины в Коломенском у. (в Большом Микулине стане – купленная вотчина отца с. Городище и с. Городна с деревнями, 1036 четв., в Песоченском стане – с. Мещериново, 450 четв., в Раменской вол. – купленная отцовская вотчина д. Кобяково, 98 четв.); все эти старинные вотчины значились в коломенских писцовых приправочных книгах 1587/88 г. за юным тогда Ф. И. Шереметевым вместе с матерью Домной) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 202. Л. 683; Там же. Кн. 203. Л. 602; Там же. Кн. 204. Л. 405; ПКМГ, ч. 1, отд. 1, с. 384, 481, 531; Барсуков, кн. 3, с. 499], во Владимирском у. (в Сенежском стане старинная вотчина сельцо Слобода, принадлежавшая еще деду Ф. И. Шереметева Василию Андреевичу Шереметеву; в том же стане находились и старые купленные вотчины Ф. И. Шереметева; всего в Сенежском стане за ним числилось сельцо с 26 деревнями и 10 пустошами, 903 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 608. Л. 358–367 об.], в Рязанском у. (в Каменском стане (Пронском у.) –

⁷ Владение Шереметевыми с. Песочня (значится в писцовых книгах как «купленная вотчина») имело длительную и непростую историю – оно было выкуплено И. В. Большим Шереметевым, после его пострижения перешло к брату И. В. Меньшому (отцу Ф. И. Шереметева), а затем было отписано Иваном Грозным в дворцовые села. В 1578 г. оно было пожаловано за службу Федору Васильевичу Шереметеву, после опалы на которого и его пострижения в 1589/90 г. было отписано в дворцовые села, а затем пожаловано в вотчину боярину князю В. К. Черкасскому [Барсуков, кн. 1, с. 452; кн. 2, с. 228]. С. Песочня числилось за князем В. К. Черкасским в писцовой книге 1594–1597 гг. [Писцовые книги Рязанского края, т. 1, вып. 1, с. 35]. Селом (и его частями) в конце XVI – начале XVII в. владели и другие лица [АСЗ, т. 2, № 267, с. 239, 240; № 443, с. 377]. 19 февраля 1611 г. по указу «царя» Владислава оно было взято у Василия, Бориса и Ивана (Гавриловичей) Коробинных, которые владели им ранее, и отдано боярину Ф. И. Шереметеву [Сухотин, с. 82]. Права на владение вотчиной с. Песочня Ф. И. Шереметевым были подтверждены царем Михаилом. С. Большая Песочня в Окологородном стане Рязанского у. значится за Ф. И. Шереметевым в вотчине в писцовой книге 1628–1629 гг. [Писцовые книги Рязанского края, т. 1, вып. 2, с. 641].

старинная купля отца д. Перекладникова-Микитинская с деревнями и пустошами, 800 четв.; в Окологородном стане – старинная вотчина Шереметевых с. Песочня Большая, 916 четв.; в Перевицком стане старинная (1565–1566) отцовская купля – сельцо Аистово-Курово) [Писцовые книги Рязанского края, т. 1, вып. 3, с. 1296; т. 1, вып. 2, с. 641; ОР РНБ, СПбДА АИ/17. Л. 965–967; РГАДА. Ф. 233. № 672. Л. 450; ЗВК, с. 225–226, 1210; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 405. Л. 659–670 об.; Там же. Кн. 13329. Л. 798]; в Нижегородском у. (в Закудемском стане) – с. Кадницы и с. Меленки, 803 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 292. Л. 520; Там же. Кн. 7481. Л. 327], в Верейском у. (в Городском стане) – с. Годуново с деревнями, 610 четв.; вотчина была пожалована Ф. И. Шереметеву в 1592 г. из дворцовых земель царем Федором Ивановичем, очевидно, в качестве компенсации за какие-то взятые у него в казну вотчины [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11833. Л. 57–74; АСЗ, т. 1, с. 296; Павлов, с. 192], в Кашинском у. (в Дубенском стане – с. Нижнее на р. Сестре с деревнями, 167 четв.; в Мерецком стане – с. Брюхово с деревнями и пустошами, 206 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 173. Л. 677, 1239–1245; Там же. Ф. 281. № 6761, 6764, 6787], в Костромском у. (в Нерехотском стане Емецкой вол. – старая отцовская вотчина с. Борисоглебское-Емсна, всего 1228 четв.; в Хоруганове стане – купленная в 1597–1598 г. вотчина сельцо Яковлевское с деревнями, 249 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 210. Л. 862 об. – 879; Там же. Кн. 209. Л. 393], в Московском у. (в Васильцове стане) – старинная деда его вотчина с. Кусково и прикупленная к нему отцом Ф. И. Шереметева д. (сельцо) Вешняково, «а Найденово и Чурилово и Позняково тож», 136 четв., а также старинная вотчина Шереметевых сельцо Губино-Гирево, 73 четв.; в Жданском стане – меновная отцовская вотчина с. Васильево-Воскресенское на р. Медведке с деревнями и пустошами, 249 четв.; в Доблинском стане – д. Иванисово-Есипово с деревнями, 297 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9806. Л. 1051, 1059; Там же. Кн. 9807. Л. 141; Там же. Кн. 261. Л. 153–156; Там же. Ф. 233. № 666. Л. 2; ПКМГ, ч. 1, отд. 1, с. 2, 3; Барсуков. Кн. 3, с. 498, 502, 503; АСЗ, т. 3, с. 416–417].

Основная часть старинных родовых вотчин Бориса Ивановича Морозова была пожалована (возвращена) ему при царе Михаиле. Благодаря положению ближнего, «комнатного» человека (был комнатным стольником) Б. И. Морозов добивается возвращения ему (по жалованной вотчиной грамоте 1615–1616 гг.) крупных старинных вотчин в Галичском у., принадлежавших его деду боярину М. Я. Морозову, а после бывших в поместной раздаче – в стане Кушка (с. Вознесенское на р. Вексе с сельцом, деревнями и пустошами, 790 четв.), в Ликиургской вол. (д. Микулкино с деревнями и пустошами, 148 четв.) и в Чухломском и Усольском окологородье (сельцо Козинское с деревнями и пустошами, 243 четв.), всего около 1 180 четв. земли [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 93. Л. 31 об., 170, 453, 469; Там же. Кн. 7232. Л. 21 об., 99 об., 269 об.; Там же. Ф. 233. № 672. Л. 487 об.]. Вероятно, тогда же была пожалована (возвращена)

Б. И. Морозову и родовая отцовская и дедовская вотчина в Звенигородском у. Согласно писцовой книге 1624–1625 гг., Б. И. Морозов владел в Городском стане Звенигородского у. по государственной жалованной грамоте 1615–1616 гг. (грамотой того же года Морозов был пожалован родительской вотчиной в Галичском у.) старинной (родовой) отцовской и дедовской вотчиной – с. Павловским на р. Истре с д. Мельницы и другими, а также вотчиной – с. Покровским с деревнями, бывшей прежде (по приправочным книгам 1558–1560 гг.) за вдовой князя Дмитрия Семеновича Фуникова-Кемского княгиней Аксиной с сыном Семеном, а затем, вероятно, перешедшей деду или отцу Б. И. Морозова; всего в обеих вотчинах по писцовой книге 1624–1625 гг. числилось 623 четв. земли [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 638. Л. 196–202; Материалы для истории Звенигородского края, вып. 1, с. 26–30, 54; Веселовский, 1969, с. 198]. Братьям Б. И. и Г. И. Морозовым принадлежала также старинная родовая вотчина отца и деда в Горетове стане Московского у., (д. Лобанова, Черная Быстрь и Олешково с двумя пустошами, 98 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9806. Л. 121 об.]. В 1584–1586 гг. этой вотчиной владел их отец Иван Михайлович Меньшой Морозов [ПКМГ, ч. 1, отд. 1, с. 140]. В 1504 г. эти вотчинные деревни (Олешково, Черная Быстрь) упоминаются еще за прадедом Б. И. и Г. И. Морозовых Яковом Григорьевичем Поплевиным Морозовым [ДДГ, № 95, с. 381]. Трудно сказать, владел ли (сумел ли вернуть) И. М. Меньшой Морозов упомянутыми выше галичскими и звенигородскими родовыми вотчинами своего отца М. Я. Морозова, попавшего в опалу и казненно-го Иваном Грозным в 1573 г. И. М. Меньшой Морозов в боярском списке 1588–1589 г. значится стольником, в этой должности он участвовал в походе на шведов в 1589–1590 гг. [Боярские списки, ч. 1, с. 108; РК 1475–1598, с. 416], но после этого сведений о его службе мы не встречаем; очевидно, он вскоре умер. На момент смерти отца Борис и Глеб Ивановичи Морозовы были еще в совсем детском возрасте и не могли самостоятельно вступить во владение вотчинами. Б. И. Морозов упоминается на службе (как комнатный стольник) лишь с 1613 г. [РИБ, т. 9, с. 163 и др.].

Ближайшие родственники матери царя Михаила Б. М. и М. М. Салтыковы в первый год нового царствования в добавление к прежним вотчинам были пожалованы вотчинами их сородича (троюродного дяди) Михаила Глебовича Салтыкова [ЧОИДР, 1895, кн. 1, отд. 1, с. 3–4]. В писцовой книге Костромского у. 1627 и 1628–1631 гг. упоминаются бывшие вотчины М. Г. Салтыкова, находившиеся после него за Б. М. и М. М. Салтыковыми (с. Филиппово в Сорохотской вол. и д. Гаврецова с деревнями и пустошами в Нерехотской вол., всего 568 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 210. Л. 1071–1083, 1120, 1328 об.].

Подвергшиеся опале в период правления и царствования Бориса Годунова Головины были возвращены ко двору при Лжедмитрии I и пожалованы своими старыми вотчинами [Белокуров, с. 6].

Возвраты старинных родовых вотчин Головиным, находившимся в родственных отношениях с Романовыми⁸, продолжались и в годы царствования Михаила Федоровича. Так, Алексею Ивановичу Головину к его старым вотчинам (в земляном списке 1613 г. за ним числилось 563 четв. старых вотчин) при царе Михаиле в 1617–1618 гг. была пожалована старинная вотчина его дяди Петра Ивановича Головина (казначая, погибшего в опале и ссылке в 1584–1585 гг.) в Каневском стане Коломенского у. (с. Игнатово, 722 четв.) [ЧОИДР, 1895, кн. 1, отд. 1, с. 10; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 202. Л. 99]. За Ф. В. Головиным в земляном списке 1613 г. значились только поместья (700 четв.) [ЧОИДР, 1895, кн. 1, отд. 1, с. 3]. В годы царствования Михаила Федоровича он выступает уже как довольно крупный землевладелец-вотчинник; в том числе за ним значились и старинные «прародительские» вотчины во Владимирском (сельцо Ундол с деревнями в Крисинской вол., 555 четв.) и в Московском (сельцо Константиновское-Рожаи в Растовской вол., 308 четв.) уездах, которые, очевидно, были пожалованы (возвращены) ему при новом царе. По указу патриарха Филарета и на основании изустной памяти Ф. В. Головина его вотчины (в том числе родовые во Владимирском и Московском у.) передавались сородичам – двоюродному брату Ф. В. Головина боярину П. П. Головину с сыном Петром и его племянникам Алексею Ивановичу, Ивану Ивановичу, Ивану Никитичу, Семену и Ивану Васильевичам Головиным, каждый из которых получил свою долю [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. № 5969. Л. 36–61 об.] (см. также: [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9807. Л. 709 об.– 715; Там же. Кн. 12606. Л. 24 об. – 47]).

Крупные родовые владения удалось вернуть (в значительной степени в царствование Михаила Федоровича) Льву Ивановичу и его племяннику Федору Борисовичу Долматовым-Карповым, людям, близким к романовской семье, пострадавшим при Борисе Годунове по делу Романовых. Родовым гнездом Долматовых-Карповых был Костромской у. В Дуплехове стане Костромского у. за окольным Львом Ивановичем и его племянником Федором Борисовичем Долматовыми-Карповыми значились старинная вотчина с. Семеновское на р. Колдоме (с погостом, деревнями, починками и пустошами, 829 четв.), а также с. Фоминское (с деревнями, починками и пустошами, 1031 четв.) [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10965. Л. 411–473]. В платежнице Костромского у. 1595–1597 гг. сельцо Семеновское и погост Егорьевский (Ягоревской) в Колдомской вол. (Дуплехове стане) значились за Борисом и Львом Ивановичами Долматовыми-Карповыми как старая отцовская вотчина, но с. Фоминское за Карповыми здесь не числилось [ОР РНБ (Собрание Эрмитажное). № 520. Л. 471 об.].

⁸ Анастасия Петровна, дочь казначая Петра Ивановича Головина, от которого пошли все последующие представители рода Головиных, была замужем за князем Александром Борисовичем Горбатым-Суздальским; их дочь княжна Евдокия Александровна Горбатая была матерью второй супруги Н. Р. Юрьева и бабкой Ф. Н. Романова (патриарха Филарета) и его братьев.

В писцовой книге указано, что с. Фоминским Л. И. и Ф. Б. Карповы владели по государевой грамоте 1614–1615 (7123) гг. [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10965. Л. 448 об.]. Очевидно, это село было пожаловано им при царе Михаиле.

Возвраты старых родовых вотчин не были общим правилом и не затрагивали основную часть служилых людей. Вотчины возвращались, как правило, лишь наиболее видным боярам и придворным в качестве пожалований за особые заслуги и в силу близости ко двору. Благодаря этим возвратам они смогли значительно приумножить размеры своих родовых (во многом фактически жалованных) имений, тогда как менее заметные при дворе лица и фамилии, напротив, зачастую утрачивали и остатки своих родовых владений. Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что даже владение родовой вотчиной в XVII в. в значительной мере становится фактом царского пожалования.

Список литературы

Акты Российского государства : Архивы московских монастырей и соборов : XV – начало XVII в. М. : Янус-К, 1998. 736 с.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. Т. 1. М. : Археогр. центр, 1997. 432 с. Т. 2. М. : Памятники ист. мысли, 1998. 608 с. Т. 3. М. : Дрвлекхранилище, 2002. 680 с. Т. 4. М. : Дрвлекхранилище, 2008. 632 с.

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М. : Памятники ист. мысли, 1998. 640 с.

Барсуков А. П. Род Шереметевых : в 8 кн. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1881–1883. Кн. 1. 545 с. Кн. 2. 530 с. Кн. 3. 559 с.

Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М. : Имп. общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1907. 343 с.

Боровский уезд в XVII веке : (Материалы дозора 1613 года). М. : РГАДА, 1992. 138 с. Боярская книга 1627 г. М. : Ин-т истории СССР Акад. наук СССР, 1986. 208 с.

Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. : в 2 ч. М. : Гл. архив. упр. при Совете Министров СССР, 1979. Ч. 1. 343 с. Ч. 2. 186 с.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. : Наука, 1969. 584 с.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 540 с.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М. : Наука, 1987. 440 с.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика : 1 т. в 3 ч. СПб. : Тов-во Р. Голике и А. Вильборга, 1906–1907. Т. 1. Ч. 2. 535 с.

Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец : история текста. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 400 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 586 с. (ДДГ).

Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М. : Дрвлекхранилище, 2010. 1660 с. (ЗВК).

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М. : Мысль, 1985. 280 с.

Лихачев Н. П. Судное вотчинное дело стольника князя Юрия Андреевича Сицкого о наследстве после князя Петра Владимировича Бахтеярова-Ростовского // Изв. Рус. генеалог. о-ва. СПб. : Тип. «Сириус», 1909. Вып. 3. С. 222–352.

Любомиров П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М. : Соцэжгиз, 1939. 343 с.

Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. М. : Археогр. центр, 1992. 156 с.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб. : Наука, 1992. 280 с.

Писцовые книги Московского государства : 1 ч. в 3 отд. СПб. : Имп. Русское географическое общество, 1872. Ч. 1. Отд. 1. 924 с. (ПКМГ).

Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII в. : 1 т. в 3 вып. Рязань : Рязан. уч. архив. комиссия, 1898–1904. Т. 1. Вып. 1. С. 1–416. Вып. 2. С. 417–756; Вып. 3. С. 757–1303.

Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М. : Древлехранилище, 2005. 760 с. Разрядная книга 1475–1598 гг. М. : Наука, 1966. 615 с. (ПК 1475–1598).

Разрядная книга 1475–1605 гг. : в 4 т. М. : Ин-т истории СССР Акад. наук СССР, 1977–1984. Т. 2. Ч. 1. 220 с. Т. 2. Ч. 2. 441 с. (ПК 1475–1605).

РГАДА. Ф. 233 (Печатный приказ). Кн. 661, 664, 666, 670, 671, 672, 697; Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). № 6761, 6764, 6787; Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 2. Кн. 207, 208; Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Кн. 72, 93, 173, 202, 203, 204, 209, 210, 229, 261, 292, 293, 325, 405, 467, 549, 608, 627, 638, 687, 812, 871, 875, 915, 7232, 7481, 9806, 9807, 10326, 10965, 11317, 11320, 11833, 12606, 13329, 16081; Оп. 4. Кн. 5969.

ОР РНБ. Ф. 4. № 529; СПбДА АИ/17; Собр. Эрмитажное. № 520.

Русская историческая библиотека : в 38 т. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1884. Т. 9. 576 + LXXII с. (РИБ).

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб. : Наука, 1992. 574 с.

Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе: 1610–1611 гг. М. : Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1911. XXXV + 177 с.

Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М. : Наука, 2008. 686 с.

Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI – XVII века (по архиву Троице-Сергиевой лавры). М. : Древлехранилище, 2004. 396 с.

ЧОИДР. 1895. Кн. 1. Отд. 1. С. I–VIII, 1–24.

Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1996. 288 с.

Эскин Ю. М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отеч. ист. 2000. № 1. С. 143–157.

Archiwum Główny Aktów Dawnych. Zbiór dokumentów pergaminowych. № 8764, 8767, 8768. (AGAD. Zb. Doc. peg., nr.).

References

Akty Rossiiskogo gosudarstva: Arkhivy moskovskikh monastyrei i soborov. XV – nachalo XVII vv. [Acts of the Russian State: Archives of the Moscow Monasteries and Cathedrals. 15th – Early 17th Centuries]. (1998). Moscow, Yanus-K. 736 p.

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka v 4 t. [Acts of the Landowning Servicemen of the 15th – Early 17th Century. 4 Vols.]. Vol. 1. (1997). Moscow, Arkheograficheskii tsentr. 432 p. Vol. 2. (1998). Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 608 p. Vol. 3. (2002). Moscow, Drevlekhranilishche. 680 p. Vol. 4. (2008). Moscow, Drevlekhranilishche. 632 p.

Akty Suzdal'skogo Spaso-Evfim'eva monastyrya 1506–1608 gg. [Acts of the Suzdal'skii Spaso-Evfimiyev Monastery of 1506–1608]. (1998). Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 640 p.

Archiwum Główny Aktów Dawnych. Zbiór dokumentów pergaminowych. № 8764, 8767, 8768. (AGAD. Zb. Doc. peg., nr.).

Barsukov, A. P. (1881–1883). *Rod Sheremetyevykh v 8 kn.* [The Sheremetyevs. 8 Books]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Book 1. 545 p. Book 2. 530 p. Book 3. 559 p.

Belokurov, S. A. (1907). *Razryadnye zapisi za Smutnoe vremya (7113–7121 gg.)* [Rank Records for the Time of Troubles (7113–7121)]. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnosti rossiiskikh pri Moskovskom universitete. 343 p.

Borovskii uезд v XVII veke (Materialy dozora 1613 goda) [Borovsky District in the 17th Century (Materials of the Dozor, 1613)]. (1992). Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. 138 p.

Boyarskaya kniga 1627 g. [The Boyar Book of 1627]. (1986). Moscow, Institut istorii SSSR Akademii nauk SSSR. 208 p.

Boyarskie spiski poslednei chetverti XVI – nachala XVII vv. i rospis' russkogo voiska 1604 g. v 2 ch. [Boyar Lists of the Last Quarter of the 16th – Early 17th Centuries and the Register of Russian Troops in 1604. 2 Parts]. (1979). Moscow, Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri Sovete Ministrov SSSR. Part 1. 343 p. Part 2. 186 p.

Cherkasova, M. S. (2004). *Krupnaya feodal'naya votchina v Rossii kontsa XVI – XVII vekov (po arkhivu Troitse-Sergievoy lavry)* [A Large Feudal Patrimony in Russia at the End of the 16th – 17th Centuries (according to the Archives of the Trinity Lavra of St Sergius)]. Moscow, Drevlekhranilishche. 396 p.

ChOIDR [Readings in the Society of Russian History and Antiquities of Moscow University]. (1895). Book 1. Section 1, pp. I–VIII, 1–24.

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv. [Spiritual Acts and Agreements of Great and Appanage Princes of the 14th–16th Centuries]. (1950). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 586 p.

Eskin, Yu. M. (2000). *Zaveshchanie knyazya Dmitriya Pozharskogo* [Testament of Prince Dmitry Pozharsky]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 1, pp. 143–157.

Kobrin, V. B. (1985). *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoi Rossii (XV–XVI vv.)* [Power and Property in Mediaeval Russia (15th–16th Centuries)]. Moscow, Mysl'. 280 p.

Likhachev, N. P. *Sudnoe votchinnoe delo stol'nika knyazya Yuriya Andreevicha Sitskogo o nasledstve posle knyazya Petra Vladimirovicha Bakhteyarova-Rostovskogo* [The Court Deal of Steward Prince Yuri Andreevich Sitsky about the Inheritance of Patrimonial Lands after Prince Petr Vladimirovich Bakhteyarov-Rostovsky]. (1909). In *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva*. Iss. 3. St Petersburg, Tipografiya "Sirius", pp. 222–352.

Lyubomirov, P. G. (1939). *Ocherki istorii Nizhegorodskogo opolcheniya 1611–1613 gg.* [Essays on the History of the Nizhny Novgorod Militia in 1611–1613]. Moscow, Sotsekgiz. 343 p.

Materialy dlya istorii Zvenigorodskogo kraya [Materials for the History of Zvenigorod Region]. (1992). Iss. 1. Moscow, Arkheograficheskii tsentr. 156 p.

Pavlov, A. P. (1992). *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.)* [The Sovereign's Court and Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. St Petersburg, Nauka. 280 p.

Pistsovye knigi Moskovskogo gosudarstva. 1 ch. v 3 otd. [The Cadasters of the Moscow State. Part 1 in 3 Sections]. (1872). Part 1. Section 1. St Petersburg, Imperatorskoe Russkoe geograficheskoe obshchestvo. 924 p.

Pistsovye knigi Ryazanskogo kraya XVI i XVII vv. 1 t. v 3 vyp. [The Cadasters of the Ryazan Region of the 16th and 17th Centuries. Vol. 1 in 3 Iss.]. (1898–1904). Vol. 1. Iss. 1, pp. 1–416. Iss. 2, pp. 417–756. Iss. 3, pp. 757–1303. Ryazan', Ryazanskaya uchenaya arkhivnaya komissiya.

Pistsovye materialy Tverskogo uyezda XVI veka [The Cadaster Materials of the Tver Region of the 16th Century]. (2005). Moscow, Drevlekhranilishche. 760 p.

Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. [Lists of Noble Families of 1475–1598]. (1966). Moscow, Nauka. 615 p.

Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. v 4 t. [Lists of Noble Families of 1475–1605. 4 Vols.]. (1977–1984). Moscow, Institut istorii SSSR Akademii nauk SSSR. Vol. 2. Part 1. 220 p. Vol. 2. Part 2. 441 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 233 (Pechatnyi prikaz). Books 661, 664, 666, 670, 671, 672, 697; Stock 281 (Gramoty Kollegii ekonomii). № 6761, 6764, 6787; Stock 396 (Oruzheynaya palata). List 2. Books 207, 208; Stock 1209 (Pomestnyi prikaz). List 1. Books 72, 93, 173, 202, 203, 204, 209, 210, 229, 261, 292, 293, 325, 405, 467, 549, 608, 627, 638, 687, 812, 871, 875, 915, 7232, 7481, 9806, 9807, 10326, 10965, 11317, 11320, 11833, 12606, 13329, 16081; List 4. Book 5969.

RNB OR [The National Library of Russia. Department of Manuscripts]. Stock 4. № 529; SPBDA AI/17; Sbranie Ermitazhnoe. № 520.

Russkaya istoricheskaya biblioteka v 38 t. [Russian Historical Library. 38 Vols.]. (1884). St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. Vol. 9. 576 + LXXII p.

Shvatchenko, O. A. (1996). *Svetskie feodal'nye votchiny v Rossii vo vtoroi polovine XVII veka* [Secular Feudal Votchina in Russia in the Second Half of the 17th Century]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 288 p.

Skrynnikov, R. G. (1992). *Tsarstvo terrora* [The Realm of Terror]. St Petersburg, Nauka. 574 p.

Sukhotin, L. M. (1911). *Zemel'nye pozhalovaniya v Moskovskom gosudarstve pri tsare Vladislave: 1610–1611 gg.* [Land Granting in the Muscovite State under Tsar Vladislav. 1610–1611]. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. XXXV + 177 p.

Tyumentsev, I. O. (2008). *Smutnoye vremya v Rossii nachala XVII stoletiya: dvizhenie Lzhedmitriya II* [The Time of Troubles in Russia in the Early 17th Century. The Movement of the Second False Dmitry]. Moscow, Nauka. 686 p.

Veselovsky, S. B. (1963). *Issledovaniya po istorii oprichniny* [Studies on the History of the Oprichnina]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 540 p.

Veselovskii, S. B. (1969). *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Studies on the History of the Service Landowning Class]. Moscow, Nauka. 584 p.

Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya [The Contribution Book of the Trinity Monastery of St Sergius]. (1987). Moscow, Nauka. 440 p.

Vlas'ev, G. A. (1906). *Potomstvo Ryurika*. 1 t. v 3 ch. [The Progeny of Rurik. Vol. 1 in 3 Parts]. St Petersburg, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'barga. Vol. 1. Part 2. 535 p.

Vovina-Lebedeva, V. G. (2004). *Novyi letopisets: istoriya teksta* [New Chronicle: History of the Text]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 400 p.

Zapisnye votchinnye knigi Pomestnogo prikaza 1626–1657 gg. [Notebooks of Patrimonies of the Pomestnyi Prikaz of 1626–1657]. (2010). Moscow, Drevlekhranilishche. 1660 p.

The article was submitted on 18.09.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.340
УДК 94(470)"16"+930.2+323.26–058.244

ФЕНОМЕН «РАЗБОЕВ» В РОССИИ НАЧАЛА XVII в.: К ТИПОЛОГИИ ПОВСТАНЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ*

Владимир Аракчеев

Институт истории и археологии УРО РАН,
Екатеринбург, Россия

THE PHENOMENON OF “RAZBOY” IN RUSSIA IN THE EARLY 17th CENTURY: ON THE TYPOLOGY OF REBEL MOVEMENTS

Vladimir Arakcheev

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the robbers' (Rus. *razboy*) movement, a social phenomenon of the early seventeenth century that has not been studied thoroughly. The author conducts a critical review of the existing historiography, providing a comprehensive analysis of the facts concerning the government's reaction to the rebel movement, the dynamics of enslavement in the lands of Novgorod, and the spread of famine in Russia between 1601 and 1603. The author puts forward a hypothesis explaining the reasons why military servitors left the suites of boyars and nobles. The heirs of a deceased master did not hire their predecessor's military servitors, nor did they agree to provide them with serfs corresponding to their status (amounting to 15 roubles). The article provides facts testifying to the low prices for bread in the patrimonies of the Kirillo-Belozersky Monastery, proving that the famine was by no means nationwide. The author proposes a new explanation for why expeditions were dispatched to

* Citation: Arakcheev, V. (2018). The Phenomenon of “Razboy” in Russia in the Early 17th Century: On the Typology of Rebel Movements. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 972–983. DOI 10.15826/qr.2018.4.340.

Цитирование: Arakcheev V. The Phenomenon of “Razboy” in Russia in the Early 17th Century: On the Typology of Rebel Movements // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 972–983. DOI 10.15826/qr.2018.4.340 / Аракчеев В. Феномен «разбоев» в России начала XVII в.: к типологии повстанческих движений // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 972–983. DOI 10.15826/qr.2018.4.340.

fight brigands in the late autumn of 1602 or in the winter of 1602–1603. In late autumn, the robbers left the forest by road, as they could no longer count on the abundance of vegetation that protected them from being noticed in summer: they stayed in their accomplices' houses, waiting for the frost to end and haggling over their trophies. The author concludes that the robbers formed a network, which meant the inclusion of peasants and townspeople into the insurgent bands. Additionally, the author compares the robbers' movement and the activity of peasant militias in 1609, emphasising the fundamental difference between the two phenomena. Relying on renegade peasants and landless labourers (perhaps the poorest) from villages and suburbs, the robbers' movement of 1602–1603 opposed communities of feudal tenants owing obligations in labour and in kind. The actions of peasant militias in 1609 were based on a key social institution of the pre-industrial era, i. e. the community, and were driven by the ideology of royal pretendership.

Keywords: early 17th-century Russian history; robbers' movement; peasant revolts; slaves; famine.

Статья посвящена изучению движения «разбоев» – слабо отразившемуся в источниках социальному явлению начала XVII в. Предпринят критический пересмотр предшествующей историографии, дан комплексный анализ фактов, касающихся правительственной реакции на движение повстанцев, динамики похолопления в Новгородской земле, территориального распространения голода в России 1601–1603 гг. Предложена гипотеза, объясняющая причины исхода военных слуг из состава свит бояр и дворян. После смерти господина наследники не брали военных слуг на службу или же не соглашались выдавать им кабалы в размере соответствующей их статусу суммы в 15 руб. Приведены факты, свидетельствующие о невысоких ценах на хлеб в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря и об отнюдь не национальном характере голода. Предложено новое объяснение фактам отправки экспедиций для борьбы с разбойниками поздней осенью 1602 или зимой 1602–1603 гг. Поздней осенью разбойники покидали лесные чащи вблизи проезжих дорог, где их поиск летом был осложнен обилием растительности, и останавливались во дворах своих сообщников, пережидая морозы и приторговывая трофеями своего ремесла. Сделан вывод о сетевой организации разбойничьего движения, что означало включение в состав повстанческих отрядов крестьян и посадских людей. Осуществлено сопоставление движения «разбоев» и действий крестьянских ополчений в 1609 г., сделан вывод о принципиальной разнице этих феноменов. Движение «разбоев» 1602–1603 гг., опираясь на отщепенцев крестьян и бобылей из деревень и посадов, противостояло общинам тяглых людей. Действие крестьянских ополчений в 1609 г. основывалось на ключевом социальном институте доиндустриальной эпохи – общине и приводилось в действие идеологией самозванства.

Ключевые слова: история России начала XVII в.; движение «разбоев»; крестьянские восстания; холопы; голод.

Изучение истории повстанческих движений в России в современной науке занимает явно подчиненное положение и уступает многочисленным исследованиям по истории государственных институтов и привилегированных сословий. Однако социальное напряжение, переходящее в предельном случае в классовую борьбу, свойственно любому обществу, а для стран Европы раннего Нового времени было константным общественным состоянием. В данной статье представлены результаты исследования феномена «разбоев» в России конца XVI – начала XVII в. «Разбоями» официальные источники именовали отряды не повиновавшихся правительству людей, занимавшихся грабежами и убийствами российских и иностранных подданных.

О «разбоях» в России начала XVII в. писал еще Н. М. Карамзин, но до середины XX в. историки ограничивались пересказом 84-й главы Нового летописца «О разбойницах и о посылке на разбойников» и записок Исаака Массы. Лишь И. И. Смирнов впервые ввел в научный оборот разряд 7111-го (1602–1603) гг. о посылке воевод «за разбойники» и осуществил развернутое исследование «восстания Хлопка». И. И. Смирнов полагал, что в движении «разбоев» участвовали главным образом холопы, и считал этот феномен предвестником восстания Ивана Болотникова [Смирнов, с. 78–79]. В противовес Смирнову А. А. Зимин развернул концепцию «первой крестьянской войны» в России, начальным этапом которой, с его точки зрения, как раз и было «восстание Хлопка» 1603 г. [Зимин, с. 98].

Доказательное изучение крестьянской войны начала XVII в. на основе новых источников осуществил В. И. Корецкий. К числу правительственных мер, направленных на борьбу с разбойниками, Корецкий относил издание в 1601 г. нового уложения «по разбойным и татинным делам». Этим уложением предусматривались льготы для средних и мелких помещиков в выплате государственных налогов по строительству тюрем, содержанию тюремной администрации. В качестве примеров развернувшегося в 1602–1603 гг. массового антифеодального движения Корецкий приводил факты коллективного общинного протеста новгородских ямщиков, крестьян дворцовой Аргуновской волости, чей староста «с товарищи» был бит батогами «передо всеми волостными людьми», жалобы на разбой и грабежи в Белозерском уезде [Корецкий, с. 195–208]. Наиболее важным вкладом Корецкого в изучение проблемы «разбоев» стала находка наказа посланнику Богдану Поликарповичу, посланному на борьбу с разбойниками в город Белую и Бельский уезд. Наряду с достоверными фактами, Корецкий приводил домыслы краеведов о том, что Хлопко якобы двинулся на Москву из Комарицкой волости, и называл его восстание «генеральной репетицией восстания Болотникова» и началом крестьянской войны [Там же, с. 211–219, 234–235].

Для концепций всех трех историков было свойственно представление о грандиозном восстании, синхронно охватившем значительную территорию от Волоколамска и Вязьмы до Владимира и Рязани.

Историки связывали это восстание с недовольством царским указом 1597 г., лишившим кабальных холопов права выкупаться на свободу до смерти своих владельцев, что означало усиление закрепостительной политики. Аксиомой считается также, что восстание было спровоцировано голодом 1601–1603 гг., во время которого многие холопы были изгнаны своими хозяевами (а значит, лишены источников пропитания), однако продолжали считаться их собственностью. В своих представлениях о масштабах восстания историки исходили из того, что оно охватило центральные уезды страны – Владимирский, Волоколамский, Вяземский, Можайский, Медынский, Коломенский, Ржевский. Эти представления во многом были пересмотрены Р. Г. Скрынниковым, который доказал, что посылки дворян «за разбойники» были растянуты в течение года, начиная с осени 1602 г. Он поставил под сомнение «представления о грандиозном восстании, будто бы охватившем разом огромную территорию от Вязьмы до Владимира и от Волоколамска до Рязани» [Скрынников, с. 66–70].

Первоначально зарубежные историки не уделяли феномену «разбоев» сколь-нибудь пристального внимания. Так, крупнейший французский историк послевоенной эпохи Ролан Мунье посвятил русским «бандитам», орудовавшим летом-осенью 1603 г., один абзац своей книги и связал это явление с изгнанием рабов и крестьян своими помещиками во времена великого голода [Mousnier, p. 181]. Но Чарльз Даннинг пересмотрел ряд стереотипов по истории Смутного времени, и в частности назвал «упрощенными и вводящими в заблуждение» представления советских историков о том, что «восстание Хлопка» было предвестником восстания Болотникова или началом первой крестьянской войны. Он констатировал, что свидетельства об участии крестьян в мятеже 1603 г. отсутствуют, а большая часть повстанцев были элитными военными холопами, которых он считает профессиональными солдатами. Даннинг отверг как необоснованное предположение В. Д. Назарова о том, что крестьяне и холопы составляли в армии Болотникова особые самоуправляющиеся единицы («вольные станицы») [Dunning, p. 103–104, 265].

Особенностью историописания феномена «разбоев» является скудость письменных источников в сравнении с обширной историографической традицией: о «разбоях» писали почти все историки, начиная с Н. М. Карамзина. Сколь-нибудь существенное продвижение в понимании проблемы возможно лишь при использовании всего спектра показаний источников, содержащих не только непосредственные сведения о борьбе с разбойниками, но и данные о масштабах «Великого голода» 1601–1603 гг., о динамике оформления кабальных записей на холопов, а также описание методов борьбы с разбоями в наказе 1601–1603 гг. Существенное значение имеет и выявление типологии повстанческих движений в России на рубеже XVI–XVII вв.

Версия о том, что восстание холопов было спровоцировано голодом 1601–1603 гг., во время которого многие из них были изгнаны

своими хозяевами (а значит, лишены источников пропитания), впервые была высказана еще Авраамием Палицыным. «Во время же великого глада сего озревшеся вси, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабов своих на волю отпускати; и инии убо истинно, инии же лицемерством» [Сказание Авраамия Палицына, с. 107]. Палицын разделяет владельцев холопов на тех, кто честно отпускал их на волю, уничтожая «крепости», и тех, кто гнал их со двора, не освобождая от холопства в надежде восстановить свои дворни. Историки были склонны доверять современнику и очевидцу событий, хотя проверка достоверности его свидетельств крайне затруднена гибелью архива Холопьяго приказа. Как известно, кабальные книги и записные книги старых крепостей по историческому центру России, и прежде всего по Москве, погибли в огне пожара майского восстания 1682 г.

Впрочем, один царский указ дошел до нашего времени: это указ от 16 августа 1603 г. о выдаче отпускных грамот холопам, владельцы которых изгнали их во время голода без оформления отпуска на волю. Содержание этого документа предельно ясно: изгнанные во время голода холопы могли являться в Холопий приказ и требовать выдачи им отпускных грамот [Законодательные акты... Тексты, с. 71–72]. Большинство историков связывало указ с голодом 1601–1603 гг. и движением «разбоев», социальную базу которого правительство надеялось подорвать этим документом. Однако исследователи обращали внимание и на то, что он был издан, когда снимали урожай 1603 г. и голод прекратился, а сведений о практической реализации указа не обнаружено [Законодательные акты... Комментарии, с. 96].

Проверка может быть лишь опосредованной – по данным новгородских кабальных книг, сохранившихся в архиве местной приказной избы. Исследование В. М. Панеяха выявило основные закономерности и динамику похолопления и отпуска из холопства в начале XVII в. в Новгороде и на его земле. В первом полугодии «голодного» 7110 г. (сентябрь 1601 – февраль 1602) в Великом Новгороде был зафиксирован существенный прирост количества закабалений по сравнению с предыдущими годами – более чем в 1,4 раза. Гипотетически же восстановленная цифра закабалений за весь 7110 г. по сравнению с предыдущим дает прирост кабал почти в шесть раз, а количества кабальных холопов – в семь раз. По мнению В. М. Панеяха, ряды холопов пополняли лишённые средств к существованию во время голода люди, а господствующий класс изыскивал денежные средства не только для приобретения новых холопов, но и для их прокормления [Панеях, с. 155–157].

Однако в годы голода 1601–1603 гг. происходит существенное падение стоимости холопов: люди были готовы продаваться в рабство уже не за 4–5 руб., а за 2–3 руб. и даже за 1 руб. В 1602–1603 г. в Бежецкой пятине Новгородской земли однорублевые кабалы приближались к 50 % всех кабальных сделок. Кроме того, в начале XVII в. практически исчезли кабалы с максимальной суммой 15 руб., которые состав-

лялись на привилегированных холопов-послужильцев, вербовавшихся из среды дворянства [Панях, с. 163–164]. Это явление может быть объяснено снижением спроса в «голодные» годы на слишком дорогие услуги холопов-министерялов, из которых и комплектовались отряды вооруженных слуг – «боевых холопов», по Р. Г. Скрынникову. Скрынников с доверием отнесся к рассказу Авраамия Палицына и полагал, что в результате экономических бедствий как мелкие помещики, так и землевладельцы средней руки не располагали многолетними продовольственными запасами, что и было причиной роспуска холопской дворни [Скрынников, с. 83].

Трагедия военных слуг рабского состояния заключалась, видимо, не столько в том, что их сгоняли со дворов, сколько в том, что после смерти господина наследники не брали их на службу или же не соглашались выдавать им кабалы на приличествующие их статусу суммы в 15 руб. Таким образом, резкое падение сумм служилых кабал в Новгороде косвенно подтверждает гипотезу о массовом исходе привилегированных военных слуг с господских дворов в годы «Великого голода» 1601–1603 гг. Вряд ли они столь же массово уходили в разбойники: их участие в разбоях могло быть единичным фактом, в то время как магистральная дорога вела эти деклассированные элементы в состав военных гарнизонов Юга России, где шла активная вербовка служилых людей по прибору и где могли пригодиться административные и военные навыки, приобретенные ими на службе у своих хозяев.

Наконец, необходимо привести данные о территориальном распространении голода 1601–1603 гг., который, по мнению исследователей, оказал непосредственное влияние на размах и интенсивность движения «разбоев». Уже Н. А. Горская привела данные о хлебных запасах крупнейших русских монастырей – Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого. Она, однако, считала, что голод 1601–1603 гг. подорвал хозяйственную устойчивость монастырей, заставляя их даже закупать хлеб для посевов и потребления. Ее выводы были существенно откорректированы З. В. Дмитриевой, которая показала, что летом голодного 1601 г. в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря планировали собрать не менее 15 тыс. четвертей ржи. Из ее исследования становится очевидно, что голода, сопоставимого с распространенным в центральных уездах, на Белоозере не было. Монастырь продавал хлеб в августе 1602 и весной 1603 г., причем его цена (120 денег) всего на 20 % превышала «указную» цену 1601 г., которую правительство Годунова установило для пресечения спекуляции хлебом. В эти же годы из монастырских житниц хлеб выдавался монастырским крестьянам «взаем и в денги» [Горская, с. 124–136; Дмитриева, с. 10–15]. Как стало известно из введенного в научный оборот В. И. Корецким дела о вывозе крестьянина, к декабрю 1602 г. последствия голода были преодолены и в Суздальском уезде. В хозяйстве крестьянина Потапа Денисова в начале зимы имелось

72 четверти зерна разных видов, что позволяет говорить о хорошем урожае 1602 г. и завершении голодных лет [Корецкий, с. 180–181]. Ограниченная территория катастрофических неурожаев и тяжелого голода определила и территорию движения «разбоев».

Хронология «разбоев» в Центральной России может быть определена данными как нарративных источников, так и записей разрядных книг за 1602–1603 г. о посылке «дворян за разбойники». И. Масса датировал восстание сентябрем 1603 г. и говорил о его участниках как о «крепостных холопах», а численность отряда, отправленного с И. Ф. Басмановым на его подавление, определял в «примерно сотню лучших стрельцов» [Масса, с. 71]. В. И. Корецкий и Р. Г. Скрынников выяснили, что отправленные на Волок Ламский М. Б. Шеин и А. И. Безобразов могли выполнять свою миссию в сентябре-ноябре 1602 г. По мнению Р. Г. Скрынникова, Е. В. Бутурлин и Ф. П. Акинфов, которые были отправлены «за разбойники» в Медынь, осуществляли сыск примерно в то же самое время – в сентябре-декабре 1602 г. Отправленный во Владимир «Алексей Фомин» (на самом деле, как выяснил Скрынников, А. Ф. Третьяков-Головин) «сыскивал» разбойников вместе с Т. М. Лазаревым в конце 1602 – начале 1603 г. В Вязьме, куда были направлены И. А. Татев и А. Мелентьев, сыск разбойников осуществлялся в декабре 1602 – феврале 1603 г. И. Н. Салтыков и Ф. Жеребцов вели борьбу с разбойниками на Ржеве Владимировой, по предположению Скрынникова, летом 1603 г. [Корецкий, с. 209–210; Скрынников, с. 67–69].

Точную годовую дату имеют лишь распоряжения записей разрядных книг об отправке 17 сентября 1603 г. «на Рязань» М. М. Шаховского и Б. А. Борятинского и в Пронск Я. Я. Вельяминова и И. И. Волынского [Народное движение, с. 19]. Нет достоверных данных о времени отправки в течение 1602–1603 календарного года Д. В. Туренина в Можайск и И. М. Пушкина в Коломну. Таким образом, из семи экспедиций, отправленных для борьбы с разбойниками, три должны были вести сыск летом или ранней осенью 1603 г., а четыре – поздней осенью 1602 или зимой 1602–1603 гг. Столь растянутая хронология «посылок за разбойники» подтолкнула исследователей к двум противоположным выводам: В. И. Корецкий заключил, что повстанческое движение имело гораздо большую длительность и, следовательно, масштабы, а Р. Г. Скрынников сделал вывод, что «разбой» были сугубо локальным явлением и трансформировались в значимое движение лишь на заключительном этапе. Кроме того, Скрынников, предположив, что «деревня не осталась в стороне от движения разбоев», заключил, что «источники не дают возможности определить меру участия крестьян... в восстании Хлопка» [Скрынников, с. 81].

Анализ разрядной записи должен быть дополнен исследованием наказа воеводе Богдану Поликарповичу, направленному для подавления повстанческого движения в Бельском уезде. Наказ сохранился в подлиннике, но без начальных строк, из-за чего осталась неизвестна

фамилия этого чиновника, посланного на борьбу с разбойниками в город Белую. Богдан Поликарпович должен был мобилизовать в уезде все наличные силы, включая дворян и детей боярских, стрельцов во главе с губными старостами, городовыми приказчиками и «розными приказными людьми». Процедура сыска в отношении убитых разбойниками в окрестностях сел людей включала расспрос приказчиков, старост, целовальников и лучших крестьян и пытки лучших крестьян в случае, если они «не являли про тех побитых людей». Лейтмотивом наказа является указание на главную опасность разбойничьего движения: она состояла не столько в самих разбойничьих бандах, сколько в их сетях. Сети повстанческого движения включали три элемента: «где розбойником приезд», «где розбойники станы стоят» и наличие их сообщников «в иных городах» [Народное движение, с. 20–22].

Станы разбойников могли находиться вдали от селений в безлюдной болотистой или лесистой местности, и если бы «лихие люди» опирались лишь на них, предположения Р. Г. Скрынникова и Ч. Даннинга об отсутствии свидетельств участия крестьян в движении были бы основательны. Однако в наказе, ровно так же, как и в губных грамотах и Уставной книге Разбойного приказа, особое внимание уделено двум другим элементам сетей [Памятники русского права, с. 176–188, 356–370]. Во-первых, это живущие в данном уезде «розбойники и лихие люди», «х кому с розбоев приезжают». «Лихими» эти люди, очевидно, становились после процедуры «облихования», включавшей «крепкие пытки» с использованием «огня». Во-вторых, это «розбойники и лихие люди», жившие в «иных городах», которых привозили на очные ставки с местными разбойниками и при необходимости допрашивали и пытали. В случае доказательства вины этих «оговорных людей» их предписывалось арестовывать, а «дворы их и животы переписав, запечатати» [Народное движение, с. 20–22].

Не подлежит сомнению, что коль скоро предполагаемые сообщники разбойников имели «животы» и, самое главное, дворы, которые надлежало опечатывать с целью фиксации движимого имущества и временного выхода из тягла, их соучастие в разбоях было побочным занятием. В обыденной жизни они были, скорее всего, городскими и сельскими тяглецами, то есть крестьянами и посадскими людьми. Одним словом, разбойничья сеть, даже состоявшая в большинстве своем из военных слуг-холопов, была бы не в состоянии функционировать без содействия обывателей-пособников. Весомое подтверждение этой гипотезы обнаруживается во введенном в научный оборот В. И. Корецким деле 1602–1603 гг. новгородских помещиков Кулебакиных и Ушаковых, которые обвиняли друг друга в предоставлении убежища разбойникам. По словам Кулебакиных, Ушаковы отправляли на разбой некоего Демку, а сами «розбойником у себя на дворе стан держали, и розбойники Гордюшка с товарищи у них приставали, и розбойную рухлядь к ним приносили» [Корецкий, с. 184–185]. Вне зависимости от степени правдоподобности этой версии сам факт

действий разбойничьего отряда в окрестностях Тихвинского монастыря под предводительством некоего Гордея и его взаимодействия с внешне законопослушным населением убеждает в существовании криминальной (или повстанческой) сети и на северо-западе России.

Дополнительным аргументом в пользу этой гипотезы является изложенная выше хронология посылок воевод на борьбу с разбойниками. Почему четыре экспедиции – в Волок Ламский, Вязьму, Владимир и Медынь – были отправлены поздней осенью 1602 или зимой 1602–1603 гг.? Ответ, с нашей точки зрения, однозначен: поздней осенью разбойники покидали лесные чащи вблизи проезжих дорог, где их поиск летом был осложнен обилием растительности («зеленки», по выражению времен борьбы с экстремизмом на Северном Кавказе), и останавливались во дворах своих сообщников, пережидая морозы и приторговывая трофеями своего ремесла.

Проблема, сформулированная Р. Г. Скрынниковым и Ч. Даннингом, таким образом, не исчерпывается признанием или непризнанием фактов участия крестьян в движении «разбоев» и характере этого движения как «крестьянского» или «холопского» восстания. Вторая сторона обозначенной проблемы: с какими другими примерами повстанческих движений конца XVI – XVII в. его можно сопоставить?

Первое сопоставление «разбоев» 1602–1603 гг. с повстанческим движением 1609 г. в Подмоскovie осуществил еще автор Нового летописца. Если «старейшина в разбойниках» Хлопа – это несломленный и нераскаившийся разбойник, то его антагонист – это атаман Хатунской волости Замосковной половины Московского уезда Иван Салков. Первоначально, по словам летописца, вооруженные крестьяне Салкова осуществляли «громление запасам» на Коломенской дороге, блокируя подвоз продовольствия к Москве. Лишь когда отряд Салкова вышел на Владимирскую дорогу, он оказался разгромлен в сражении на реке Пехорке войсками Д. М. Пожарского. В отличие от предводителя восстания 1603 г., Салков «с достальными людьми приидоша к царю Василию с повинною», что в глазах автора Нового летописца служило отпущению грехов этого «раскаившегося разбойника» [ПСРЛ, с. 58, 93–94].

Столь же очевидной казалась проведенная в летописи параллель и Н. М. Карамзину, на концепцию Смутного времени которого определяющее воздействие оказала идейная конструкция Нового летописца. Карамзин прямо назвал И. Салкова «вторым Хлопком», не усматривая принципиальной разницы между движением «разбоев» и действиями крестьян Хатунской волости на Коломенской и Владимирской дорогах [Карамзин, с. 201]. Публикаторы документов из русского архива Яна Сапеги отметили существенные отличия в действиях и организации этих движений. Атаман Салков был квалифицирован ими как предводитель одного из отрядов земского ополчения, подчиненного тушинскому вору, и его борьбу «с московскими царем и боярами... вряд ли... можно назвать классовою» [Русский архив Яна Сапеги, с. 302].

С нашей точки зрения, подчинение земских волостных ополчений Лжедмитрию II не является определяющим отличием действий крестьян Хатунской волости, равно как и внеклассовый характер их борьбы. Водораздел между движением «разбоев» 1602–1603 гг. и повстанческим движением в Подмоскovie в 1609 г. пролегал через способы их организации. В наказе сыщику Богдану Поликарповичу трижды делается акцент на привлечении к борьбе с разбойниками местных общин. В начале наказа Богдану предписано сыскивать разбойников и всяких лихих людей с привлечением старост, целовальников, крестьян разной владельческой принадлежности и посадских людей. По приезду в город Белую Богдану было предписано собрать, помимо приказных людей и священнослужителей, посадских старост, целовальников и из слобод «всяких людей». Наконец, при обнаружении тел «побитых людей» у деревень и сел надлежало привлечь к сыску «тех сел и деревень приказчиков, и старост, и целовальников, и лутчих крестьян» [Народное движение, с. 20–22].

Еще Р. Г. Скрынников логично заключил, что в борьбе с «разбоями» Богдан Поликарпович «должен был опереться на крестьянский мир» [Скрынников, с. 78]. Важнее, с нашей точки зрения, другая сторона проблемы: движение «разбоев» 1602–1603 гг., опираясь на отщепенцев (возможно, беднейших) крестьян и бобылей из деревень и посадов, противостояло общинам тяглых людей Белой и Бельского уезда. Будучи не в силах аккумулировать энергию мирского протеста, оно неизбежно маргинализировалось и было обречено на поражение. В отличие от «разбоев» под предводительством Хлопка, движение крестьян Подмоскovie в 1609 г. носило характер «мирского» и было неотрывно от общины. Сохранившиеся челобитные крестьян дворцовых сел Братошино и Гребнево Вохонской волости написаны от лица «мира»: в них перечисляются «лучшие люди» и староста со «своими целовальниками», осуществлявшие «мирское» управление [Русский архив Яна Сапеги, с. 306–307].

Типологически движение «разбоев» и более поздние крестьянские движения существенно отличались друг от друга. Первое в значительной степени состояло из деклассированных элементов, хотя и пользовалось поддержкой сообщников из числа тяглого населения. Второе основывалось на ключевом социальном институте доиндустриальной эпохи – общине и приводилось в действие идеологией самозванства. Приведенные факты и их интерпретации обнаруживают значительный потенциал исследования повстанческих движений в России. Несмотря на значительно более взвешенные оценки движения «разбоев» в трудах Р. Г. Скрынникова и Ч. Даннинга, от их внимания ускользнули детали, на основании которых возможно сформировать системное представление об общественных силах, решившихся на массовое неповиновение власти. Научный поиск в этом направлении в дальнейшем позволит выявить основные тенденции социальной динамики в России XVII в.

Список литературы

- Горская Н. А. Товарность зернового земледелия в хозяйствах монастырских вотчин центра Русского государства начала XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск : Изд-во Акад. наук Белорус. ССР, 1964. С. 124–136.
- Дмитриева З. В. Хлебный бюджет Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. // Тр. Санкт-Петербург. ин-та истории РАН. Вып. 1 (17). СПб. : Нестор-История, 2015. С. 9–157.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : тексты / под ред. Н. Е. Носова. Л. : Наука, 1986. 261 с.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : комментарии / под ред. Н. Е. Носова, В. М. Панеяха. Л. : Наука, 1987. 260 с.
- Зимин А. А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопр. истории. 1958. № 3. С. 93–103.
- Карамзин Н. М. История государства Российского : в 4 кн., в 12 т. М. : Книга, 1989. Кн. 3. Т. 12. 402 с.
- Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. : Наука, 1975. 325 с.
- Кушева Е. Н. К истории холопства в конце XVI – начале XVII в. // Ист. зап. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1945. Т. 15. С. 85–95.
- Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М. : Соцэргиз, 1937. 140 с.
- Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 : сб. док. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М. : Наука, 2003. 491 с.
- Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Гос. изд-во юридич. лит., 1956. Вып. 4. 532 с.
- Панеях В. М. Холопство в XVI – начале XVII века. Л. : Наука, 1975. 266 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 14 (Первая половина). СПб. : Тип. Александрова, 1910. 470 с.
- Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов : тексты, переводы, коммент. / под ред. И. О. Тюменцева. Волгоград : Изд-во Волгоград. филиала РАНХиГС, 2012. 688 с.
- Сказание Авраамия Палицына. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 356 с.
- Скрынников П. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. 326 с.
- Смирнов И. И. Восстание Болотникова, 1606–1607. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1951. 588 с.
- Dunning Ch. S. L. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov Dynasty. Pennsylvania : Pennsylvania State Univ. Press, 2001. 657 p.
- Mousnier R. Peasant Uprising in Seventeenth-Century France, Russia and China. L. : Georg Allen and Unwin LTD, 1971. 375 p.

References

- Cherepnin, L. V. (Ed.) (1956). *Pamyatniki russkogo prava* [Artefacts of Russian Law]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury. Iss. 4. 532 p.
- Dmitrieva, Z. V. (2015). Khlebnyi byudzhет Kirillo-Belozerskogo monastyr'ya v nachale XVII v. [The Bread Budget of Kirillo-Belozersky Monastery in the Early 17th Century]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN*. Iss. 1 (17). St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 9–157.
- Dunning, Ch. S. L. (2001). *Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov Dynasty*. Pennsylvania, Pennsylvania State Univ. Press. 657 p.
- Gorskaya, N. A. (1964). Tovarnost' zernovogo zemledeliya v khozyaistvakh monastyr'skikh votchinn tsentra Russkogo gosudarstva nachala XVII v. [The Marketability of Grain Farming on the Farms of the Monastic Estates at the Centre of the Russian State

in the Early 17th Century]. In *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 1962*. Minsk, Izdatel'stvo Akademii nauk Belorusskoi SSR, pp. 124–136.

Karamzin, N. M. (1989). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12 t., 4 kn.* [The History of the Russian State. 12 Vols. 4 Books]. Moscow, Kniga. Book 3. Vol. 12. 402 p.

Koretsky, V. I. (1975). *Formirovanie krepostnogo prava i pervaya krest'yanskaya voyna v Rossii* [The Formation of Serfdom and the First Peasant War in Russia]. Moscow, Nauka. 325 p.

Kusheva, E. N. (1945). K istorii kholopstva v kontse XVI – nachale XVII v. [On the History of Slavery in the Late 16th – Early 17th Centuries]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 15. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 85–95.

Massa, I. (1937). *Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v.* [A Brief News Bulletin about Muscovy in the Early 17th Century]. Moscow, Sotsekizgiz. 140 p.

Mousnier, R. (1971). *Peasant Uprisings in Seventeenth-century France, Russia and China*. L., Georg Allen and Unwin LTD. 375 p.

Nosov, N. E. (Ed.). (1986). *Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI – pervoi poloviny XVII veka. Teksty* [Legislative Acts of the Russian State of the Second Half of the 16th – First Half of the 17th Centuries. Texts]. Leningrad, Nauka. 261 p.

Nosov, N. E., Paneyakh, V. M. (Eds.). (1987). *Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI – pervoi poloviny XVII veka. Kommentarii* [Legislative Acts of the Russian State of the Second Half of the 16th – First Half of the 17th Centuries. Comments]. Leningrad, Nauka. 260 p.

Palitsyn, A. (1955). *Skazanie Avraamiya Palitsyna*. [The Legend of Avraamii Palitsyn]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 356 p.

Paneyakh, V. M. (1975). *Kholopstvo v XVI – nachale XVII veka* [Slavery in the 16th – Early 17th Centuries]. Leningrad, Nauka. 266 p.

Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles]. (1910). Vol. 14 (First Half). St Petersburg, Tipografiya Aleksandrova. 470 p.

Rogozhin, N. M. (Ed.). (2003). *Narodnoe dvizhenie v Rossii v epokhu Smuty nachala XVII veka, 1601–1608. Sbornik dokumentov* [The Popular Movement in Russia in the Time of Troubles of the Early 17th Century, 1601–1608. Collection of Documents]. Moscow, Nauka. 491 p.

Skrynnikov, R. G. (1985). *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka* [Socio-Political Struggle in the Russian State in the Early 17th Century]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 326 p.

Smirnov, I. I. (1951). *Vosstanie Bolotnikova, 1606–1607* [Bolotnikov's Uprising, 1606–1607]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 588 p.

Tyumentsev, I. O. (Ed.). (2012). *Russkii arkhiv Yana Sapegi 1608–1611. Teksty, perevody, kommentarii* [Jan Sapieha's Russian Archive of 1608–1611. Texts, Translations, Commentary]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby. 688 p.

Zimin, A. A. (1958). Nekotorye voprosy istorii krest'yanskoi voyny v Rossii v nachale XVII v. [Some Issues in the History of Peasant War in Russia in the Early 17th Century]. In *Voprosy istorii*. No 3, pp. 93–103.

The article was submitted on 21.09.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.341
УДК 94(470)"16"+930.2+355.1(09)+339(09)

**«ГОДЫ БЕДСТВИЙ»
ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ЗАВОДЧИКА
АНДРЕЯ ДЕНИСОВИЧА ВИНИУСА***

Дмитрий Лисейцев

Степан Шамин

Институт российской истории
Российской академии наук,
Москва, Россия

**THE "YEARS OF HARDSHIP"
OF THE FIRST RUSSIAN MANUFACTURER
ANDREI DENISOVICH VINIUS****

Dmitry Liseitsev

Stepan Shamin

Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article considers an unstudied episode in the life of Andrei Denisovich Vinius, a Dutch entrepreneur and founder of the first metallurgical plant in Russia. Previously, researchers had no information about Vinius' business activities connected with the establishment and management of the metallurgical plant. The sources available to researchers did not prove the hypothesis that the Dutch merchant continued his trading activity. Such data can be found among Prikaz records reflecting results of trials. Andrei Vinius was a defendant in these cases. Documents found by the authors in the Russian State Archive of Ancient Acts help conclude that Vinius did not stop his trading activity even when his major efforts were aimed at founding a metallurgical plant near Tula. However,

* Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

** *Citation*: Liseitsev, D., Shamin, S. (2018). The "Years of Hardship" of the First Russian Manufacturer Andrei Denisovich Vinius. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 984–994. DOI 10.15826/qr.2018.4.341.

Цитирование: Liseitsev D., Shamin S. The "Years of Hardship" of the First Russian Manufacturer Andrei Denisovich Vinius // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 984–994. DOI 10.15826/qr.2018.4.341 / Лисейцев Д., Шамин С. «Годы бедствий» первого российского заводчика Андрея Денисовича Виниуса // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 984–994. DOI 10.15826/qr.2018.4.341.

the period between 1630 and 1640 was a hard time for the Dutch entrepreneur. It was characterised by a tense situation in the international arena, where his plant had to compete with firearms imported from Europe. In the late 1630s and early 1640s, Muscovy was facing a possible conflict with the Ottoman Empire and the Crimean Khanate. As a result, the country had to quickly fortify its borders, build new protective walls, and increase the garrisons in the towns of the steppe zones, which required the mass production of small arms. Due to the peculiarities of the Russian domestic resource market, Vinius' arms were nearly a third more expensive compared to small arms imported from Sweden and Germany. Vinius' trading activity led to losses and conflicts with the Russian law. Trying to make up for the losses incurred, he started dealing in tobacco, which was prohibited in Russia. All these factors gradually made Vinius stop his commercial activity and join the Russian civil service. His legal conflict with Nazary Chisty, a clerk of the State Prikaz, and their later reconciliation also allowed Vinius to establish useful connections in government circles.

Keywords: 17th-century Russian history; Andrei Denisovich Vinius; publication of sources; armament of the Russian army; 17th-century trade.

Статья посвящена рассмотрению слабоизученного эпизода жизни Андрея Денисовича Виниуса, голландского предпринимателя, основателя первого в России металлургического завода. Ранее исследователи не располагали сведениями о предпринимательской деятельности Виниуса в период его занятий организацией и руководством железоделательным заводом. Гипотеза о продолжении голландским негодантом торговых операций не была подтверждена источниками. Соответствующие данные сохранились в материалах приказного делопроизводства, отразивших результаты судебных разбирательств. Фигурантом этих дел выступал А. Виниус. Документы, обнаруженные авторами в РГАДА, позволяют уверенно говорить о том, что Виниус не прекратил торговых операций даже в период, когда основные его усилия были направлены на создание металлургических предприятий под Тулой. Однако рубеж 1630–1640-х гг. был для голландского негоданта тяжелым временем. Напряженная внешнеполитическая ситуация поставила продукцию его заводов в условия нелегкой конкуренции с импортным огнестрельным оружием, ввозимым из Европы. Московское государство в конце 1630-х – начале 1640-х гг. стояло перед лицом возможного военного столкновения с Османской империей и Крымским ханством. Спешное укрепление южных границ, строительство новых крепостей и увеличение гарнизонов городов на степном рубеже требовали массового производства стрелкового оружия. Реалии русского внутреннего сырьевого рынка делали выпускаемую заводами Виниуса продукцию приблизительно на треть более дорогой в сравнении со стрелковым оружием, импортируемым из Швеции или Германии. Торговые операции Виниуса тоже приносили ему убытки и даже приводили его к конфликтам с российским законодательством. Пытаясь возместить понесенные убытки, А. Виниус занялся даже запрещенной в России торговлей табаком. Перечисленные обстоятельства способствовали постепенному свертыванию Виниусом коммерческих опе-

раций и его переходу на российскую государственную службу. Вместе с тем судебный конфликт и последовавшее за ним примирение Андрея Денисовича с дьяком Казенного приказа Назарием Чистым помогли Виниусу установить полезные знакомства в российских правительственных кругах.

Ключевые слова: история России XVII в.; Андрей Денисович Виниус; публикация источников; вооружение русского войска; торговля в XVII в.

Личность голландского предпринимателя Андрея Денисовича Виниуса уже около столетия привлекает внимание ученых. В России первой половины XVII в. он действовал сначала как купец, затем стал выполнять дипломатические поручения московского двора; он также выступал в качестве советника российского правительства. Уже это вполне оправдало бы исследовательский интерес к его личности. Однако главный вклад Виниуса в историю России – его участие в строительстве первых русских железоделательных заводов на реке Тулице недалеко от Тулы.

В фундаментальном исследовании И. Н. Юркина отмечается, что первое железо с тульских заводов Виниуса было поставлено в казну 24 марта 1636 г., а для 1637 г. можно уже с уверенностью говорить о получении чугуна [Юркин, с. 30–31]. В это время страна оказалась перед лицом более чем вероятной перспективы войны с Османской империей и Крымским ханством в связи с осуществленным в 1637 г. захватом донскими казаками турецкой крепости Азов [Куц, с. 10; Никитин, с. 44–50]. Обострение ситуации в южном пограничье заставило правительство спешно пополнять гарнизоны городов, восстанавливать засеки, обновлять старые укрепления и возводить новые крепости – Яблонов, Вольный, Хотмыжск, Чугуев и др. На подданных Московского государства был возложен экстраординарный налог – подать в размере 2 руб. с каждого двора (для сбора этих денег был учрежден особый приказ – Сбора ратных людей) [Лисейцев, 2015, с. 25]. В общем ряду с перечисленными действиями стоит и намерение правительства в короткие сроки обеспечить русские войска «вогненным боем».

В такой ситуации представляется вполне естественным, что российское правительство задействовало новое предприятие в снабжении армии оружием. 4 июня 1637 г. Виниус получил заказ на производство 1 тыс. самопалов. Заказ предстояло выполнить к 6 июня следующего 1638 г. В качестве аванса заводчик получил 1 тыс. руб. Еще 500 руб. ему должны были выплатить после окончания работы. К оговоренному времени Виниус сумел поставить только 300 самопалов [Юркин, с. 31]. Таким образом, правительственный заказ был провален.

Для того чтобы разобраться в причинах неудачи Виниуса, необходимо проанализировать практику выполнения массовых государственных заказов на ручное огнестрельное оружие в годы правления царя Михаила Федоровича. Еще летом 1618 г., на исходе Смутного вре-

мени, в Нижний Новгород было отправлено распоряжение изготовить из казенного железа 500 ручных пищалей и 100 пищалей затинных. Нижегородские власти в октябре того же года отчитывались о проделанных работах: себестоимость одной пищали превысила 2 руб., а изготовить их удалось только 18. Дальнейшее производство пришлось остановить из-за отсутствия «уголья»: уголь в связи с действиями в Нижегородском уезде польско-литовских и запорожских отрядов везти было некому – население находилось в бегах. Московская администрация имела свой взгляд на ситуацию, и воевода получил выговор за отсутствие должного служебного рвения. По мнению столичных властей, за прошедшее время можно было изготовить более 300 пищалей, «а мастеров и уголья не с Москвы в Нижней посылать, мочно мастеров и уголья добыть и в Нижнем, только б есте о том радели» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2 (1619 г.). Л. 43, 50, 57].

А. Д. Виниус. Портрет
К. Висхера. 1650

A. D. Vinius. Portrait
by C. Visscher. 1650

Неудачный опыт организации массового производства огнестрельного оружия в Нижнем Новгороде, надо полагать, заставил правительство задуматься о закупках вооружения за рубежом. Отправленное в ходе подготовки к войне против Речи Посполитой в 1630 г. в Швецию посольство Федора Племянникова и Афанасия Аристовя, помимо дипломатического поручения, имело задание закупить в Европе крупную партию оружия: одного только задатка немецким купцам было дано 9 тыс. «ефимков»¹. В связи со смертью русского посланника с поставкой оружия в Россию возникли серьезные сложности, и лишь упорство состоявшего при посольстве переводчика Игнатия Кучина заставило немецких негодантов выполнить условия своей части контракта [Лисейцев, 2002, с. 7–8; РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10 (1632 г.). Л. 1–9].

Приобретать огнестрельное оружие за рубежом решили и впоследствии, закупки осуществлялись через шведского резидента в Москве Пьера Крузьборна. Договор о поставках огнестрельного оружия был заключен, вероятно, в начале 1637 г. Во всяком случае, 6 марта 1637 г. из Разрядного приказа в Оружейную палату послали 2 руб. «за пищаль, какова послана в Свею для образца» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Кн. 91. Л. 214–214 об.; Кн. 292. Л. 217 об.]. Переговоры о за-

¹ 9 тыс. ефимков в пересчете на русские деньги составляли около 6 тыс. руб.

² Надо полагать, что эта «немецкая образцовая пищаль» в дальнейшем хранилась в Разрядном приказе. Во всяком случае, в марте 1639 г. из этого ведомства для нее были выданы деньги «от смази и за кремень».

купках оружия через Швецию начались еще до захвата казаками Азова. Неожиданный для Москвы демарш дончаков заставил российское правительство использовать для спешного перевооружения войск все имеющиеся в его распоряжении ресурсы³.

К весне 1638 г. первая партия пищалей из Швеции была уже получена – в апреле-мае «Свейские земли агенту Петру Кружберну» за нее было выплачено 1 500 руб. Поставки оружия из Швеции продолжались и в дальнейшем – в январе 1639 г. через Новгород в Москву была доставлена новая партия из 1 320 пищалей, за которые в феврале-апреле было уплачено 1 900 руб. [Там же. Ф. 214. Оп. 3. Д. 273 (1647 г.). Л. 37, 55; Ф. 210. Оп. 6ж. Кн. 292. Л. 213 об.–214 об., 217 об., 222 об.]. Простой расчет показывает, что стоимость одной пищали, доставленной из Швеции, составляла около 1 руб. 44 коп. Привезенное в Москву огнестрельное оружие проходило дополнительную обработку в Немецкой слободе: пищали «простреливали», чистили и «орлили» (то есть ставили клеймо). Позднее в июне 1642 г. за эти работы старосте Старой Заяузской слободы было выплачено 21 руб. 72 коп. (по 3 коп. за каждую из 724 пищалей). Выделялись деньги также и на порох для «простреливания» пищалей. В конечном итоге себестоимость пищали «немецкого дела» достигала полутора рублей, что подтверждается, в частности, фактом перечисления в сентябре 1639 г. из Разрядного приказа в Стрелецкий 75 руб. за 50 пищалей «немецкого дела», розданных стрельцам, переведенным на казачью службу в новую крепость Яблонов [Там же. Ф. 210. Оп. 6ж. Кн. 292. Л. 211, 222; Кн. 293. Л. 210 об.; Ф. 214. Оп. 3. Д. 273 (1647 г.). Л. 47].

Не вызывает сомнений прямая связь между активизацией закупок огнестрельного оружия и усложнившимся из-за «азовского осадного сидения» международным положением Московского царства: на рубеже 1630–1640-х гг. приобретенное в Швеции оружие из Москвы отправляли в города южного пограничья – Воронеж, Белгород, Чугуев. В частности, в феврале 1639 г. в Воронеж послали 100 пищалей «немецкого дела»; в июне 1641 г. в один только Чугуев под пищали было нанято семь телег. Крупные оружейные склады были созданы в городах «Берегового разряда» – Туле, Переславле-Рязанском, Веневе, Крапивне и Одоеве: за 1639–1640 гг. сохранились записи о выдаче поденного корма «оружейным дозорщиком, которые на Туле и в иных городех у салдацкого и у драгунского ружья» [Там же. Ф. 210. Оп. 6ж. Кн. 292. Л. 215, 217 об.; Кн. 297. Л. 238 об.; Ф. 214. Оп. 3. Д. 273 (1647 г.). Л. 25, 27–31].

Приведенные нами данные показывают, что стоимость произведенного в России огнестрельного оружия равнялась примерно 2 руб. за ствол. При этом налаживание массового производства составляло проблему. Закупка шведского оружия большими парти-

³ Донские казаки осадили Азов в апреле 1637 г. и взяли крепость в июне того же года [Куц, с. 8–9]. Заказ на приобретение оружия в Швеции был сделан несколько ранее.

ями позволяла казне в конце 1630-х гг. приобретать его менее чем по полтора рубля за ствол. По заключенному Виниусом договору цена продукции его тульских заводов примерно соответствовала стоимости закупок в Швеции. Поскольку Виниус не справился с объемами производства, то можно предполагать, что и на шведский уровень себестоимости продукции выйти ему не удалось. Просто закупить недостающее число стволов на русском рынке и поставить их казне Виниус не мог из-за разницы в ценах. В условиях конкуренции в виде шведской оружейной продукции московские власти вряд ли могли пойти на какие-то серьезные финансовые уступки Виниусу. Это значит, что «военная тревога» 1637–1642 гг. вместо того, чтобы принести первому русскому заводчику прибыль, ухудшила его материальное положение. Ему пришлось восполнять убытки с помощью торговых операций.

До настоящего момента сведений о торговой деятельности Виниуса в тот период не имелось. Позволим себе процитировать фрагмент книги И. Н. Юркина, посвященный данному вопросу: «Если во время строительства заводов Виниус, как видим, продолжал торгово-предпринимательскую деятельность (вероятно, в ограниченном против прежнего объеме), то и после их пуска у него, полагаем, не было резона ее прекращать. Пока отношения Виниуса с компаньонами окончательно не испортились (период по начало 40-х годов включительно), у него, скорее всего, имелись и время, и силы, и желание заниматься торговлей. Его поездки за границу, в том числе по торговым делам, в это время достаточно вероятны. Документальных подтверждений их пока нет – выявленные к настоящему времени в Печатном приказе свидетельства о торговых сделках А. Д. Виниуса-отца (не связанных с реализацией заводской продукции), прервавшись в 1637 г., возобновляются только с 1648 г. ... – года, когда Виниус потерял заводы. Сохраняем надежду обнаружить их и для десятилетия, в течение которого Виниус состоял их совладельцем» [Юркин, с. 40].

Выявленные нами в РГАДА документы подтверждают предположение Юркина о продолжении торговой деятельности Виниуса. В приходо-расходной книге Посольского приказа 1638–1639 гг. обнаружены сведения о взятии с него судебной пошлины, а также «пересуду и правого десятку» на общую сумму 36 руб. 72 коп. Голландский предприниматель пытался взыскать с тяглеца Мясницкой полусотни Григория Логинова 365 руб. за не поставленное по уговору сало. Надежных свидетелей участники тяжбы, судя по всему, не нашли, и дело решилось крестным целованием – Логинов поклялся, что сало Виниусу поставил [РГАДА. Ф. 138. Оп. 2, кн. 2. Л. 11–11 об.]. Когда именно была совершена неудачная для Виниуса сделка с салом, мы не знаем. Известно, однако, что этот иск начали было разбирать в Земском приказе, но затем (видимо, по инициативе Виниуса) его передали в Посольский приказ, которому были подведомственны дела иностран-

ных торговцев. Однако вряд ли эта тяжба длилась годы. Скорее всего, салом Виниус пытался торговать незадолго до даты появления этой записи в документах Посольского приказа.

Другая торговая операция Виниуса имеет четкую дату. Судя по материалам архива Оружейной палаты, 28 июня 1639 г. по государеву указу голова Семен Старого получил четыре аршина темно-синего английского сукна стоимостью в 4 руб. за то, что 10 мая 1639 г. поймал Виниуса «с табаком» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 294. Л. 156 об.–157]. Табак русская церковь считала «сатанинским зельем», однако на практике им торговали вполне официально. Лишь 6 декабря 1648 г. появился указ Алексея Михайловича, по которому продажу табака запретили под угрозой битья кнутом, а имевшийся у целовальников запас табака предписывалось изымать в казну и сжигать [СГГиД, ч. 3, с. 443]. Однако потребление табака иностранцами не преследовалась и позднее. Судя по материалам археологических исследований тульских заводов Виниуса, какая-то часть живших на них людей курила. Археологи нашли здесь более десятка фрагментов голландских курительных трубок (Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», ГМЗ-КП-32/166–170; ГМЗ-КП-157/53–58; ГМЗ-КП-398/22. Экспонировались на выставке «Россия и Голландия: пространство взаимодействия» в ГИМ 18 июня – 16 сентября 2013 г.). Поимка Виниуса «с табаком» свидетельствует о том, что он попытался вести незаконную торговлю «адским зельем».

Четырехрублевые «дачи» стрельцам и солдатам наподобие той, что получил Старого, в расходных книгах Оружейной палаты – дело обычное. Как правило, такое вознаграждение следовало за воинские подвиги. За раскрытие преступлений государь жаловал крайне редко, но и среди таких пожалований большинство зафиксированных случаев касается не экономических преступлений, а различных «измен». Соответственно, речь в нашем случае должна идти о правонарушении крупного масштаба, разоблачение которого принесло казне немалую сумму.

В начале 1640 г. Виниус проиграл еще одно судное дело. На этот раз он пытался взыскать 146 руб. 90 коп. с дьяка Назария Чистого, возглавлявшего на тот момент приказ Большой казны. Как и в случае с Григорием Логиновым, стороны дошли до крестного целованья, однако непосредственно перед ним помирились: Виниус не только отказался от взыскания денег, но и обязался оплатить «пошлины, и пересуд, и правой десяток» в размере 14 руб. 91 коп. [РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 3. Л. 11 об.–12].

На первый взгляд, финансовые потери Виниуса не выглядят значительными: по результатам двух судебных тяжб он, будучи проигравшей стороной, был вынужден заплатить в общей сложности немногим более 50 руб. Впрочем, это не такая уж маленькая сумма, она примерно соответствует годовому окладу новопожалованного в дьяки приказного служащего; годовой прожиточный минимум жителя столицы в середине XVII в., по подсчетам О. В. Новохатко,

составлял 6–8 руб. [Новохатко, с. 540]. Не следует забывать и о том, что Виниус терял не только пошлинные деньги, но и лишался средств, за которые, собственно, судился. По двум искам это более 500 руб. Сумма очень солидная: годовое жалование сопоставимого размера тогда получали лишь самые влиятельные из бояр – И. Н. Романов, князя И. Б. Черкасский, Д. М. Черкасский, Б. М. Лыков, Ю. Я. Сулешев, а также Ф. И. Шереметев, И. П. Шереметев, Б. А. Репнин [РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Галич). Кн. 9. Л. 3; Оп. 1 (Боярские книги). Кн. 4. Л. 1; Ф. 141. Оп. 2. Д. 41 (1641). Л. 34; Боярская книга, с. 19–20]. Потерянных Виниусом 500 руб. было достаточно для выплаты годового кормового и хлебного жалования казакам двух пограничных городов – Великих Лук и Невеля [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 273 (1647 г.). Л. 39]; такая же сумма в течение года поступала в государеву казну из города Дмитрова [Там же. Ф. 141. Оп. 2. Д. 81 (1641 г.). Л. 38].

Приведенные данные позволяют взглянуть в новом свете на причины перехода около 1638–1639 гг. контроля над тульскими железоделательными заводами к компаньонам Виниуса Марселису и Акеме [Юркин, с. 30–31]. К середине 1638 г. у Виниуса возникли трудности, которые были связаны с невыполненным государственным заказом на производство 1 тыс. самопалов. Он пытался компенсировать убытки при помощи торговых операций, которые в предыдущие годы обеспечивали ему дополнительный денежный доход. Мы не знаем, какие именно проблемы возникли в связи с попытками Виниуса торговать салом, однако сам факт получения крупных убытков налицо. Тяжелое финансовое положение заставило Андрея Денисовича обратиться к нелегальным операциям с табаком, в чем следует видеть не проявление преступных наклонностей, а скорее жест отчаяния. Однако и здесь Виниуса ждала неудача и, надо полагать, очень серьезные убытки. Мы не знаем, какие дела голландский купец вел с дьяком Назарием Чистым, но и тут его ожидали неприятности. Торговые неудачи лишили купца возможности финансировать развитие заводов из собственных доходов и предопределили попадание предприятия в руки компаньонов.

Как ни странно, положительные для Андрея Виниуса последствия имела тяжба с Назарием Чистым. Примирение, видимо, было искренним, и позднее, между 1645 и 1648 г., Виниус стал одним из советников Чистого, близкого к главе русского правительства боярину Б. И. Морозову. В 1653 г. по помете дьяка Аникая Чистого (брата Назария) Андрея Виниуса, направленного в Любек, Гамбург и Амстердам, было велено писать «комисариусом», что давало ему официальный дипломатический статус [Юркин, с. 22, 47, 60]. Голландский купец все чаще выполнял поручения русского правительства, а позднее и вовсе принял православие. Примирение с дьяком Чистым принесло Виниусу дивиденды позднее. Период же между 1637 и 1640 г. был для голландца временем финансовых бедствий, оказавших серьезное влияние на всю его последующую жизнь.

Документ 1

**28 июня 1639 г. Запись в расходной книге Казенного приказа
1638/39 г. о выплате жалования Семену Старому за поимку
и привод с табаком Андрея Виниуса**

Того ж дни по государеву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу по памяти за приписью дьяка Ивана Патрекеева государева жалованья голове Семену Старому четыре аршина сукна аглинъского тмосинего, четыре рубли. А пожа (156 об.) // ловал государь ево за то, что в нынешнем во 147-м году мая в 10 день привели с табаком немчина Ондreja Виниуса (157).

[РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты).
Оп. 2. Ч. 1. Кн. 294. Л. 156 об.–157].

Документ 2

**1638/39 г., ранее 6 июля⁴. Запись в приходе-расходной книге
Посольского приказа о взятии пошлин с Андрея Виниуса
по его судному делу с Григорием Логиновым**

С судного с переносного дела, которое по государеву указу взято з Земского двора, что искал в Земском приказе галанской гость Ондрей Виниус Мясницкой полусотни на тяглеце на Гришке Логинове по записи за непоставленное сало трехсот штидесять пяти рублей, а Гришка сказал, что он за те деньги сало по уговору поставил, и в том он взял себе на душу. И по государеву указу то дело вершено, и учинена им вера, и Гришка Логинов поцеловал крест. А на нем, Ондрее, с того дела, в чом приговорена вера, довелось (11) // взяти пошлин тритцать шесть рублей с полтиною, да пересуду и правого десятку сем алтын две деньги, обоего тритцать шесть рублей дватцать четыре алтыны, и те пошлинные деньги у Ондreja Виниуса тритцать шесть рублей дватцать четыре алтына взято сполна (11 об.).

[РГАДА. Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем).
Оп. 2. Кн. 2. Л. 11–11 об.].

⁴ Датируется на основании следующей записи о приходе неокладных денег.

Документ 3

**1640 г., 21 февраля⁵. Запись в приходо-расходной книге
Посольского приказа о взятии пошлин с Андрея Виниуса
по его судному делу с дьяком Назарием Чистым**

С судного дела, что искал Галанские земли гость Ондрей Виниус на дьяке на Назарье Чистом иску своего ста сорока шти рублей тритцати алтын, и в том иску они меж себя у крестного целованья (11 об.) // помирились. А с того иску пошлины и пересуд, и правой десяток четырнатцать рублей тритцать алтын две денги перевел на себя гость Ондрей Виниус. И те денги у Ондрея Виниуса четырнатцать рублей тритцать алтын две денги взято (12).

[РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 3. Л. 11 об.–12].

Список литературы

- Боярская книга 1639 года. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1999. 266 с.
Куц О. Ю. Азовское осадное сидение 1641 года. М. : Фонд «Русские витязи», 2016. 60 с.
Лисейцев Д. В. Государственный бюджет Московского царства рубежа 1630–1640-х гг. : опыт реконструкции // Рос. история. 2015. № 5. С. 3–26.
Лисейцев Д. В. Переводчик Посольского приказа Игнатий Андреевич Кучин : (К вопросу о судьбе одного из «годуновских студентов») // Русский родословец. 2002. № 1. С. 4–8.
Никитин Н. И. Азовская эпопея 1637–1641 гг. и ее последствия // Воен.-ист. журн. 2015. № 9. С. 44–50.
Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М. : Памятники ист. мысли, 2007. 640 с.
РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Оп. 1. Д. 10 (1632 г.); Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Оп. 1 (Галич). Кн. 9; Оп. 1 (Боярские книги). Кн. 4; Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем). Оп. 2. Кн. 2, 3; Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. Д. 2 (1619 г.); Оп. 2. Д. 41 (1641 г.). Д. 81 (1641 г.); Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. бж. Кн. 91, 292, 293, 297; Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 3. Д. 273 (1647 г.); Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 2. Ч. 1. Кн. 294.
Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел : в 4 ч. М. : Тип. Селивановского, 1822. Ч. 3. XII + 540 с. (СГГиД).
Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М. : Наука, 2007. 588 с.

References

- Boyarskaya kniga 1639 goda* [Boyar Book of 1639]. (1999). Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 266 p.

⁵ Датируется по предыдущей записи о приходе неокладных денег.

Kuts, O. Yu. (2016). *Azovskoe osadnoe sidenie 1641 goda* [The Azov Siege of 1641]. Moscow, Fond "Russkie vityazi". 60 p.

Liseitsev, D. V. (2002). Perevodchik Posol'skogo prikaza Ignatii Andreevich Kuchin. (K voprosu o sud'be odnogo iz "godunovskikh studentov") [The Translator of the Ambassadorial Prikaz Ignatii Andreevich Kuchin. (On the Fate of One of "Godunov's Students")]. In *Russkii rodosloves*. No. 1, pp. 4–8.

Liseitsev, D. V. (2015). Gosudarstvennyi byudzhët Moskovskogo tsarstva rubezha 1630–1640-kh gg. : opyt rekonstruktsii [The Muscovite Tsardom's State Budget between the Late 1630s and the Early 1640s: A Reconstruction]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 3–26.

Nikitin, N. I. (2015). Azovskaya epopeya 1637–1641 gg. i ee posledstviya [The Azov Epic of 1637–1641 and Its Consequences]. In *Voенно-istoricheskii zhurnal*. No. 9, pp. 4–50.

Novokhatko, O. V. (2007). *Razryad v 185 godu* [Razryad in the Year of 185]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 640 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 96 (Snosheniya Rossii so Shvetsiei). List 1. Dos. 10 (1632 g.); Stock 137 (Boyarskie i gorodovye knigi). List 1 (Galich). Book 9; List 1 (Boyarskie knigi). Book 4; Stock 138 (Dela o Posol'skom prikaze i sluzhivshikh v nem). List 2. Book 2, 3; Stock 141 (Prikaznye dela starykh let). List 1, Dos. 2 (1619 g.); List 2, Dos. 41 (1641 g.), 81 (1641 g.); Stock 210 (Razryadnyi prikaz). List 6zh. Book 91, 292, 293, 297; Stock 214 (Sibirskii prikaz). List 3. Dos. 273 (1647 g.); Stock 396 (Arhiv Oruzheinoi palaty). List 2. Part 1. Book 294.

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del v 4 ch. [Collection of State Charters and Treaties, Kept in the State Collegium of Foreign Affairs. 4 Parts]. (1822). Moscow, Tipografiya Selivanovskogo. Part 3. XII + 540 p.

Yurkin, I. N. (2007). *Andrei Andreevich Vinus. 1641–1716* [Andrei Andreevich Vinus. 1641–1716]. Moscow, Nauka. 588 p.

The article was submitted on 11.08.2018

THE CULTURAL HERITAGE OF ANCIENT RUS': MODERN INTERPRETATIONS

DOI 10.15826/qr.2018.4.342

УДК 025.171(470.23–25)+2–137+2–57

АФОН: РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ В РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ*

Татьяна Исаченко

Российская государственная библиотека,
Москва, Россия

ATHOS: MANUSCRIPT COLLECTIONS OF THE RUSSIAN STATE LIBRARY

Tatiana Isachenko

Russian State Library,
Moscow, Russia

This article analyses documentary information on Athos kept in the Russian State Library, starting with the earliest times. The author traces the times at which the said records appeared and analyses the legend of the “drawing of lots” (whereby the Virgin Mary was dispatched to proselytise on Mount Athos after drawing lots with the apostles), whose dissemination relates to St Maximus and St Stephen of Athos and which is an integral part of the history of Athos. According to the author, heightened interest in Athos and its history was rooted in the self-perception of the nation at the time when Russia was forming as a centralised state, which coincided with Byzantium’s loss of its function of a “restraining” power. The self-perception as a spiritual successor brought about interest in Athos as the capital of monasticism, which was conditioned by the sacralisation of its sacred objects and their transfer to Russia in the 17th century. The legend of the drawing of the lots, connected in Russia with Sts Maximus and St Stephen, was later to reappear in *The Paradise of Mind*, a work published between 1658 and 1659 by the Iversky publishing house of Valday, in the third edition of Segius Shelonin’s *Azbukovnik*. As of the 1650s, the themes

* Работа осуществлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-50005-ОГН.

** Citation: Isachenko, T. (2018). Athos: Manuscript Collections of the Russian State Library. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 995–1014. DOI 10.15826/qr.2018.4.342.

Цитирование Isachenko T. Athos: Manuscript Collections of the Russian State Library // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 995–1014. DOI 10.15826/qr.2018.4.342 / Исаченко Т. Афон: рукописные источники в Российской государственной библиотеке // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 995–1014. DOI 10.15826/qr.2018.4.342.

of paradise, drawing lots, and flight into desert became the dominating themes of narratives in the creative work of writers of the Nikon era, particularly those of Solovetsky Archimandrite Sergii Shelonin. In the 1690s, the same theme appears in the short narrative of the Chudov Monastery by Hierodeacon Damaskin and the Greek pilgrim John Komnenos Molivd. In the 18th century, Athos was discussed in the notes of the Russian explorer Vasily Grigorovich-Barsky. All these facts prove that throughout the centuries, Athos attracted a lot of close attention, which was a result of the sacralisation of its space and artefacts.

Keywords: Athos; pilgrimage; handwritten sources; Orthodox relics.

Представлен анализ документальных известий об Афоне в фондах РГБ, начиная с самых ранних эпох. Прослеживается момент появления этих записей, анализируется легенда о «жребии», активное распространение которой связывается с именами святогорцев Максима и Стефана и которая является ключевой для истории Афона. По мнению автора, повышенный интерес к Афону, его истории продиктован самоощущением нации в момент становления России как централизованного государства, совпавшего с утратой Византией функции «удерживающей» державы. Самоощущение духовной преемственности породило повышенное внимание к Афону как к столице монашества, чему способствовала и сакрализация его святынь с перемещением их в XVII в. в Россию. Сюжет, бытование которого на Руси связывалось с именами святогорцев Максима и Стефана, позднее будет повторен в издании 1658–1659 гг. – «Рае мысленном», увидевшем свет в Иверской типографии Валдая, в третьей редакции Азбуковника Сергия Шелонина. С середины 50-х гг. XVII в. темы «рая», «жребия» и «бегства в пустыню» станут доминантами повествований в творчестве выдающихся книжников никоновской эпохи, в частности, соловецкого архимандрита Сергия Шелонина. В 90-е гг. XVII в. та же тема возникает в кратком повествовании чудовского иеродиакона Дамаскина, греческого пилигрима Иоанна Комнина Моливда. В XVIII в. тема Афона зафиксирована в записках русского путешественника Василия Григоровича-Барского. Все эти факты свидетельствуют о том, что внимание к Афону на протяжении веков было повышенным, чему способствовала сакрализация его пространства и артефактов.

Ключевые слова: Афон; паломничество; рукописные источники; православные святыни.

Существует определенная парадоксальность афонского сюжета в русской литературе, суть которой, непосредственно связанная с «блуждающим авторитетом» Афона [Буланин, с. 438], состоит в следующем. Если признать, что афонская традиция повлияла на возникновение русского монашества, и поверить в достоверность предания о пребывании на Афоне преподобного Антония Печерского [Thomson, p. 662–668; Назаренко, Турилов, с. 602–603; Назаренко, 2010], то нельзя не удивиться достаточно позднему отражению в древнерусской литературе описаний афонских святынь и преданий,

с ними связанных («монастырского фольклора»). Это становится особенно заметным при сопоставлении древнерусских паломничеств на Афон первой четверти XV в. (диакона Зосимы и др.), содержащих только «сухой перечень» святогорских обитателей, с древнерусскими хождениями на Святую Землю (игумена Даниила в начале XII в. и др.) и в Царьград (Добрыни Ядрейковича около 1200 г. и др.). Последние, по словам исследователя, не просто путеводитель или историко-географический справочник, но «акт священнодействия, почти литургическое действо», настолько эти описания эмоциональны и возвышенны [Бибигов, с. 33; Левшун, с. 193–194].

РГБ располагает ценными рукописями афонского происхождения и афонской тематики, среди которых можно выделить тексты, вывезенные с Афона, тексты, создававшиеся на Афоне, и те афонские «сказания», которые записывались на Руси под диктовку со слов приезжавших в Московию афонитов либо составлялись под впечатлением прочитанного и увиденного своими глазами. Рукописи Троицкого и Иосифо-Волоколамского монастырей, собраний Е. В. Барсова, В. И. Григоровича, Е. Е. Егорова, Н. С. Тихонравова, Музейного собрания и собраний Оптиной пустыни, В. М. Ундольского, А. С. Норова, многие другие коллекции собирателей, пополнившие фонды Московского публичного и Румянцевского музеев, содержат бесценные свидетельства если не прямых контактов, то взаимного притяжения Руси и Афона. Сохранившиеся в записях писцов, заказчиков, владельцев, дарителей и паломников, отчасти забытые, эти тексты нуждаются в новом прочтении.

Документальные свидетельства об Афоне – большая редкость, и всякий новый текст привлекает внимание. Следует признать, что документальных подтверждений контактов Руси с Афоном и афонитами до XIV в. немного, и они разнохарактерны. Если не считать сделанной по-гречески записи игумена афонского монастыря «Рос» Герасима на акте 1016 г., описаний нескольких предметов из имущества афонского монастыря Ксилургу, сопровождающихся определением «русский»¹, то другие факты из домонгольского периода существуют за пределами письменных источников. Тем не менее, они свидетельствуют об авторитете Афона как образца иноческой жизни. По мнению Е. В. Романенко и А. А. Турилова, периодическое возникновение на Руси в разные эпохи обитателей, именуемых «святогорскими», – одно из таких свидетельств [Романенко, Турилов, с. 149, ст. 2].

Ответом на благословение Святой Горы, полученное преподобным Антонием Печерским, посетившим Афон в XI в., является посвящение главного кафедрального собора Киева Богородичному Успению, что становится знаком сакральной связи Руси и Афона [Повесть времен-

¹ Документ на пергамене, на оборотной стороне имеются записи на греческом языке: одна – XIV, две – XIX в. Место хранения: Архив Великой Лавры, ящик 1, док. 173. Списки акта содержатся в рукописных картуляриях Феодорита (Théodoret), монахов Сергея и Маттии (Sergeet Matthieu) под названием «Codex 3» и в досье Спиридона. См.: [Алексий (Корсак), с. 25, прим. 5; Назаренко, Турилов, с. 602–603; Бибигов, с. 17–40; Кузенков, с. 41–54].

ных лет, с. 122]. Храм Успения Пресвятой Богородицы впоследствии заложил Андрей Боголюбский и во Владимире, уподобив, таким образом, новые русские святыни существовавшему в русском монастыре Ксилургу (Древодела) на Афоне храму Успения (XI в.). Со всей очевидностью можно констатировать, что «за спиной» русских Успенских соборов стоит Афон [Павел Хондзинский, с. 80]. Падение Константинополя под натиском турок-османов (1453) и связанная с ним Флорентийская уния 1439 г. изменили контуры христианского мира. Оба события вызвали как на Руси, так и в странах православного мира схожую реакцию: уния воспринималась как непосредственное следствие падения Константинополя. «Великий Рим» как центр католического мира начал противопоставляться Греческому царству как физическая и духовная субстанции. Первый продолжал сохранять материальное величие («стены не пленены»), но была утеряна его духовная сущность (души «пленены» дьяволом). «Греческое царство» взяли турки (материальная, физическая субстанция государственного образования прекратила существование), но завоеватели не принуждали греков отступать от веры, и духовная сущность народа сохранилась. Рукописи, непосредственно связанные с Афоном, свидетельствуют о большом интересе в этот период к творчеству преподобного Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, трудам Василия Великого, Василия Нового, богословие которых было развито и приумножено исихастами – Григорием Синаитом, Филиппом Пустынником, Григорием Паламой, Нилом и Николаем Кавасилами. Умонастроения этих подвижников нашли отражение в русском искусстве и монастырской книжности той поры. Памятники архитектуры, шедевры иконографии, прекрасно оформленные рукописи украсили монастырские библиотеки сначала Афона, потом Руси. Перемещение рукописей из одного православного центра в другой, из одной общепризнанной общины в другую (Константинополь, Парория, Салоники, Иерусалим, святогорские обители Зограф, лавра Святого Афанасия, Хиландарский монастырь) укрепляло афонские связи православных народов [Сырку, с. 456–457; Яцимирский, с. 360; Маслов, с. 17–28]. Эти перемещения неизменно включали в свою орбиту крупнейшие духовные центры восточных и южных славян, других православных народов. На Руси важнейшим из них была обитель преподобного Сергия. Старейшие рукописи Троицкого собрания первой четверти XIV в. позволяют увидеть в книжности Свято-Троицкого монастыря влияние Афона и тех тенденций, которыми были окрашены умонастроения эпохи.

Рукописное наследие, хранящееся в РГБ, дает возможность убедиться, что «хождения» на христианский Восток в старину почти всегда сопровождалось посещением Афона, а исследователи сегодня имеют возможность опираться на достаточно широкий круг источников и их описаний. Архив Русского Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне содержит материалы, убедительно подтверждающие тот факт, что разрыва в духовной жизни между Россией и Афоном никогда не было [Шумило].

Если обратиться к легендарному прошлому Афона, то нельзя не увидеть, что ключевой для его истории стала легенда о «жребии» Пресвятой Богородицы, письменная фиксация которой, по всей видимости, отражает устное предание [Брюсова, с. 184–185]. Подробный разбор афонских «сказаний» с публикацией оригинальных текстов по различным источникам, в том числе славянским, а также по сообщениям П. Рико (Амстердам, 1698), Иоанна Комнина (Бухарест, 1701), И. Гейнекция (Лейпциг, 1711), В. Г. Григоровича-Барского (1744), составил епископ Порфирий (Успенский) во второй части своей «Истории Афона» [Порфирий (Успенский), с. 129–131; Православная энциклопедия, с. 103–181].

Сюжет о «жребии» Пресвятой Богородицы вскользь упоминается и в «посланиях» Максима Грека, обращавшегося к воспоминаниям о Святой Горе в разные периоды своего творчества [Исаченко, с. 101–108]. Однако в историографии рассказ о «жребии» связывается более с начальной частью сочинения «Вопрошание известно от неких, пошто от тридневнаго Воскресения Христова до Фомины субботы не воздвизается Пречистыя хлебца...», на что впервые обратил внимание А. А. Турилов [Турилов, 2005, с. 467]. В виде отдельной повести славянский перевод «Воспоминания» датируется сегодня временем не позднее 20-х гг. XVI в. [Троицкая, с. 142–144]. Отредактированный вариант представлен в рукописи первой трети XVI в. [РГБ. Ф. 304 (Троицкое собрание). № 686]. «Воспоминание» зафиксировано, вероятно, по «расспросным» речам приезжих афонских старцев и включено в литературный конвой Хронографа ред. 1512 г., после чего представлено в краткой редакции Хронографа под названием «Повесть о приходе Пречистыя Богородицы во Афонскую гору в данный ей жребий».

Касаясь происхождения апокрифа о путешествии Пречистой Девы, посещении Ею Афона, принятии «жребия», Д. М. Буланин пишет об отделении его от других статей афонского сборника «Патриа», бытовавшего на Афоне и перенесенного на Русь достаточно рано, в конце XV в. [Буланин, с. 532–533; *Λάμπρος*, s. 116–161]. След этого перевода, вероятно, мы видим в отрывках Стишного Пролога [РГБ. Ф. 87 (Григорович). № 24/8, вт. четв. XVII в.], где на л. 12 об.–16 об. читаются статьи: «Воспоминание от части святыя горы Афонския глаголемая Отъчество» (л. 12 об.–15), «И в Откровении святаго Иоанна Евангелиста сице свидетелствую о Афонския Святыя Горы» (л. 15–15 об.), «О святой Нино и о Константине Великом» (л. 15 об.–16), «О иже о священной обители Ватопедскыи» (л. 16–17)².

² Последовательность текстов Пролога соответствует композиции «Патриа», на две публикации которого в XIX в. ссылается Д. М. Буланин. В рукописи Григоровича присутствуют апокриф «Воспоминание отчасти...», толкование сюжета Апокалипсиса о жене, бежавшей в пустыню (Откр. 12 : 6), где пустыня признается Афонской горой, краткая заметка о крещении иверов и святой Нино, заметка о строительной деятельности Константина Великого и разрушениях Юлиана Отступника, известие о появлении у берегов Афона Иверской иконы, статьи о Зографском образе святого Георгия и о Чуде с грибом в Ксиропотаме. Данная композиция аналогична той, которая представлена в сборнике «Патриа» (публ.: [*Λάμπρος* Σλ. Π., s. 116–161]).

Дополнительное расширение в заглавии апокрифа, включенное в заголовок («Воспоминание от части святыя горы Афонския, глаголемая Отъчество»), указывает, по всей видимости, на источник заимствования – упомянутый афонский сборник «Патрия». Обе статьи Стишного Пролога, помещенные в чтениях Пролога на 26 декабря (Собор Пресвятой Богородицы), связаны с культом Богоматери. Вполне вероятно, что сюжет о чудесном явлении Афону Богородицы в первые десятилетия христианства был отредактирован вторично. Это произошло, судя по всему, не позднее конца 1590-х гг., и переработка была осуществлена выдающимся украинским полемистом Иоанном Вишенским, подвизавшимся на Афоне. Позднее в этой редакции две «Богородичные» статьи вошли в состав книги «Рай мысленный», изданной типографией Иверского монастыря на Валдае (1658–1659).

Таким образом, рассматриваемые источники позволяют утверждать, что афонский опыт усваивается в это время не непосредственно, а через промежуточные звенья, он переносится в устной форме, в виде рассказов святогорцев. Так, через двойной «перевод» (сначала списана в Святой Горе, потом переписана для нужд братии), влияние Афона проникло в русскую книжность.

В XVI в. большой интерес к Афону проявлял митрополит Макарий, чему способствовала ученая деятельность афонского книжника Максима Грека, приглашенного на Русь и удерживавшегося здесь до самой его кончины. От этого времени до нас дошли небольшие по размеру «сказания», под которыми подразумеваются самые разные тексты – краткие донесения о состоянии обителей, просьбы о милостыне на поддержание монастырей, «афонские» статьи Максима Грека, написанные в Москве, и «афонские» статьи, направленные восточными патриархами в защиту Максима Грека. Показательна в этом смысле история русского Азбуковника, создававшегося в духе объединительных предприятий XVI в. и напрямую связанного с филологической деятельностью Максима Грека [Ковтун, с. 10–20].

Так, в первые годы своего пребывания в России Максим Грек составил три «сказания», посвященные афонским монастырям [Журова, с. 45–53]. Первое – «Послание об устройстве афонских монастырей» (1518–1519) [Преподобный Максим Грек, с. 119–132] – являлось ответом на запрос московского великого князя Василия III об организации иноческой жизни на Афоне. Государь, вовлеченный в дискуссию о нестяжательности монастырей на Руси, высказал желание узнать от греков, как обустроены знаменитые афонские обители. Востребованность темы обусловлена дискуссией о вотчиновладении монастырей и формах монашеского устройства на Руси. Но наш интерес к этому посланию определяется тем обстоятельством, что в нем упомянута легенда о «жребии» Пресвятой Богородицы:

Начну же сице нѣкако. Гора убо Афонъ преименована послѣди Гора Святаа ради пришествиа, бывшаго в ней древле, якоже древняя вѣсть предасть, еще живѣ Богоматери, егда къ Кипру прехожаше видѣти Лазаря, и ради краине добродѣтели и святыни подвизавшихся божественных мужей в ней древними времены. Есть убо гора Македонии Селунскаго краа, къ морю простирается внутрь моря къ востоком на сто врѣст, якоже непшую, яже отъ прѣваго вхождениа еже в неа, егоже сице нѣкако глаголемъ Мегалин Вигланъ сирѣчь Велиа Стража...³

К раннему периоду творчества относятся два небольших послания Максима Грека об Афоне. Это статья «О Святой Горе и афонских монастырях», текст которой не издан [РГБ. Ф. 256 (Румынское собрание). № 264. Л. 133 об.–134]⁴. Вторая статья – «Сказание старца Максима Святыа Горы къ старцу Васиану о Святой Горе жительства» [Преподобный Максим Грек, с. 341–342], сохранившаяся в Троицком собрании [РГБ. Ф. 304/1 (Троицкое собрание). № 200. Л. 14 об.–15 об.]. Второе сочинение Максима Грека о Святой Горе, написанное им в конце жизни и сохранившееся в единственном списке, – «Сказание об афонских монастырях» – несет печать ностальгических воспоминаний [РГБ. Ф. 256 (Румынское собрание). № 264. Л. 195 об.–199 об.]⁵.

Рассматривая первую из указанных статей (послание «об устройстве афонских монастырей» Василию III) и касаясь ее содержания, можно выявить несколько тем, часть которых обращена к легендарной истории Афонской горы, ее именованию, топографии, устройению монашеского жития. Максим Грек указывает на факт присвоения горе нового имени («преименована послѣди Гора Святаа»), связывая его с посещением Афона Божьей Матерью, с добродетельной жизнью древних иноков («и ради краине добродѣтели и святыни подвизавшихся божественных мужей в ней древними времены»). Ученый грек называет также известное ему именование верхней части горной цепи, ее остроконечного мраморного пика («Мегалин Вигланъ, сирѣчь Велиа Стража»), которое служит точкой отсчета при указании географических координат полуострова (данные сведения с уточнениями повторяются в начале второй статьи Максима раннего периода «О Святой Горе и афонских монастырях»: «долина ея на сто врѣст начинается же от глаголемыа Мегалиа Вигла, еже есть по руски Велика Стража, а кончается же в лаврѣ святаго Афонасиа афонскаго» [РГБ. Ф. 256 (Румынское собрание). № 264. Л. 133 об.]). Ученый упоминает известную ему легенду о посещении Богородицей Афона, «егда къ Кипру прехожаше видѣти Лазаря», говорит о местоположении

³ Цит. по: [Преподобный Максим Грек, с. 119–132].

⁴ Рукопись датируется 1551–1555 гг. См.: [Синицына, с. 248–261]. См. также: [Востоков, с. 366–374; Журова, с. 45–53].

⁵ Публикация: [Ржига, с. 95–99].

Святой Горы, о ее холодных климатических зонах («не обрѣтается что ино тамо, развѣ трава нѣкаа малѣишаа в каменных щелѣх»), об устройстве монашеского жития на Святой Горе.

Творческая переработка сказания о «жребии» спустя столетие появляется в третьей редакции «Азбуковника» Сергия Шелонина около 1658 г.⁶, когда неуклонно возрастает авторитет Максима Грека и получают широкое распространение списки его трудов.

«Азбуковник» Сергия Шелонина, как известно, создавался поэтапно⁷. Небольшая статья о горе Афон присутствует уже в первых двух его редакциях: «В Македонии Афонская гора, ныне ту Гору Святую называют» (первая редакция: [БАН (Основное собрание). 33.9.1, 40-е – нач. 50-х гг. XVII в. Л. 84 об.]); «В Македонии Афонская гора тол<куется> бессмертнаа гора⁸, ныне ту гору Святою называют» (вторая редакция: [РГБ. Ф. 299 (Тихонравов). № 338, не позднее 1653 г. Л. 48 об. / 43 об. по верх. прав. углу]). По сути, здесь повторена статья Азбуковника второго типа [Ковтун, 1989; Коваленко, с. 362–372], где топоним «Святая гора» толкуется в традициях народной этимологии («афоньскаа. а по руски бессмертнаа. по гречески афонасиось. а по руски бессмертие»: [РНБ (Погодин). № 1145. Л. 35 об.]).

В третьей редакции энциклопедии соловецкого книжника описание значительно расширено и уточнено:

В Македонии Афонская гора тол<куется> бессмертная гора, яже глаголется Святая, или самый верхъ Святыя Горы. А нынѣ ту Гору Святую называютъ турки и греки елински Энурос. Ниже стих 247. Зѣло крута и долга, дорога по ней лежитъ впрямь до конца, а по обѣим сторонам дороги монастыри многие греческие. Писано о них в сем Алфавитѣ порознь в буквах, а длиною повѣдаютъ, от входу до конца в море – три дни ходу пѣша человека, а поперег – два дни ходу. А стоять в мори к полудни от Царяграда отстоитъ десять дней посуху... [РНБ (Соловецкое собрание). № 18/18, ок. 1660 г. Л. 70 об.].

Хотя наименование *бессмертная* здесь ошибочно повторено, к описанию добавлены другие названия («ту Гору Святую называютъ турки и греки елински Энурос»), сведения о ландшафте («зѣло крута и долга, дорога по ней лежитъ впрямь до конца»), о расположении монастырей Святой Горы («а по обѣимъ сторонамъ дороги монастыри многие греческие»). Сергей Шелонин приводит данные о редких

⁶ Работа над дополнительными статьями продолжалась до 1663 г. (дата смерти книжника), см.: [Сапожникова, с. 344–345].

⁷ Текст начинается со слов: «В Македонии Афонская гора...», содержит краткое толкование названия у македонцев и греков, сведения географического, топографического, фитонимического характера.

⁸ О. В. Панченко отмечает, что в чтении Азбуковника автор ошибочно возводит название Афонской горы к греч. «афанасия» (бессмертная), встречающееся в Хронографе редакции 1512 г.: «И оттоле начала нарицатися Святая гора Афонская сиречь бессмертная» [Панченко, с. 501].

растениях, имеющих значение для жизни Церкви и монашества. В заключительной части «Азбуковника» Сергия Шелонина («Летописец с прибавками»)⁹ афонские статьи соединены в отдельный блок из двух повестей («Сказание отчасти...» и «Повесть о Ватопедском монастыре») и четырех небольших статей: на л. 644–649 об.¹⁰ читаются статьи, три из которых принадлежат Максиму Греку, и одна – хиландарцу Исае. Тексты опубликованы [Панченко, с. 498–508]. Сюжет о «жребии», который ранее был проанализирован нами в связи с обращением к творчеству Максима Грека, стал доминирующим в сказаниях XVII–XVIII вв. Если в XVI в. Русь еще только вступала на путь фиксации чудесных проявлений святости чудотворных икон, то нельзя не учитывать, что в XVII в. Иверский образ, перенесенный на Русь в нескольких списках, уже получил особое признание. Легенды о нем составили содержание книги «Рай мысленный», изданной на Валдае в 1658–1659 гг. [Книги кирилловской печати, с. 138].

После поездок на Афон Арсения Суханова в середине XVII в. дипломатический трафик на Восток возобновляется. Прославление Иверского образа, выделенного из ряда других чудотворных святынь Афона архимандритом Никоном (впоследствии патриархом), явилось отражением стремления получить охранительницу Нового Иерусалима, перенесенного в пространство Святой Руси [Белоброва, с. 325]. Образ Богородицы Иверской, охранная функция которого (при вратах) прочно связывалась с архитектурой, стал знаковым для Москвы. Строительство Иверского монастыря на Валдае сделало его знаковым для всей России. Для нашего обзора важно указать на факт включения в цикл апокрифического текста «О жене, бежавшей в пустыню», который использует в заключительной части своего сказания об Афонской горе еще один одаренный автор XVII в. – иеродиакон Дамаскин. Это известное толкование стиха из «Апокалипсиса», где жена признается Церковью, а пустыня – горой Афонской (Откр. 12 : 6).

Рукописи иеродиакона Дамаскина существуют в ограниченном количестве списков. Этот автор был хорошо известен своими сочинениями не только современникам, но и археографам XIX в., выделявшим его из всех писателей допетровской поры [Леонид (Кавелин); Яхонтов]. Книги с пометой «Дамаскинова» присутствуют в собраниях ЯИХМЗ, ГИМ, РГБ. Не столь давно археографами был выявлен гимнографический сборник, составленный иеродиакон Дамаскином в Новоиерусалимском монастыре [Позднеев, с. 419–428]. Тематический стержень новоиерусалимского сборника – песнопения Пресвятой Богородице, записанные рукою Дамаскина (а также монаха Евфимия Чудовского), в том числе эпические песни «О Пресвятая Марие Девице» и «Что Тя именуем, Обрадованная...», написанные

⁹ «Книга Алфавить большой с прибавками и с Летописцем в десть», как сказано в описи 1658 г.: [Сапожникова, с. 355].

¹⁰ Номера листов указаны по рукописной пагинации в правом верхнем углу.

в 1654–1655 гг. С именем чудовского иеродиакона связаны повествования о чудесах Богородицы в книге Агапия Критянина (Ландоса) «Грешных спасение» («Ἐμάρτων ἁγιασμοὶ») ¹¹, перевод «Проскинитария Святой Горы Афонской» Иоанна Комнина Моливда и «повествование» о том, «чем разнствует Святая гора Афон от нашего Соловецкого монастыря».

Почти забытые сегодня, описания русского иеродиакона Дамаскина и константинопольского вельможи Иоанна Комнина (1657–1719), посещавших Афон в одно и то же время, относятся 1690-м гг. [Pantos]. Краткий, но содержательный рассказ Дамаскина о том, как живут, что едят, чем спасаются монахи, что произрастает на полуострове (содержание оригинальной статьи), дополнен рассказом переводного «Прокринитария», подготовленного к выходу почти одновременно с греческим печатным изданием («Προσκυνητῆριον τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἄθωνος... Τύποις Ἀνθίμου Ἱερομονάχου τοῦ ἐξ Ἰβηρίας. Ἐν τῇ μονῇ τοῦ Συναγωγίου, αψα'») (Бухарест, 1701). Дамаскин отмечает верность святогорцев традиции («понеже древнее тамо жителство», «яко столпи в своем житии образ к добродетели подают», «в Афонской же Горе предстательством Богородицы цело все стоит по старому, яко же прежде, кресты на церквах, и звоны по прежнему, и пушки на монастырских стенах и на башнях, и стрелять из них незаказано»), его интересуют уклад жизни, устройство скитов («живут чином прямым скитским»), число монастырей и численность монашествующих (20 древних монастырей на Афоне «и ныне в целости»; «толико много пустынников, что перечести их невозможно»). Автор обращает внимание на строгость монашеского уставного жития («безбородого не постригут»). С особым благоговением Дамаскин пишет о святынях Афона, описывая скит святой Анны, прилепившийся к горе подобно ласточкину гнезду, скит Карес и столп святого Саввы Сербского (где Дамаскин «видел и читал, и себе, ради пользы, списал» ¹²), переписанный рукой святого Саввы его келейный устав, скит святого Димитрия («от Ватопеда недалеко»).

В описании Дамаскина присутствует много практических наблюдений, например, как из виноградной лозы делают невод («посекают дикие винограды и делают из них веревки к неводам»), а также веревки для сушки белья («при келиях от стены до стены простирают, и воскидают на них, аки на веревки мокрое платье и сушат»). Живой интерес паломника вызывают отработанная на Афоне технология выращивания винограда, а также производство церковного вина и оливкового масла («идеже построен завод великий», л. 28 ¹³), практические приспособления, которыми пользуются монахи.

¹¹ Евфимий и Дамаскин сделали перевод этого сочинения на церковнославянский язык, озаглавленный «Книга презрядная, именуемая Амартолонъ сотирія, сиречь Грешныхъ спасеніе» (неопубл. — [БАН. П.І.В.14] (прежн. № 31.6.38).

¹² Список «с предания св. Савы Сербскаго слово в слово» в рукописи ЯИХМЗ следует непосредственно за «Сказанием» Дамаскина (л.166 об. – 169 об.).

¹³ Текст цитируется по списку: [РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 3058. 1731 г.].

В переведенном тем же Дамаскином «Проскинитарии» об увиденном на Святом Афоне говорится уже иначе – книга содержит сведения о жизни Святой Горы, ее строениях и сокровищах в относительно раннюю эпоху, причем предпочтение отдано рисовкам, многие из которых являются уникальными. Кроме 20 монастырей, включенных Иоанном Комнином в повествование, представлены также описания Протата и скита святой Анны, их святынь. Одни описания в записях Комнина более пространны (описание Ватопеда), другие кратки (монастырь Григориата). Комнин упоминает, что в его дни монастыри Хиландар, Зограф, Ксенофонт и Святого Павла находились у сербов и болгар. Многие храмы и трапезные монастырей, которые описал Комнин, сегодня, к сожалению, не существуют. Они либо сгорели, и на их месте построили новые, либо пришли в ветхость и были обновлены¹⁴. Не сохранились до наших дней и некоторые живописные произведения, о которых упоминает автор (не существуют изображения трапезной монастыря Ставроникита – корень Иисуса и «древние философы с Сивиллой»). Живость описаний и легкость выражений, искренность, чистота и благонравие погружают читателя в атмосферу возвышенного настроения, которое было прочувствовано и точно передано в «Проскинитарии». Следует сказать, что до появления путевых заметок Василия Григоровича-Барского [Три древних сказания; Григорович-Барский] подобных развернутых описаний Афона в русской литературе вообще не существовало¹⁵. Оригинальная и переводная статьи иеродиакона Дамаскина замыкают собой древнерусский период отечественной книжности, одновременно открывая новую страницу «пилигримаций» XVIII–XIX вв. Не исключено, что иеродиакон Дамаскин, подобно иным русским посланникам и поклонникам, скончался на Афоне, куда, вероятно, с началом петровских реформ предполагал уехать и его покровитель Иов, митрополит Новгородский и Великолуцкий (1624–1716; хиротония с 1697 г.).

Среди сохранившихся шести списков «сказания» Дамаскина об Афоне и Соловецком монастыре две рукописи сегодня принадлежат РГБ. Одна из них, владельцем которой был служащий канцелярии Троице-Сергиевой Лавры Антон Шешков [РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 3058. Л. 403–435. 1731 г.], соединяет «сказание» иеродиакона Дамаскина с более ранними текстами афонской тематики, другая (конволют) – с рукописью «Путника» Варлаама, следовательно, с хождениями и «пелигримациями» к Святому Иерусалиму [Там же. № 3111. Л. 1–24].

В заключение обзора отметим характерную особенность русского восприятия Афона. Она имеет индивидуальные черты и характеризу-

¹⁴ Цитируя эти подробности переписки Иоанна Комнина, мы опираемся на текст предисловия иеромонаха Иустиноса к фототипическому изданию, переизданный: [Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ Προσκυνητάριον].

¹⁵ Известное на Руси со времен Максима Грека повествование об Афоне преподобного Стефана Святогорца, вероятно, Иоанну Комнину Моливду знакомо не было.

ется поисками типологических сходств между афонским полуостровом и общерусскими национальными святынями, одной из которых всегда на Руси считался географически изолированный Соловецкий архипелаг. Эта параллель закреплена в устойчивой формуле «Северный Афон», известной на Руси издревле (первым на это указал О. В. Панченко, проанализировавший Волоколамский сборник [РГБ. Ф. 113 (Иосифо-Волоколамский монастырь). № 659, 30-е гг. XVI в. Л. 360 об., 363 об., 364]. Как в XVI, так и в XVII в. это подталкивало к раздумьям русских книжников, искавших идею подобия. В процессе поиска аналогий сам религиозный феномен Афона с его легендарными сюжетами о Пресвятой Богородице стал частью русского реликвария.

* * *

XVII в. дает нам две важные вехи сакрализации Афона – устройство патриархом Никоном Иверского монастыря на Валдае и издание книги «Рай мысленный», содержание которой тесно сопряжено с легендами, зафиксированными устной традицией, и источниками не позднее XVI в. Анализ «сказаний» об Афоне, вышедших из-под пера таких замечательных книжников, как архимандрит Сергей Шелонин и чудовский иеродиакон Дамаскин, убеждает, что круг источников, на которые опираются эти писатели, выходит далеко за пределы XVII в. Он охватывает и оригинальные статьи, принадлежащие перу Максима Грека, и литературную компиляцию Стефана Святоторца, основанную на устных преданиях Афонской Горы и дважды переведенную на Руси. Можно предположить, что сама идея составления алфавита-тезауруса была навеяна Сергию Шелонину обаянием личности Максима Грека, его энциклопедической деятельностью и его источниками. Идея появления книги, вбирающей в себя весь круг читаемой литературы, роднит «Азбуковник» Сергия Шелонина с объединительными мероприятиями XVI в. – Хронографом русской редакции 1512 г. и Великими Минеями Четьими митрополита Макария. То же можно сказать и о повествовании иеродиакона Дамаскина, краткие, но выразительные характеристики которого позволяют почувствовать ритм монастырской жизни Афона, его историю, внешнее и внутреннее устройство святогорских обителей, их труд и быт, а также чудеса, ниспосланные для сохранения святости места, – все то, о чем поведал в своих рассказах об Афоне Максим Грек, задушевно беседовавший в начале своего пребывания на Руси с великодержавным князем, побуждая его проникнуться любовью к Святой Горе.

Краткий обзор источников, в которых нашел отражение сюжет о легендарном посещении Святой Горы Пресвятой Богородицей, несмотря на свою относительную молодость (не ранее конца XV в.), указывает на то, что влияние святогорских традиций и легенд было устойчивым, о чем свидетельствует интерес к афонскому наследию, начиная с первых этапов христианизации Руси вплоть до сегодняш-

него дня. Без преувеличения можно сказать, что история православия в России неразрывно связана с монастырями Святой Горы Афон, а монастырская книжность – со святоотеческим преданием. С Афона через Киев была перенесена монашеская традиция как образец православной духовности, общей для иноков и мирян.

Список литературы

Алексий (Корсак), иером. Русь и Афон: преподобный Антоний Киево-Печерский – основатель афонского подвижничества на Руси // Афон и славянский мир: материалы междунар. науч. конф., посв. 1000-летию присутствия русских на Святой Горе (Киев, 21–23 мая 2015 г.). Сб. 3. Святая Гора Афон : Пантелеймонов монастырь, 2016. С. 23–44.

Афон и славянский мир : материалы междунар. науч. конф., посв. 1000-летию присутствия русских на Святой Горе, Белград, 16–18 мая 2013 г. / сост. и науч. ред. Ж. Л. Левшина. Сб. 1. Святая гора Афон : Пантелеймонов монастырь, 2014. 347 с.

Афон и славянский мир : материалы междунар. науч. конф., посв. 1000-летию присутствия русских на Святой Горе, Киев, 21–23 мая 2015 г. / сост. и науч. ред. Ж. Л. Левшина. Сб. 3. Святая гора Афон : Пантелеймонов монастырь, 2016. 453 с.

БАН (Основное собрание). 33.9.1; П.І.В.14; прежн. № 31.6.38.

Белоброва О. А. Икона Богоматерь Иверская в России // Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. М. : Индрик, 2005. С. 324–339.

Бибиков М. В. Русские монастыри на Афоне и в Святой Земле в свете новых и малоизвестных источников // Русь – Святая гора Афон: тысяча лет духовного и культурного единства : междунар. науч. конф. в рамках юбилейных торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присутствия русских монахов на Святой горе Афон. М. : Синод. отдел по монастырям и монашеству Рус. православ. церкви, 2017. С. 17–40.

Брюсова В. Г. Тверской епископ грек Нил и его Послание кн. Георгию Ивановичу // ТОДРЛ. Т. 28. Л. : Наука, 1974. С. 184–185.

Буланин Д. М. Опыт комплексного описания. Афон в древнерусской письменности до конца XVI в. : Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке // СККДР. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 3. Библиогр. доп. Прил. СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. С. 427–763.

Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1842. 899 с.

[*Григорович-Барский В. Г.*]. Второе посещение Святой Афонской горы Василья Григоровича-Барского, им самим описанное. СПб. : Афон. рус. Пантелеймонов монастырь, 1887. 417 с.

Гурий (Гусев), иером. Афонские корни Троицкой книжности : К 1000-летию русского монашества на Афоне // Свято-Троицкая Сергиева лавра [официальный сайт]. URL: <http://www.stsl.ru/lib/ieromonakh-guriy-gusev-naselnik-svyato-troitskoy-sergievoy-lavry/afonskie-korni-troitskoy-knizhnosti> (дата обращения: 17.04.2018).

Жаворонков П. И. Никейская империя и княжества в Древней Руси // Византийский временник. Т. 43. М. : Наука, 1982. С. 81–89.

Журова Л. И. Преподобный Максим Грек и митрополит Даниил: послания об иноческом жительстве // Труды Київської Духовної Академії. Київ : Вид. відділ УПЦ, 2016. № 25. С. 45–53.

Иоаннисян О. М., Черненко Е. Е. Афонские традиции в зодчестве Древней Руси // Афонское наследие. Вып. 1–2. Киев : Междунар. ин-т афонского наследия в Украине, 2015. С. 432–433.

Исаченко Т. А. Образ Афона в афонских сказаниях преп. Максима Грека и Сергия Шелонина // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии : материалы III Всерос. науч. конф., посв. памяти акад. РАН Николая

Николаевича Покровского. Новосибирск, 13–15 окт. 2017 г. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН. С. 101–108. (Сер. Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).

Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках / сост. А. С. Зернова. М. : Тип. Б-ки им. В. И. Ленина, 1958. 150 с.

Коваленко К. И. Соловецкий азбуковник Сергия Шелонина: позднейшие редакции // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Вып. 14. СПб. : Нестор – История, 2016. С. 362–372.

Ковтун Л. С. Азбуковники // СККДР. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1. А – Кл. М. : Наука, 1988. С. 10–20.

Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. : Старшая разновидность. Л. : Наука, 1989. 293 с.

Кузенков П. В. Святая Гора Афон в русско-византийских отношениях XI–XV вв. // Русь – Святая гора Афон: тысяча лет духовного и культурного единства : междунар. науч. конф. в рамках юбилейных торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присутствия русских монахов на Святой горе Афон. М. : Синод. отд. по монастырям и монашеству Рус. православ. церкви, 2017. С. 41–54.

Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVI вв. Минск : Экономпресс, 2001. 351 с.

Леонид (Кавелин), архим. Афонская гора и Соловецкий монастырь : Труды чудовского иеродиакона Дамаскина (1701–1706). СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1883. 102 с.

Маслов С. И. Постнические слова Исаака Сирина по рукописи, принадлежащей библиотеке Университета св. Владимира // Университет. изв. Киев : Кораблев и Сирыков, 1912. Вып. 3. С. I–XLI, 17–28.

Мурьянов М. Ф. Золотой пояс Шимона // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа : Искусство и культура : сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М. : Наука, 1973. С. 187–198.

Назаренко А. В. Русь и Святая Земля в домонгольское время (XI – первая треть XIII в.) // Русская Палестина : Россия в Святой Земле : материалы междунар. науч. конф., 21–22 окт. 2009 г.]. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2010. С. 220–227.

Назаренко А. В., Турилов А. А. Антоний // Православная энциклопедия. М. : Православ. энцикл., 2001. Т. 2. С. 602–603.

Останчук Е. Влияние Святой Горы Афон на духовную жизнь православного населения в Польше за последние 25 лет // Русь – Святая гора Афон: тысяча лет духовного и культурного единства : междунар. науч. конф. в рамках юбилейных торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присутствия русских монахов на Святой горе Афон. М. : Синод. отдел по монастырям и монашеству Рус. православ. церкви, 2017. С. 425–431.

Павел Хондзинский, прот. Афон и его сакральное восприятие в русской традиции // Россия – Афон: тысячелетие духовного единства : материалы междунар. науч.-богослов. конф. М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 73–80.

Панченко О. В. Хронограф Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб. : Наука, 2010. С. 361–512.

Плакида (Дезей), архим. Афонский исихазм // Русский Афон [интернет-портал]. URL: <http://afonit.info/biblioteka/isikhazm/isihazm> (дата обращения: 09.01.2018).

Повесть временных лет : в 2 ч. / подг. текста Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Ч. 1. Текст и перевод. 407 с.

Позднеев А. В. Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. Т. 17. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 419–428.

Порфирий (Успенский), еп. История Афона : в 3 ч. Киев : Тип. В. Л. Фронцкевича, 1877. Ч. 2. Афон христианский, мирский. 181 с.

Преподобный Максим Грек : Сочинения : в 2 т. М. : Индрик, 2008. Т. 1. 430 с.

Ржига В. Ф. Неизданные сочинения Максима Грека // Byzantinoslavica. 1935–1936. Т. 6. Р. 95–99.

РГБ. Ф. 87 (Григорович). № 24/8; Ф. 113 (Иосифо-Волоколамский монастырь). № 659; Ф. 178 (Музейное собрание). № 3058, 3111; Ф. 256 (Румынское собрание). № 264; Ф. 299 (Тихонравов). № 338; Ф. 304 (Троицкое собрание). № 686; Ф. 304/1 (Троицкое собрание). № 200.

РНБ. Погодин. № 1145 (Соловецкое). № 18/18.

Романенко Е. В., Турилов А. А. Афон // Православная энциклопедия. М. : Православ. энцикл., 2002. Т. 4. С. 103–181.

Русский Афон XIX–XX веков : в 25 т. М. : Голос-пресс, 2013–2014. Т. 7. Ч. 1. Славяно-русские рукописи, хранящиеся в библиотеке и архиве монастыря / сост. монах Ермолай (Чежия) ; ред. Ж. Л. Левшина, А. А. Турилов. 829 с. Т. 7. Ч. 4. Каталог архивного фонда Русского Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне / сост. монах Ермолай (Чежия) ; ред. Ж. Л. Левшина. 543 с.

Сапожникова О. С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин : Редакторская деятельность. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. 554 с.

Седов В. В. Афон и русская архитектура начала XIII века (причины влияния) // Архитектура в истории русской культуры. М. : Эдиториал УРСС, 1996. С. 39–45.

Синицына Н. В. Максим Грек в России. М. : Наука, 1977. 332 с.

Скарпа М. Славянские переводы аскетико-монашеских сборников в XIV в. : между Болгарией и Святой Горой // Афон и славянский мир : материалы междунар. науч. конф., посв. 1000-летию присутствия русских на Святой Горе, Киев, 21–23 мая 2015 г. / сост. и науч. ред. Ж. Л. Левшина. Сб. 3. Святая гора Афон : Пантелеймонов монастырь, 2016. С. 311–316.

[*Стефан Святогорец*]. Рай мысленный : в 2 ч. М. : Иверский монастырь, 1658–1659. 81 + 30 л.

Стреза К. Святая Гора — священный мост между Небом и Землей и между православными народами // Русь – Святая гора Афон: тысяча лет духовного и культурного единства : междунар. науч. конф. в рамках юбилейных торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присутствия русских монахов на Святой горе Афон. М. : Синод. отдел по монастырям и монашеству Рус. православ. церкви, 2017. С. 366–376.

Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. : в 2 вып. СПб. : Тип. Акад. наук, 1899. Т. 1. Вып. 1. 609 с.

Ткачук В. А. Духовные связи Нежина и Святой горы Афон в XVIII веке // Русь – Святая гора Афон: тысяча лет духовного и культурного единства : междунар. науч. конф. в рамках юбилейных торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присутствия русских монахов на Святой горе Афон. М. : Синод. отдел по монастырям и монашеству Рус. православ. церкви, 2017. С. 462–471.

Три древних сказания о святой горе Афонской и Краткое описание св. горы, составленное в первое посещение оной Василием Барским (1725–1726 г.). М. : Тип. Е. Ефимова, 1882. 50 с.

Троицкая Т. С. «Воспоминание отчасти Святыя Горы Афонския, како наречена бысть Святая Гора и коих вин [дел] ради тако прозвася» // СККДР. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1. А–КЛ. М. : Наука, 1988. С. 142–144.

Троицкая Т. С. Ранние этапы литературной истории повести о Динаре (XVI в.) // Древнерусская книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск : Наука, 1982. С. 28–45.

Турилов А. А. «Воспоминание отчасти Святыя Горы Афонския, како наречена бысть Святая Гора и коих вин [дел] ради тако прозвася» // Православная энциклопедия. М. : Православ. энцикл., 2005. Т. 9. С. 467–468.

Христофор (Пулец), архиеп. Савва Хиландарец : Жизнь и деятельность // Афон и славянский мир : материалы междунар. научн. конф., посв. 1000-летию присутствия русских на Святой Горе (Киев, 21–23 мая 2015 г.). Святая Гора Афон : Рус. Свято-Пантелеймон. монастырь на Афоне, 2016. С. 140–144.

Шумило С. В. Новые архивные документы, подтверждающие настоятельство прп. Паисия Величковского в келье св. Константина и монастыре Симонопетра на Афоне // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13. № 3. С. 377–383.

Ώχοντος Ι. Ιεροδιακον Δαμασκιν, ρусский πολεμιστ σεμναδσατοσ βακ. ΣΠβ. : Τιπ. Τ-βα «Обществ. польза», 1884. 96 с.

Ώцимирский Α. Ι. Γριγοριη Цамблак : Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. ΣΠб. : Τιπ. Имп. Акад. наук, 1904. 501 с.

Pantos D. Ιωάννης-Ιερόθεος Κομνηνός μητροπολίτης Δρύστρας (1657–1719): βίος–εκκλησιαστική δράση – συγγραφικό έργο (in Greek). National and Kapodistrian Univ. of Athens, 2007. 300 p.

Λάμπρος Σπ. Π. Τα πάτρια τοῦ Ἀγίου Ὁρους // Νέος Ἑλληνομνήμων. Τ. 9. 1912. Σ. 116–161.

Προσκυνητάριον τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἄθωνος. Συγγραφέν μὲν καὶ τυπωθέν, ἐπὶ τῆς γαληνοτάτης ἡγεμονίας τοῦ εὐσεβεστάτου ἐκλαμπροτάτου καὶ ὑψηλοτάτου Αὐθέντου καὶ Ἠγεμόνος πάσης Οὐγγροβλαχίας κυρίου κυρίου Ἰωάννου Κωνσταντίνου Βασσαράβα Βοεβόνδα. Ἀφιερωθέν δέ, τῷ πανιερωτάτῳ Μητροπολίτῃ Οὐγγροβλαχίας Κυρίῳ Κυρίῳ Θεοδοσίῳ. Σπουδῆ καὶ δαπάνῃ τοῦ ἐξοχωτάτου ἱατροῦ κυρίου Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ. Ἵνα δίδωται χάρισμα τοῖς εὐσεβέσι διὰ ψυχικὴν αὐτοῦ σωτηρίαν. Τύποις Ἀνθίμου Ἱερομονάχου τοῦ ἐξ Ἰβηρίας. Ἐν τῇ μονῇ τοῦ Συναγώβου [Πроскинитарий святой горы Афона. Написан и напечатан при тишайшем правлении благочестивейшего, пресветлейшего и высочайшего Господина и Игемона всей Унговлахии, Господина, Господина Иоанна Константина Вассарава Воеводы. Посвящен же преосвященнейшему Митрополиту Унговлахии, Господину, Господину Феодосию. Усердием и за счет выдающегося Доктора Господина Иоанна Комнина. С тем, чтобы давался в дар благочестивым для душевного спасения. Печатами (то есть в тип.) Антима Иеромонаха из Иверского <монастыря>. В монастыре Снагова. 1701]. Последующие издания: 2-е – Венеция, 1745, с лат. пер.; 3-е – Венеция, 1857; Γρεκ. переизд.: Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ Προσκυνητάριον τοῦ Ἀγίου Ὁρους τοῦ Ἄθωνος. Ἀνατύπωση ἀπο τὴν α΄ ἐκδόση τοῦ ἔτους 1701. Καρυές Ἀγίου Ὁρους, 1984 [Иоанн Комнин. Проскинитарий святой горы Афона. Карея : Святой Афон, 1984].

Tachiaos A.-E. The Revival of Byzantine Mysticism among the Slavs and Romanians in the XVIIIth Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794). Thessaloniki : Aristoteleion Panepistēmion, 1986. 286 p.

Thomson F. Saint Antony of Kiev – the Facts and the Fiction // Byzantinoslavica T. 65. 1995. P. 662–668.

References

Alexius (Korsak), Hmk. (2016). Rus' i Afon: prepodobnyi Antonii Kievo-Pecherskii – osnovatel' afonskogo podvizhnichestva na Rusi [Rus' and Mount Athos: Monk Antonii of Kievo-Pechersk – Founder of Athonite Asceticism in Russia]. In Levshina, Zh. L. (Ed.). *Afon i slavyanskii mir. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 1000-letiyu prisutstviya russkikh na Svyatoi Gore (Kiev, 21–23 maya 2015 g.)*. Book 3. Svyataya Gora Afon, Panteleimonov monastery', pp. 23–44.

BAN [Library of the Academy of Sciences]. Osnovnoe sobranie 33.9.1; P.I.V.14; Prezhnee. № 31.6.38.

Belobrova, O. A. (2005). Ikona Bogomater' Iverskaya v Rossii [The Icon of the Virgin of Iver in Russia]. In *Ocherki russkoi khudozhestvennoi kul'tury XVI–XX vekov*. Moscow, Indrik, pp. 324–339.

Bibikov, M. V. (2017). Russkie monastiri na Afone i v Svyatoi Zemle v svete novykh i maloizvestnykh istochnikov [Russian Monasteries on Mount Athos and in the Holy Land in Light of New and Little-Known Sources]. In *Rus' – Svyataya Gora Afon: tysyacha let dukhovnogo i kul'turnogo edinstva: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya v ramkakh yubileinykh torzhestv, priurochennykh k prazdnovaniiyu 1000-letiya prisutstviya russkikh monakhov na Svyatoi gore Afon*. Moscow, Sinodal'nyi otdel po monastyryam i monashestvu Russkoi pravoslavnoi tserkvi, pp. 17–40.

Bryusova, V. G. (1974). Tverskoi episkop grek Nil i ego Poslanie knyazyu Georgiyu Ivanovichu [Bishop Nil the Greek of Tver and His Message to Prince Georgy Ivanovich]. In *TODRL*. Vol. 28. Leningrad, Nauka, pp. 184–185.

Bulanin, D. M. (2012). Opyt kompleksnogo opisaniya: Afon v drevnerusskoi pis'mennosti do kontsa XVI v.: Iz istorii obraza po pamyatnikam, uchennym v "Slovarе knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi", a takzhe propushchennym pri ego podgotovke [Experience of Comprehensive Description: Athos in Ancient Writings before the End of the 16th Century. From the History of the Image according to the Artefacts Recorded in the *Dictionary of Scribes and Booklore of Ancient Rus'* and Also Omitted in Its Preparation]. In SKKDR. Iss. 2. Vtoraya polovina XIV – XVI v. Part 3. Bibliograficheskie dopolneniya. Prilozhenie. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 427–763.

[Grigorovich-Barsky, V. G.]. (1887). *Vtoroe poseshchenie Svyatoi Afonskoi gory Vasil'ya Grigorovicha-Barskogo, im samim opisannoe* [The Second Visit to St Athos Mountain of Vasily Grigorovich-Barsky, Described by Himself]. St Petersburg, Afonskii russkii Panteleimonov monastyr'. 417 p.

Gourias (Gusev), Hmk. (N. d.). Afonskie korni Troitskoi knizhnosti. K 1000-letiyu russkogo monashestva na Afone [The Athos Roots of the Trinity Writings. For the 1000th Anniversary of Russian Monasticism on Mount Athos]. In *Svyato-Troitskaya Sergieva lavra* [official website]. URL: <http://www.stsl.ru/lib/ieromonakh-guriy-gusev-naselnik-svyato-troitskoy-sergievoy-lavry/afonskie-korni-troitskoy-knizhnosti> (mode of access: 17.04.2018).

Ioannisyan, O. M., Chernenko, E. E. (2015). Afonskie traditsii v zodchestve Drevnei Rusi [Athonite Traditions in the Architecture of Ancient Russia]. In *Afonskoe nasledie*. Iss. 1–2. Kiev, Mezhdunarodnyi institut afonskogo naslediya v Ukraine, pp. 432–433.

Isachenko, T. A. (2017). Obraz Afona v afonskikh skazaniyakh prepodobnogo Maksima Greka i Sergiya Shelonina [The Image of Athos in the Athos Legends of St Maxim Grek and Sergii Shelonin]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkhografii: materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati akademika RAN Nikolaya Nikolaevicha Pokrovskogo*. Novosibirsk, 13–15 oktyabrya 2017 g. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 101–108. (Seriya Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri. Iss. 36).

Kovalenko, K. I. (2016). Solovetskii azbukovnik Sergiya Shelonina: pozdneishie redaktsii [The *Solovetsky Azbukovnik* of Sergii Shelonin: Later Editions]. In *Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium*. Iss. 14. St Petersburg, Nestor – Istoriya, pp. 362–372.

Kovtun, L. S. (1988). Azbukovniki [Azbukovniks]. In SKKDR. Iss. 2. Vtoraya polovina XIV – XVI v. Part 1. A–KL. Moscow, Nauka, pp. 10–20.

Kovtun, L. S. (1989). *Azbukovniki XVI–XVII vv. Starshaya raznovidnost'* [Azbukovniks of the 16th–17th Centuries. Older Variety]. Leningrad, Nauka. 293 p.

Kryštof (Pulec), Abp. (2016). Savva Khilandarets. Zhizn' i deyatel'nost' [Savva Hilanderas. The Life and Works]. In Levshina, Zh. L. (Ed.). *Afon i slavyanskii mir: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 1000-letiyu prisutstviya russkikh na Svyatoi Gore (Kiev, 21–23 maya 2015 g.)*. Book 3. Svyataya Gora Afon, Panteleimonov monastyr', pp. 140–144.

Kuzenkov, P. V. (2017). Svyataya Gora Afon v rusko-vizantiiskikh otnosheniyyakh XI–XV vv. [Holy Mount Athos in the Russo-Byzantine Relations of the 11th–15th Centuries]. In *Rus' – Svyataya Gora Afon: tysyacha let dukhovnogo i kul'urnogo edinstva: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya v ramkakh yubileinykh torzhestv, priurochennykh k prazdnovaniyu 1000-letiya prisutstviya russkikh monakhov na Svyatoi gore Afon*. Moscow, Sinodal'nyi otdel po monastyryam i monashestvu Russkoi pravoslavnoi tserkvi, pp. 41–54.

Lampros, Sp. (1912). Ta patria tou hagiou orous. *Neos hellenonmemon*. Vol. 9, no. 1–2, pp. 116–244.

Leonid (Kavelin), Archim. (1883). *Afonskaya gora i Solovetskii monastyr'*: *trudy chudovskogo ierodiakona Damaskina (1701–1706)* [Mount Athos and the Solovetsky Monastery: Works of the Chudov Hierodeacon Damaskin (1701–1706)]. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva. 102 p.

Levshina, Zh. L. (Ed.). (2014). *Afon i slavyanskii mir: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 1000-letiyu prisutstviya russkikh na Svyatoi Gore (Belgrad, 16–18 maya 2013 g.)* [Athos and the Slavic World. Book 3: Materials of

International Research Conference for the 1000th Anniversary of the Russian Presence on the Holy Mountain. Belgrade, 16–18 May 2013]. Book 1. Svyataya Gora Afon, Panteleimonov monastyr'. 347 p.

Levshina, Zh. L. (Ed.). (2016). *Afon i slavyanskii mir. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 1000-letiyu prisutstviya russkikh na Svyatoi Gore (Kiev, 21–23 maya 2015 g.)* [Athos and the Slavic World. Book 3: Materials of International Research Conference for the 1000th Anniversary of the Russian Presence on the Holy Mountain. Kiev, 21–23 May 2015]. Book 3. Svyataya Gora Afon, Panteleimonov monastyr'. 453 p.

Levshun, L. V. (2001). *Istoriya vostochnoslavianskogo knizhnogo slova XI–XVI vv.* [The History of the East Slavic Literary Word of the 11th–16th Centuries]. Minsk, Ekonompress. 351 p.

Likhachev, D. S., Adrianova-Perets, V. P. (Eds.). (1950). *Povest' vremennykh let v 2 ch.* [The Tale of Bygone Years. 2 Parts]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Part 1. Tekst i perevod. 407 p.

Maslov, S. I. (1912). Postnicheskie slova Isaaka Sirina po rukopisi, prinadlezhashchei biblioteke Universiteta svyatogo Vladimira [Self-Sacrificing Words of St Isaac the Syrian, from a Manuscript Belonging to the Library of St Vladimir's University]. In *Universitetskie izvestiya*. Iss. 3. Kiev, Korablev i Siryakov, pp. I–XLI, 17–28.

Maximus the Greek (2008). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 Vols.]. Moscow, Indrik. Vol. 1. 430 p.

Muryanov, M. F. (1973). Zolotoi poyas Shimona [The Gold Belt of Shimon]. In *Vizantiya. Yuzhnye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa. Iskusstvo i kul'tura. Sbornik statei v chest' V. N. Lazareva*. Moscow, Nauka, pp. 187–198.

Nazarenko, A. V. (2010). Rus' i Svyataya Zemlya v domongol'skoe vremya (XI – pervaya tret' XIII v.) [Russia and the Holy Land in the Pre-Mongol Period (11th – Early 13th Centuries)]. In *Russkaya Palestina. Rossiya v Svyatoi Zemle*. St Petersburg, Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 220–227.

Nazarenko, A. V., Turilov, A. A. (2001). Antonii [Antonii]. In *Pravoslavnaya Entsiklopediya*. Moscow, Pravoslavnaya Entsiklopediya. Vol. 2, pp. 602–603.

Ostapchuk, E. (2017). Vliyanie Svyatoi Gory Afon na dukhovnyuyu zhizn' pravoslavnogo naseleniya v Pol'she za poslednie 25 let [The Influence of Mount Athos on the Spiritual Life of the Orthodox Population in Poland over the Past 25 Years]. In *Rus' – Svyataya Gora Afon: tsysyacha let dukhovnogo i kul'turnogo edinstva: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya v ramkakh yubileinykh torzhestv, priurochennykh k prazdnovaniyu 1000-letiya prisutstviya russkikh monakhov na Svyatoi gore Afon*. Moscow, Sinodal'nyi otdel po monastiryam i monashestvu Russkoi pravoslavnoi tserkvi, pp. 425–431.

Panchenko, O. V. (2010). Khronograf Sergiya Shelonina [The Chronograph of Sergii Shaloinin]. In *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyr'ya*. St Petersburg, Nauka, pp. 361–512.

Pantos, D. (2007). *Iwannhc-Ierotheoc Komnhnoc mhtropolithc Drystrac (1657–1719): bioc – ekkhliastikh drash – syggrafko ergo* [Johan Metropolitan Komnin, Metropolitan Dristrskiy (1657–1719): Life as Church Service, Life as Written Heritage]. National and Kapodistrian University of Athens. 300 p. (in Greek).

Pavel Khondzinskii, Archpriest. (2008). Afon i ego sakral'noe vospriyatие v russkoi traditsii [Athos and Its Sacral Perception in Russian Society]. In *Rossiya – Afon: tsysyacheletie dukhovnogo edinstva: materialy mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii*. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, pp. 73–80.

Placide (Deseille), Archim. Afonskii isikhazm [Athonite Hesychasm]. In *Russkii Afon* [internet-portal]. URL: <http://afonit.info/biblioteka/isikhazm/isikhazm> (mode of access: 09.01.2018).

Porfirii (Uspenskii), Bp. (1877). *Istoriya Afona v 3 ch.* [The History of Athos. 3 Parts]. Kiev, Tipografiya V. L. Frontskevicha. Part 2. Afon khristianskii, mirskii. 181 p.

Pozdneev, A. V. (1961). Nikonovskaya shkola pesennoi poezii [Nikon's School of Sung Poetry]. In *TODRL*. Vol. 17. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 419–428.

Προσκυνητάριον τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἄθωνος. Συγγραφὴν μὲν καὶ τυπωθὲν, ἐπὶ τῆς γαληνοτάτης ἡγεμονίας τοῦ εὐσεβεστάτου ἐκλαμπροτάτου καὶ ὑψηλοτάτου Αὐθέντου καὶ Ἡγεμόνος πάσης Οὐγγροβλαχίας κυρίου κυρίου Ἰωάννου Κωνσταντίνου Βασσαράβα Βοεβόνδα. Ἀφιερωθὲν δέ, τῷ πανιερωτάτῳ Μητροπολίτῃ Οὐγγροβλαχίας Κυρίῳ Κυρίῳ Θεοδοσίῳ. Σπουδὴ καὶ δαπάνη τοῦ ἐξοχωτάτου ἱατροῦ κυρίου Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ. Ἴνα δίδεται χάρισμα τοῖς εὐσεβέσι διὰ ψυχικὴν αὐτοῦ σωτηρίαν. Τύποις Ἀνθίμου Ἱερομονάχου τοῦ ἐξ Ἰβηρίας. Ἐν τῇ μονῇ τοῦ Συναγώβου.

Romanenko, E. V., Turilov, A. A. (2002). Afon [Athos]. (2002). In *Pravoslavnyaya Entsiklopediya*. Vol. 4. Moscow, Pravoslavnyaya Entsiklopediya, pp. 103–181.

Russkii Afon XIX–XX vekov v 25 t. [Russian Athos of the 19th–20th Centuries. 25 Vol.]. (2013–2014). Moscow, Russkii Svyato-Panteleimonov monastyr' na Afone. Vol. 7. Part 1. *Slavyano-russkie rukopisi*, khranyashchiesya v biblioteke i arkhive monastyrya / comp. by monakh Ermolai (Chezhiya), ed. by Zh. L. Levshina, A. A. Turilov. 829 p. Vol. 7. Part 4. Katalog arkhivnogo fonda Russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone / comp. by monakh Ermolai (Chezhiya), ed. by Zh. L. Levshina. 543 p.

RGB [Russian State Library]. Stock 87 (Grigorovich). № 24/8; Stock 113 (Iosifovskii monastyr'). № 659; Stock 178 (Muzeinoe sobranie). № 3058, 3111; Stock 256 (Rum.). № 264; Stock 299 (Tikhonravov). № 338; Stock 304 (Troitskoe sobranie). № 686; Stock 304/1 (Troitskoe sobranie). № 200.

Řiha, V. F. (1935–1936). Nezdannye sochineniya Maksima Greka [Unpublished Works of Maxim Grek]. In *Byzantinoslavica*. Vol. 6, pp. 95–99.

RNB [Russian National Library]. Pogodinskoe sobranie. № 1145; Solovetskoe sobranie. № 18/18.

Sapozhnikova, O. S. (2010). *Russkii knizhnik XVII v. Sergii Shelonin. Redaktorskaya deyatel'nost'* [17th-Century Russian Scribe Sergii Shelonin. Publishing Activity]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 554 p.

Scarpa, M. (2016). Slavyanskii perevody asketiko-monasheskikh sbornikov v XIV v.: mezhdubolgariei i Svyatoi Gorei [Slavic Translations of the Ascetic-Monastic Collections in the 14th Century: Between Bulgaria and the Holy Mount]. In Levshina, Zh. L. (Ed.). *Afon i slavyanskii mir. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 1000-letiyu prisutstviya russkikh na Svyatoi Gore (Kiev, 21–23 maya 2015 g.)*. Book 3. Svyataya Gora Afon, Panteleimonov monastyr', pp. 311–316.

Sedov, V. V. (1996). Afon i russkaya arkhitektura nachala XIII veka (prichiny vliyaniya) [Athos and the Russian Architecture of the Early 13th Century (Causes of Influence)]. In *Arkhitektura v istorii russkoi kul'tury*. Moscow, Editorial URSS, pp. 39–45.

Shumilo, S. V. (2016). Novye arkhivnye dokumenty podtverzhdayushchie nastoyatel'stvo prepodobnogo Paisiya Velichkovskogo v kel'e svyatogo Konstantina i monastyre Simonopetra na Afone [New Archival Documents Confirming the Supremacy of Reverend Paisii Velichkovsky in the Cell of St Constantine and Simonopetra Monastery on Mount Athos]. In *Observatoriya kul'tury*. Vol. 13. No. 3, pp. 377–383.

Sinit'syna, N. V. (1977). *Maksim Grek v Rossii* [Maxim Grek in Russia]. Moscow, Nauka. 332 p.

[Stephen the Hagiorite]. (1658–1659). *Rai myslennyi v 2 ch.* [Mental Paradise. 2 Parts]. Moscow, Iverskii monastyr'. 81 + 30 p.

Streza, C. (2017). Svyataya Gora – svyashchennyi most mezhdubolgariei i Zemlei i mezhdubolgariei i Svyatoi Gorei [The Holy Mountain – the Sacred Bridge between Heaven and Earth and between the Orthodox Nations]. In *Rus' – Svyataya Gora Afon: tysyacha let dukhovnogo i kul'turnogo edinstva: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya v ramkakh yubileinykh torzhestv, priurochennykh k prazdnovaniyu 1000-letiya prisutstviya russkikh monakhov na Svyatoi Gore Afon*. Moscow, Sinodal'nyi otdel po monastyryam i monashestvu Russkoi pravoslavnoi tserkvi, pp. 366–376.

Syrku, P. A. (1899). *K istorii ispravleniya knig v Bolgarii v XIV v. v 2 vyp.* [About the History of Book Correction in Bulgaria in the 14th Century. 2 Iss.]. St Petersburg, Tipografiya Akademii nauk. Vol. 1. Iss. 1. 609 p.

Tachiaos, A.-E. (1986). *The Revival of Byzantine Mysticism Among the Slavs and Romanians in the 18th Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794).* Tesseloniki, Aristoteleion Panepistēmion. 286 p.

Thomson, F. (1995). *Saint Antony of Kiev—the Facts and the Fiction.* In *Byzantinoslavica.* Vol. 65, pp. 662–668.

Tkachuk, V. A. (2017). Dukhovnye svyazi Nezhina i Svyatoi gory Afon v XVIII veke [The Spiritual Connection between Nizhyn and Athos in the 18th Century]. In *Rus' – Svyataya Gora Afon: tysyacha let dukhovnogo i kul'turnogo edinstva: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya v ramkakh yubileinykh torzhestv, priurochennykh k prazdnovaniiyu 1000-letiya prisutstviya russkikh monakhov na Svyatoi gore Afon.* Moscow, Sinodal'nyi otdel po monastyryam i monashestvu Russkoi pravoslavnoi tserkvi, pp. 462–471.

Tri drevnikh skazaniya o svyatoi gore Afonskoi i Kratkoe opisanie sv. gory, sostavlennoe v pervoe poseshchenie onoi Vasiliem Barskim (1725–1726 g.) [Three Ancient Legends about the Holy Mountain of Athos and a Brief Description of the Holy Mountain, Compiled during His First Visit by Vasily Barsky (1725–1726)]. (1882). Moscow, Tipografiya E. Efimova. 50 p.

Troitskaya, T. S. (1982). *Rannie etapy literaturnoi istorii povesti o Dinare (XVI v.)* [Early Stages of Literary History of the Story of Dinar (16th Century)]. In *Drevnerusskaya kniga i ee bytovanie v Sibiri.* Novosibirsk, Nauka, pp. 28–45.

Troitskaya, T. S. (1988). “Vospominanie otchasti Svyatyia Gory Afonskiya, kako narechena byst' Svyataya Gora i koikh vin [del] radi tako prozvasya” [“The Recollection about Mount Athos and the Reasons Why It Was Called the Holy Mountain”]. In *SKKDR.* Iss. 2. Vtoraya polovina XIV – XVI v. Part 1. A–KL. Moscow, Nauka, pp. 142–144.

Turilov, A. A. (2005). “Vospominanie otchasti Svyatyia Gory Afonskiya, kako narechena byst' Svyataya Gora i koikh vin [del] radi tako prozvasya” [“The Recollection about Mount Athos and the Reasons Why It Was Called the Holy Mountain”]. In *Pravoslavnaya Entsiklopediya.* Moscow, Pravoslavnaya Entsiklopediya. Vol. 9, pp. 467–468.

Vostokov, A. Kh. (1842). *Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisei Rumyantsevskogo muzeuma* [A Description of Russian and Slovenian Manuscripts of the Rumyantsev Museum]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 899 p.

Yakhontov, I. (1884). *Ierodiakon Damaskin, russkii polemist semnadsatogo veka* [Hierodeacon Damaskin, Russian Polemicist of the 17th Century]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”. 96 p.

Yatsimirsky, A. I. (1904). *Grigorii Tsamblak. Ocherk ego zhizni, administrativnoi i knizhnoi deyatelnosti* [Gregory Tsamblak. An Outline of His Life and Administrative and Publishing Activity]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 501 p.

Zernova, A. S. (Ed.). (1958). *Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh* [Books of the Kirillov Publishing House Published in Moscow in the 16th–17th Centuries]. Moscow, Tipografiya Biblioteki imeni V. I. Lenina. 150 p.

Zhavoronkov, P. I. (1982). Nikeiskaya imperiya i knyazhestva v Drevnei Rusi [The Empire of Nicaea and Its Principalities in Ancient Russia]. In *Vizantyskii vremennik.* Vol. 43, pp. 81–89.

Zhurava, L. I. (2016). Prepodobnyi Maksim Grek i mitropolit Daniil: poslaniya ob inocheskom zhitel'stve [Monk Maxim Grek and Metropolitan Daniil: Epistles about Monastic Abidance]. In *Trudi Kiivs'koï Dukhovnoï Akademii.* No. 25. Kiïv, Vidavnistvo viddil UPTs, pp. 45–53.

The article was submitted on 11.08.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.343
УДК 821.161.1'04+82-52+27-42

**УЧЕНИЕ О СОГЛАСИИ И ПРИМИРЕНИИ
В ОКРУЖНОМ ПОСЛАНИИ МОСКОВСКОГО
МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА***

Людмила Журова

Институт истории Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

**THE TEACHING ABOUT CONCORD
AND RECONCILIATION IN THE *ENCYCLICAL*
OF METROPOLITAN DANIIL OF MOSCOW**

Ludmila Zhurova

Institute of History,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

The *Encyclical* of Metropolitan Daniil (*On Reconciliation, Unity, Concord, Love, the Preservation of Orthodoxy and Religious Instruction and Guidance for All of Us*), written in 1539, represents a farewell instruction from the hierarch. Following the deaths of Vasily III and Elena Glinskaya, the historical circumstances in Moscow did not favour Daniil, and, as a result, he had to leave his throne. The *Encyclical* has not been studied thoroughly or published previously. The article aims to uncover the history behind the text and the development of the author's ideas. Using textological, structural, typological, historical, and literary methods of analysis, the article singles out two versions of the work in question and describes them, focusing on the author's intentions. Additionally, the article contains a critical assessment of the conclusions made by V. Zhmakin in 1881. The *Encyclical* can be found in three handwritten collections of the mid-16th century, all related to the Iosifo-Volokolamsky Monastery. The copies kept in the Russian State Library are the initial short and extended versions of the instruction. The extended version contains insets clarifying

* Citation: Zhurova, L. (2018). The Teaching about Concord and Reconciliation in the *Encyclical* of Metropolitan Daniil of Moscow. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1015–1030. DOI 10.15826/qr.2018.4.343.

Цитирование: Zhurova L. The Teaching about Concord and Reconciliation in the *Encyclical* of Metropolitan Daniil of Moscow // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1015–1030. DOI 10.15826/qr.2018.4.343 / Журова Л. Учение о согласии и примирении в Окружном послании московского митрополита Даниила // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1015–1030. DOI 10.15826/qr.2018.4.343.

the message of the author and providing a continuation of the text. The plot of the *Encyclical* contains two themes: reconciliation in society and preservation of the Orthodox faith. In the short version, their roles are unequal. The teaching about reconciliation and concord is addressed to laymen, the clergy, and all God's children. The structure of the model of reconciliation and concord is based on the Gospel and the Epistles. Daniil maintains that salvation is to be found in humility and agape, which is the root of all good causes. Agape is the leitmotif of Daniil's theology. The short version of the *Encyclical* only contains one sentence about the observation of divine law (the other theme of the instruction). In the extended version, the author develops the idea connected with the protection of faith from evil teachings and hostile people. He encourages the reader to fight with them and maintains that in this case, there can be no reconciliation. The final part of the work in the extended version is a *nakaz* (pastor's instruction) as a type of sermon. The structural connection of the *Encyclical* with Daniil's *Sobornik* revealed in the article allow the author to describe the principles of the ecclesiastical writer and prepare his work for academic publication.

Keywords: Metropolitan Daniil's *Encyclical*; pastor's instruction; history of Old Russian literature; agape.

Окружное послание митрополита Даниила («О примирении, соединении, согласии, любви и о хранении православной веры и закона учение и наставление всем нам»), составленное в 1539 г., представляет собой прощальное пастырское наставление архиерея. Историческая обстановка в Москве после смерти Василия III и Елены Глинской сложилась не в пользу Даниила, и он вынужден был покинуть кафедру. Послание практически не изучено и не опубликовано. Основная задача исследования – выявление истории текста сочинения и развития авторского замысла. На основе текстологического, структурно-типологического, историко-литературного методов анализа установлены и описаны две редакции произведения, в которых отразилась интенция писателя. Дана критическая оценка выводам В. Жмакина, опубликованным в 1881 г. Послание сохранилось в трех рукописных сборниках середины XVI в., происхождение которых связано с Иосифо-Волоколамским монастырем. Списки РГБ представляют первоначальную Краткую и Распространенную редакции послания. В Распространенной появились вставки, уточнившие смысл авторского высказывания, и продолжение текста. Сюжет послания строится на двух темах: примирение в обществе и хранение православной веры. В Краткой редакции они заняли неравные места. Учение о примирении и согласии адресовано светским мужам, духовному сословию и всем чадам. Построение модели примирения и согласия основано на евангельском тексте и апостольских посланиях. Спасение, учит Даниил, в смирении и духовной любви, которая есть «корень всех благих дел». Мотив любви – ведущий в нравственном богословии Даниила. Наказ о соблюдении Божественного закона (вторая тема послания) в краткой редакции сформулирован в одном предложении. В Распространенной редакции автор развил идею за-

щиты веры от злых учений и враждебных людей. Он призывает бороться с ними, и здесь не может быть примирения. Заключительная часть сочинения в Распространенной редакции представляет собой собственно «наказ» (пастырское наставление) как вид проповеди. Установленные структурные связи Окружного послания со словами «Соборника» Даниила позволяют описать закономерности творчества церковного писателя и подготовить научное издание сочинения.

Ключевые слова: Окружное послание митрополита Даниила; пастырское наставление; история древнерусской литературы; духовная любовь.

Одно из последних сочинений, написанных Даниилом накануне вынужденного ухода с митрополичьей кафедры, – «Смиренаго Даниила, митрополита всея Руси. О смирении и о съединении, и о согласии, и о любви; и о съблюдении православных вѣры и закона учение и наказание всѣм купно». В. Жмакин обозначил его как окружное послание на основании того, что оно адресовано «всѣм купно», и в рукописи на нижнем поле л. 425 (здесь заканчивается текст памятника) содержится запись: «писана на Москве лета 7047, генваря мясяца»¹, которая предполагает распространение сочинения по землям Московской Руси [РГБ. Ф. 113 (Волоколамское собрание). № 514. Л. 425]. Историк отметил, что «по духу и характеру содержания оно вполне отвечает названию прощального пастырского послания» [Жмакин, с. 589].

Историческая обстановка, сложившаяся в Москве после смерти Василия III и Елены Глинской [Кром; Шапошник, 2012; Шапошник, 2016], во многом определялась борьбой боярских группировок, в результате которой в феврале 1539 г. Даниилу пришлось покинуть свою высокую должность. Современные историки на основе документальных данных в подробностях и в лицах описывают драматические коллизии политических интриг. Современник событий митрополит Даниил, «хотя показать вину лѣтъ сихъ и время», изложил разыгравшиеся на его глазах исторические ситуации в стиле проповеднической речи, не назвав фактов, имен, деталей. В. Жмакин писал: «В гомилетическом отношении это одно из лучших сочинений Даниила. Все послание проникнуто чувством истинной пастырской любви и дышит отеческой нежностью. Встречающиеся в послании обличения выражены в самой мягкой форме, но и сквозь них прорывается чувство искренней любви пастыря к пасомым. Очевидно, цель послания не обличения, которыми так богаты другие поучения Даниила, а последнее благочестивое назидание верующим истинами христианской нравственности, последняя беседа пастыря со своею паствою» [Жмакин, с. 595].

Три списка памятника известны по рукописям Иосифова монастыря. Р. П. Дмитриева, изучив волоколамские четьи сборники XVI в., отметила бережное отношение книжников к произведениям, создан-

¹ В настоящее время запись практически не читается из-за обреза листа.

ным авторами, выходцами из отеческой обители, точность в передаче текста оригинала. К особенностям монастырской книжности она отнесла составление тематических сборников, ориентированных на современных авторов и актуальность тематики, на прославление монастыря. Замкнутость и обособленность круга чтения волоколамских книжников способствовали формированию такого признака монастырской письменной культуры, как сохранность учениками трудов своих учителей [Дмитриева, 1974, с. 204, 229–230; Дмитриева, 1991, с. 9–10, 15]. Эти выводы исследователя позволяют представить культурный контекст, в котором развивалась история текста Окружного послания Даниила.

Сборник РГБ. Ф. 113 (Волоколамское собрание) № 522. 50-е гг. XVI в. 596 л. [Послания, с. 113–114] представляет собой конволют, составленный из шести рукописей. Окружное послание Даниила (л. 481–495, далее – B522) входит в четвертую рукопись, наряду с посланием Иосифа Волоцкого архимандриту Вассиану о Троице (л. 457–465), сокращенным посланием Константинопольского патриарха Фотия Михаилу, князю Болгарскому (л. 466–472), поучением митрополита Макария Ивану IV (л. 534 об.–540), посланием Иосифа Волоцкого Б. В. Кутузову (л. 524–543 об.), ответом митрополита Макария Ивану IV «о недвижимых вещех, вданных богови в наследие...» (л. 542–593 об.). Сам состав статей указывает на актуальность проблемы власти и обязанностей царя, на политическую тенденцию, связанную с идеологией правительства компромисса. Н. В. Сеницына отметила, что «в целом сборник [B522] отражает разные стороны иосифлянской идеологии того времени» [Сеницына, с. 98, прим. 22, с. 100]. Окружное послание Даниила совершенно не случайно в его составе.

Происхождение другого сборника РГБ (Музейное собрание). № 1257. 50-е гг. XVI в. 432 л. [Послания, с. 114–115] тоже связано с Волоколамским монастырем. Сборник составлен Вассианом Кошкой, постриженником Иосифовой обители, архимандритом Возмицкого монастыря, известным книжником; последние годы он провел в отеческом монастыре и скончался в 1568 г. На первом листе рукописи – запись: «Съборник старца Васьяна Кошки». Во владельческой записи, находящейся в конце рукописи (л. 432), содержится авторское признание:

...да не будет в посмѣяние написание сие недостойнаго и худаго, и грубаго, яко не по ряду сиа повѣсти и наказаниа писахъ... понеже на обличение моеи души сиа събрах...

Состав сборника разнообразен, послание Даниила занимает л. 67–78 (далее – M1257) и помещено в окружении нескольких посланий Иосифа Волоцкого: архимандриту Вассиану о Троице (л. 54–61), князю Георгию Ивановичу (л. 62–66), И. И. Третьякову (л. 86–122), Б. В. Кутузову (л. 122–153). Такая подборка отвечает традиции

волоколамской книжности. И так, два сборника – *B522* и *M1257* – составлены в одно время и в одном месте, и текст Окружного послания Даниила, как показал анализ, в этих списках практически одинаков.

Принципиально отличается Окружное послание в сборнике [РГБ. Ф. 113 (Волоколамское собрание). № 514. 1563 г. Л. 413–425] (далее – *B514*), который чрезвычайно разнороден по своему составу, сформирован из многочисленных выписок, но в целом отражает специфику книжной культуры Иосифо-Волоколамского монастыря [Дмитриева, 1974, с. 205]. В предисловии сказано, что

... написана бысть книга сия, глаголема съборник, от многих книгъ въ обители Пречистыа Богородици Иосифова монастыря благословениемъ и повелѣниемъ и послѣднее руки его прикосновениемъ Феодосия, архиепископа великого Новаграда и Пьскова, и учениковъ его Иеремѣа и Евфимиа...

На верхнем поле рукописи киноварью поставлена дата «Лѣта 7071-го» (1563), которую исследователи считают временем составления рукописи; она совпадает со временем кончины Феодосия, который в 1551 г. был отстранен Иваном IV от новгородской кафедры, последние годы жизни провел в Иосифо-Волоколамском монастыре, где и скончался в 1563 г., и рукопись *B514*, как видим, была «последним руки его прикосновением». На нижнем поле первого листа *B514* киноварная запись – «Евфимишка Туркова» – может считаться владельческой, Евфимий Турков впоследствии стал игуменом монастыря (1573–1587). Участие учеников бывшего новгородского архиерея в составлении *B514* очень показательно для волоколамской школы книжников.

Окружное послание в *B514* сопровождает одно небольшое сочинение московского митрополита: «Смиренаго Данила, митрополита всеа Руси, отвѣтъ к нѣкоему христолюбцу, въпросившу его о здравии» (л. 425–426) [Жмакин, с. 278–279]. Краткое Послание о здравии представляет собой ответ некоему адресату, которого Даниил называет христолюбцем, человеколюбцем и боголюбцем. Тот спросил митрополита о здоровье и текущей жизни. Адресат, видимо, давний знакомый Даниила, потому что архиерей пишет, что «отъ многихъ лѣтъ и времянь извѣстна тебѣ немощь моя и знаема тебѣ худость моя». Даниил довольно подробно описал свое физическое состояние:

Нынѣ же наипаче пребываю убо немощень: тресу бо главою, нутремъ, ногами, и отъ сихъ много сугубо и печаль, и утѣснение, и оскудѣние смысла, и зубомъ болѣние, и изнурение, и свѣта очию умаление, и крѣпости, и силы изнеможение (л. 425 об.).

Судя по этим авторским свидетельствам, следует заключить о больших проблемах со здоровьем митрополита. Но еще больше Даниила беспокоило его духовное внутреннее состояние. Он жаловался

на одиночество («друговъ вѣрныхъ оскудѣние, и удаление и духовныхъ сыновъ, и добрыхъ приятелей»), на обстановку вражды и клеветы («домашнихъ же различныя клеветы и вражды умножишася, враждотворцы же радостнѣ пресказуютъ сѣмо и овамо, вражды творяще») и опасность распространения еретичества («еретицы преграды и стѣны прелазятъ, копия убо готовляють»). Безысходностью веет от этого послания. Такое настроение, должно быть, сопровождало Даниила в его последние дни архипастырства (январь-февраль 1539 г.). В рукописи B514, как было уже указано, имеется запись о создании Окружного послания в Москве в 1539 г.

Списки послания Даниила делятся на две редакции, В. Жмакин видел разницу между ними, но не дал ей оценки [Жмакин, с. 594]. Проведенный текстологический анализ позволяет описать развитие авторского замысла. Текст в B522 и M1257 практически один, различия минимальны, он представляет первоначальную Краткую редакцию Окружного послания (в текстологическом анализе представлен списком B522). Список B514 имеет целый ряд отличий: вариант заглавия, вставки и, самое главное, продолжение, поэтому он может быть квалифицирован как Распространенная редакция сочинения.

В Распространенной редакции автор дополнил свой текст новыми высказываниями. Так, уже во вступительной части Окружного послания, наполненной авторской рефлексией, он сделал вставку, усугубляющую самоуничижительную характеристику (выделено курсивом):

Якоже бо свѣтилникъ вжигающе учительство, Божие слово и глаголемъ, и учимъ, и наказуемъ. *Не от своего нечистаго сердца сия изношу словеса, в души бо законопреступнъ и грѣшине не ражаецца ничто же добро, ни слово душеполезно, ни совѣщание нѣкое благъ.* Но якоже вчера, сице и днесъ о соединении, и согласии о Христѣ всѣхъ, и о смирении, и о любви духовнѣи, и паки о православней вѣре и законѣ <...> мною бо яже о Христѣ любовию и божественою ревностию възгараюся к вамъ (B514, л. 413 об.)².

В B522 и M1257 на месте выделенной вставки стоит еще один глагол из ряда однородных членов (подчеркнуто): «и глаголемъ, и учимъ, и наказуемъ, и молимъ» (B522, л. 422). На то, что перед нами вставка в B514, а не пропуск в B-522, указывает союз «но», прикрепляющий новый текст. В развитие своего замысла Даниил подчеркнул, что он учит словом Божиим, а не от своей грешной души творит слова. Эта позиция – писать не от себя, а от Божественных Писаний, присущая многим средневековым писателям (Нилу Сорскому, Иосифу Волоцкому), – всегда выделялась митрополитом, например, в предисловии и словах «Соборника» он часто повторял: «не от себе бо сиа писахъ, но от Божественных Писаний събрахъ».

² Далее текст цитируется по этой рукописи, номера листов указаны в круглых скобках.

В истории текста Окружного послания редактированию в *B514* подвергся фрагмент, где речь идет о главном вопросе – причине наступивших тяжелых времен. Даниил пишет, что нельзя кого-то обвинять, а надо в первую очередь себя учить и наставлять, и, переживая беды, принесшие людям скорби, раздоры, пререкания и разногласия, каждый человек должен себя осудить и остановить, в этом, советует архипастырь, есть спасение души. В Распространенной редакции писатель добавил свою излюбленную характеристику скоротечности времени (много примеров тому видим в других сочинениях посланиях Даниила):

...хотя показати вину лѣтъ сихъ и времянь, *скоропреходныхъ и мимо-текищихъ, и яко коло вращает скоро, сице превращающихся, случаются* и послѣдующихъ всѣмъ челоуѣкомъ искушени... (л. 420 об.).

Продолжая рассуждения, «яко да каждо, познавъ себе, зазрѣти и поречеть себе, еже бо и зазрѣти себѣ спасение есть», он добавил: «*Сего ради безъ трезвѣнїа быти всякому не мощно есть*» (л. 420 об.). То есть в распространенной редакции проповедник призывает свою паству к совести и трезвости разума.

В других авторских вставках (выделено курсивом) видим расширение смысла высказывания:

Блюдитесь убо, да никто же васъ *развращаетъ* и прельщаетъ *отъ творящихъ разпрїа и соблазны и с похвалениемъ словопрѣнїи* (л. 417); Господеви нашему Иисусу Христу не работаютъ, *но своему чреву* (л. 417 об.); Внимая же себѣ и *сѣблюди себе*, оклеветахъ брата своего, не радуется, *но и скорбитъ о семъ* и на шептание, и на клеветание не грядеть (л. 419); якоже *Господь* въ Еуаггелии глагола» (л. 421); «*вселенскихъ святыхъ Соборовъ* (л. 421 об.) и др.

Отмечены случаи вариативных чтений: «в блазѣмъ смотрени о Христѣ» (*B514*, л. 420 об.) вместо «в блазѣмъ житїи о Христѣ» (*B522*, л. 493). Эти наблюдения обнаруживают устойчивую тенденцию в обработке текста, цель которой – убедить читателя в идее авторского высказывания.

Самым важным моментом в истории текста Окружного послания следует признать его продолжение, появившееся в Распространенной редакции. Чтобы дать научную оценку этому феномену, необходимо провести анализ сюжетосложения сочинения.

В названии, как принято в средневековой книжной традиции, заявлена тема произведения, в Окружном послании их две – о примирении и о сохранении православной веры, они выстроены в линейной композиции, но звучат, как будет показано далее, в диссонансе. Понятия «смирение, согласие, соединение» входят в одно семантическое поле и, будучи контекстуальными синонимами, выступают в значении «со-мирение, примирение». Второе значение слова – смирение как терпение – приобретает семантическую валентность в построении

нравственных проповедей архиерея. Показательно, что этот ряд замыкает «любовь», духовная любовь.

Проблеме «со-мирения» посвящена большая часть Окружного послания, что было обусловлено общественно-политической обстановкой в Москве в конце 1538 – начале 1539 г. и ролью митрополита в сложившейся ситуации. Учение о православной вере – сквозная тема многих проповедей Даниила; соблюдение веры, по идее пастыря, способно спасти человека и общество, и в развитии замысла Окружного послания именно эта тема получила дальнейшее развитие и реализовалась в распространенной редакции.

Даниил в заголовке, который в средневековой книжной культуре является ипостасью произведения, обозначил содержательную форму своего сочинения как «учение (поучение) и наказание (наказ)». Такое сочетание напоминает архитектуру слов «Соборника» митрополита, где первый раздел (историко-богословский) построен на изложении вопросов догматического характера, а третий («наказание») представляет собственно пастырское наставление³.

Название послания в двух редакциях отличается перестановкой жанрового обозначения памятника. В Краткой редакции указание жанра стоит в начале заглавия: «Поучение и наказание о смирении, и о соединении, и о согласии, и о любви и о съблюденнии православных вѣры и закона», в Распространенной – в конце: «О смирении... и о съблюденнии православных вѣры и закона учение и наказание всѣм купно». Изменение вызвано, видимо, дополнением «всѣм купно», определившим адресацию послания, переведшим его в разряд окружных и перетянувшим в сильную позицию конца заголовка определение формы авторского высказывания.

Еще одно жанровое обозначение, стоящее после заголовка, в позиции, – «Слово 39» – характерная примета в оформлении сборников посланий Даниила. Его мы видим в авторском собрании посланий РНБ, Собрание Погодина, № 1149 [Журова, 2017а], в сборнике посланий и поучений РНБ Q.I.1439 [Журова, 2017б]. Оно служило неким регистратором текста. Трудно объяснить сохранность номера послания в редакциях – «39», он, вероятно, указывает на существование какого-то свода, нам не известного. Итак, заголовок дает цельное представление об авторском замысле, рассчитанном на широкий круг читателей.

В развернутом обращении, открывающем послание, выделены три группы адресатов, выбор которых, видимо, обусловлен статусом архиерея: «Мужие братие⁴ и друзи любезнии», «вѣрнии священноначальницы, пастырие и съпаственицы, и съслужебницы» и «вси... чада». В этом ряду, составленном из светских и духовных лиц и всей паствы, не представлена светская власть, тогда как примирение – ос-

³ Второй раздел – «Свидетельства» – представляет собой набор выписок из евангельских, апостольских и святоотеческих сочинений.

⁴ Тип обращения «мужие братие», известный по книге «Деяния апостолов», довольно редко встречается в сочинениях Даниила.

новная тема послания – более всего касалось борющихся боярских группировок. Обращение Даниила заканчивается просьбой принять его слово «о смирении и о съединении, и о съгласии, и о любви» и твердо соблюдать православную веру.

Надо признать, что митрополит Даниил, находившийся в самом близком окружении великокняжеского дома и принимавший участие в решении многих политических вопросов, в своих сочинениях не касался конкретных проблем государственного характера. Отстранение от исторических реалий своего времени, взгляд на настоящее с позиции общего и вечного – точка зрения церковного публициста. Отдельные упоминания имен, событий, коллизий находим, как правило, в частных посланиях (Дионисию Звенигородскому, князю Юрию Дмитровскому и др.).

Пространное вступление Окружного послания обращает на себя внимание как характерным выражением авторской рефлексии, что типично для жанра посланий Даниила, так и исповедальным тоном повествования. Самоуничижительная формула в этом сочинении – одна из пространных в его посланиях:

Тако убо Господа Исуса ради азъ, рабъ вашъ и архирѣи вашъ, грубыи и безумныи Даниль, грѣшныхъ грѣшнѣишии и злыхъ злѣиши, ничто же никогда же добродѣтельно съдѣявыи, точию грѣхи... и молю, и глаголю любви вашей (л. 413 об.)⁵.

Она отвечает духу и настроению прощального слова. Митрополит довольно подробно (как никогда) описывает душевное состояние пастыря, прощающегося со своей паствой. Он подчеркивает, что постоянно заботился о спасении человека:

...якоже вчера, сице и днесъ... мною бо яже о Христѣ любовью и божественою ревностію възгараюся к вамъ, искыи и пекыися, и тружаяся, и желая спасения вашего и благыхъ получения и в настоящемъ и в будущемъ (л. 413 об.).

В основной части Окружного послания выделяются, согласно заявленным темам (о примирении и хранении веры), два раздела, неравные по объему в краткой редакции, но несколько уравновешенные в распространенной. В первоначальной редакции Даниил изложил свои суждения о смирении-примирении. Его логика такова. Каждый, пораженный недугом «разделения», по своей силе должен «смирива-

⁵ Ср. с посланиями, включенными в собрание [РНБ (Собрание Погодина). № 1149, 80-е гг. XVI в.]: «Аще бо и самъ окаяненъ есмь...» (послание 2); «Понеже пучина азъ окаянныи есмь безмѣрныхъ прегрешении и многобезуменъ и непотребенъ ни на что же...» (послание 4); «и ты со мною, грѣшнымъ и худымъ инокомъ Даниломъ, совѣта о семъ не имѣи» (послание 5); «от мене, грѣшнаго и худаго и несмысленаго инока Даниила» (послание 6); «азъ же, грѣшныи и худыи, что реку» (послание 7); «Еже просил еси от мене, грѣшнаго и худаго инока Даниила...» (послание 11).

тися», потому что «всюду ловления его [дьявола] приготовлена суть на вся человекы, на всяк час, во дне и в нощи» (л. 414). Истинным со-мирением восстающие друг на друга должны «раздирати съти вражия и вся козни его разрушати смирениемъ», потому что «многия съти бесовския», «дьявольские съти» приготовлены для каждого человека, и только смиренномудрием можно избавиться от них. Свои пространные рассуждения Даниил завершил похвалой смирению:

Смирения бо ради вся благая бывають намъ, смирение бо и кромѣ трудовъ многа съгрѣшения прощаетъ, кромѣ же смирения прощение грѣховъ не бываетъ... безъ смирения же вся бесполезна и бѣдна суть (л. 414 об.).

Источник своих построений проповедник находит в Священном Писании и приводит евангельские и апостольские цитаты (Мф 11 : 29; Ин 13 : 35; Гал. 5 : 13–15). Через них он переходит к концепту «духовная любовь», который занимает главное положение в нравственном богословии Даниила. В. Жмакин назвал митрополита проповедником любви [Жмакин, с. 605]. В словах «Соборника» (««Не судите, да не судимы будете». Слово 9» и «Аще нѣкаа злаа сътворимъ братиамъ нашимъ, или укорим, или оклеветаимъ, в таяжде впадемъ. Слово 10») публицист повторял: «любовь яже есть всѣхъ благихъ корень». В Окружном послании церковный публицист обращается к своей излюбленной теме, опираясь, как всегда, на подборку цитат, среди которых Первое послание Иоанна (1 Ин 4 : 21; 4 : 20; 3 : 14–15; 4 : 16) и послания апостола Павла (Рим 13 : 8–10; 1 Кор 13 : 1–8). В Окружном послании московский архиерей создал еще одну семантическую модель функционирования микротемы, и мотив духовной любви, порождая смысловые повторы, сыграл роль опознавательного сигнала системы нравственных ценностей, выстроенной Даниилом [Журова, 2016, с. 70–71]. Заключает свое учение о любви Даниил словами, ставшими топомом в его богословских трудах: «Якоже основание и верхъ, и начало, и конецъ всѣхъ добродѣтели есть любовь» (л. 417)⁶.

На антитезе «любовь и вражда» строит Даниил свою речь и прямым противопоставлением («Всѣхъ же злыхъ начало и конецъ есть разгласие и нестроение, и возношение, и раздѣление») переходит к теме распрей. Стилистическая параллель в двух смежных фразах организует переход в авторском повествовании. Опять обращаясь к священному тексту (Мф 7 : 15; Мф 18 : 7; Рим 16 : 17), митрополит подводит читателя к основной мысли:

И яко всяко царство, раздѣлишеся на ся, запустѣеть, и всякъ градъ или домъ, раздѣливыися на ся, не станеть. Идѣже бо есть зависть и рвение, ту нестроение и всяка зла вещь (л. 417).

⁶ Эта фраза занимает ключевые позиции в словах «Соборника» [РНБ. Ф. 173 (Собрание МДА/1). № 197. Л. 352, 411 об.] (слово 10 «О несотворении зла», слово 12 «О соблюдении обещаний во святом крещении»).

Эти горькие слова проецируются на политическую ситуацию, сложившуюся в Москве в конце 30-х гг. XVI в., но прямых указаний на нее митрополит не приводит.

В своем прощальном послании Даниил обращается к человеку как субъекту своих нравственных наставлений. К осторожности призывает архипастырь «сердца незлобивых»: «Блюдитесь убо, да никто же васъ развращаетъ и прельщаетъ отъ творящихъ разпря и соблазны» (л. 417 об.). И спасение, пишет проповедник, отсылая к апостольскому слову (Кол 3 : 12–16; Гал. 5 : 22; Еф. 4: 29–32), следует искать в духовной любви, долготерпении, смирении, прощении.

О спасении душ более всего печется архипастырь. Советом друг с другом, а не ложью человек придет к своему спасению, потому что

...лживыи всегда гнѣвы и разспря, и раздѣления въздвизаетъ въ челоуѣцехъ, тайны открываетъ, съкровенная испытуетъ, и съвѣты добре совѣщанныя разоряетъ, и любовь погубляетъ, и отлучается, и клятву преступаетъ, и от Бога отлучается (л. 418 об.).

Мотив лжи служит переходом к теме «шепотников и клеветников», сыгравших роковую роль в карьере Даниила, и он сам не раз пользовался их услугами. Но в Окружном послании архипастырь составил гневную речь в их адрес: «вся злая иматъ вкупѣ шептание, клеветание, ненависть, зависть; сицевыи, бо рече, братоубица бываетъ, немилосердъ отнюдъ и немилостивъ» (л. 418 об.), и потому, призывает митрополит, «шепотниковъ и клеветниковъ изгоняйте» (л. 418 об.). Опираясь на сочинения Исаака Сирина, рассуждает Даниил о грехе клеветы, приводящем человека к гибели⁷.

Клеветнику в учении митрополита противопоставлен истинный христианин: «Нелюбецъ шепотниковъ и клеветниковъ – сеи боголюбецъ и челоуѣколюбецъ есть» (л. 419). В похвалу ему Даниил приводит слова Ефрема Сирина. Вывод рассуждений Даниила таков: спасение от раздоров, распрей, клеветы – в любви, смирении, милости и братолюбии. Средство спасения человека – молитва: «Молитва бо вся благая съдѣваетъ: и грѣхи прощаетъ, и враги побѣждаетъ, и неизреченно дѣло есть молитва» (л. 419 об.). Даниил повторяет: согласно апостольскому слову (1 Фес 4 : 6), каждый должен в себе осудить искушения, разногласия, пререкания, и пребывающие в братолюбии и смирении найдут спасение; и наоборот, «разколы же и раздоры, и раздвоение же, и раздѣление вся злаа съдѣвають» (л. 421). Публицист приводит в пример историю израильтян, пострадавших от гордости и «самочиния». Несчастье и горе приходят к не соблюдающим закон Божий, доверившимся человеческим преданиям, возлюбившим славу человеческую выше Божественной славы. Эта догматическая сентенция христианского вероучения много раз повторяется в словах и поуче-

⁷ На эту же тему слово 9 «Соборника» «Не судите, да не судимы будете».

ниях московского митрополита и других церковных проповедников. Даниил заканчивает тему о смирении предупреждением о рассеивании и порабощении народов, не повинующихся законам Писания. Решение архипастыря носит богословский характер, а не исторический. В основу духовной жизни Даниил закладывает мотив смирения и любви. Логика рассуждений Даниила может быть представлена следующей схемой: а) смирение (согласие) и любовь ↔ разгласие; б) смирение (долготерпение) и любовь ↔ ложь (шепотники и клеветники); в) смирение (соединение) и любовь ↔ расколы и раздоры. На анти-тезе понятий «со-мирение», которое обязательно находится в одной связке с понятием «любовь», и «разгласие» строит митрополит свою миролюбивую концепцию.

Другая тема Окружного послания – хранение православной веры. В Краткой редакции она изложена в одном предложении, в интонации наставления, в стилистике «наказания» (как заявлено в названии), где преобладают глаголы повелительного наклонения. Она открывается пространством обращением: «Вы же, возлюбленнии Божии угодницы и христороубцы, въ благочестивѣишемъ отечествии вашемъ возрастъше» – и содержит одно положение: «в велицемъ благочестии крѣпцѣ съдръжите и соблюдаите великое святое и честное православие и предание, и законы Божия... во славу Господа нашего Иисуса Христа» (л. 421 об.–422). Конец списка текста Окружного послания в рукописи B522 обозначен специальным знаком, следовательно, текст завершен, хотя далее оставлены чистыми три четверти листа (л. 495, л. 495 об.–496 об.), входящие в одну тетрадь – 73-ю, с л. 497 начинается тетрадь 74-я, писанная другим почерком.

В распространенной редакции текст продолжен самым непосредственным образом, последняя фраза Краткой редакции «...во славу Господа нашего Иисуса Христа» продолжена: «и Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ и всѣмъ намъ купно на спасение и пользу».оборот «всѣмъ намъ купно» отсылает к заглавию B514 и еще раз подчеркивает тип послания как окружного.

В продолжении, дописанном Даниилом в Распространенной редакции, ведущий мотив – защита православной веры. Одним из средств защиты, считает проповедник, может быть «брань». В центре поучения пастыря стоит человек, и митрополит советует «душею разболѣвшимся» отлучаться «отъ неполезныхъ и душевредныхъ человекъ... отъ бесѣдъ ихъ, и ученияхъ, и словесъ ихъ», избегать «злаго мудрования ихъ и предания» и спорить («браниться») с ними «о вѣре и о благочестии». Здесь Даниил приводит слова Григория Богослова, ставшие ключевыми в его построении: «лучши есть похвалнаа брань, паче мира, отлучающаго отъ Бога» (л. 422 об.). Но мотив брани диссоциирует с идеей о смирении и согласии. Отстаивая защиту веры от злых учений и враждебных людей, он призывает бороться с ними, ссориться и препираться, и здесь не может быть примирения, недопустимо согласие. Следует заметить, что Даниил не поднимался до уровня поле-

мики, мастерами которой были Иосиф Волоцкий и Максим Грек. Трактаты против еретиков и иноверцев (латинского зловерия, агарянской прелести, армянской ереси, эллинского многобожия, иудейской веры) принадлежат Святогорцу, и они оказали большое влияние на формирование духовной жизни Московской Руси. У Даниила полемических сочинений практически нет, он, как правило, ведет свою пастырскую речь в изъяснительно-повелительном тоне.

Заключительная часть Окружного послания в распространенной редакции представляет собой собственно «Наказание», известное по словам «Соборника» [РГБ. Ф. 173 (Собрание МДА/І). № 197. 30-е гг. XVI в.], где оно выделено киноварным заголовком и составляет специальный раздел сочинения [Журова, 2014]. К особенностям «наказаний» как модификации проповеднической литературы относим повествование в духе наставления, диалогичность изложения, нравоучительную дидактику, дидактическую риторику. Часто, но не всегда «наказания» логически и текстуально связаны с содержанием основного текста слова. В «наказаниях» Даниил ведет свободную личную беседу со своими читателями, пасомыми. Присутствие автора ощущается во всем пространстве текста, на всех его уровнях (смысловом, стилистическом, риторическом), и эта особенность отличает «наказание» митрополита как одну из форм проповеднического дискурса, например, от церковной проповеди, где оратор стремится минимизировать свое участие.

В архитектонике Окружного послания «наказание» визуально не выделено, но опознается по таким приметам, как повествование от первого лица: «Мы же различная учения любовнаа и законъ, и служения слова, яже прияхомъ от Бога...» (л. 422 об.); «Мы бо в людехъ непокоривыхъ и прерѣкующихъ научихомся слышати...» (л. 423); «мы таковаго обычая не имамы» (л. 423 об.). Оно состоит из трех тезисов.

Даниил надеется, что изложенное учение и служение словом может «в духовъную любовь привести кого, въ единство правовѣрія вѣры православныя, утверждения и съблюдения, въ согласие и съединение, и исправление» (л. 422 об.). Если же не принято будет оно (его слово) «любовнымъ нашимъ другомъ и братьямъ», то нельзя будет их исправить, предупреждает архипастырь, ссылаясь на Василия Великого («ни едино же намъ к нимъ слово»). Даниил наказывает, что, спасая «непокоривыхъ и прерѣкующихъ», свою душу нужно «отъ вѣчнаго осужения избавити» и не погибнуть с чужими грехами, если не удастся «изъяти отъ сѣти лукаваго». Заканчивает архипастырь свою мысль, опять отсылая к посланию Павла (1 Тим. 5 : 22) и словам Василия Великого. Даниил отрекается от «любоспорливыхъ» людей, поскольку «отъ них же бываетъ зависть, прѣние, хулы, умышления лукавая, съприближения» (л. 424); «отступаемъ отъ таковыхъ», пишет Даниил, подкрепляя свою позицию апостольским словом и цитатой Василия Великого. Таким образом, прецедентный текст (апостол Павел, Василий Великий), трижды заключающий высказывания Даниила, выполняет функцию их смысловой точки.

Завершается Окружное послание рассуждениями о силе молитвы: «Подщимся, убо якоже преже речеся, прилѣжно на молитву соборнѣ и особнѣ, елико возможно» (л. 424). Даниил повторил свой же тезис, что только с ее (молитвы) помощью можно избавиться от дьявольских сетей и придти к свету Божественного разума. Обращение к известному мотиву еще раз доказывает существование нового этапа в работе Даниила над своим посланием, и таким этапом стало создание Распространенной редакции. Заканчивает Даниил свое прощальное слово наставлением о всеобщем примирении: награду получим, пишет проповедник, если

...съ множайшимъ дерзновениемъ молитвы творяще о нихъ и себѣ внимающе, безмолвно живуще, молчаниемъ враги побѣждающе и любяще ихъ, и добро творяще имъ, и молящися о нихъ по божественныхъ заповѣдехъ, и тихо, и смирено, и духовно поживемъ, и милости отъ Бога сподобимся, и о оставлении грѣховъ кающися приемемъ, и здѣшнихъ и будущихъ благихъ получимъ, ихже буди всѣмъ намъ получитьи благодатию и челоувѣколюбиемъ Господа нашего Исуса Христа... (л. 424 об.).

Энциклика Московского митрополита занимает особое место в системе творческих трудов писателя. Изучение история текста датированного послания Даниила, анализ его архитектоники и поэтики могут служить ориентиром в исследовании обширного рукописного наследия церковного публициста.

Список литературы

- Дмитриева Р. П.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л. : Наука, 1974. Т. 28. С. 202–230.
- Дмитриева Р. П.* Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности // Книжные центры Древней Руси : Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л. : Наука, 1991. С. 3–15.
- Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М. : Императ. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1881. 762 + 96 с.
- Журова Л. И.* «Наказания» в структуре Слов «Сборника» митрополита Даниила // Сибир. филол. журн. 2014. № 3. С. 50–57.
- Журова Л. И.* К вопросу о нравственном богословии митрополита Даниила // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 4. С. 63–83.
- Журова Л. И.* Послания митрополита Даниила: история текста авторского собрания // Древняя Русь : Вопросы медиевистики. 2017а. № 4. С. 109–116.
- Журова Л. И.* Дружининский сборник посланий Даниила (РНБ. Q.I.1439): вопросы циклизации // Кусковские чтения – 2017 : Культурно-семиотическое пространство русской словесности: история развития и перспективы изучения. М. : Изд-во МГППУ, 2017б. С. 272–280.
- Кром М. М.* «Вдовствующее царство» : Политический кризис в России 30–40-х гг. XVI в. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 888 с.
- Музейное собрание* рукописей государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М. : Публ. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1961. 524 с.
- Послания* Иосифа Волоцкого / подг. А. А. Зимины, Я. С. Лурье. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 390 с.

РГБ. Ф. 113 (Волоколамское собрание). № 514. 1563 г. Л. 413–424 об.; Ф. 113 (Волоколамское собрание). № 522. 50-е гг. XVI в. Л. 481–495; Ф. 178 (Музейное собрание). № 1257. 50-е гг. XVI в. Л. 67–78; Ф. 173 (Собрание МДА/И). № 197. 30-е гг. XVI в. 493 л.

РНБ. Собр. Погодина. № 1149. 80-е гг. XVI в. Л. 1–217; Q.I.1439 (60-е гг. XVI в.). Л. 200 об.–314.

Синицына Н. В. Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // ТОДРЛ. М. ; Л. : Наука, 1965. Т. 21. С. 96–125.

Шапошник В. В. К вопросу о событиях августа 1534 года // Русское Средневековье : сб. ст. в честь проф. Ю. Г. Алексева. М. : Древлехранилище. 2012. С. 351–374.

Шапошник В. В. Смерть Елены Глинской и придворная борьба в Москве (апрель–октябрь 1538 года) // Грани русского Средневековья : сб. ст. к 90-летию Ю. Г. Алексева. М. : Древлехранилище, 2016. С. 47–54.

References

Dmitrieva, R. P. (1974). *Volokolamskie chet'i sborniki XVI v.* [Almanach Collections of Volokolamsk of the 16th Century]. In *TODRL*. Vol. 28. Leningrad, Nauka, pp. 202–230.

Dmitrieva, R. P. (1991). Iosifo-Volokolamskii monastyr' kak tsentr knizhnosti [Iosifo-Volokolamskii Monastery as a Centre of Book Culture]. In *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi : Iosifo-Volokolamskii monastyr' kak tsentr knizhnosti*. Leningrad, Nauka, pp. 3–15.

Krom, M. M. (2010). “*Vdovstvushchee tsarstvo*” : *Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh gg. XVI v.* [“Dowager Reign”. Political Crisis in Russia in the 1530s–1540s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 888 p.

Muzeinoe sobranie rukopisei gosudarstvennoi biblioteki imeni V. I. Lenina [Museum Collection of Manuscripts of the Lenin State Library]. (1961). Moscow, Publichnaya biblioteka SSSR imeni V. I. Lenina. 524 p.

RGB [Russian State Library]. Stock 113. Volokolamskoe sobranie. № 514. 1563 g. Fol. 413–424 reverses; № 522. 50-е гг. XVI в. Fol. 481–495; Stock 173. Sобрание МДА/И. № 197. 30-е гг. XVI в. 493 fol.

RNB [National Library of Russia]. Sобрание Pogodina. № 1149. 80-е гг. XVI в. Fol. 1–217; Q.I.1439 (60-е гг. XVI в.). Fol. 200 об.–314.

Shaposhnik, V. V. (2012). K voprosu o sobyitiyakh avgusta 1534 goda [About the Events of August 1534]. In *Russkoe Srednevekov'e : sbornik statei v chest' professora Yu. G. Alekseeva*. Moscow, Drevlekhranilishche, pp. 351–374.

Shaposhnik, V. V. (2016). Smert' Eleny Glinskoi i pridvornaya bor'ba v Moskve (aprel'-oktyabr' 1538 goda) [Elena Glinskaya's Death and Court Wars in Moscow (April – August 1538)]. In *Grani russkogo Srednevekov'ya : sbornik statei k 90-letiyu Yu. G. Alekseeva*. Moscow, Drevlekhranilishche, pp. 47–54.

Sinitsyna, N. V. (1965). Poslanie konstantinopol'skogo patriarkha Fotiya knyazyu Mikhailu Bolgarskomu v spiskakh XVI v. [Letter of Patriarch Photios of Constantinople to Prince Mikhail Bolgarskii in Copies of the 16th Century]. In *TODRL*. Vol. 21. Leningrad, Nauka, pp. 96–125.

Zhmakin, V. (1881). *Mitropolit Daniil i ego sochineniya* [Metropolitan Daniil and His Works]. Moscow, Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. 762 + 96 p.

Zhurava, L. I. (2014). “Nakazaniya” v strukture Slova “Sobornika” mitropolita Daniila [“Orders” in the Structure of the Sermons in Metropolitan Daniil's *Sobornik*]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 50–57.

Zhurava, L. I. (2016). K voprosu o npravstvennom bogoslovii mitropolita Daniila [About Metropolitan Daniil's Moral Theology]. In *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. No. 4, pp. 63–83.

Zhurava, L. I. (2017a). Poslaniya miropolita Daniila: istoriya teksta avtorskogo sobraniya [Metropolitan Daniil's Epistles. The History of Text from the Author's Collection]. In *Drevnyaya Rus' : Voprosy medievistiki*. No. 4, pp. 109–116.

Zhurova, L. I. (2017b). Druzhininskii sbornik poslanii Daniila (RNB. Q.I.1439): voprosy tsiklizatsii [Druzhinin's Collection of Metropolitan Daniil's Epistles (NLR. Q.I.1439): Cyclisation Issues]. In *Kuskovskie chteniya – 2017 : Kul'turno-semioticheskoe prostranstvo russkoi slovesnosti: istoriya razvitiya i perspektivy izucheniya*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo psikhologo-pedagogicheskogo universiteta, pp. 272–280.

Zimin, A. A., Lur'e, Ya. S. (Eds.). (1959). *Poslaniya Iosifa Volotskogo* [Iosif Volotsky's Epistles]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 390 p.

The article was submitted on 15.10.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.344
УДК 27-788+930.2:64+330(470)

**«СТРОГО ПО ПРАВИЛАМ И В МЕРУ»:
СТОЛ В ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОМ МОНАСТЫРЕ
(ок. 1580 г.)***

Людвиг Штайндорф

Университет имени Христиана Альбрехта,
Киль, Германия

**STRICTLY REGULATED AND MEASURED:
MEALS AT THE IOSIFO-VOLOKOLAMSKY MONASTERY,
c. 1580**

Ludwig Steindorff

Kiel Christian-Albrechts-University,
Kiel, Germany

The main source of this study is the revenue book (Rus. *kormovaya kniga*) of the Iosifo-Volokolamsky Monastery for 1581–1582. It combines information about significant contributions and *kormy* (meals) commemorating the investors with instructions about food and drinks to be served throughout the year. Depending on the weekly and annual cycles, the monastery menu changed daily. To prevent an investor's commemoration day and a fast day from overlapping, the *kormy* were moved to non-fast days. The revenue book allows the author to accurately reconstruct the monastery menu. The quality of the food and the number of dishes depended on the day and the occasion. In addition, the portions of food and drinks were normally determined beforehand. The lay workers of the monastery received smaller portions, but other than that there were no differences: everyone ate the same food. The left overs were distributed among paupers in front of the gate of the monastery or sent to nearby monasteries. In the revenue book, the author finds instructions regarding the seating during the meal, the order in which everyone was supposed to eat (the first and second rounds of serving), and the days on which the tables were to be covered with

* Citation: Steindorff, L. (2018). Strictly Regulated and Measured: Meals at the Iosifo-Volokolamsky Monastery, c. 1580. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1031–1052. DOI 10.15826/qr.2018.4.344.

Цитирование: Steindorff L. Strictly Regulated and Measured: Meals at the Iosifo-Volokolamsky Monastery, c. 1580 // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1031–1052. DOI 10.15826/qr.2018.4.344 / Штайндорф Л. «Строго по правилам и в меру»: стол в Иосифо-Волоколамском монастыре (ок. 1580 г.) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1031–1052. DOI 10.15826/qr.2018.4.344.

tablecloths. The revenue book demonstrates the way in which the rules of Orthodox monasticism, whose traditions formed in the Mediterranean space, were transferred to a different climate zone and adapted to it. Additionally, the author points out that the monastery menu of the late 16th century bears some features of contemporary Russian cuisine.

Keywords: *kormovaya kniga*; economic history of the 16th century Russia; Iosif Sanin (Volotsky); Evfimii Turkov; Iosifo-Volokolamsky Monastery; monastery menu.

Главным источником для данного исследования послужила кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря 1581–1582 г. Она объединяет сведения о больших вкладах и кормах на память вкладчиков с указаниями о еде и питье в течение целого года. Стол ежедневно менялся в зависимости от недельного и годового круга. Чтобы избежать наложения дня поминания вкладчика с постным днем, кормы перемещались, если нужно, на непостный день. Кормовая книга позволяет произвести точную реконструкцию монастырского меню. Качество еды и число блюд зависели от дня и от повода обеда. Кроме того, чаще всего меры еды и питья тоже были определены. Не считая меньшей порции для мирских работников в монастыре, все получали одинаковую пищу. Что оставалось от трапезы, раздавалось нищим перед воротами и посылалось в соседние богорадные монастыри. Автор находит в кормовой книге и указания о том, кому сидеть за каким столом во время трапезы, кто обедает только во вторую смену, и в какие дни используются скатерти. Из кормовой книги видно, как правила православного монашества, обычаи которого сформировались в средиземноморском пространстве, были удачно перенесены в другую климатическую зону и как они были приспособлены к ней. В то же время в монастырском столе конца XVI в. уже возможно распознать черты современной русской кухни.

Ключевые слова: кормовая книга; экономическая история России XVI в.; Иосиф Санин (Волоцкий); Евфимий Турков; Иосифо-Волоколамский монастырь; монастырский стол.

«И изъяхих, ими же питаемся благодаряще Христа по благословению отеческому, и неписаннаа написах, аще и мала и ничтоже мнящася быти. Но немочно есть без сих [малаа сия вещи телесныя и тленныя] никому же от человек быти, яко же души кроме тела и тело кроме души и пища мертво есть, и от малых в великаа падаем съгшениа»¹.

¹ Дополнение «[малаа сия вещи телесныя и тленныя]» использует выражение, находящееся в предыдущем предложении, где «вещи телесныя и тленныя» сравниваются с серебром, которое слуги Христовы получают на хранение (Лк 19 : 11–26); [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, с. 321]. Последнее предложение имеет приблизительное сходство с выражением, часто используемым в Духовной грамоте Иосифа Волоцкого [Духовная грамота, слово 4, 9, предание 9; Goldfrank, p. 200, 223, 294 (Extended Rule IV, 4; IX, 13; Tradition, p. IX, 13)].

Так говорится в послесловии к кормовой книге, составленной уставщиком и позднее игуменом Евфимием Турковым для основанного Иосифом Саниным в 1479 г. примерно в 20 км на северо-восток от Волоколамска и в 100 км от Москвы монастыря Успения Богородицы.

Кормовая книга представляет собой тип книги, появившийся в монашеской письменной практике Московского государства во второй половине XVI в. По структуре с ней схож позднесредневековый *liber anniversariorum*, «книга годовых поминаний» в западной церкви. Составленная по календарному принципу, книга открывается 1 сентября согласно византийскому церковному году. В ней отмечены дни корма в помяние отдельных вкладчиков. Там также может содержаться информация о вкладе и местонахождении могил вкладчиков, а также предписания, относящиеся к трапезе как в дни поминовения вкладчиков, так и на протяжении всего года².

Кормовая книга Иосифо-Волоколамского ставропигиального мужского монастыря, созданная, по всей вероятности, во второй половине 1581 или в начале 1582 г. [Steindorff, 1998, S. XVII], соединяет в себе все вышеназванные функции³. Ее информативная ценность, по моему мнению, превосходит все известные на сегодня источники данного типа. Как уже отмечено лучшим знатоком экономической истории монастырей А. А. Зиминим, прагматичная письменная культура Иосифо-Волоколамского монастыря в XVI в. в отношении вкладов и поминаний в общем и целом была разработана настолько систематично и с такой тщательностью, как ни в одном другом монастыре [Зимин, 1977, с. 103].

Имеется целый ряд источников, послуживших основой для составления кормовой книги, вошедшей в виде шестой главы в обиход монастыря [Steindorff, 1998, S. XIX]:

- более ранние не сохранившиеся версии кормовой книги;
- общий церковный устав (типик);
- устав монастыря, здесь – «Духовная грамота и наставление преподобного игумена Иосифа о монастырском и иноческом устроении» [Духовная грамота. Слово 2; Goldfrank, p. 180–189, Extended rule II], на которую недвусмысленно ссылается Евфимий Турков [Годовая кормовая книга, с. 325, 335];
- вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря, ведшаяся с середины 1550-х гг. [Вкладная книга; Steindorff, 1994, S. 200].

² Кормовая книга, по сути, не должна включать помяник целого рода, то есть, кроме имени вкладчика, и более полный список имен родственников. Исключением является кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г., не содержащая данных о монастырском столе [Steindorff, 2009, S. 406–416]. О виде источника см.: [Алексеев, с. 363–365].

³ Основной список см.: [ГИМ (Синодальное собрание). № 403. Обиходник Иосифо-Волоколамского монастыря. Гл. 6. Л. 46–135]; вторичные списки см.: [РГАДА. Ф. 1992. Оп. 2. № 556; РГБ. Ф. 113. № 681]; см. также: [Steindorff, 1998, S. XL–XLI].

При решении каких исследовательских задач можно использовать кормовую книгу? Как видно уже из цитаты, приведенной в самом начале статьи («и неписаннаа написах»), появление данного письменного источника является подтверждением усиления письменной традиции и нормирования. Ее составление вписывается в общее русло центральной культурной тенденции, которая, возникнув во время позднего Средневековья, а в Московском государстве в XVI в., продолжается вплоть до наших дней. Кормовая книга, говоря в унисон с Мишелем Фуко, является «великим гимном „мелочам“» («grande hymne aux petites choses»), схожим с продолжительным пассажем из «Трактата об обязанностях братьев христианских школ» («Traité sur les obligations des frères des Écoles chrétiennes»), принадлежащим перу священника и воспитателя Жана-Батиста де ла Салля (ум. 1719), на которого ссылается Фуко. Де ла Салль, подобно Евфимию Туркову, пишет в самом начале трактата о том, «насколько опасно пренебрегать мелочами» («Combien il est dangereux de négliger les petites choses») [Foucault, p. 166].

Кормовая книга может использоваться как источник по истории русского языка в области фонологии, морфологии, лексикологии и синтаксиса. В частности, слово «штевар» («повар, который варит щи»), по аналогии со словом «кашевар», впервые выявлено в ней [Годовая кормовая книга, с. 313]. Она содержит разнообразную информацию о материальной культуре, например, указания относительно строительства самого монастыря, устройства его территории и вкладов. Благодаря сведениям о ценности последних она также является важным источником по нумизматике. Данный источник дополняет наши знания о литургических практиках и распорядке дня в монастыре.

Кормовая книга – один из центральных источников по истории институтов вкладов и поминовения усопших. Корм означал высочайшую степень коммеморации, предназначенной лишь для узкого круга избранных вкладчиков; цена ежегодного корма в память об одном человеке составляла 100 руб. Благодаря содержащимся именам вкладчиков и поминаемых, среди которых почти 23 % женщин [Steindorff, 2009, S. 235], кормовая книга является еще и важным источником для исследований в области просопографии.

Праздничная трапеза, ставшая возможной благодаря вкладчику, символизировала приглашение монахов быть *post factum* его гостями, вкладчик «подарил» им ее. Ответным дарением братии была молитва и (в том случае, если тело поминаемого покоилось в монастыре) молебен на могиле. Поскольку монахи, наряду с нищими, могли считаться представителями Христа на Земле, последний также присутствовал опосредованно в качестве гостя на трапезе [Steindorff, 1994, S. 212–214].

Наконец, роль предписаний, содержащихся в кормовой книге, может быть рассмотрена как вклад в историю дисциплинирования в смысле сообразности или чувства меры и контроля над телом как личного опыта, а также в отношении интенции внешнего контроля, направленного на индивида [Steindorff, 1999, S. 108–110]. На род-

ственную связь между монастырями и другими социальными институтами от казарм, тюрем и фабрик до школ и университетов указывал уже М. Фуко [Foucault, p. 166–167, 175], но наиболее ярко это показано в книге Х. Трайбера и Х. Штайнерта «Создание надежного человека. Об избирательном „средстве“ дисциплины на фабрике и в монастыре» [Treiber, S. 53–60]. Кормовая книга в плане воспитания дисциплины и контроля идет гораздо дальше, чем церковный устав.

Кроме того, кормовая книга является превосходным источником по истории традиций питания. Какие возможности открываются при ее использовании для изысканий по лексикологии широкого лексико-семантического поля «пища», убедительно показывают работы Д. Мюллера; его исследования способствуют более глубокому пониманию текста источника [Müller, 2009; Müller, 2013, S. 303–320]. Подробный анализ данного источника в физиологическом аспекте питания ждет еще своего часа, хотя вывод В. Н. Покровской относительно кухни Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI в. может быть распространен и на Иосифо-Волоколамский монастырь: при условии, что рассматриваемый ассортимент блюд в «меню» соблюдался, можно говорить о разнообразной и здоровой пище [Покровская, 1970, с. 294–295]⁴.

Кормовая книга расширяет наши знания об истории русской кухни: при каких условиях, кем, когда и что употреблялось из еды и питья; как антропологическая универсалия – общая трапеза, помимо удовлетворения физических потребностей, является в высшей степени символическим актом. Так же, как исключение из общей трапезы оказывает изолирующее воздействие, участие в ней способствует формированию и усилению чувства принадлежности к общности иноков, имеет умиротворяющий эффект [Althoff, 1987, S. 13–25; Kolmer, S. 197–205]. Накрытый стол и организованная трапеза служат показателем статуса ее участников. Даже если монашеская культура приема пищи, как и основная идея иночества, в своей интенции эгалитарны, то есть служат идее равноправия, в кормовой книге можно найти также множество незначительных индикаторов осознания участниками трапезы своего статуса.

Иосифо-Волоколамский монастырь принадлежал к монастырям Московского государства с наиболее ярко выраженным стремлением к укоренению принципа кинобии (*греч.* *κοινοβιον*), общежития братьев в монастыре⁵. Это касалось, помимо участия в совместном богослужении, прежде всего совместной трапезы. Практика сна иноков в одном помещении (*лат.* *dormitorium*), обычная в римско-католиче-

⁴ Близкой является интерпретация Е. В. Романенко. Автор дает общий обзор монастырской кухни [Романенко, с. 227–271]. Опираясь прежде всего на источники из Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, автор все же не допускает ее сопряженности с кормами.

⁵ Киновия общежительного монастыря отличается от осожития (идиоритма), распространенного среди монашества восточной церкви. В последних совместно монахи празднуют лишь важные праздники на торжественных богослужениях, в остальном же несут монашеское служение согласно своему внутреннему ритму.

ской церкви вплоть до позднего Средневековья как еще один признак принципов общежития, была в восточной церкви неизвестна.

Ниже я хочу обратить внимание на некоторые элементы в предписаниях по соблюдению порядка совместной трапезы, определяемые тремя временными кругами. На примере множества отдельных правил кормовой книги можно показать взаимообусловленность и взаимозависимость этих временных кругов.

Хотя суточный круг в литургическом контексте начинается уже во время вечерней службы предшествующего дня, в контексте правил о трапезе он начинается все же только в полночь, так же, как и окончание срока поста означено именно этим временем. К некоторым исключениям из данного основополагающего правила, обусловленным коллизиями с прочими временными кругами, мы обратимся ниже.

Главное время приема пищи – обед – приходилось на период после таинства святого причастия и Божественной литургии, значит, чаще всего на первую половину дня. Путь из церкви в трапезную («трапезный покой») был связан с попарным шествием братьев, несших просфору в сосуде, посвященном Пресвятой Богородице⁶; заканчивалась трапеза чином возношения панагии, во время которого частицы просфоры раздавались присутствующим [Steindorff, 1994, S. 214; Spock, 2008, S. 259–263]. Связь между литургией и временем принятия пищи становится наиболее очевидной уже потому, что обычным для обозначения в русском языке главной церковной службы во множестве контекстов является применение метонимии «обедня», то есть службы, предшествующей обеду; в кормовой книге это слово встречается 15 раз и используется как синоним к слову «литургия» (28 раз).

Если трапеза не следовала сразу за Божественной литургией, это оговаривалось особо: при трех кормах по вкладчику предполагалось, что весь собор⁷ перед трапезой направлялся к его могиле [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, с. 55, 217, 231]. В день Димитриевской субботы⁸, посвященной всеобщему поминанию усопших, процессия со всем собором направлялась в придел к гробнице основателя монастыря Иосифа и пела там «Вечную память» усопшим [Там же, с. 47]. В день же Святой Троицы предписывалось:

По литургии в трапезе не сядятя пойдут на рощу по лист и в церкви стелют лист по всеи и в олтаре и по приделом в обеих и в гробнице [Там же, с. 209].

⁶ Просфора – освященный богослужебный литургический дрожжевой хлеб из белой муки, в западной церкви ему соответствует гостия, приготовленная из пресного теста.

⁷ Клир, или собор – священники, диаконы, певчие – все те, кто несли обязанности по проведению богослужения.

⁸ Суббота перед днем св. Димитрия 26 октября (8 ноября). В богослужебном уставе Русской православной церкви – одна из родительских суббот. Все даты здесь и далее приводятся по старому стилю.

Ужин предусматривался, как правило, по субботам, воскресеньям, вторникам и четвергам [Там же, с. 15]. Во время поста ужины проходили только по субботам и воскресеньям, в другие же дни они отменялись, даже если на них падал какой-либо день поминовения важного святого [Там же, с. 15–21].

В недельном круге среда и пятница были постными днями, поэтому рыба также не подавалась к столу, если не было исключений в годовом круге. Мясо было полностью исключено из монастырского меню. Субботний день в православной традиции недельного круга является днем поминания всех усопших. Соответственно, во время длительных постов монастырские предписания по субботам смягчались для того, чтобы иметь возможность проводить заупокойные кормы. Воскресенье, напротив, полностью посвящено памяти Воскресения Христова. Поэтому по воскресеньям заупокойных кормов никогда не было. В этот день допускались лишь задравные кормы за себя и своих родственников [Steindorff, 1994, S. 221–223; Steindorff, 2008, S. 237]. Впрочем, даты задравных кормов не были зафиксированы в кормовой книге.

В годовом круге следует делать различие между неподвижным и подвижным календарем. В неподвижном календаре каждому дню соответствует поминовение по меньшей мере одного святого, благодаря чему этот день становится именинным для всех обладателей данного имени. Большая часть двенадцатых великих праздников наряду с Пасхой как главным из них привязаны к неподвижному календарю, начиная с 1 сентября и согласно установленным праздникам во славу Иисуса Христа и в честь Пресвятой Богородицы по юлианскому календарю: это Воздвижение Креста Господня (14 сентября), Рождество Христово (25 декабря), Богоявление, или Крещение Господне (6 января), Сретение Господне (2 февраля), Преображение Господне (6 августа), Рождество Пресвятой Богородицы (8 сентября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября), Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта), Успение Пресвятой Богородицы (15 августа). Два поста привязаны исключительно к неподвижному календарю: это Рождественский пост, или Филиппово заговенье (с 15 ноября до 24 декабря включительно), и Успенский пост с 1 по 14 августа включительно.

Неполный, или подвижный календарь (пасхальный цикл), захватывающий лишь часть года, зависит от изменяющегося дня Светлого Христова Воскресения, или Пасхи, который всегда приходится на первое воскресенье после первого полнолуния и начала весны, не ранее 22 марта и не позднее 25 апреля. Подвижный календарь начинается за десять недель до Пасхи и заканчивается через восемь недель после Пасхи. От этого календаря зависят, помимо Пасхи, три переходящих праздника: Вход Господень в Иерусалим, или Вербное воскресенье (шестое воскресенье Великого Поста, или за неделю до Пасхи), Вознесение Господне (через семь недель, или на 40-й день после

Пасхи, всегда в четверг), Духов день (через восемь недель, или на 50-й день после Пасхи, всегда в воскресенье).

Подвижный календарь определяет начало и конец Великого поста от понедельника седьмой недели перед Пасхой до субботы второй недели перед Пасхой, а также особенно строгий пост во время Страстной недели перед Пасхой. Отчасти от него зависит Петров пост, начинающийся во второй понедельник после Дня Святой Троицы и заканчивающийся 29 июня; этот пост может длиться в зависимости от сроков Пасхи от восьми до 42 дней.

Привязанная к общему монастырскому уставу, кормовая книга регулирует отношения между годовым и недельными кругами, предотвращая конфликты в церковном календаре. Покажем это на двух примерах: в канун праздника Рождества Христова, в «на́вечерие Рождества» (Сочельник), согласно традиционной терминологии, литургия, если день приходился на время между понедельником и пятницей, проводилась в виде исключения «в последний час» до полудня, тогда как вечером «на третий час» во время единственного в этот день приема пищи подавалась постная еда. По субботам и воскресеньям, напротив, литургия проводилась уже с утра, а запрет на скоромную пищу отменялся. Несмотря на это, в такие дни предполагался лишь скромный стол с хлебом, солью и квасом, не предусматривавший чина возношения панагии. Только после вечерней службы мог состояться праздничный ужин с пирогами, хотя и без рыбы. На стол подавался также «квас медвен по братинкам по малым, а на обмену квасу сыта». Таким же образом поступали 14 августа – за день до престольного праздника Успения Пресвятой Богородицы [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, с. 89–93, 227].

День святителя Николая, отмечаемый 6 декабря, всегда приходится на Филиппово заговенье. Несмотря на это, кормовая книга в этот день предусматривала, помимо прочих праздничных блюд, два сорта рыбы и медовый квас, что распространялось также на среду и пятницу – дни, которые приходились на пост, помимо недельного круга. Согласно примечанию, сделанному на полях другим почерком, в этот день правила празднования даже выходили за рамки устава [Там же, с. 77–79]. Наряду с правилом оставаться во время между Пасхой и Троицей по понедельникам, средам и пятницам без ужина, предписанным самим основателем монастыря [Там же, с. 193], это было единственное отклонение от устава.

Организация монастырского стола в течение года усложнялась еще и тем, что три временных круга накладывались на четвертый несовершенный и лишь относительно устойчивый, а именно на ежегодные поминания вкладчиков, связанных почти без исключений с неподвижным календарем, с днями смерти или именин. Календарные конфликты возникали, как уже сказано, по причине того, что поминальные трапезы не могли состояться по воскресным дням; по средам, пятницам и в постные дни годового круга они были исключены.

Долгое время мне приходилось задаваться вопросом, как было возможно избежать уставных конфликтов и как удавалось совмещать несколько трапез в один день. Лишь когда мне в руки попала мало известная среди специалистов рукопись из Иосифо-Волоколамского монастыря, хранящаяся сегодня в отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве, мне удалось получить ответы на мои вопросы. В рукописи повествуется о том, что, в какой день с 1 сентября 7075 г. (значит, 1566 г.) действительно было употреблено в пищу, и по кому были кормы. К сожалению, эта рукопись, у которой отсутствует название и которую я условно назвал *годовая кормовая книга*, сохранилась не полностью и обрывается на дате 17 апреля 1567 г.

Если сравнить записи в указанной книге с распоряжениями в заведенной незадолго до того вкладной книге, можно увидеть, что даты поминаний могли довольно свободно переноситься на более ранние или более поздние дни. Из 99 кормов лишь семь состоялись в назначенный день, 48 были перенесены на более позднее время, а 26 – на более раннее. В 18 случаях мы вообще не находим связи с датами поминаний во вкладной книге [Steindorff, 2008, S. 241]. Это сравнение касается, конечно же, и поминаний в кормовой книге, если они не были изменены за счет прибавления новых членов внутри одной семьи. В то же время несомненным является тот факт, что в монастыре строго следили за тем, чтобы ни одна поминальная трапеза не была забыта.

Корма приходились почти исключительно на вторники, четверги и субботы; вечером предыдущего дня служили панихиду за упокой души усопшего. Кроме того, в виде исключения также проходила одна поминальная трапеза в понедельник, а именно 3 февраля – поминание Дмитрия, в монашестве Дионисия, и Федора Нащокина. 3 февраля попадало в этом году на сырную седмицу, в просторечии – Масленицу, восьмую неделю перед Пасхой, во время которой трапезы по понедельникам разрешались в виде исключения [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, с. 131]. В этот день на стол братии подавались свежие сметки и лещи, фаршированные кашей, а также одно блюдо, испеченное на масле, – или пироги, или блины; из напитков – сычёный (медовый) квас⁹. Кстати, рецепт приготовления лещей, фаршированных сдобренной специями гречневой кашей, можно и сегодня найти в поваренных книгах.

Согласно записи во вкладной книге монастыря, день корма приходился для Дмитрия Нащокина на 8 января – в 1567 г. понедельник, а для его брата Фёдора на 19 февраля – в 1567 г. уже во время Великого поста. Впоследствии эти дни были совмещены в этом году в один день (3 февраля). Значит, корм по Дмитрию был передвинут на 26 дней вперед, а другой (по Федору) – на 16 дней назад. В более поздней по времени кормовой книге 15 годами позднее их поминовение было предусмотрено уже 28 февраля [Steindorff, 2008, S. 247, No. 55–56].

⁹ «На братию сковороды сметьков свежих да по сковорадам по лещу по свежемужу кашею начинины. Масленое одно. Квас сычен» [Годовая кормовая книга, л. 33–33 об.].

Трапеза для Ивана Сеницына, в монастыстве Льва, и его брата, в монастыстве Ионы, приходилась даже на пятницу 24 января 1567 г. [Ibid., No. 79–80]. Как указано в годовой кормовой книге, этот день приходился на сплошную седмицу, а именно на неделю о мытаре и фарисее – третью неделю перед началом Великого поста [Годовая кормовая книга, л. 31]. В последней все ограничения поста, согласно кормовой книге, были сняты [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 131]. Собственно, день поминания для Ивана-Льва Сеницына должен был состояться уже 10 января 1567 г., в среду, так что его в любом случае необходимо было перенести. Его брат, монах Иона, не был упомянут ни в старшей книге вкладов, ни в младшей кормовой книге.

Что же принималось в пищу согласно нормам кормовой книги в день корма? Принципиальное различие делалось между «большим», «средним» и «меньшим» кормами (или трапезами) в зависимости от величины вклада и, конечно же, от социального статуса вкладчика, инициировавшего акт коммеморации.

В первый день года, 1 сентября, в память о Симеоне Бельском описан средний корм: «В трапезе на братию колачи целые одны да рыба двоа да масленое, пироги с сыром пряжены да оладьи с медом, квас медвен» [Ibid., S. 5]¹⁰. Намного более обширным был большой корм в память о второй жене Ивана IV Марии Темрюковне, состоявшийся 6 сентября:

Того же месяца в с [6] по благоверной царице великой княгине Марие, государьской дачи по неи с [200] рублей да достокан сребрен. Утешение. В трапезе колачи белые не в меру да рыба троя со взваром с луком или с чесноком или с горчицею да масленое обое и пироги и оладьи по в [2] на брата. В [2]-м блюдо, а рыба в [2]-м же, а в сковрадах рыба свежаа по в [2] звена на брата, а сковороды д [4]-м братом, с перцом, квас медвен добр. А коли в сковородах рыба свежаа, тогда по блюдом двоа, по сковородам д [4]-м. А коли свежие не будет, тогда по блюдом троя, а блюдо двум братом ставят. И тако в большие кормы всегда бывает на братию утешение и в средние и в меншие, яко же преди писано сего месяца а [1] число [Ibid., S. 7–9]¹¹.

Это предписание выглядит не совсем ясно, но имеет свою логику: на столе были калачи из белой муки, по два сырных пирога и по пирожку с медом на брата. Было предусмотрено два вида подачи рыбы: в блюдах три сорта соленой или вареной рыбы, а одно блюдо приходилось на двух братьев. Или же в одном блюде подавалось два вида рыбы, третий сорт жареной рыбы подавался в сковородах, рассчитанных на четырех братьев. Как формулировка в последнем

¹⁰ Несмотря на отсутствие союза «или», нет сомнений в том, что пироги и оладьи использованы здесь как альтернативные или взаимозаменяемые варианты.

¹¹ На полях – примечание: «большая трапеза».

абзаце, так и отсутствие стандартного описания «малой трапезы» позволяют заключить, что ко времени составления кормовой книги в отношении количества блюд, подававшихся к малой и средней трапезе, не делалось никакого различия. Как отмечено в конце цитаты, каждый корм в последующем повествовании больше не описывается отдельно, но в большинстве случаев на полях сообщается лишь его объем.

Высшим достижением монастырской кухни был стол в день Светлого Христова Воскресения на Пасху и в день апостола Фомы, восьмой после Пасхи, приходящийся на воскресенье, отличавшийся еще и тем, что со стороны монастырь получал перепечи из пшеничной муки [Ibid., S. 183, 191].

Жареное и печеное подавалось лишь в особых случаях. Значимость праздника или поминания оправдывала более высокие расходы на приготовление блюд и подачу особых яств. Эта связь ясно прослеживается при систематическом анализе документов (см. табл.). Ниже указаны все «большие кормы», основным признаком которых, как правило, являются рыбные блюда в сковородах. Кроме того, зарегистрированы все случаи подачи в сковородах, будь то рыба или тавранчук (род рыбного пагу) [Birkfellner, S. 57]. При этом в большинстве случаев большие заупокойные кормы, в общей сложности 39, касались в основном круга родственников царя¹².

Свидетельства о блюдах в сковородах

Страница	Дата	Сведения	Повод (праздник или корм по вкладчику)
5	2 сент.	Корм большой	Князь Семион Микулинский
7	6 сент.	Корм большой	Рождество Богородицы
13	–	Тавранчук	Все воскресные дни
23	9 сент.	Рыба в сковородах	Кончина Иосифа Санина
29	9 сент.	Корм большой	Царевна Анна
37	30 сент.	Корм большой	Малюта Григорий Лукьянович Скуратов [Бельский]
41	2 окт.	Корм большой	Царица Анастасия
41	2 окт.	Корм большой	Князь Владимир Андреевич

¹² При всей последовательной ритуальной и символической строгости норм и процессов, связанных с кормом и коммеморацией, было бы неправомерным видеть в двух больших трапезах, посвященных двум персонам не княжеского рода, всего лишь совпадение или только высокую оценку, зависящую от величины корма. Василий Юрьевич Поджегин [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, s. 37] являлся посланником великого князя Василия III, убитым в Казани в 1523 г. [Зимин, 1988, с. 221]; Малюта Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский убил с согласия царя Ивана IV 23 декабря 1569 г. впавшего в немилость и отрешенного от престола в 1568 г. митрополита Филиппа, после чего царь сам внес корм за упокой Малюты [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 37]. За митрополита был внесен большой корм как за мученика, за другого – так как он нуждался в особой заботе о спасении его души.

Продолжение табл.

Страница	Дата	Сведения	Повод (праздник или корм по вкладчику)
45	25 окт.	Рыба в сковородах	Поминание Иосифа, а также поминавание всех усопших
47	26 окт.	Корм большой	Князь Дмитрий Иванович Угличский
51	29 окт.	Корм большой	Царица Анастасия
51	29 окт.	Корм большой	Княгиня [Евфросиния], в монастыре Евдокия Старицкая
55	3 ноя.	Корм большой	Князь Георгий Васильевич
55	4 ноя.	Корм большой	Княгиня Ульяна Волоцкая
59	–	Тавранчук	Перед началом Филиппова заговенья
61	–	Тавранчук	По воскресеньям Филиппова заговенья
65	21 ноя.	Рыба в сковородах	Введение во храм Пресвятой Богородицы
71	25 ноя.	Корм большой	Князь Георгий Васильевич
71	28 ноя.	Корм большой	Князь Иван Борисович Волоцкий
75	4 дек.	Корм большой	Великий князь Василий Иванович, в монастыре Варлаам
79	8 дек.	Корм большой	Царевна Мария
79	11 дек.	Корм большой	Князь Андрей Иванович Старицкий
87	30 дек.	Корм большой	Митрополит Макарий
95	25 дек.	Рыба в сковородах	Рождество Христово
105	6 янв.	Рыба в сковородах	Богоявление
121	11 февр.	Корм большой	Кассиан Босой, монах и крестный отец царя
131	–	Рыба в сковородах	Среда сырной недели
133	–	Рыба в сковородах	Воскресенье сырной недели
135	4 марта	Корм большой	Княгиня Ульяна Волоцкая
137	18 марта	Корм большой	Царевна Мария
137	22 марта	Корм большой	Царевич Василий
137	23 марта	Корм большой	Князь Георгий Иванович Дмитровский
137	26 марта	Корм большой	Великий князь Василий Иванович, в монастыре Варлаам
149	–	Тавранчук	Первое воскресенье Великого поста
149	–	Тавранчук	Субботы Великого поста
167	25 марта	Рыба в сковородах	Благовещение Пресвятой Богородицы
171	–	Тавранчук	Шестая суббота Великого поста
183	–	Рыба в сковородах	Пасха
205	13 апр.	Корм большой	Князь Георгий Иванович Дмитровский

Окончание табл.

Страница	Дата	Сведения	Повод (праздник или корм по вкладчику)
205	26 апр.	Корм большой	Василий Юрьевич Поджегин Бушма
217	1 мая	Корм большой	Пафнутий Боровский и Митрополит Макарий
217	3 мая	Корм большой	Князь Федор Борисович Волоцкий
221	6 мая	Корм большой	Царевич Василий Иванович
221	8 мая	Корм большой	Князь Иван Борисович Волоцкий
221	21 мая	Корм большой	Великая княгиня и мать царя Елена
229	22 мая	Корм большой	Митрополит Даниил
229	25 мая	Корм большой	Григорий Малюта Бельский (тот же, что и 30 сентября)
231	26 мая	Корм большой	Князь Борис Васильевич Волоцкий
235	1 июня	Рыба в сковородах	Годовщина основания монастыря Иосифом
237	7 июня	Корм большой	Князь Федор Борисович Волоцкий
249	–	Тавранчук	В Петров пост
253	24 июня	Рыба в сковородах	Иоанна предтечи и крестителя
253	29 июня	Рыба в сковородах	Петра и Павла
265	22 июля	Корм большой	Царица Мария
265	24 июля	Корм большой	Князь Борис Васильевич Волоцкий
277	6 авг.	Рыба в сковородах	Преображение Господне
283	14 авг.	Рыба в сковородах	Предпразднство престольного праздника
283	15 авг.	Рыба в сковородах	Престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы
299	3 авг.	Корм большой	Князь Георгий Иванович Дмитровский
299	7 авг.	Корм большой	Царица Анастасия
301	19 авг.	Корм большой	Князь Андрей Иванович Старицкий

На 16 праздничных дней церковного года предусматривались рыбные блюда в сковородах, из них два раза – на Сырную седмицу. В случае если празднование рождества Иоанна Крестителя 24 июня и Петра и Павла 29 июня (оба праздника приходятся на Петров пост) приходились на воскресный или постный день, в меню отсутствовали рыбные блюда [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 253]. В воскресные дни их место занимал тавранчук [Ibid., S. 249]. Четыре из 16 дней приходились на праздничные дни, которые являлись также особыми монастырскими праздниками: это день успения основателя монастыря Иосифа, приходившийся на 9 сентября, годовщина основания мо-

настыря 1 июня 1479 г. и престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы 15 августа, включающий и предыдущий день.

Очевидно, что тавранчук – независимо от его вкусовых качеств – был менее ценным блюдом по сравнению с целой жареной рыбой¹³, на что указывает меньшая значимость дней годового богослужебного круга, в которые он употреблялся. Это блюдо подавалось во все прочие воскресные дни, в том числе во время постов, а также по субботам Великого поста.

Качество блюд и их количество зависели от повода той или иной трапезы. Как правило, определялась мера того, сколько должно было быть выпито и сколько яиц мог взять себе каждый. Только в исключительных случаях эта мера могла быть изменена. Так, братья могли себе позволить за ужином в начале Сырной седмицы взять столько яиц и сыра, сколько пожелают: «...и сыры и яйца дают не в меру, кто похочет по своей мере» [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 215]. Один единственный раз в году, 15 сентября, подавался кисель со сметаной, которого каждый мог съесть столько, сколько захочет [Ibid., S. 33]. Как уже было видно из процитированного выше правила, калачи (белый хлеб) регулярно подавались во время больших кормов без ограничений [Ibid., S. 7].

Кроме того, существовало правило определения величины порций в зависимости от статуса участника трапезы: если по праздникам подавался медовый квас, миряне получали лишь половину той порции, которую получали монахи. В таком случае вместо двух участников трапезы одно рыбное блюдо делили между собой четверо. Кроме того: «А коли у братья мало сходков останет рыбы и масленого, и тогда миряном дают селды или обычную рыбу варят» [Ibid., S. 315]. Под мирянами понимаются, однако, не почетные или сановные гости из светского мира, а работающие в монастыре мастеровые, в том числе «слуг[и] и плотник[и] и мастер[а]» [Ibid., S. 315]¹⁴. Работавшие в Иосифо-Волоколамском монастыре братья-трудники в качестве мукосеев из расположенного поблизости богорадного монастыря столовались вместе с братьями, но получали, несмотря на свой монашеский статус, как правило, половинную порцию [Ibid., S. 335]. Сходки (оставшаяся после трапезы пища) раздавались нищим у монастырских ворот в виде милостыни, а также посылались богорадному монастырю [Ibid., S. 329–331; Steindorff, 1998, S. XXXVI–XXXVIII]¹⁵. Немощным и больным монахам, бывшим не в состоянии принять участие в общей братской трапезе, пища приносилась при условии их согласия в келью. В постные дни им разрешалось вкушать рыбные блюда [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 327–329].

¹³ Поэтому сомнения Г. Биркфельнера в правильности формулировки «*qualitativ minderwertiges Fischgericht*» [Birkfellner, S. 57] в моей работе [Steindorff, 1998, S. XLVI] не оправданы.

¹⁴ Более полное перечисление мирских ремесленников и помощников см.: [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 313].

¹⁵ Женский богорадный монастырь упоминается в книге только один раз [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 25].

Традиция раздачи нуждающимся оставшейся после трапезы пищи в виде милостыни сохранилась до сегодняшнего дня. Правила распределения пищи дополняются установлением в «Духовной грамоте» основателя монастыря, в котором описаны три ступени воздержания: тот, кто придерживался строгого воздержания, из двух или трех блюд принимал в пищу только одно; среднему уровню соответствовали два блюда из трех; принадлежавшие к самой слабой ступени воздержания брали в меру от всех трех блюд, не нарушая при этом общего правила. Хлебом и выпечкой можно было насыщаться сообразно личной потребности [Духовная грамота, слово 2; Goldfrank, p. 186–187 (Extended Rule, p. II, 29–31)].

Важно в конечном итоге отметить, что (без учета меньшей меры для мирских и работных братьев из богорадного монастыря) пища в монастыре для всех была одна, а внутри братии не имелось различий между игуменом, иноками, облеченными особыми функциями, и рядовыми братьями¹⁶. На последней странице наставлений к Сырной седмице сказано: «Всем равно тем добро» [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 133]. Но было одно принципиальное исключение из этого правила, запрещавшее допуск на территорию монастыря женщин, которые в праздничные дни могли принимать милостыню только вне его стен [Ibid., S. 27, 279, 281].

К «малаа сия вещи телесныя и тленныя»: так, большое значение имели также правила поведения братии за столом в трапезной, в «палате со столами», по аналогии с рефекториумом в западноевропейских монастырях. На первой трапезе присутствовали все братья. Одновременно с ними обедали старший повар, четыре вытчика (ученики) и «штевар» в «чюлане» – помещении, отделявшем поварню от трапезной. За третьим столом около входа сидели монастырские сторожа, монахи из соседнего богорадного монастыря – мукосеи и записные нищие [Ibid., S. 309–313]. Последние пользовались правом получения регулярного питания в обители, схожим с *pitantiae* в западноевропейских монастырях. По этому поводу на полях кормовой книги находим примечание тем же почерком: «VI [12] было» («их было 12»). Данное число показывает, что, вероятнее всего, сидящие за третьим столом символически представляли 12 апостолов, участвовавших в трапезе вместе с Христом. Но, по-видимому, это число ко времени написания кормовой книги не соблюдалось. Оказавшиеся случайно на момент приема пищи в трапезной также находили себе место за третьим столом [Ibid., S. 313].

Ко второй трапезе приходили келарь и чашник, в обязанности которого входило обеспечение напитками, чтец (последний по понятным причинам не мог принимать участия в первой трапезе), грузчики и работающие в монастыре ремесленники [Ibid., S. 115, 309, 313]. Братья,

¹⁶ Г. Гольдфранк указывает на сохранение равноправия при приеме пищи как на особенность Иосифо-Волоколамского монастыря, не учитывая при этом существовавшее ограничение порции присутствовавших на трапезе, помимо самой братии монастыря [Goldfrank, p. 89].

не имевшие возможности ввиду особенностей своего послушания или по иным делам монастырского служения принять участие в первой трапезе, должны были обратиться за разрешением к келарю, после чего могли занять место за столом. Они получали ту же порцию, что и братья во время первой трапезы [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 309], в то время как мирянам причиталась меньшая мера. В дни, когда подавались блюда в сковородах, – во время главных праздников годового богослужебного круга и при больших кормах, – старший повар, просфорный и «вытчик за масленным», приготовлявший пироги и оладьи, участвовали только во второй трапезе [Ibid., S. 311]. Частично правила, описанные в кормовой книге, позволяют выяснить, какого рода трудовая деятельность велась на кухне и какое разделение труда там было принято.

Столы покрывались скатертями лишь в виде исключения, в особых случаях. В кормовой книге в качестве повода для этого указаны следующие праздники: два господских праздника – Богоявление (Крещение) и Пасха [Ibid., S. 105, 183], три богородичных праздника – Рождество Богородицы, Покров Пресвятой Богородицы (10 октября) и Введение во храм [Ibid., S. 17, 39, 67], воскресные дни во время Филиппова заговенья [Ibid., S. 61], среда, пятница и суббота на Федоровой неделе (первой во время Великого поста) [Ibid., S. 145, 147], праздник основателя обители 9 сентября [Ibid., S. 23].

Можно только догадываться, соблюдалось ли неписаное правило накрывать столы скатертями, к примеру, на Рождество Христово или в Троицын день. Но можно с уверенностью сказать, что не существовало прямой связи между использованием скатертей и порядком следования праздников, когда к столу подавались блюда в сковородах: так, праздник Покрова Пресвятой Богородицы к ним не относился. Поэтому скатерти, создававшие атмосферу праздничности, могут рассматриваться как своеобразная компенсация за не слишком богатый стол.

Во время трех названных дней на Федоровой неделе скатерти подчеркивали особую значимость момента начала Великого поста: в понедельник, вторник и пятницу трапеза отсутствовала. По понедельникам было предписано полное воздержание от еды. По вторникам во время сухоядения братия получала после вечерни в чулане хлеб, соль и воду. Физически более крепким братьям было предписано отказаться и от этого [Ibid., S. 141, 143]. В среду и пятницу в церкви в большом котле освящалась кутья [Ibid., S. 145]. Не совсем понятно, было ли идентичным последней сладкое блюдо, подававшееся во время трапез¹⁷.

С понедельника Федоровой недели ворота монастыря оставались закрытыми. Ни трудники, ни мастеровые или гости не получали доступа в обитель; по всей видимости, постная пища подавалась им через окошечко в воротах [Ibid., S. 141]. Отсутствие рабочих на кухне и подача во время трапез исключительно холодных блюд как ритуальной

¹⁷ «Постная пища взвар медвен с перцом и со пшеном и с ягоды по братинкам по малым на брата по мере» [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 145].

части поста дополняли друг друга. В субботу Федоровой недели накануне недели Торжества православия ворота вновь открывались, после чего осуществлялся обильный прием постной пищи: подавались икра двух сортов, блины и пироги – последние с начинкой из вязиги (предварительно высушенной и сваренной спинной струны осетра – хорды) – и тавранчук [Ibid., S. 147, 149]. Скатерти подчеркивали вместе с изысканной пищей особую торжественность дня. После того как монастырь находился с понедельника в состоянии социальной изоляции, с открытием ворот и приемом гостей он вновь возвращался к единению с миром¹⁸. По такой же аналогии монастырь был закрыт с вечера Страстного четверга до окончания праздничной трапезы в Светлое Христово Воскресение, следовательно, никто из гостей не мог принять участие в пасхальной трапезе [Ibid., S. 175, 185].

Со 2 февраля (Сретения Господня) после окончания второй трапезы в полдень имелся еще «полдник». Келарь ставил в трапезной после благословения игумена большую бочку ячневового кваса для братии, давая знать об этом тремя ударами колокола [Ibid., S. 115]. На протяжении какого времени, возможно, до конца календарного года 31 августа, ежедневно подавался «полденный квас», в книге не сказано. Во всяком случае, совместное употребление в трапезной кваса не исключалось с началом Великого поста, так как, в зависимости от сроков Пасхи, самое раннее начало его – 2 февраля.

Раздача кваса в полдень также была подчинена практикам дисциплинирования. Привычная нам беседа во время приема пищи была здесь запрещена: один из старцев следил за поведением братьев,

...чтоб не беседовали и не седили долго, испив мало да в келью шли по единому кождо в свою. А из с трапезы бы идучи не говарили квасу не выносили и миряном не давали а на монастыре и пред трапезою и пред чюланом не стояли друг с другом не шептали и не роптали, от того бы неподобнаго схождения и совокупления вся злаа ражаются и объядения и пианства и распря и брани и клеветания и осужения и хулениа и на место святое укорения и на закон, и предание отеческое ни во что же полагаати. Тлят бо обычая благы беседы злыа мирьския и бесполезныа [Ibid., S. 117–119].

На полях помечено: «Апостол» (Коринф. 15 : 33).

Множество повторяющихся предостережений против праздных разговоров, содержащихся в дальнейшем повествовании [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 185, 323], показывают, как трудно было заставить братьев соблюдать молчание или ограничиться лишь духовным и полезным разговором. В своем «Монастырском уставе» Иосиф также говорит на тему молчания [Монастырский устав, гл. 3, 4; Goldfrank, 2002, p. 133–134, 142–143 zu Brief Rule III, VI].

¹⁸ Праздник в субботу напоминает пробуждение замка после столетнего сна в сказке «Спящая красавица» [Steindorff, 1993, S. 84, Anm. 87].

Единственный раз в году было предусмотрено что-то подобное современному понятию «свободное время». О времени после завтрака в Светлое Христово Воскресение сказано:

А врата монастырская отворяют все, и братиам прохлад бывает на монастыре и пред враты, и звонят в колоколы во все, кто хочет, и миряном не возбранно, и братия в те дни учатся звонити новоначальные и юные, а не за монастырь. А старцом старым бречи и дозирати над ними, чтоб бесполезных и мирских бесед не было, от них же вся злая бывают [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 185]¹⁹.

Но и здесь «свободное время» для послушников может пониматься лишь в очень ограниченном значении по сравнению с шумными мирскими забавами во время Масленицы или колядок между рождественским Сочельником и Крещением.

При ретроспективном взгляде кормовая книга помогает увидеть, как нормы питания православного монашества, развившиеся в Средиземноморском регионе, успешно перенимались и адаптировались в другом природном пространстве. В то же время в монастырском столе в конце XVI в. можно различить признаки типично русской кухни, начиная с деления года в соответствии с традиционными блюдами согласно праздничному и постному календарю и заканчивая различными закусками и правилом, предусматривавшим, что после приема пищи на столе останется часть от кушаний.

Нельзя забывать, что в случае с кормовой книгой речь идет о нормативном тексте, который в то же время основывался на долгой традиции, существовавшей в монастырях Московского государства²⁰. Остается вопрос о действии негативных факторов, помимо нарушения правил поведения отдельными лицами, будь то дефицит продуктов питания или недостаток в людях после войн и эпидемий, свирепствовавших как раз во время написания книги Евфимием Турковым [Steindorff, 1998, S. XVII], так что, как сказано выше, к тому времени использовалась лишь часть мест в трапезной, предусмотренных для записных нищих [Das Speisungsbuch von Volokolamsk, S. 313]. И все же сопоставление с годовой кормовой книгой 1566–1567 гг. показывает, что практика не сильно отличалась от нормы, а рассмотренная кормовая книга является относительно точным срезом монастырской жизни.

Независимо от того, что добиться исполнения абсолютно всех требований из кормовой книги было невозможно, ее появление в долгосрочной перспективе можно назвать шагом к укоренению практик,

¹⁹ «Ходити» вынесено на поля.

²⁰ Г. В. Судаков использует неопубликованный столовый обиходник о порядке за столом Кирилло-Белозерского монастыря. Его терминология и предписания очень близки к применявшимся в Иосифо-Волоколамском монастыре, хотя и не совпадают полностью [Судаков, с. 88–92].

интегрировавших монастырский обиход в строго установленные временные рамки. Установления из кормовой книги дисциплинировали, определяли правила приема пищи – отчасти набор добродетелей, на много позже ставших неотъемлемой частью гражданского общества. Кроме того, кормовая книга представляла собой акт совершенствования давно сложившихся монастырских практик.

На первый взгляд, в кормовой книге можно увидеть прежде всего попытку регламентировать каждый шаг монашествующих – силу «малаа сия вещи». Но при более пристальном прочтении трудно освободиться от очарования этого законченного и в то же время гибкого свода правил, в котором сделана попытка гармонизации трансцендентного полагания временного смысла с обустройством своего жизненного мира²¹.

* * *

Доклад, на основании которого была написана эта статья, был сделан мною 9 апреля 2010 г. Пасха пришлась в тот год во всех конфессиях христианских церквей на одно и то же воскресенье: 22 марта по юлианскому и 4 апреля по григорианскому календарю. Согласно кормовой книге Иосифо-Волоколамского монастыря, в этот день должны были быть поданы на стол щи, в виде исключения – вареная или соленая рыба, несмотря на постный день – молочная каша, калачи и пасхальные перепечи, из напитков – ячменный квас [Там же, с. 189], что соответствовало постному меню на Светлую седмицу.

Список литературы

Алексеев А. И. Древнейшая кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // История в рукописях и рукописи в истории : сб. науч. тр. к 200-летию Отд. рукописей Рос. нац. б-ки / сост. и науч. ред. Г. П. Енин. СПб. : РНБ, 2006. С. 363–378.

Вкладная книга Иосифова Волоколамского монастыря / опубл. А. А. Титов // Рукописи славянския и русския, принадлежащая И. А. Вахромееву. Вып. 5. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1905. Прил. С. 1–79.

Годовая кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря // ГИМ. Отд. рукописей (Епархиальное собрание). № 417 (683).

Духовная грамота преподобнаго игумена Иосифа о монастырском и иноческом устроении // Великие Миней-четы, собранные всероссийским митрополитом Макарием : в 16 т. СПб. : Археограф. комиссия, 1868. Т. 1. Сент. Стб. 499–615.

Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М. : Наука, 1977. 356 с.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV века – первой трети XVI века. М. : Наука, 1988. 348 с.

Монастырский устав // Послания Иосифа Волоцкого / подг. текста А. А. Зимина, Я. С. Лурье, М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 291–319.

²¹ Монашеские правила во время трапез являются объединяющим началом между институтами монашества в восточной и западной церквях; см. работу А. Шульца, где он делает подобный вывод относительно западной церкви: [Schulz, S. 293–356].

Покровская В. Ф. Описание монастырской трапезы (по рукописи XVI в.) // ТОДРЛ. Т. 33. Л. : Наука, 1979. С. 293–295.

Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М. : Молодая гвардия, 2002. 327 с.

Судаков Г. В. Монастырская трапеза в XVI веке // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда : Русь, 1998. Вып. 3. С. 88–92. URL: <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=2202> (дата обращения: 15.01.2011).

Althoff G. Der frieden-, bündnis- und gemeinschaftsstiftende Charakter des Mahles im früheren Mittelalter // Essen und Trinken in Mittelalter und Neuzeit / Hrsg. von I. Bitsch, T. Ehlerl und X. von Ertzdorff. Sigmaringen : Jan Thorbecke Verlag, 1987. S. 13–25.

Birkfellner G. Altrussische Speisenordnung oder Was man das ganze Jahr über auf den Tisch bringt. Nach dem Domostroj (Der Hauswirt). Deutsche Erstausgabe und mittelrussischer Text mit Kommentaren. Münster : LiT-Verlag, 2004. 194 S.

Das Speisungsbuch von Volokolamsk : Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert / Hrsg. von L. Steindorff unter Mitarbeit von R. Koke, E. Kondraškina, U. Lang und N. Pohlmann. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 1998. 388 S.

Foucault M. Surveiller et punir : La naissance de la prison. Paris : Gallimard, 1975. 352 p.

Goldfrank D. The Monastic Rule of Iosif Volotsky / Revised Ed. Kalamazoo. MI : Cistercian Publ., 2000. 396 p.

Kolmer L. Aufnehmen und ausgrenzen : Die Funktion mittelalterlicher Speiserituale // Speiserituale. Essen, Trinken, Sakralität / Hrsg. von F.-T. Gottwald und L. Kolmer. Stuttgart : S. Hirzel Verlag, 2005. S. 197–212.

Müller D. Fasten und Feiern in altrussischen Klöstern // Russische Küche und Kulturelle Identität / Hrsg. von N. Franz. Potsdam : Universität Potsdam, 2013. S. 303–320.

Müller D. Zur Geschichte des Wortfeldes „Chleb“ im Altrussischen // Zeitschrift für Slawistik. Vol. 54. 2009. Iss. 4. S. 426–444.

Schulz A. Essen und Trinken im Mittelalter (1000–1300). Literarische, kunsthistorische und archäologische Quellen. Berlin, Boston : De Gruyter, 2011. XVIII + 810 S.

Spock J. Regarding the Good Order of the Monastery : The Tipik Solovetskago and the Integration of the Spiritual with the Temporal in the Early Seventeenth Century // Rude & Barbarous Kingdom Revisited : Essays in Russian History and Culture in Honor of R. O. Crummey / ed. by C. L. Dunning, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington, Slavica Publ. Indiana Univ., 2008. P. 251–267.

Steindorff L. Einstellungen zum Mönchtum im Spiegel altrussischer Quellen // Archiv für Kulturgeschichte. 1993. № 75. S. 65–90.

Steindorff L. Memoria in Altrußland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart : Steiner, 1994. 294 S.

Steindorff L. Einleitung // Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert / Hrsg. von L. Steindorff unter Mitarbeit von R. Koke, E. Kondraškina, U. Lang und N. Pohlmann. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 1998. S. XI–XLV.

Steindorff L. Monastic Culture as a Means of Social Disciplining in Muscovite Russia – a Common European Feature // The Place of Russia in Europe (Materials of International Conference) / ed. by G. Szvák. Budapest : Magyar Ruzsizszikai Intézet, 1999. P. 108–112.

Steindorff L. Realization vs. Standard : Commemorative Meals in the Iosif Volotskii Monastery in 1566/67 // Rude & Barbarous Kingdom Revisited : Essays in Russian History and Culture in Honor of R. O. Crummey / ed. by C. L. Dunning, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington, Slavica Publ. Indiana Univ., 2008. P. 231–249.

Steindorff L. Das Speisungsbuch des Troice-Sergij-Klosters von 1674 – ein Beispiel frühmoderner Informationsverwaltung: Aus Anlass der Publikation: Kormovaja kniga Troica-Sergieva monastyrja 1674 g. durch L. A. Kiricenko und S. V. Nikolaeva // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2009. № 57. S. 409–416.

Treiber H., Steinert H. Die Fabrikation des zuverlässigen Menschen : Über die „Wahlverwandtschaft“ von Kloster- und Fabrikdisziplin. München : Heinz-Moos-Verlag, 1980. 142 S.

References

- Alekseev, A. I. (2006). Drevneishaya kormovaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya [The Most Ancient Revenue Book of the Kirillo-Belozerskii Monastery]. In Enin, G. P. (Ed.). *Istoriya v rukopisyakh i rukopisi v istorii. Sbornik nauchnykh trudov k 200-letiyu Otdela rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki*. St Petersburg, Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, pp. 363–378.
- Althoff, G. (1987). Der frieden-, bündnis- und gemeinschaftstiftende Charakter des Mahles im früheren Mittelalter. In Bitsch, I., Ehlert, T., von Ertzdorff, X. (Hrsg.). *Essen und Trinken in Mittelalter und Neuzeit*. Sigmaringen, Jan Thorbecke Verlag, S. 13–25.
- Birkfellner, G. (2004). *Altrussische Speisenordnung oder Was man das ganze Jahr über auf den Tisch bringt. Nach dem Domostroj (Der Hauswirt). Deutsche Erstausgabe und mittelrussischer Text mit Kommentaren*. Münster, LiT-Verlag. 194 S.
- Dukhovnaya gramota prepodobnago igumena Iosifa o monastyrskom i inocheskom ustroenii [The Spiritual Letter of Rev. Hegumen Iosif about Monastic Organisation]. (1868). In Makarii, mitropolit. *Velikie Minei-cher'i v 16 t.* [The Great Minees. 16 Vols.]. St Petersburg, Arkheograficheskaya komissiya. Vol. 1. September, stb. 499–615.
- Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir. La naissance de la prison*. Paris, Gallimard. 352 p.
- Godovaya kormovaya kniga Iosifo-Volokolamskogo monastyrya [The Annual Revenue Book of Iosifo-Volokolamskii Monastery]. (N. d.). In *GIM* [State Historical Museum]. Otdel rukopisei (Eparkhial'noe sobranie). № 417 (683).
- Goldfrank, D. (2000). *The Monastic Rule of Iosif Volotsky*. Revised Ed. Kalamazoo, MI, Cistercian Publ. 396 p.
- Kolmer, L. (2005). Aufnehmen und ausgrenzen. Die Funktion mittelalterlicher Speiserituale. In Gottwald, F.-T., Kolmer L. *Speiserituale. Essen, Trinken, Sakralität*. Stuttgart, S. Hirzel Verlag, S. 197–212.
- Monastyrskii ustav [The Monastic Charter]. (1959). In Zimin, A. A., Lur'e, Ya. S. (Eds.). *Poslaniya Iosifa Volotskogo*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 291–319.
- Müller, D. (2009). Zur Geschichte des Wortfeldes „Chleb“ im Altrussischen. In *Zeitschrift für Slawistik*. Vol. 54. Iss. 4, S. 426–444.
- Müller, D. (2013). Fasten und Feiern in altrussischen Klöstern. In Franz, N. (Hrsg.). *Russische Küche und Kulturelle Identität*. Potsdam : Universität Potsdam, S. 303–320.
- Pokrovskaya, V. F. (1979). Opisanie monastyrskoj trapezy (po rukopisi XVI v.) [Description of the Monastic Meal (according to a Manuscript of the 16th Century)]. In *TODRL*. Vol. 33. Leningrad, Nauka, pp. 293–295.
- Romanenko, E. V. (2002). *Povsednevnyaya zhizn' russkogo srednevekovogo monastyrya* [The Daily Life of a Mediaeval Russian Monastery]. Moscow, Molodaya gvardiya. 327 p.
- Schulz, A. (2011). *Essen und Trinken im Mittelalter (1000–1300). Literarische, kunsthistorische und archäologische Quellen*. Berlin, Boston, De Gruyter. XVIII + 810 S.
- Spock, J. (2008). Regarding the Good Order of the Monastery: The Tipik Solovetskago and the Integration of the Spiritual with the Temporal in the Early Seventeenth Century. In Dunning, C. L., Martin, R. E., Rowland, D. (Eds.). *Rude & Barbarous Kingdom Revisited. Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey*. Bloomington, Slavica Publ. Indiana Univ., pp. 251–267.
- Steindorff, L. (1993). Einstellungen zum Mönchtum im Spiegel altrussischer Quellen. In *Archiv für Kulturgeschichte*. No. 75, S. 65–90.
- Steindorff, L. (1994). *Memoria in Altrußland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge*. Stuttgart, Steiner. 294 S.
- Steindorff, L. (Hrsg.). (1998). *Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert* / unter Mitarbeit von R. Koke, E. Kondraškina, U. Lang und N. Pohlmann. Köln, Weimar, Wien, Böhlau. 388 S.
- Steindorff, L. (1998). Einleitung. In Steindorff, L. (Hrsg.). *Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert* / unter

Mitarbeit von R. Koke, E. Kondraškina, U. Lang und N. Pohlmann. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, S. XI–XLV.

Steindorff, L. (1999). Monastic Culture as a Means of Social Disciplining in Muscovite Russia – a Common European Feature. In Szvák, G. (Ed.). *The Place of Russia in Europe (Materials of International Conference)*. Budapest, Magyar Ruzsisztikai Intézet, pp. 108–112.

Steindorff, L. (2008). Realization vs. Standard: Commemorative Meals in the Iosif Volotskii Monastery in 1566/67. In Dunning, C. L., Martin, R. E., Rowland, D. (Eds.). *Rude & Barbarous Kingdom Revisited. Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummev*. Bloomington, Slavica Publ. Indiana Univ., pp. 231–249.

Steindorff, L. (2009). Das Speisungsbuch des Troice-Sergij-Klosters von 1674 – ein Beispiel frühmoderner Informationsverwaltung: Aus Anlass der Publikation: Kormovaja kniga Troica-Sergieva monastyrja 1674 g. durch L. A. Kiricenko und S. V. Nikolaeva. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. No. 57, S. 409–416.

Sudakov, G. V. (1998). Monastyrszkaya trapeza v XVI veke [The Monastic Meal in the 16th Century]. In Kirillov. *Kraevedcheskii al'manakh*. Iss. 3. Vologda, Rus', pp. 88–92. URL: <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=2202> (mode of access: 15.01.2011).

Titov, A. A. (Publ.). (1905). Vkladnaya kniga Iosifova Volokolamskogo monastyrya [The Endowment Register of the Iosifo-Volokolamskii Monastery]. In *Rukopisi slavyanskaya i russkiya, prindlezhashchiya I. A. Vakhromeevu*. Iss. 5. Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoi. App., pp. 1–79.

Treiber, H., Steinert, H. (1980). *Die Fabrikation des zuverlässigen Menschen. Über die „Wahlverwandschaft“ von Kloster- und Fabrikdisziplin*. München, Heinz-Moos-Verlag. 142 S.

Zimin, A. A. (1977). *Krupnaya feodal'naya votchina i sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii (konets XV – XVI v.)* [Large Feudal Patrimony and Socio-Political Struggle in Russia (Late 15th – 16th Centuries)]. Moscow, Nauka. 356 p.

Zimin, A. A. (1988). *Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV veka – pervoi treti XVI veka* [The Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – First Third of the 16th Centuries] Moscow, Nauka. 348 p.

Translated by dr. Andrei Keller

The article was submitted on 10.05.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.345
УДК 003.076:81'42+811.161.1'04+27-36

**ПАМЯТИ СЛАВЯНСКИМ СВЯТЫМ
В СОСТАВЕ СТИШНОГО ПРОЛОГА XV–XVII ВВ.***

Ольга Щеглова

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
Новосибирск, Россия

**THE FEAST DAYS OF SLAVIC SAINTS
AS PART OF THE *STISHNOY PROLOGUE*
FROM THE 15th–17th CENTURIES**

Olga Shcheglova

Novosibirsk State National Research University,
Novosibirsk, Russia

This article studies the structure of the *Stishnoy Prologue* (*Synaxarion*), an artefact of Old Church Slavonic writing containing brief lives of the saints, hagiography, and moralising stories arranged in accordance with the calendar. There are many unsolved issues concerning the history of the translation of the *Stishnoy Prologue* into the Slavic language and its existence in Russia between the 14th and 17th centuries. These issues have to do with the sources, the peculiarities of its copies, and the role played by the hagiographies and moralising texts in different manuscripts. The author aims to clarify the structure of the *Stishnoy Prologue* and the description of Slavic saints' lives corresponding to their anniversaries. In order to draw a typological classification of the 40 copies of the spring and summer parts of the *Stishnoy Prologue* from the 15th–17th centuries in their Russian, Serbian, and Bulgarian versions, the author uses the linguo-textological method, dividing all the manuscripts into five groups. As a result of the study, the author singles

* Citation: Shcheglova, O. (2018). The Feast Days of Slavic Saints as Part of the *Stishnoy Prologue* from the 15th – 17th Centuries. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1053–1062. DOI 10.15826/qr.2018.4.345.

Цитирование: Shcheglova O. The Feast Days of Slavic Saints as Part of the *Stishnoy Prologue* from the 15th – 17th Centuries // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1053–1062. DOI 10.15826/qr.2018.4.345 / Щеглова О. Памяти славянским святым в составе Стишного Пролога XV–XVII вв. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1053–1062. DOI 10.15826/qr.2018.4.345.

out nine hagiographies devoted to Slavic saints and supposedly written by Slavic authors. Three saints' lives describing the earliest events in Christian history (early 4th century AD, 351, 812) can be found in all the copies of the document, which means these texts were part of the original Slavic translation of the *Stishnoy Prologue* from Greek. The commemoration of Holy Prince Wenceslaus (*Vyacheslav*) of the *Czechs* can be found in all the Russian copies, while the life of Methodius, Bishop of Moravia (characterising the Khutyn group of manuscripts), was included into the *Stishnoy Prologue* after its appearance in Russia in the 14th century. Additionally, the author discovered descriptions of the lives of the most venerated Bulgarian St John of Rila and St Prince Lazar of Serbia in only two out of the fifteen South Slavic manuscripts, both dating back to the 17th century. This testifies to the fact that the South Slavs demonstrated a stronger adherence to tradition when copying texts. The author also points out that the life of the Bulgarian St George the New can only be found in the 16th-century copy of the *Stishnoy Prologue*. It also contains a number of Russian and Slavic saints canonised by the Russian Orthodox Church after the Councils of 1547 and 1549. Finally, the author concludes that the presence of the lives of Slavic saints in the *Stishnoy Prologue* is an important typological feature to be taken into account when characterising the existing manuscripts.

Keywords: Old Church Slavonic writings of the 15th – 17th centuries; *Stishnoy Prologue*; the feast days of Slavic saints; textology; typology of manuscripts.

Статья посвящена исследованию состава Стишного Пролога, памятника церковнославянской письменности, содержащего памяти, жития святых, нравоучительные повести, расположенные в календарном порядке. В истории создания, перевода Стишного Пролога на славянский язык и бытования его на русской почве с конца XIV по XVII в. еще много нерешенных вопросов. Это касается формирования Стишного Пролога, использованных источников, особенностей редакций, роли в формировании той или иной редакции дополнительных памятней и нравоучительных чтений, внесенных древнерусскими книжниками, и т. п. Цель статьи – выявление состава Стишного Пролога и первичное описание памятней славянским святым. Основанием типологической классификации 40 списков весенне-летнего Стишного Пролога XV–XVII вв. русского, сербского и болгарского изводов послужил лингвотекстологический метод исследования. Все рукописи были разделены на пять групп. В процессе исследования было выявлено девять чтений, посвященных славянским святым или предположительно написанных славянскими авторами. Три памяти, повествующие о наиболее ранних событиях христианской истории (в начале IV в. н. э., 351 г., 812 г.), находятся во всех исследуемых списках, что свидетельствует о вхождении памятников в первоначальный состав переведенного с греческого славянского Стишного Пролога. Память святому князю Вячеславу Чешскому, присутствующая во всех рус-

ских списках, и Память Мефодия, епископа Моравского, характеризующая Хутынскую группу списков, были внесены в состав Стишного Пролога после появления его в конце XIV в. на древнерусской почве. Выявлен факт наличия памятей наиболее почитаемым болгарскому святому Иоанну Рыльскому и сербскому святому князю Лазарю всего лишь в двух из 15 южнославянских рукописей Стишного Пролога, при этом датируемых XVII в. Это подтверждает, что у южных славян было принято более строгое следование традиции при переписывании рукописей. Описывается также наличие памяти болгарскому святому Георгию Новому в единственной русской рукописи Стишного Пролога XVI в. В нем представлено несколько памятей русским и славянским святым, канонизированным Русской православной церковью после соборов 1547 и 1549 гг. В результате выявления и описания славянских памятей в составе Стишного Пролога делается вывод, что их наличие является важной типологической приметой при характеристике редакций Стишного Пролога.

Ключевые слова: церковнославянская письменность XV—XVII вв.; Стишной Пролог; памяти славянским святым; текстология; типология рукописей.

Стишной Пролог как памятник письменности представляет большой интерес для исследователей и с точки зрения истории текста, и с точки зрения истории языка. Лингвотекстологический метод исследования, применяемый для изучения памятников письменности, сохранившихся в нескольких или многих списках, предполагает в качестве первого этапа типологический анализ исследуемых рукописей, который позволяет выявить их структурные особенности, различия в составе текстов.

Проведенный нами типологический анализ состава 40 списков Стишного Пролога (далее – СП), содержащих чтения на весенне-летнюю половину года, показал наличие в нем памятей, восходящих к первому стишному синаксарю, созданному Христофором Митиленским в XI в., к греческому стишному синаксарю второй половины XII в., к переводу на славянский язык, сделанному в XIV в. у южных славян, к русской редакции СП (известно, что уже первые его русские списки были дополнены памятями русским и инославянским святым). Наличие русских и славянских памятей, а особенно нравоучительных чтений, принадлежащих славянским авторам, в составе памятника является важным типологическим основанием для выделения различных групп списков СП. Задачей данной статьи является выявление и описание памятей славянским святым в составе списков СП XV–XVII вв. весенне-летней половины года.

Всего нами было выявлено девять инославянских памятей: их заголовки, даты, под которыми они находятся, а также наличие памятей по выделяемым нами группам СП.

Памяти славянским святым в списках СП весенне-летней половины

Названия и даты	Группы списков				
	Южнославянская	Троице-Сергиевская	Синодская	Хутынская	Устюжская ¹
4.03. Перенесение мощей св. Вячеслава, князя Чешского	—	х	х	х	х
7.05. Воспоминание время внегода явился крест на небесе	х	х	х	х	х
11.05. Память преподобного отца нашего Мефодия, епископа Моравского	—	—	—	х	—
26.05. Страсть святого великомученика Георгия Нового	—	—	—	х	—
15.06. Память святого и славнаго великомученика князя Лазара сербскаго иже в Раванице	х	—	—	—	—
01.07. Память пренесения мощем преподобнаго и богоноснаго отца нашего Иоанна пустынножителя Рылскаго	х	—	—	—	—
7.07. Память святых мученицы Кириакии	х	х	х	х	—
23.07. Память святых мученик иже в Булгарии различными муками скончани быша	х	х	х	х	—
25.07. Память иже в болгарех скончавшихся христиан братий наших	х	х	—	—	—
26.07. Страсть св. преподобной Неделки и тоя родителю Дорофея и Евсевии	х	х	—	х	—

Остановимся подробнее на этих чтениях.

Вероятно, в силу древности описываемых событий три памяти (под 7 мая, 7 июля и 23 июля) представлены в списках всех выделенных нами по результатам типологического анализа групп.

На 7 мая читаем во всех группах «Воспоминание время внегода явился крест на небесе при часе третием дни при Константинѣ беллицем царѣ и при Вирилѣ архиепископѣ Ирѣалимьстемь». Начало: «Въ свѣтѣм градѣ...» Памяти предшествует стихословие: «Врѣтоу въздрѣждцоу са шѣти са вса земля дрѣвля. и нѣѣ авльшоу са шѣти са нѣбо». Это событие произошло в Иерусалиме 7 мая 351 г., когда им правил Констанций, сын Константина Великого, уклонившийся в ересь. По мнению историков церкви, Господь явил изображение креста

¹ В Устюжской группе представлены списки с чтениями на март-май.

в утверждение православия. Многие люди, видевшие это знамение, уверовали в Бога и крестились. Неизвестный супрасльский книжник составил слово к празднику на основе Похвального слова Константины и Елене тырновского Патриарха Евфимия [Кенанов].

«Память святых мученик иже в Българии различными мѹками скончани быша», имеющая только заголовок и стихословие: «Мужие праведных мѹками различными. Муже оубицы повнша различными нравы», также встречается во всех группах, имеющих списки с чтениями июля, под 23 числом. У архимандрита Сергия данное чтение обозначено как «Память замученных болгарами при царе Никифоре (802–811)» [Сергий (Спасский), с. 221]. Память посвящена воинам-христианам, погибшим в неудачном завоевательном походе царя Никифора на территории Болгарии в 811 г., которой правил тогда хан Крум.

Этому же событию посвящена «Память иже в болгарех скончавшиха христиан братий наших», находящаяся 25 июля в списках Троице-Сергиевской и Южнославянской групп. Причем стихословия при этой памяти нет, но в шести из восьми списков, в которых она находится, к ней присоединяется повествование об этом событии, а именно – о гибели войска византийского императора Никифора 25 июля 811 г. при Вырбишском проходе в войне с болгарами под руководством хана Крума. Начало: «При Никифоре цари еже в дебетое лето царства его...» Источником этого проложного текста, вероятно, является хроника Георгия Амартола.

Во всех июльских списках СП (за исключением одного хутынского списка) под седьмым числом находим память «Сѹтыа мѹци Кириакин» со стихом «Кириакин умерши постѹкз достигже прозволениемз добрымз скончана бывши мечем» и житием (начало: «Бѹ дни Диоклетиана царя Дорофей некын христианин...») (цит. по: [А-16.12.11.² Л. 390 об.]). Известно, что житие великомученицы Недели (Кириакии), жившей в царствование императора Диоклетиана (284–305 гг.), было переведено с греческого, но похвальное слово ей было написано Евфимием Тырновским. Кроме того, 26 июля встречается заголовок «Сѹтрагы святых преподобных Недѹлки и чюа родителю Дорофеа и Бѹбѹвине» во всех южнославянских и хутынских списках, а также в одном списке из Троице-Сергиевской группы. Наличие памяти святой Недели (Кириакии) под двумя разными числами в СП, вероятно, связано с внесением этой памяти из различных по происхождению источников.

Перенесение мощей святого Вячеслава, князя чешского, помещенное под 4 марта, имеет начало: «Бѹ князь в чехѹх праведенз именемъ Вячеславъ роженъ ѿ христіанюу родителю...» (цит. по: [Трц-715.³ Л. 13 об.]). Известно, что святой благоверный князь Вячеслав Чешский (святой Вацлав) родился около 907 г. С 924 г. правил и ревностно

² А-16.12.11 – Стишной Пролог, март-август, XVI в., русский, 555 л., 1^о [ОР БАН (Собрание основное). 16.12.11].

³ Трц-715 – Стишной Пролог, март-май, 1429 г., русский, 366 л., 1^о [ОР РГБ (Собрание Троице-Сергиевой лавры). Ф. 304/1. № 715].

вводил христианство в Чехии, был убит братом и его товарищами в 935 (936) г. Вскоре после смерти Вячеслав был канонизирован. На протяжении X–XIII вв. было создано большое число житийных и гимнографических произведений на славянском и латинском языках, посвященных святому Вячеславу. Одним из наиболее ранних, возникших в 930-х гг., является «Убиение Вячеслава». Как пишет А. А. Турилов: «Очень рано культ Вячеслава (вместе с культом Людмилы) получает известность в Киевской Руси. Уже в сентябрьской служебной минее 1095–1096 гг. помещен канон Вячеславу. Посвященные ему житийные тексты оказали воздействие на памятники агиографии борисоглебского цикла. С почитанием на Руси Вячеслава Чешского исследователи связывают наречение этим именем сына Ярослава Мудрого, родившегося в 1036 г. Не позднее XIII в. на Руси были составлены краткие версии житий Вячеслава и Людмилы Чешских, включенные в состав Пролога» [Житие Вячеслава князя Чешского]. Наличие памяти перенесения мощей святого Вячеслава, князя чешского, характеризует вторую распространенную редакцию Пролога простого [Бубнов, с. 290]. Вероятно, что в СП память перенесения мощей святого Вячеслава была перенесена из простого Пролога при создании первой русской редакции СП в Троице-Сергиевой лавре в начале XV в., о чем свидетельствует список Трц-715. В анализируемых нами списках СП эта память отсутствует в южнославянских списках (15 рукописей), но представлена во всех выделяемых нами группах русских списков СП (23 рукописи): Троице-Сергиевской, Синодской, Устюжской и Хутынской. В последней группе данной памяти нет в двух списках из-за плохой сохранности этих рукописей.

11 мая – Память преподобного отца нашего Мефодия, епископа Моравского. Начало: «Преподобный отец наш Мефодий епископ от града Селъньскаго отч сановитюу и богатюу родителю рождъся шца Льва и мѣре Мѣра...» Текст, который читается в день памяти святого Мефодия только в списках Хутынской группы, по всей вероятности, попал в СП из простого Пролога. Наличие этой памяти характеризует вторую распространенную редакцию Пролога [Бубнов, с. 292]. Вероятнее всего, это переработанный для Пролога отрывок из жития Мефодия⁴.

26 мая – Страсть святого великомученика Георгия Нового (начало: «Съ великий страстотръпец бысть рождение и възпитание славнаго града възгарскаго...») – находится только в одной рукописи Хутынской группы Тит-239⁵. Житие Георгия Нового было написано софийским попом Пейо вскоре после смерти святого [Динеков, с. 58–74; Ангелов, с. 99–130]. На Руси была широко распространена «Повесть о Георгии

⁴ Историю изучения жития и свод комментариев к нему см.: [Сказания, с. 143–173].

⁵ Тит-239 – Стишной Пролог, март-май, XVI в., русский, 430 л., 1^о [ОР РНБ (Собрание Титова). № 239]. Подробнее об этой рукописи см. нашу статью: [Щеглова, с. 155–161].

Новом», составленная около 1539 г. монахом Илией, автором нескольких служб, русским святым. Между южнославянским и русским житиями Георгия Нового существуют разночтения: место рождения, происхождение и возраст мученика, даты кончины и памяти, место положения мощей и имя участвовавшего в погребении софийского архиерея. На соборе 1549 г. Георгий Новый был причислен к лику святых. Позже в 1558 г. по русскому житию была составлена проложная редакция и служба святому Георгию Новому Варлаамом Псковитянином, при митрополите Макарии для «Минеи новым чудотворцам», канонизированным на соборах 1547 и 1549 гг. [Житие Вячеслава князя Чешского; Калиганов].

Проложное житие, представленное в рукописи Тит-239, по своей сюжетной канве совпадает с русским житием Георгия Нового, в нем указана дата смерти мученика – 7022 г., то есть 1514 г.

15 июня только в одном южнославянском списке XVII в. НБКМ-166⁶ помещена «Паметь стго и славнога великомчнника княза Лазара сръбскаго иже въ Раванице». Тексту предшествует стихословие: «Ико ж дрѣвѣи нногда възгласы Хі Лазара шч мрътвѣхъ сице и тѣбѣ възва гла Лазаре грѣди къ мнѣ съ мноу витѣнъ въ црѣтѣи моемъ. Глава новаго Лазара шчѣчена въ юна възв. гавѣ тако б'гочѣтѣ радн». Нач.: «Съ стгы рѣпоминаемн князь Лазарь шчѣтво н роженіе н възращеніе н възпитаніе сръскаго колѣнѣ въ...» (л. 206 об.). Древнейшее Житие благоверного князя Лазаря, царя сербского (ок. 1329 – 1389), было составлено около 1392 г. анонимным насельником монастыря Раваница, к которому, по нашему мнению, может восходить данное проложное житие. К началу XV в. относится целый цикл житий и сказаний о святом князе Лазаре. Тогда же была составлена служба святому Лазарю. Почитание благоверного князя Лазаря на Руси начинается, вероятно, с середины XVI в. В 1550 г. его образ и служба ему были подарены Иоанну Грозному хилендарским игуменом Паисием.

Только в одном южнославянском списке НБКМ-1044⁷ под 1 июля есть память «Прѣнесеніе мшцемъ рѣвнаго и б'гоноснаго шца нашего Іуанна пѣстынножитѣла Рыльскаго» со стихословием: Мрътвѣвъ зрѣши се Іуанне нъ ш бѣѣ живѣ възвѣмъ цѣлѣы даешн мрътѣво възл. Іула рѣнесе тѣло іуанново». Далее следует житие (начало: «Бл'гочыстнѣвы же н х'лоубнѣын црѣ великый Іуаннь Ясѣнь въ свое^м црѣтѣи...») (л. 207). В церковном календаре 1 июля установлено празднование возвращения мощей Иоанна Рыльского, одного из самых почитаемых болгарских святых (ок. 876 – 18 августа 946), 30 июня 1469 г. при игумене Давиде из Тырново в храм Рыльской обители. Об этом событии подробно написал в так называемой Рыльской повести современник

⁶ НБКМ-166 – Стишной Пролог, март – 14 июля, XVII в., сербский, 256 л., 1⁰ (Народная библиотека Кирилла и Мефодия, София).

⁷ НБКМ-1044 – Стишной Пролог, март-август, 1636 г., болгарский, 1⁰ (Народная библиотека Кирилла и Мефодия, София).

Владислав Грамматик. Специальное празднование 1 июля носило местный характер. В проложном чтении, представленном в списке НБКМ-1044, рассказывается о двух перенесениях мощей святого: 19 октября 1195 г. после освобождения Болгарии от византийской зависимости Асенем I из г. Средец в новую столицу Тырново, где его мощи находились до 1469 г.⁸, и при «благочестивой царице Марии» в 1469 г. из Тырново в обитель, созданную Иоанном Рыльским. Источником этого проложного чтения могло быть Житие Иоанна Рыльского, написанное патриархом Тырновским Евфимием после 1371 г. на основе более ранних житий.

* * *

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Памяти славянским святым в составе СП представлены текстами, которые составляют «ядро» чтений, то есть тот круг памятней, который сохранялся неизменным при всех текстологических трансформациях памятника. Это Воспоминание явлению на небе Креста Господня, Память святой мученицы Кириакии и Память святых мучеников, в Болгарии различными муками скончавшихся.

Память святой мученицы Кириакии и Память болгарских мучеников представлены в СП дважды – под другими числами и в другом текстологическом оформлении. По нашему мнению, это свидетельствует о редактировании СП и пополнении его текстами из разных источников, возможно, при переводе на славянский язык.

Наличие в единичных списках Южнославянской группы памятней славянским святым (святому князю Лазарю Сербскому и преподобному отцу Иоанну Рыльскому) свидетельствует, на наш взгляд, о том, что на южнославянской почве перевод СП редактировался и дополнялся памятнями очень незначительно. Несмотря на большое количество ранних агиографических текстов, посвященных этим наиболее почитаемым сербскому и болгарскому святым, оба списка, в которых находятся эти памятни, НБКМ-166 и НБКМ-1044, относятся только к XVII в.

О том, что на русской почве СП был значительно пополнен памятнями, в том числе и славянским святым, свидетельствует наличие Памяти перенесения мощей святого Вячеслава, князя чешского, которая представлена во всех группах русских списков, и Память Мефодия Моравского, читающаяся в списках Хутынской группы.

Мы считаем, что Память святого Вячеслава, князя чешского, в составе СП является типологической приметой исследуемых нами русских списков, а Память Мефодия Моравского – это типологическая примета Хутынской группы списков.

⁸ Существует богатая агиография святого и длительная традиция ее изучения. См.: [Иоанн Рыльский, с. 585-598].

О том, что древнерусские книжники не просто переписывали, но и редактировали тексты СП, свидетельствует, по нашему мнению, наличие Памяти Георгию Новому, болгарскому святому, в рукописи Тит-239, которая была создана после канонизации многих святых на соборах Русской православной церкви в XVI в. При этом создатель данной рукописи создавал стихословия новым канонизированным святым.

История текстов Стишного Пролога, пополнения его состава памятниками и нравоучительными сказаниями, еще далеко не изучена и представляется перспективной темой дальнейших исследований.

Список литературы

Ангелов Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература : в 3 кн. София : Българска академия на науките, 1978. Кн. 3. 282 с.

Бубнов Н. Д. Славяно-русские прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР / отв. ред. Л. П. Жуковская. М. : [Б. и.], 1973. Вып. 1. С. 274–296.

Динеков П. Софийски книжовници през XVI в. Поп Пейо. София : Софийският университет, 1939. 124 с.

Житие Вячеслава князя Чешского / подг. текста, пер. и коммент. А. А. Турилова // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 1997–. Т. 2. XI–XII века. 1999. С. 168–175.

Иоанн Рильский // Православная энциклопедия. М. : Православ. энцикл., 2000–2010. Т. 24. Иоанн Воин – Иоанна Богослова Откровение. С. 585–598.

Калиганов И. И. Георгий Новый у восточных славян. М. : Индрик, 2000. 798 с.

Кенанов Д. Старобългарски текстове и южнославянски теми в печатния Пролог // Krakowsko-Wileńskie Studia slawistyczne: seria poświęcona starożytnościom słowiańskim. Kraków : Scriptorum, 1997. Т. 2. S. 204–229.

Сергий (Спаский И. А.), архиеп. Полный месяцеслов Востока : в 3 т. М. : Православ. энцикл. ; Православ. паломник, 1997. Т. 1. Восточная агиология. XXIV + 732 с.

Сказания о начале славянской письменности / вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М. : Наука, 1981. 200 с.

Щеглова О. Г. Особенности состава Стишного Пролога из собрания Титова № 239 Российской национальной библиотеки // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 9. С. 155–161.

References

Angelov, B. S. (1978). *Iz starata b'lgarska, ruska i sr'bska literature v 3 kn.* [About Old Bulgarian, Russian, and Serbian Literature. 3 Books]. Sofiya, B'lgarska akademiya na naukite. Book 3, pp. 99–130.

Bubnov, N. D. (1973). Slavyano-russkie prologi [Slavo-Russian Prologues]. In Zhukovskaya, L. (Ed.). *Metodicheskoe posobie po opisaniyu slavyano-russkikh rukopisei dlya Svodnogo kataloga rukopisei, khryanyashchikhsya v SSSR.* Moscow, S. n. Iss. 1, pp. 274–296.

Dinekov, P. (1939). *Sofiiski knizhovnitsi prez" XVI v. Pop Peio* [Sofia's Bookmen in the 16th Century. Father Peja]. Sofiya, Sofiiskiyat universitet. 124 p.

Florya, B. N. (Ed.). (1981). *Skazaniya o nachale slavyanskoi pis'mennosti* [Legends about the Beginning of Slavic Writing]. Moscow, Nauka. 200 p.

Ioann Rilskii [John of Rila]. (2010). In *Pravoslavnyaya entsiklopediya.* Moscow, Pravoslavnyaya entsiklopediya. Vol. 24. Ioann Voin – Ioanna Bogoslova Otkrovenie, pp. 585–598.

Kaliganov, I. I. (2000). *Georgii Novyi u vostochnykh slavyan* [George the New among the East Slavs]. Moscow, Indrik. 798 p.

Kenanov, D. (1997). Starob'lgarski tekstove i yuzhnoslavyanski temi v pechatniya Prolog [Old Bulgarian Texts and South Slavic Themes in the Printed *Prologue*]. In *Krakovsko-Wileńskie Studia slawistyczne: seria poświęcona starożytnościom słowiańskim*. Vol. 2. Kraków, Scriptum. 1997. S. 204–229.

Sergii (Spasskii, I. A.), Abp. (1997). *Polnyi mesyatseslov Vostoka v 3 t.* [Full Menologium of the East. 3 Vols.]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya, Pravoslavnyi palomnik. Vol. 1. Vostochnaya agiologiya. XXIV + 732 p.

Shcheglova, O. G. (2014). Osobnosti sostava Stishnogo Prologa iz sobraniya Titova № 239 Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Features of the Composition of the *Stishnoy Prologue* from Titov Collection 239 of the Russian National Library]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 13. Iss. 9, pp. 155–161.

Turilov, A. A. (Ed.). (1999). *Zhitie Vyacheslava knyazya Cheshskogo* [The Life of Vyacheslav, Prince of Bohemia]. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* [Library of Literature of Ancient Russia. 20 Vols.]. St Petersburg, Nauka. Vol. 2. XI–XII veka, pp. 168–175.

The article was submitted on 11.05.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.346
УДК 930.2:94(470.4)+81'42+316.74:81

ЛЕТОПИСАНИЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ XVIII–XIX вв. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ*

Александр Клейтман

Игорь Тюменцев

Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте России»,
Волгоград, Россия

CHRONICLE-WRITING IN THE LOWER VOLGA REGION BETWEEN THE 18th AND 19th CENTURIES AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Alexander Kleitman

Igor Tumentsev

Volgograd Institute of Management,
Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of Russia,
Volgograd, Russia

This article considers works on the history of towns in the Lower Volga region written by the locals between the 18th and 19th centuries and referred to as chronicles in the historiography. The authors aim to trace the history behind the creation of the said works, characterise their genre features, and determine their role in the formation of historical consciousness in the region's population. The research relies on the principles of historicism and objectivity, using textual, historical-genetic, and historical-comparative methods. The works in question are highly heterogeneous in terms of their form and content,

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 16-11-34004 а(р) «Историческое регионоведение Нижнего Поволжья XVIII – начала XX в. как историографическое и социокультурное явление».

** *Citation:* Kleitman, A., Tumentsev, I. (2018). Chronicle-writing in the Lower Volga Region between the 18th and 19th Centuries as a Sociocultural Phenomenon. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1063–1077. DOI 10.15826/qr.2018.4.346.

Цитирование: Kleitman A., Tumentsev I. Chronicle-writing in the Lower Volga Region between the 18th and 19th Centuries as a Sociocultural Phenomenon // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1063–1077. DOI 10.15826/qr.2018.4.346 / Клейтман А., Тюменцев И. Летописание Нижнего Поволжья XVIII–XIX вв. как социокультурное явление // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1063–1077. DOI 10.15826/qr.2018.4.346.

the topics they touch upon, and the methods of dealing with sources and other criteria. However, they share a lot of features that make it possible to attribute them to one genre of local chronicle which developed between the 18th and the mid-19th centuries. The textological analysis demonstrates that none of the works considered was called a chronicle by their authors. They were characterised as chronicles in later epochs. The historians who came into possession of the sources and published them described the documents as chronicles to draw the readers' attention to the fact that the sources they referred to were ancient and followed the old tradition of chronicle-writing. The majority of works analysed were popular with locals: they were copied and kept in municipal institutions and home libraries. Due to the fact that local print media did not exist in these towns and other forms of communicating information were underdeveloped, the chronicles that circulated around these territories became the main source of historical information. Five out of six works considered in the article were authored by Orthodox clergymen, which testifies to the special role played by the Orthodox clergy in the formation of historical consciousness among the population in the Lower Volga region. In the mid-19th century, the region was going through rapid social and economic development, which helped modernise the sociocultural space of its towns. This, in its turn, conditioned the emergence of newer forms of interpreting the past that were more acceptable to modern academic criteria.

Keywords: Russian chronicle-writing of the 18th and 19th centuries; textology; historiography; Low Volga Region.

Статья посвящена сочинениям по истории городов Нижнего Поволжья, написанным местными жителями в XVIII–XIX вв., которые в историографии получили название летописей. Цель исследования – выяснить причины их создания, охарактеризовать жанровые особенности, определить роль в формировании исторического сознания населения региона. Исследование проводилось с использованием текстологического, историко-генетического, сравнительно-исторического методов. По форме и содержанию указанные исторические сочинения были очень разнообразны, отличались друг от друга по кругу вопросов, интересовавших авторов, методам работы с источниками информации и другим критериям. При этом они имеют и множество сходных черт, которые позволяют выделить их в особый жанр местного историописания, развивавшийся в XVIII – середине XIX в. Текстологический анализ показал, что ни одна из данных работ не была названа летописью их авторами. Название летописей закрепилось за этими сочинениями в историографии более позднего времени. Историки, публиковавшие оказавшиеся в их распоряжении рукописи или вводившие в оборот сведения, почерпнутые в них, называя эти сочинения летописями, хотели обратить внимание на древность оказавшихся в их распоряжении рукописей, преемственность этих сочинений со старыми летописными традициями. Большая часть из проанализированных сочинений были популярны среди местных жителей, их переписывали, хранили в офици-

альных городских учреждений и в домашних библиотеках. В условиях отсутствия местной периодической печати, неразвитости других форм обмена информацией и общественной жизни эти ходившие по рукам рукописи были основным источником исторической информации. Авторами пяти из шести проанализированных сочинений были православные священнослужители, что свидетельствует об особой роли православного духовенства в формировании исторического сознания местного населения в условиях Нижнего Поволжья. В связи с активным социально-экономическим развитием региона в середине XIX в. началась модернизация социокультурной среды городов Нижнего Поволжья, которая привела к возникновению новых, более соответствующих современным критериям научности форм познания прошлого.

Ключевые слова: русское летописание XVIII–XIX вв.; текстология; историография; Нижнее Поволжье.

Летописание XVIII–XIX вв. – одна из малоизученных страниц в истории отечественной культуры. В дореволюционной историографии было положено начало изучению позднего летописания, подготовлены к публикации отдельные летописи [Иконников; Историческая летопись; Титов]. В советской историографии была исследована история вологодского и устюжского летописания в XVIII в. [Сербина; Казакова]. В 1990-х гг. были написаны несколько специальных работ, посвященных историописанию в русской провинции в XVIII столетии [Севастьянова]. До настоящего времени многие источниковедческие и историографические проблемы, связанные с развитием летописания в XVIII–XIX вв., еще не подвергались специальному изучению.

В конце XVIII – начале XIX в. в Нижнем Поволжье был написан ряд исторических сочинений, среди современников и потомков получивших название летописей, – рукопись Никифора Туркина и Ключаревская летопись (написаны в Астрахани), летопись Петра Лугарева (в Царицыне), Камышинская летопись. В историографии есть единичное упоминание городской летописи конца XVIII в., написанной в Черном Яре [Дубаков, с. 376], однако попытки найти ее пока не увенчались успехом. По мнению ряда исследователей, в качестве городских летописей следует также рассматривать дневники саратовских священников Г. А. и Н. Г. Скопиных, написанные в это же время [Майорова; Захаров].

Вопросы, связанные с историей написания, авторством, содержанием летописей, созданных в Нижнем Поволжье, то есть в Астрахани, Царицыне, Камышине (Дмитриевске) и Саратове, рассматривались в работах А. В. Дубакова, В. М. Захарова, А. Л. Клейтмана, А. С. Майоровой, С. А. Мезина, И. О. Тюменцева. Специального историографического и источниковедческого изучения данных сочинений до настоящего времени не проводилось.

Астраханские летописи

С середины XVI до конца XVIII в. Астрахань была главным административным, военно-политическим, экономическим и культурным центром Нижнего Поволжья. Здесь существовали традиции летописания, восходившие к началу XVII столетия. В XVII в. велась летопись астраханского Троицкого монастыря, был составлен хронограф астраханского архиепископа Пахомия, написан Золотаревский летописец.

На протяжении большей части XVIII столетия летописи в Астрахани не велись, и только в 1790-х гг. была составлена «Рукопись Никифора Туркина», опубликованная в 1896 г. [Рукопись]. А. В. Дубаков в статье, посвященной летописанию Нижнего Поволжья, отметил, что в рукописи были приведены две редакции памятника, описание событий в которых начиналось 1553 г. и заканчивалось 1693 г., а в конце рукописи Н. Туркин привел «особые сведения», которые представляют собой список астраханских архиереев от Феодосия до Платона [Дубаков, с. 375]. По мнению исследователя, рукопись не является сочинением собственно Никифора Туркина, который лишь снял копию со списка летописи Троицкого монастыря и поставил под ней свою подпись.

По-видимому, перу Никифора Туркина принадлежала только вторая редакция (далее – б), поскольку текст, который А. В. Дубаков назвал первой редакцией сочинения Никифора Туркина (далее – а), заканчивался словами: «Вышеписанное – выписано в Астраханском Троицком монастыре в сочиненных книгах бывшими властями, – по благословиению Преосвященного Савватия Митрополита Астраханского и Терского, – при Архимандрите Рафаиле за братиею, а именно – Ис книг имянуемых Синодика, Из октоиха четвертаго гласа на 16 листе» [Рукопись, с. 50].

Таким образом, редакция а представляет собой воспроизведение текста, написанного в Троицком монастыре в 1680–1690-х гг. В этой части рукописи приведено описание чудес почитаемого в Астрахани православного святого Кирилла, основателя Троицкого монастыря, умершего в 1576 г.

Редакция б, которую А. В. Дубаков назвал «краткой редакцией (без чудес)», также структурирована в виде таблицы («От Адама лет», «От Христа лет» и столбец, в котором приведено описание событий). События во второй части рукописи действительно описаны более кратко. Ее хронологические рамки так же, как и первой части, охватывают период с 1553 до 1693 г. В отличие от а, в этом тексте уже не было ссылки на то, что он был списан во время митрополита Савватия, то есть в конце XVII в. Кроме того, в б были опущены описания чудес святого Кирилла. Рукопись завершалась разделом «Особое сведение выписано», в котором были приведены краткие сведения о правлении астраханских архиепископов и митрополитов с 1591 по 1794 г.

В конце рукописи приведена пометка: «Для памяти записано, живши мною на квартире... Никифор Туркин подписал» [Рукопись, с. 56].

Вторая часть редакции б представляет собой результат самостоятельной авторской работы Никифора Туркина. Сочинение не предназначалось для читателей, а было написано автором «для памяти». Н. Туркин основывался главным образом на одном бывшем в его распоряжении источнике – астраханской летописи конца XVII в., которую он пересказал своими словами. Автор критически отнесся к описанию чудес и посчитал лишним фиксировать их в своем сочинении. Информация о времени правления астраханских архиереев, очевидно, была почерпнута Н. Туркиным в документах епархиального архива.

В первой половине XIX в. в Астрахани ключарем кафедрального собора Кириллом Васильевым была написана так называемая Ключаревская летопись – сочинение преимущественно о церковной истории Астрахани, хронологические рамки которого охватывают период с середины XVI в. до 1830-х гг. Ключаревская летопись представляет собой литературный текст, разделенный на параграфы, выделенные по времени правления астраханских епископов и митрополитов. Сохранилось несколько списков летописи, имеющих между собой незначительные разночтения. Наиболее известные из них начинаются описанием завоевания Астрахани в 1553 г. и заканчиваются событиями 1825 г. Один из списков летописи был доведен до 1840-х гг.

Ключаревская летопись неоднократно издавалась. В 1877 г. она была опубликована на страницах «Астраханских епархиальных ведомостей» и в виде отдельной брошюры [Ключаревская летопись, 1887]. В 1899 г. профессором А. А. Дмитриевским было осуществлено издание другого списка летописи, в котором были описаны события до 1844 г. [Дмитриевский]. В 2010 г. в Астрахани она была красочно переиздана с комментариями и иллюстрациями [Ключаревская летопись, 2010].

До настоящего времени в Астрахани сохраняется особое отношение к Ключаревской летописи как к уникальному памятнику местной культуры и информативному историческому источнику, а к ее автору – как к образованному человеку, который основывался на более ранних источниках и литературных произведениях, утраченных впоследствии. При этом исследователи различных аспектов истории Нижнего Поволжья неоднократно отмечали, что детально и ярко описанные в Ключаревской летописи факты коренным образом противоречат данным других источников. Например, говоря о событиях Смутного времени, ее автор отметил, что астраханский епископ Феодосий был активным противником первого самозванца, внушал народу, что именующийся царем Дмитрием Иоанновичем есть похититель царского имени и нечестивый. Жители Астрахани схватили епископа и отправили в Москву к Лжедмитрию I, но даже перед лицом самозванца епископ Феодосий продолжил его обличать

[Ключаревская летопись, 1887, с. 9–10]. Однако исследователь истории Смутного времени В. И. Ульяновский доказал, что епископ Феодосий действительно анафематствовал самозванца, но только тогда, когда он еще не взошел на московский престол, а патриарх Иов издал соответствующий приказ всем епископам. Спустя несколько месяцев после воцарения Лжедмитрия на московском престоле Феодосий упоминался в документах как один членов его Боярской думы, что, очевидно, свидетельствует о его лояльности к новому царю. 8 мая 1606 г. он вместе с архиепископом Арсением Элассонским подносил корону Марине Мнишек на венчании с самозванцем [Ульяновский].

Крайне критическую оценку Ключаревской летописи как исторического источника дала Н. Б. Голикова, которая отметила, что рукопись изобилует фактическими ошибками, а описание событий Астраханского восстания 1705–1706 гг. вообще следует отнести к числу грубых фальсификаций. Сопоставление сведений из сочинения К. Васильева с данными других источников позволило исследователю сделать вывод, что автор Ключаревской летописи имел весьма смутное представление о действительных событиях в Астрахани в это время и, работая над описанием событий Астраханского восстания, вовсе не использовал не только архивный материал, но даже публикации, которые существовали в его время [Голикова, с. 18–19]. Низкая достоверность описаний многих событий в Ключаревской летописи заставляет задуматься, на каких источниках основывал свои построения автор и каковы были методы его работы.

Ключаревская летопись, написанная в начале XIX в., является оригинальным результатом творческой работы К. Васильева. Устоявшаяся в астраханской историографии точка зрения, что Ключаревская летопись основана на более древних письменных источниках, не сохранившихся до нашего времени, опровергается конкретно-историческими исследованиями. Реальные события прошлого, которые автор почерпнул в бывших в его распоряжении астраханских летописях, послужили основой для художественного вымысла на исторические темы.

Царицынская летопись

Сочинение «О начале заведения гор. Царицына и о древних и новых случайностях онога», известное в историографии как летопись Петра Лугарева, является одним из первых краеведческих сочинений, посвященных истории Царицына (современного Волгограда). История создания, изучения и публикации этого труда была ранее рассмотрена в кандидатской диссертации [Клейтман].

До настоящего времени сохранились три рукописных варианта сочинения «О начале города Царицына...» Первый список, сохранившийся в Государственном архиве Саратовской области и хранивший-

ся раньше в архиве Саратовской ученой архивной комиссии, имеет подпись «С подлинного верно, города Царицына протоиерей и благочинный Петр Лугарев» (далее – а) [ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1909. Л. 8]; второй, обнаруженный в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, подписан: «С подлинным верно, градский глава Бочкарев...» (далее – б) [ОР РНБ. Ф. 4. № 789 (1). Л. 15]; третий список сохранился в документах П. И. Артемьева, его текст полностью совпадает со списком градского главы Бочкарева, но не имеет подписи (далее – в) [ОР РНБ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 37. Л. 661–673].

Текстологический анализ данных рукописей позволил установить, что создание первой, исторической части труда «О начале города Царицына...» было связано с работой саратовского губернатора П. У. Белякова над топографическим описанием Саратовской губернии в первые годы XIX в. Под руководством губернатора было написано одно из первых объемных сочинений, посвященных истории, географии, экономике Саратовского Поволжья [Топографическое]. Сбор информации проводился по указанию губернатора уездными чиновниками. В циркулярах саратовского губернатора в уездные города придавалось внимание важности имевшихся народных преданий, рекомендовалось обращаться к старожилам для получения сведений по истории уезда [ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1610. Л. 2]. Сочинение «О начале города Царицына...» было основано на народном предании, формулировка названия «О начале заведения города Царицына... по изустному уверению старожилов, получивших сведения от их отцов и дедов» практически дословно совпадает с формулировкой указаний, которые давал губернатор своим подчиненным [Горбань, Тюменцев]. Первая часть второго списка рукописи, в которой излагается история города до начала XIX в., является сохранившимся практически без изменений ответом царицынского чиновника на полученный от саратовского губернатора циркуляр. Тезисное изложение материала свидетельствует о том, что, составляя описание Царицынского уезда, автор отвечал на вопросы П. У. Белякова об истории и современном состоянии города.

Анализ данных «Царицынской летописи» за 1810–1830-е гг. показал, что в это время рукопись хранилась в Царицынской думе, где в нее, по-видимому, были внесены краткие дополнения о происшедших в городе событиях. В 1839 г. П. Лугарев и Бочкарев сделали копии рукописи, дополнив их современными статистическими данными. Бочкарев воспроизвел рукопись без особых изменений, поэтому в первой своей части она сохранила форму ответов на вопросы анкеты, а П. Лугарев переработал текст. Кроме того, царицынский благочинный существенно дополнил летопись данными о современном состоянии города, привел известные ему сведения о царицынских церквях и богадельнях, сообщил более подробные данные об экономическом развитии Царицына конца 1830-х гг. (о мельницах, заводах и прочих «заведениях, служащих к удовлетворению прихо-

тей человека»). После 1839–1840 гг. сочинение «О начале заведения г. Царицына...» больше не редактировалось и не дополнялось.

Таким образом, сочинение, получившие в историографии известность как «летопись Петра Лугарева», писалось на протяжении 1800–1830-х гг. и было результатом творчества нескольких людей. Первая его часть представляла собой ответы на вопросы анкеты, полученной от губернатора, составленные уездными чиновниками. В последующие годы эта рукопись, хранившаяся в Городской думе, была дополнена несколькими записями, а в конце 1830-х гг. градской голова Бочкарев и царицынский благочинный П. Лугарев составили с нее копии и дополнили их своими сведениями о современном состоянии города. В 1810–1830-х гг. в копиях данное сочинение, возможно, в различных вариантах, имело хождение среди местных жителей.

Камышинская летопись

В конце XVIII – начале XIX в. в Камышине было написано сочинение, в разных списках называвшееся «Пополнительные сведения, к истории города Камышина принадлежащая, отобранные чрез предания стариков, ныне во граде живущих», или «Статистические сведения о городе Камышине, о начале бытия его, в каком году построен и при каком царе и откуда приведены жители частию и времен», в историографии известное как Камышинская летопись. История создания данного сочинения была предметом проведенного нами ранее специального исследования [Горбань, Тюменцев] и публикации в 2010 г. двух отличающихся друг от друга списков данной летописи [Царицынский].

Камышинская летопись с 1850-х гг. во многих списках хранилась у местных жителей. Эти рукописи были известны историкам Нижнего Поволжья XIX – начала XX в., активно использовавших их в научной работе [Архив Русского географического общества. Р. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 11об.; Впечатления, № 24, с. 149; Гераклитов, с. 269–270]. В дореволюционный период Камышинская летопись трижды издавалась [Пополнительные сведения, № 14, с. 78; Архив; Минх, т. 1, вып. 2, с. 432].

Относительно времени написания Камышинской летописи в историографии было высказано две точки зрения. Д. Л. Мордовцев полагал, что часть летописи, повествующая о событиях до 1722 г., была написана в первой половине XVIII в. со слов одного из первых поселенцев Дмитриевска [Пополнительные сведения, № 14, с. 78]. По мнению С. А. Мезина, память о событиях далекого прошлого, которая едва теплилась у местного населения, была облечена в письменную форму не ранее начала XIX в. Камышинская летопись является в своей основе фольклорным источником, и описанные в нем события далеки от исторических реалий [Мезин, с. 81–82].

Источником, который позволил бы более точно определить время составления Камышинской летописи, может послужить описание путешествия академика Н. Я. Озерецковского, посетившего Камышин

19 ноября 1782 г. Ученый, проявлявший интерес к местной истории, описал встречу со стариком, сообщившим путешественникам о посещении города Петром I в 1722 г. Рассказчику было тогда 12 лет, и, по его словам, «государь весьма сожалел, осматривая сие место, что город был перенесен, ибо он стоял на другой стороне реки Камышенки, которая повыше другой и выгоднее как для крепости, так и для самого города» [Болотников, Озерецковский, с. 325]. Данное упоминание о посещении города Петром I совпадает с информацией, содержащейся в Камышинской летописи, где утверждалось, что император сожалел, что не может повесить князя Хованского, повелевшего перенести город с возвышенного места на болотистое на противоположном берегу речки Камышинки. Дневник Н. Я. Озерецковского является самым ранним источником, содержащим сюжеты, вошедшие в Камышинскую летопись. Описание встречи ученого с местным жителем, рассказавшим историю, известную нам по этой летописи, позволяет заключить, что в 1780-х гг. летопись еще не была записана, а сюжеты, которые легли в ее основу, были известны по рассказам старожилов.

Время составления первых вариантов Камышинской летописи следует отнести к 1790-м – началу 1800-х гг. В основу этого сочинения легли рассказы старожилов города, местные исторические предания и легенды. Летопись содержала рассказ об основании города выходцами из Казани, в ней были записаны основные факты городской истории – отражение набегов кубанцев, посещение города Петром I, перенесение города на другой берег Камышинки, городские пожары и т. д. Сочинение было хорошо знакомо местным жителям, существовало множество его рукописных копий.

Саратовские летописи

В 1760-х гг. в Саратове дьячок Крестовоздвиженской церкви Герасим Алексеевич Скопин (1746–1797) начал вести «Дневник происшествий», в котором фиксировал современные события, в первую очередь общественной жизни Саратова и России в целом, результаты метеорологических наблюдений и факты собственной жизни. Записи были доведены до 1796 г. «Дневник происшествий» Г. А. Скопина, в отличие от других проанализированных нами сочинений, не имел исторической части, в которой повествовалось бы о событиях прошлого, свидетелем которых автор не был. Записи этого документа крайне лаконичны. Дневник Г. А. Скопина был написан в единственном экземпляре. Рукопись была опубликована в Саратове в 1891 г. [Скопин].

Сын Г. А. Скопина Николай Герасимович продолжил начатую отцом традицию и в 1794 г. начал вести свои «Записки дневные», которые были доведены им до 1826 г. Н. Г. Скопин был одним из наиболее образованных жителей Саратова своего времени, закончил Астраханскую духовную семинарию и Московскую духовную академию.

В 1790-х гг. Н. Г. Скопин преподавал в астраханской семинарии, совмещая эту работу со священнослужением [Биография].

В отличие от «Дневниковых записей» Г. А. Скопина, дневник Н. Г. Скопина – обширное сочинение, посвященное детальному описанию и осмыслению широкого круга вопросов, связанных с жизнью Саратова и России конца XVIII – начала XIX в. Автор вносил в дневник записки о погоде, о событиях городской жизни (строительстве городских зданий, смертях, свадьбах, выдающихся местных жителях, преступлениях и многом другом), о новостях политической жизни России, о международном положении страны и по другим вопросам. Записи личного плана – о поездках автора, его самочувствии, встречах – занимали в нем весьма скромное место. «Записки дневные» – оригинальный документ личного происхождения, написанный хорошим литературным языком, его автор – высокообразованный человек. Н. Г. Скопин отражал на страницах своего дневника только те факты, достоверность которых не вызывала у него сомнений.

Учитывая перечисленные особенности сочинений Г. А. и Н. Г. Скопиных, кажется неверным считать их городскими летописями. До настоящего времени не было выявлено других, современных дневникам Скопиных или более ранних сочинений, написанных в Саратове, которые можно было бы, пусть даже с оговорками, отнести к летописному жанру. В дневниках Г. А. и Н. Г. Скопиных отсутствует историческая часть, в связи с этим рассматривать их в качестве летописей, то есть сочинений, основной целью которых было познание прошлого, неверно. Сочинения Г. А. и Н. Г. Скопиных являются дневниками, документами личного происхождения, информативными историческими источниками, но они не посвящены исторической проблематике, их написание не было вызвано желанием познать или осмыслить прошлое.

* * *

Таким образом, сочинения, посвященные исторической тематике, написанные в Нижнем Поволжье в конце XVIII – XIX в., в историографии получившие название летописей, в реальности представляют собой очень разные тексты, отличающиеся по цели создания, кругу источников, методам работы авторов с источниками информации.

Из проанализированных сочинений, которые рассматриваются в историографии в качестве памятников летописания, ни одно не было названо летописью при их создании. Первые жанровые определения, данные им авторами, – «рукопись», «история», «статистические сведения», «дневниковые записи». Вопреки устоявшемуся в историографии мнению, авторы этих сочинений не пытались подражать летописцам и не рассматривали их в качестве летописей. Так они стали именоваться только в историографии. Историки, называвшие указанные сочинения летописями, тем самым хотели обратить

внимание на древность оказавшихся в их распоряжении рукописей, преемственность этих сочинений с более древними историческими источниками, то есть подчеркнуть уникальность, особую достоверность содержащейся в них информации.

В отличие от средневековых русских летописей, проанализированные сочинения, за исключением написанных в Астрахани Ключаревской летописи и рукописи Н. Туркина, не основывались на более ранних летописных текстах. Основным источником информации для летописи П. Лугарева и Камышинской летописи стали исторические предания и рассказы старожилов. Дневниковые записи Г. А. и Н. Г. Скопиных вовсе не имели исторической части и не были посвящены истории Саратова.

Авторами большей части исторических сочинений были православные священнослужители (рукопись Н. Туркина, Ключаревская летопись, дневниковые записи Г. А. и Н. Г. Скопиных). Основная часть летописи П. Лугарева была написана царицынским чиновником по распоряжению саратовского губернатора, но П. Лугареву, священнику, благочинному Царицына, принадлежит авторство одного из последних ее списков, и сочинение, большая часть которого была написана другими людьми, получило известность как труд Петра Лугарева. Авторство Камышинской летописи установить не удалось. Объяснить тот факт, что авторами большей части исторических сочинений конца XVIII – первой половины XIX в., получивших название летописей, были священнослужители, можно тем, что в условиях Нижнего Поволжья представители православного духовенства были одними из наиболее образованных людей, проявляли наибольший интерес к истории своего края, играли важную роль в формировании исторического сознания местного населения.

Ключаревская летопись, летопись Петра Лугарева и Камышинская летопись, которые были наиболее известны современникам, в рукописях были распространены среди местных жителей и до настоящего времени сохранились в нескольких различных списках и редакциях, были созданы и востребованы в особых социальных и культурных условиях. Социокультурная среда, в которой приобрели популярность эти сочинения, характеризовались, с одной стороны, постепенным ростом уровня грамотности местного населения, повышением интереса к истории своего края со стороны местных жителей, а, с другой стороны, достаточно низким уровнем гуманитарного образования, большим доверием устной исторической традиции, историческим преданиям и рассказам старожилов, чем научной историографии, основанной на изучении письменных источников и критическом отношении к прошлому. С середины XIX в. началась модернизация социально-экономической и культурной среды городов Нижнего Поволжья, которая привела к возникновению новых, более соответствующих современным критериям научности форм познания прошлого.

Список литературы

- Архив исторических и практических сведений, относящихся до России : в 12 кн. СПб. : Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. К., 1859. Кн. 2. Разд. паг. : ил.
- Архив Русского географического общества. Р. 36. Оп. 1. Д. 8.
- Биография протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник. Т. 1. Саратов : Тип. Губ. земства, 1891. С. I–VIII.
- Болотников А. У., Озерецковский Н. Я.* Дневник : 1782–1783 // Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб. : Ист. иллюстрация, 2003. С. 277–355.
- Впечатления Камышина, Дубовки и Царицына // Саратов. губерн. ведом. 1859. № 24–25.
- Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVII веках. М. ; Саратов : Друкарь, 1923. 376 с.
- Голикова Н. Б.* Астраханское восстание 1705–1706 гг. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. 332 с.
- Горбань О. А., Тюменцев И. О.* Протоирей Петр Лугарев и его сочинение о Царицыне // Стрежень : науч. ежег. Вып. 4. Волгоград : Издатель, 2004. С. 461–475.
- Государственный архив Саратовской области. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1610, 1909.
- Дмитриевский А. А.* К «Ключаревской летописи» дополнения. Астрахань : Тип. В. Л. Егорова, 1899. 12 с.
- Дубаков А. В.* Летописание Астраханского края XVII–XIX вв. // Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур : материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения акад. Д. С. Лихачева. Волгоград, 28–30 сентября 2006 г. СПб. ; Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. С. 373–379.
- Захаров В. М.* Летописцы Саратовского Поволжья // Изв. Пензен. гос. пед. ун-та им. В. Г. Беллинского. 2011. № 23. С. 404–406.
- Иконников В. С.* Опыт русской историографии : в 2 т. Киев : Тип. Императ. ун-та св. Владимира, 1908. Т. 2. Кн. 2. 1054 с.
- Историческая летопись // Вологод. губерн. ведом. 1857. № 2–6.
- Казакова Н. А.* Вологодское летописание XVII–XVIII веков // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 12. Л. : Наука, 1981. С. 66–90.
- Клейтман А. Л.* Изучение истории Царицыны и Камышина в трудах отечественных историков XVIII – первой трети XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград : [Б. и.], 2008. 243 с.
- Ключаревская летопись : История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань : [Б. и.], 2010. 132 с.
- Ключаревская летопись: история о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань : Тип. губерн. правления, 1887. 89 с.
- Леопольдов А. Ф.* Исторический очерк Саратовского края. М. : Тип. С. Селивановского, 1848. 196 с.
- Леопольдов А. Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. СПб. : Тип. Департамента внеш. торговли, 1839. 190 с.
- Майорова А. С.* История Нижнего Поволжья в трудах саратовских историков с середины XVIII до 80-х гг. XIX в. // Рос. история. 2007. № 3. С. 97–107.
- Максимов Е. К., Мезин С. А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб. : Европ. дом, 2010. 178 с.
- Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии : в 5 т. Саратов ; Аткарек : Тип. Губ. печ. земства, 1900–1902. Т. 1. Вып. 2. С. 209–278. Т. 1. Вып. 4. С. 1093–1410.
- ОР РНБ. Ф. 4. № 789 (1). Л. 15; Ф. 37. Оп. 1. Д. 37.
- Пополнительные сведения, к истории Камышина принадлежащие, отобранные чрез предания стариков, ныне во граде живущих // Саратов. губерн. ведом. 1857. № 14.

Рукопись Никифора Туркина // Астраханский сборник. Вып. 1. Астрахань : Петров. о-во исследователей Астрахан. края, 1896. С. 43–56.

Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб. : [Б. и.], 1993. 573 с.

Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л. : Наука, 1985. 136 с.

[Скопин Г. А.] Дневник происшествий // Саратовский исторический сборник. Т. 1. Саратов : Тип. губ. земства, 1891. С. 1–39.

Тереженко А. В. Царицын и Дубовский посад. СПб. : Тип. К. Крайя, 1848. 28 с.

Титов А. А. Летопись Двинская. М. : П. А. Фокин, 1889. 240 с.

Топографическое и историческое описание Саратовской губернии / под ред. И. О. Тюменцева. Волгоград : Издатель, 2011. 240 с.

Туровский К. Г. Очерки по истории и географии Царицынского уезда. Царицын : Тип. т-ва «В. Баландин и бр. А. и В. Лошкаревы», 1911. 78 с.

Тюменцев И. О., Горбань О. А. Камышинская летопись (источниковедческий анализ, текст, комментарии) // Стрежень : науч. ежег. Вып. 1. Волгоград : Издатель, 2000. С. 242–252.

Ульяновский В. И. Реалии и миф в житийной легенде об архиепископе Феодосии // Мир православия. Вып. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1998. С. 35–43.

Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов : 1727–1928 гг. / под ред. М. М. Загоруйко и И. О. Тюменцева. Волгоград : Издатель, 2010. 238 с.

References

Архив исторических и практических сведений, относящихся до России в 12 кн. [Archive of Historical and Practical Information Related to Russia. 12 Books]. (1859). St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Book 2.

Архив Русского географического общества [Archive of the Russian Geographical Society]. Stock 36. List 1. Dos. 8.

Биография протоиерея Николая Герасимовича Скопина [Biography of Archpriest Nikolai Gerasimovich Skopin]. (1891). In *Saratovskii istoricheskii sbornik*. Vol. 1. Saratov, Tipografiya Gubernskogo zemstva, pp. I–VIII.

Bolotnikov, A. U., Ozeretskovskii, N. Ya. (2003). Dnevnik. 1782–1783. [Diary. 1782–1783]. In Kozlov, S. A. *Russkii puteshestvennik epokhi Prosveshcheniya*. St Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, pp. 277–355.

Dmitrievsky, A. A. (1899). *K „Klyucharevskoi letopisi“ dopolneniya* [Supplement to the Klyucharyov Chronicle]. Astrakhan', Tipografiya V. L. Egorova. 12 p.

Dubakov, A. V. (2006). Letopisanie Astrakhanskogo kraia XVII–XIX vv. [Chronicles of the Astrakhan Region of the 17th–19th Centuries]. In *Modernizatsiya i traditsii – Nizhnee Povolzh'e kak perekrestok kul'tur. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika D. S. Likhacheva. Volgograd, 28–30 sentyabrya 2006 g.* St Petersburg, Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 373–379.

Geraklitov, A. A. (1923). *Istoriya Saratovskogo kraia v XVI–XVII vekakh* [History of the Saratov Region in the 16th–18th Centuries]. Moscow, Saratov, Drukar'. 376 p.

Golikova, N. B. (1975). *Astrakhanskoe vosstanie 1705–1706 gg.* [The Astrakhan Uprising of 1705–1706]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 332 p.

Gorban, O. A., Tyumentsev, I. O. (2004). Protoirei Petr Lugarev i ego sochinenie o Tsaritsyne [Archpriest Peter Lugarev, and His Essay on Tsaritsyn]. In *Strezen' : nauchnyi ezhegodnik*. Iss. 4. Volgograd, Izdatel', pp. 461–475.

Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [The State Archive of the Saratov Region]. Stock 407. List 2. Dos. 1610, 1909.

Ikonnikov, V. S. (1908). *Opyt russkoi istoriografii v 2 t.* [Experience of Russian Historiography. 2 Vols.]. Kiev, Tipografiya Imperatorskogo iniversiteta svyatogo Vladimira. Vol. 2. Book 2. 1054 p.

Istoricheskaya letopis' [Historical Chronicle]. (1857). In *Vologodskie gubernskie vedomosti*. No. 2–6.

Kazakova, N. A. (1981). Vologodskoe letopisanie XVII–XVIII vekov [The Vologda Chronicle of the 17th–18th Centuries]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Iss. 12. Leningrad, Nauka, pp. 66–90.

Kleitman, A. L. (2008). *Izuchenie istorii Tsaritsyna i Kamyshina v trudakh otechestvennykh istorikov XVIII – pervoi treti XX vv.* [The Study of the History of Tsaritsyn and Kamyshin in the Works of Russian Historians of the 18th – First Third of the 20th Centuries]. Dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Volgograd, S. n. 243 p.

Klyucharevskaya letopis'. *Istoriya o nachale i vozobnovlenii Astrakhani, sluchivshikhsya v nei proisshestviyakh, ob arkhieriyakh v onoi byvshikh, a takzhe o voe-vodakh, gradonachal'nikakh i gubernatorakh* [The Klyucharyov Chronicle: A Story about the Beginning and Renovation of Astrakhan, the Riots that Occurred in It, and Its Bishops, the Voivods, City Administrators, and Governors]. (2010). Astrakhan', S. n. 132 p.

Klyucharevskaya letopis': *istoriya o nachale i vozobnovlenii Astrakhani, sluchivshikhsya v nei buntakh, ob arkhieriyakh v onoi byvshikh, a takzhe o voevodakh, gradonachal'nikakh i gubernatorakh* [The Klyucharyov Chronicle: A Story about the Beginning and Renovation of Astrakhan, the Riots that Occurred in It, and Its Bishops, the Voivods, City Administrators, and Governors]. (1887). Astrakhan', Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 89 p.

Leopoldov, A. F. (1839). *Statisticheskoe opisanie Saratovskoi gubernii* [A Statistical Description of Saratov Province]. St Petersburg, Tipografiya Departamenta vneshnei torgovli. 190 p.

Leopol'dov, A. F. (1848). *Istoricheskii ocherk Saratovskogo kraja* [An Historical Overview of Saratov Region]. Moscow, Tipografiya S. Selivanovskogo. 196 p.

Mayorova, A. S. (2007). *Istoriya Nizhnego Povolzh'ya v trudakh saratovskikh istorikov s serediny XVIII do 80-kh gg. XIX v.* [The History of the Lower Volga Region in Writings by Saratov Historians from the Mid-18th Century to the 1880s]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 3, pp. 97–107.

Maksimov, E. K., Mezin, S. A. (2010). *Goroda Saratovskogo Povolzh'ya petrovskogo vremeni* [Cities of the Saratov Volga Region in the Petrine Period]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 178 p.

Minkh, A. N. (1900). *Istoriko-geograficheskii slovar' Saratovskoi gubernii v 5 t.* [The Historical and Geographical Dictionary of Saratov Province. 5 Vols.]. Saratov, Atkarsk, Tipografiya Gubernskogo pechatnogo zemstva. Vol. 1. Iss. 2, pp. 209–278. Vol. 1. Iss. 4, pp. 1093–1410.

OR RNB [Department of the Manuscripts of the National Library of Russia]. Stock 4. № 789 (1). P. 15; Stock 37. List 1. Dos. 37.

Popolnitel'nye svedeniya, k istorii Kamyshina prinadlezhashchie, otobrannye chrez predaniya starikov, nyne vo grade zhivushchikh [Additional Information Relating to the History of Kamyshin, Selected from the Recollections of the Old Now Living in the City]. (1857). In *Saratovskie gubernskie vedomosti*. No. 14.

Rukopis' Nikifora Turkina [Manuscript by Nikiforos Turkin]. (1896). In *Astrakhanskii sbornik*. Iss. 1. Astrakhan', Petrovskoe obshchestvo issledovatelei Astrakhanskogo kraja, pp. 43–56.

Serbina, K. N. (1985). *Ustyuzhskoe letopisanie XVI–XVIII vv.* [Ustyug Chronicle Writing of the 16th–18th Centuries]. Leningrad, Nauka. 136 p.

Sevastyanova, A. A. (1993). *Russkaya provintsial'naya istoriografiya vtoroi poloviny XVIII v.* [Russian Provincial Historiography of the Second Half of the 18th Century]. Dis. ... doktora istoricheskikh nauk. St Petersburg, S. n. 573 p.

[Skopin, G. A.]. (1891). *Dnevnik proisshestvii* [Diary of Incidents]. In *Saratovskii istoricheskii sbornik*. Vol. 1. Saratov, Tipografiya Gubernskogo zemstva, pp. 1–39.

Tereshchenko, A. V. (1848). *Tsaritsyn i Dubovskii posad* [Tsaritsyn and Dubovsky Posad]. St Petersburg, Tipografiya K. Kraiya. 28 p.

Titov, A. A. (1889). *Letopis' Dvinskaya* [The Dvina Chronicle]. Moscow, P. A. Fokin. 240 p.

Turovsky, K. G. (1911). *Ocherki po istorii i geografii Tsaritsynskogo uezda* [Essays on the History and Geography of Tsaritsyn District]. Tsaritsyn, Tipografiya tovarishchestva „V. Balandin i brat’ya A. i V. Loshkarevy“. 78 p.

Tumentsev, I. O. (Ed.). (2011). *Topograficheskoe i istoricheskoe opisanie Saratovskoi gubernii* [Topographical and Historical Description of Saratov Province]. Volgograd, Izdatel’. 240 p.

Tumentsev, I. O., Gorban’, O. A. (2000). Kamyshinskaya letopis’ (istochnikovedcheskii analiz, tekst, kommentarii) [The Kamyshin Chronicle (Source Study Analysis, Text, Comments)]. In *Strezhen’: nauchnyi ezhegodnik*. Iss. 1. Volgograd, Izdatel’, pp. 242–252.

Ulyanovsky, V. I. (1998). Realii i mif v zhitiinoi legende ob arkhiepiskope Feodosii [Realities and Myth in the Living Legend of Archbishop Feodosii]. In *Mir pravoslaviya*. Iss. 2. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 35–43.

Vpechatleniya Kamyshina, Dubovki i Tsaritsyna [Impressions of Kamyshin, Dubovka, and Tsaritsyn]. (1859). In *Saratovskie gubernskie vedomosti*. No. 24–25.

Zagorulko, M. M., Tumentsev, I. O. (Eds.). (2010). *Tsaritsynskii i Kamyshinskii uezdy v opisaniyakh kraevedov. 1727–1928 gg.* [Tsaritsyn and the Kamyshin Uyezds in the Descriptions of Local Historians. 1727–1928]. Volgograd, Izdatel’. 238 p.

Zakharov, V. M. (2011). Letopistyy Saratovskogo Povolzh’ya [Chroniclers of the Saratov Volga Region]. In *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo*. No 23, pp. 404–406.

The article was submitted on 29.09.2018

ЗАМКИ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ*

Евгений Килимник

Уральский государственный горный университет,
Уральский государственный архитектурно-
художественный университет,
Екатеринбург, Россия

CASTLES OF THE TEUTONIC KNIGHTS IN RUSSIA

Yevgeni Kilimnik

Ural State Mining University,
Ural State University of Architecture and Art,
Yekaterinburg, Russia

The author carries out cultural and historical analysis of the diversity of architectural forms in the cultural heritage of the mediaeval districts of Kaliningrad region, Russia, in the context of the activity and history of the Teutonic Order. Feudal castles played a special role in European society, which makes them an interesting source for research. The architectural and historical typology of castle forms which appeared in the region of Europe in question was based both on common features characteristic of the Western European chivalric tradition and particular features, i. e. local cultural and construction traditions. The latter manifested themselves in the establishment of historical centres of settlements, which were later transformed during the construction activity of the knights of the Teutonic Order. The author aims to synthesise data on the historical diversity of the architectural and artistic forms of Kaliningrad region castles as part of the cultural heritage of the Teutonic Order. It is established that a castle of the Order was a sociocultural space based on the natural environment, social structure, and mental values of the knights of the Teutonic Order. Such mediaeval works of European culture were reflected in the castles of the Order in the 13th–15th centuries, combining common European and local historical and architectural peculiarities: the fortification features and regional cultural differences were preconditioned

* *Citation:* Kilimnik, Ye. (2018). Castles of the Teutonic Knights in Russia. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1078–1092. DOI 10.15826/qr.2018.4.347.

Цитирование: Килимник Е. Замок Тевтонского ордена на территории России // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1078–1092. DOI 10.15826/qr.2018.4.347.

by the semi-monastic way of life and sociocultural peculiarities of the knights. The knights built typical Western European castles and variations on this model, i. e. a convent based on the mediaeval Cistercian monastery of Cîteaux. The study of the cultural heritage of Kaliningrad region makes a considerable contribution to the art history of the European Middle Ages, demonstrating the need to preserve the unique cultural heritage of the Russian Federation in the context of European culture. Finally, the author establishes a new academic direction, i. e. the history and typology of castle architecture in East Prussia.

Keywords: history of architecture; Middle Ages; Teutonic Order; castle; chivalric culture; religious culture; East Prussia.

Цель исследования – культурно-исторический анализ существующего многообразия архитектурных форм памятников культурного наследия средневековых районов Калининградской обл. России в контексте деятельности и истории Тевтонского ордена в Восточной Пруссии. Рассмотрение функций феодального замка продиктовано его особой ролью в европейском обществе. Создание архитектурно-исторической типологии замковых форм, возникших в этом средневековом регионе Европы, происходило на основе общего, привнесенного в этот социокультурный локус традициями западноевропейской рыцарской культуры, и особенного – культурно-строительных обычаев местного населения, что ярко проявилось в создании исторических центров поселений, позже трансформированных в ходе устроительной деятельности рыцарей-монахов ордена Девы Марии, или Тевтонского. Автором поставлена задача по обобщению исторического многообразия существующих в Калининградской обл. архитектурно-художественных форм средневековых замков как культурного наследия Тевтонского ордена. Установлено, что орденский замок представлял собой социокультурное пространство, синтезированное в природной среде, социальном укладе, ментальных ценностях рыцарей-монахов Тевтонского ордена. Это средневековое произведение европейской культуры нашло свое прямое отражение в историческом процессе формообразования орденских замков XIII–XV вв. с учетом общеевропейских и локальных историко-архитектурных фортификационных особенностей и региональных культурных отличий, на которые наложили непосредственный отпечаток полу-монашеский образ жизни и социокультурные ценности братьев-рыцарей, создавших в этом регионе западноевропейский кастельный тип замка и его разновидность – конвент, в основу которого была включена средневековая структура цистерцианского монастыря в Сито. Проведенное исследование культурного наследия Калининградской обл. вносит существенный вклад в историю искусства европейского Средневековья, актуализирует сохранение и умножение самобытного культурного наследия Российской Федерации в контексте европейской культуры. Разработано новое научное направление – история и типология замкового зодчества Восточной Пруссии.

Ключевые слова: история архитектуры; Средневековье; Тевтонский орден; замок; рыцарская культура; религиозная культура; Восточная Пруссия.

В отечественной науке не получило должной оценки богатейшее культурно-историческое наследие Калининградской обл., впитавшее культуру и традиции средневековой Европы, представленное многочисленными памятниками рыцарской эпохи – оборонными замками, в архитектуре которых отражались духовные ценности людей того времени. Среди многочисленных функций замка необходимо отметить оборонительную, колонизационную, политико-правовую, экономическую, бытовую и культурную. Функция оборонного жилища сразу же выделила укрепленный замок из общего историко-культурного контекста средневекового градостроительства, затронувшего городские и храмовые постройки, имевшие иное, чем оборонный замок, культурное и функциональное назначение. Но очень часто в силу особых исторических условий эти сооружения приобретали характерный внешний облик крепости, что роднило их с оборонным замковым комплексом [Килимник].

Архитектура феодального замка представляла совокупность необходимых служб, расположенных в сословно-иерархическом порядке. По своему назначению замок как интегративный феномен средневековой культуры выполнял много функций, но базовыми были защита и сохранение подвластных земель в руках сюзерена, который, предоставляя феодам за службу, делегировал эти полномочия рыцарству (своеобразная «плата кровью» за право получения дохода с владений).

Европейские средневековые замковые комплексы ярко демонстрировали обществу высокое социальное положение своих владельцев, связанное со специфическим благородным образом жизни и сословными привилегиями. Культурно-историческое значение этого многообразного функционала практически любого регионального феодального замка было обусловлено тем, что в тот период времени не было линий границ и пограничных столбов, разделявших те или иные территории средневековой Европы, связанной общей системой вассально-ленных отношений и единой римско-католической верой. Поэтому замки служили своеобразным центром притяжения подвластных земель, являясь символом владения той или иной территорией [Килимник].

Необходимо отметить, что становление собственно замкового зодчества рыцарей-монахов Тевтонского ордена в землях Восточной Пруссии в XIII–XV вв. шло независимым самостоятельным путем, мало ориентируясь при этом на гражданскую архитектуру Европы. Это было продиктовано исключительной особенностью функционального назначения замка – резиденции ордена, ставшего символом религиозной и светской власти, но одновременно и опорным пунктом защиты подвластного края, малоприменительно к иным европейским архитектурным формам обладавшего к тому же своими специфическими культурными чертами, отличными от функциональных нужд, целей и задач замковых построек западноевропейских феодалов с их строго индивидуальным назначением. При сравнительном анализе орденских замков и рыцарских замков средневековой Европы стано-

вятся очевидными их отличительные особенности. Они во многом проистекают из того, что крепости ордена были замками-резиденциями не одного феодала, как это было в Западной Европе, а группы рыцарей-монахов, которые были подчинены строгому военному распорядку, уставу, орденской дисциплине и регламенту жизни².

В конце первой трети XIII в. в регионах Восточной Пруссии начинается активная колонизационная политика, проводимая под сенью креста западноевропейского воинственного рыцарства. Так, средневековые прусские, скаловские, надровские, жемайтйские и литовские земли в XIII–XIV вв. в ходе проходивших там немецких крестовых походов на северо-востоке средневековой Европы начинают входить в новые феодальные владения Тевтонского ордена святой Девы Марии. В ходе этого исторического процесса на северо-востоке Европы возникает практически независимое религиозно-светское государство немецких братьев-рыцарей, включавшее и новообразованные в ходе колонизации прусских земель епископские владения: Кульмерланд, Помезанию, Вармию и Самбию. Руководство этих диоцезов структурно подчинялось Рижскому архиепископу, периодически вступая в противоречия и военные столкновения с руководством ордена.

В ходе процессов военно-религиозной колонизации в этом социокультурном локусе Северо-Восточной Европы в XIII–XV вв. складывается апробированная временем западноевропейская система феодальных отношений с земельными пожалованиями и утратой политической, экономической и религиозной самостоятельности местным населением. Названия региональной доминирующей средневековой архитектуры той поры – замков, так же как и их специфическая полумонастырская цистерцианская структура, отражали религиозный характер деятельности ордена и посвящались в основном его небесной

² История Тевтонского, или Немецкого ордена начинается в средневековых землях Леванта в эпоху Третьего крестового похода (1190), когда воинствующие пилигримы преимущественно из германских земель под предводительством священника Конрада и церковного служителя Вурхарда учредили возле города-крепости Акра в Сирии госпиталь для заболевших и получивших ранения в ходе столкновений с сельджуками христиан (1199). Вследствие этого исторического события римский первосвященник Иннокентий III своим указом пожаловал новому религиозному объединению широкие автономные права и собственный устав. В землях Леванта складывается монашеско-рыцарский орден дома Святой Марии Тевтонской в Иерусалиме для охраны паломников, обслуживания раненых и заболевших, ведения боевых действий. Орден находился в полной юрисдикции римского понтификата и императоров Германии. Тевтонские рыцари прибыли по приглашению князя Конрада Мазовецкого в Польшу в 1232 г., получив в лен владения на правом берегу Вислы. На этом месте ими было основано первое орденское укрепление, положившее начало будущему городу Торн и всему Тевтонскому государству. При военном продвижении на север в сторону Восточной Пруссии рыцарями были основаны орденские замки-резиденции, среди которых следует отметить Мариенвердер, Рагнит, Тильзит, Велау, Георгенбург, Дурбен, Кандау, Велюн. Вступив на северо-восток Пруссии, воинствующие пилигримы возвели орденский замок Балга (совр. пос. Веселое, Багратионовский р-н). В 1255 г. в ходе очередного крестового похода, в котором принял участие и чешский король Пршемысл-Оттокар II, в этом покоренном восточнопрусском регионе в его честь был основан замок Кёнигсберг (Королевская Гора) [Бахтин; Килимник, Орлова].

покровительнице Деве Марии (Мариенбург, Мариенвердер – Польша) или Кресту Господнему (Кройцбург – Калининградская обл., Россия).

С началом формирования Тевтонского государства уже ближе к середине XIII в. зарождаются признаки складывания отличной от феодальной Европы архитектурно-художественной системы. Приезжими из Германии мастерами-строителями вырабатываются способы изготовления и последующего применения новых для этих мест строительных материалов, среди которых следует отметить обожженный кирпич, тесаный камень, известь и черепицу. В ходе трансформации новых и старых орденских укреплений образуются характерные архитектурные типы оборонительных ансамблей.

По мере структуризации Тевтонского ордена с учетом вновь присоединяемых земель местного покоренного населения и образования на территории Восточной Пруссии земельных владений ордена возникла уникальная культурно-историческая ситуация, просуществовавшая около 300 лет. Особенностью этого клерикально-светского государства было то, что ведущим правителем-феодалом здесь выступал не король, не земельный князь, как в Европе, а рыцарско-монашеский орден, который устанавливал на подвластных землях свой особый порядок. Новозавоеванная территория была разделена на ряд областей – комтурств³, фогств⁴ и пфлэггерств⁵ (в Ливонии подобных хозяйственных образований не было), а также на относительно самостоятельные епископские владения, в которых начали активизироваться и строительные процессы. В ходе этих процессов в центрах областей сооружались сильно укрепленные замковые постройки. Примером подобного устроительства и колонизации подвластных земель служит Лидзбарк-Варминьский – епископский замок и город, расположенный в Восточной Пруссии (на территории современной Польши). Он был сооружен на реке Лына в 1240 г. как замковый комплекс и примыкающая к нему южная предзамковая часть, которую условно можем назвать «предградье», «предзамче» или «форбург». Этот памятник средневековой культуры, окруженный высокими стенами и укрепленный широким водным рвом, представляет собой уникальный архитектурно-художественный ансамбль в виде двухчастной композиции, который можно классифицировать как подтип кастельного замка «конвент с предградьем» [Килимник]. Свою укрепленную резиденцию поэтапно возводили три местных вармийских епископа: Ян I из Мисьни, Ян II Стрыпроцк и Генрих III Сорбом в 1350–1401 гг. Епископский замковый комплекс и прилега-

³ Комтурство – минимальная административная единица в составе рыцарского ордена. Комтуры – администраторы замковых округов, имели право самостоятельно проводить переговоры, вести войны и т. п.

⁴ Фогт – светское должностное лицо, осуществлявшее на иммунитетной территории ордена или епископа суд и получавшее за это часть доходов.

⁵ Пфлэггерство (*от нем. pfleger*) – система опекуна ордена над частными землями, владелец которых по какой-либо причине не мог сам ими управлять.

ющий к нему город образовали своеобразный военно-политический, религиозно-культурный и экономический центр светско-религиозной власти этих духовных владык в средневековых землях Вармии. Создавая епископии в землях Ливонии и Тевтонского ордена, понтификат в Риме хотел полностью контролировать деятельность орденских государств, понимая их военно-политическую и экономическую силу и значимость. Раздел владений между Тевтонским и Ливонским орденом, с одной стороны, и епископскими землями, с другой, регулировался многочисленными договорами и соглашениями. Постепенно с ростом могущества орденских государств епископства подпали под политический контроль великих магистров. Свидетельством этого может служить тот факт, что даже рижские архиепископы в результате вооруженных конфликтов с орденом захватывались в плен. Подобные непростые отношения хорошо иллюстрирует письмо магистра Ливонского ордена своему старшему коллеге – магистру Тевтонского ордена о том, что Рижский архиепископ Сильвестр Стодеверш в ходе военного конфликта с Ливонским орденом был взят в плен братьями-рыцарями и не будет освобожден. Смерть Рижского архиепископа наступила в 1479 г., когда он находился в заточении в стенах орденского замка Кокенгаузен (Кокнесе, Латвия).

Анализируя вассальную систему в орденском государстве, следует отметить, что в епископских владениях существовало более привлекательное для светских вассалов епископа право приобретения и наследования земельных феодалов, а в Эстонии вассалы Дерптского и Эзельского епископств получили полное право высшей судебной власти над своим зависимым населением. Практически в этот период времени только в орденских владениях вся полнота высшей судебной власти, рассматривавшей «дела о жизни и смерти» людей, принадлежала исключительно судье или фогту ордена. Следствием подобных вассально-ленных отношений в епископских владениях было создание большого количества вассальных рыцарских замков, чем собственно в землях, подвластных ордену. Наиболее известными и хорошо сохранившимися являются вассальный замок архиепископа Рижского, принадлежавший роду фон Розенов в Лиелстраупе (XIII–XVI вв., Латвия), вассальные замки в Вао (XIV в., Эстония) и Кийу (XVI в., Эстония).

В результате политики колонизации, проводившейся рыцарями-монахами на религиозной основе, в XIII – начале XV в. в Поморье и Восточной Пруссии с повсеместным покорением местных племен и закреплением земель под властью Тевтонского ордена святой Девы Марии начинается активное возведение подавляющего большинства оборонных каменных замков, создававшихся первоначально из дерева. Эта культурно-строительная политика ордена продолжалась с 1230-х гг. до начала XIV в. Объясняется это, по-видимому, тем, что как в условиях постоянных боестолкновений и тяжелых сражений XIII–XIV вв. с местными прусскими общинами, так и при отраже-

нии набегов воинственных литовцев орденские братья и епископы не имели возможности организовать сооружение монументальных каменных замковых комплексов, поэтому наиболее доступным и удобным строительным материалом было дерево. В результате замки ордена и епископов стали плацдармом завоевания и удержания новых земель у местных племен, которое велось, как показывает строительство региональных укреплений, быстрыми темпами.

На собственно орденских землях необходимость в оборонительных резиденциях регулировалась примерно одинаковыми расстояниями между созданными замковыми комплексами. Следует отметить и тот немаловажный факт, что, согласно принятому уставу ордена, рыцари-монахи не могли проводить ночь, находясь за стенами монастыря или орденского замка, который, по сути, являлся также своеобразной оборонительной замково-монастырской постройкой. Анализируя расположение замковых комплексов ордена в Восточной Пруссии, можно увидеть, что все эти укрепленные постройки находились примерно в дневном переходе рыцарского отряда друг от друга. Этим можно объяснить их высокую плотность на географической карте местности (на землях ордена в XIII–XIV вв. было возведено примерно около 120 замковых комплексов, 58 из которых находятся в Калининградской обл.). В качестве примера можно привести дорожный путь от резиденции магистра ордена в Мальборке до замка в Кёнигсберге, который занимал около 35 часов в конном строю, поэтому между ними братьями-рыцарями было возведено пять укрепленных центров (Фишау, Эльбинг, Браунсберг, Бальга и Бранденбург), в которых можно было провести ночь и не быть подвергнутыми вражескому нападению.

Следует отметить, что орденские и епископские укрепления, расположенные в районах Восточной Пруссии, имели не только важное оборонительное значение. Как показывает географический анализ местоположения прусских замков, подавляющее их количество создавалось мастерами-строителями вдоль рек, на берегах озер и заливов Балтики. Это давало возможность региональным замкам играть значительную экономическую роль в развитии территориального хозяйства всего орденского государства. Примером подобного строительства и организации торгового центра может служить замковый комплекс в Тапиау (пос. Гвардейск, Калининградская обл.). Его архитектурно-художественная композиция географически располагалась на мысе, который находится возле слияния рек Дейма и Прегель. Подобное местоположение замка позволяло обрести полную защиту и спокойствие не только его владельцам – орденским братьям, но и всему прилегающему местечку, способствовало организации местной торговли и взиманию пошлины с проезжавших купцов. Возведение орденских и епископских укреплений вдоль рек в прусских землях объясняется еще и тем фактом, что из-за отсутствия нормальных путей сообщения водные артерии стали в то время основными транспортными средствами. Так, начиная от Кёнигсбергского замка вниз

по течению в долине реки Прегель братьями-рыцарями и епископами было сооружено большинство феодальных крепостей, среди которых следует отметить замковые комплексы в Тапиау (1280), Арнау (1302), Таплакене (1310), Велау (1320), Норкиттене (1320), Инстербурге (1336), Таммове (1337). Вдоль реки Мемель были возведены крепости Ландсхут-Рагнит, Шалауэрбург (1293), Куккернеезе (1350), Венкишкен (1358), Шплиттер (1360), Каусриттен (1365), Тильзит (1380) и т. д.

С учетом многообразия исторических форм сформировавшихся замковых комплексов немецкого Тевтонского ордена необходимо провести их культурно-историческую типологию на основе применения объемно-планировочного анализа. Исходя из архитектурных форм замковых комплексов ордена следует отметить, что в ходе масштабной устроительной деятельности в средневековых землях Восточной Пруссии начинают преобладать сравнительно простые архитектурно-художественные композиции замков, преимущественно созданных из морского валунника (в основном это был фундамент или первый ярус замка) и обожженных кирпичей (второй-третий ярус замка), как правило, в виде конвента, возникшего на основе более ранней западноевропейской кастельной замковой схемы. В своей архитектурно-художественной композиции конвентские замки ордена представляли уникальный, не встречавшийся в других феодальных замковых комплексах Европы синтез монастырской структуры и регулярной внешней крепостной стены кастельного замка прямоугольной формы (реже округлой), к которой по типу традиционной монастырской структуры со стороны замкового двора были пристроены с четырех сторон культовые, жилые и хозяйственные постройки (например, орденские замки в Лабиау, совр. Полесск, 1277–1278 гг., и в Рагните, совр. Неман, 80-е гг. XIII – нач. XV в.) (рис. 1 на цветной вклейке).

Также, как показывает анализ памятников средневекового замкового зодчества Калининградской обл., второй наиболее распространенной композицией становится планировка регулярного кастельного замка, имевшего по всему периметру стен только одно жилое строение – блокхаус (например, замки епископа Самбии в Тиренберге, 1270–1275 гг.; Гермау, нач. XIV вв., Зеленоградский р-н; Заалау, 1370 г., Черняховский р-н) (рис. 3–6 на цветной вклейке).

Обратиться к культурно-исторической типологии замков Восточной Пруссии и ее ливонскому варианту на основе выделения исторически возникшего оборонного и жилого первоэлемента (первоосновы) необходимо, так как первоначально историки средневековой архитектуры ордена (А. П. Бахтин, В. Я. Вага, А. Туулсе) выдвигали классификацию орденских замков по принципу всей существующей схемы застройки замковых укреплений. Так, например, А. Туулсе классифицировал замковые комплексы Ливонского ордена как дочерние по отношению к тевтонским исходя из особенностей рельефа и их принадлежности (монастырские замки, замки типа башни или дома, конвентские дома, замки типа кастел) [Tuulse]. Подобная историче-

ская типология представляется несовершенной, так как она в основном отражает конечную стадию трансформации замковых комплексов во времени и в пространстве. При этом изначально композиция первоэлемента замка могла относиться совсем к другому типу. Мало говорят об архитектурном типе замка и его ландшафтные особенности или его владелец. Все это требует более детального изучения истории развития архитектуры орденов и епископских замков, выделения их типов и разновидностей (подтипов) исходя из исторически возникшего жилого и оборонительного первоэлемента замка и его второстепенных деталей – пристроев, ставших новыми рубежами обороны, созданных позднее в ходе трансформации комплекса, существенно изменившей его первоначальный облик.

Анализ орденов и епископских замков XIII–XV вв. в Восточной Пруссии показывает, что изначально на завоеванную территорию орденом был привнесен проверенный в боевых условиях Палестины и феодальной усобицы Западной Европы тип замка-кастела, в основе которого лежала регулярная планировка сооружения, усиленного наружными угловыми башнями и имевшего по периметру внутренний двор. С учетом религиозной специфики ордена эта замковая схема получила свою локальную трансформацию, в результате которой со стороны двора к стенам боевого кастела стала примыкать монастырская структура, по сути, превратившая его в монастырь, который имел снаружи традиционный вид феодального замка-кастела. В результате возникла уникальная для европейского замкового зодчества архитектурно-художественная композиция, представлявшая сочетание замка-кастела и монастыря-конвента – кастел-конвент, который господствовал в этом регионе в XIII–XV вв. В отличие от земель Ливонского ордена, башенный замок большого распространения в Восточной Пруссии не получил.

Говоря о замке конвентского типа, необходимо остановиться на этимологии этого слова. Традиционный конвент (собрание) представлял собой общину, представленную 12 братьями-рыцарями ордена и их главой – комтуром, которые, как правило, располагались в конвентском здании замка. Само название «конвент» (*лат. domus conventuales*) впервые фигурирует в монографии немецкого исследователя средневековой Пруссии К. Х. Клазена [Clasen].

На основе проведенного объемно-планировочного исследования архитектурно-художественных комплексов Тевтонского ордена 30-х гг. XIII – XV в. все памятники замкового зодчества можно хронологически подразделить на два исторических этапа его развития.

Первый этап охватывает период с 30-х гг. XIII в. и продолжается примерно до 50-х гг. XIV в. Для него было характерно повсеместное сооружение кастельно-конвентских замков, и реже – замков с кастельной планировкой, имевших внутри одно здание (крыло) – конвент. Это было время активного освоения прусских земель, когда

для защиты того или иного комтурства или фогства от местных плохо вооруженных племен вполне хватало подобной системы обороны.

Второй этап начинается во второй половине XIV в. и продолжается до середины – второй половины XV в. Он был во многом обусловлен тем, что в конце XIV – начале XV в. с распространением огнестрельного оружия и артиллерии, с одной стороны, и увеличением военных конфликтов с Польшей и Великим княжеством Литовским, с другой, имевших боеспособные армии, умевших брать приступом замки, в землях Тевтонского ордена начинается активная модернизация устаревших замковых комплексов – кастелов-конвентов. Внутренняя структура прежних конвентских замков часто приносила в жертву обороноспособность всего объекта, так как превращала боевое сооружение – замок в подобие полусветского-полудуховного комплекса. Подобная полумонастырская структура, которой было свойственно снижение боевых качеств замка, начнет видоизменяться в сторону усиления боевой мощи примерно с 60-х гг. XIV в. (см. об этом, например: [Килимник]). Эта трансформация старых средневековых крепостей ордена шла двумя путями. Так, старые обветшавшие конвентские замки обносились по всему периметру новой более мощной крепостной стеной – чехлом (подтип), имевшей пушечные угловые и межугловые башни, которые и брали на себя основной элемент защиты старого замкового акрополя (реконструкция Кёнигсбергского замка, 1387–1450). Вторым наиболее распространенным вариантом трансформации замка могло служить новое предградьё – форбург (нижний замок), также усиленное угловыми орудийными башнями, которое служило передовым укреплением старого конвента или кастельного замка. В результате этого возникала полурасчлененная композиция, или замок с передовым прилегающим нижним укреплением (подтип) (например, замок в Бранденбурге, кастел-конвент, возведен в 1272–1290 гг., форбург – вторая половина XIV в., пос. Ушаково, Гурьевский р-н). Кроме того, повсеместно увеличивались толщина и высота оборонных крепостных стен, замыкавших замковый двор. Под кровлей замкового комплекса по всему периметру стен располагался боевой ход с бойницами для лучников на случай приступа неприятеля. Во внутреннем дворе кастела-конвента, как правило, находился колодец, решавший проблемы водоснабжения. Замковый двор был преимущественно вымощен необработанным полевым камнем и имел наклонную поверхность для отвода паводковой воды в ров или колодец.

Мастера-строители при реконструкции орденских и епископских замков обращали свое внимание на эстетику их облика, призванную демонстрировать значимость и богатство ордена и территориальной власти. Наиболее ярко это проявилось при реконструкции замков-резиденций магистра Тевтонского ордена, расположенных в Кёнигсберге и Мариенбурге (*польск.* Мальборк). В результате главные помещения замков – рыцарский зал капитула ордена, замковая часовня –

были декорированы фресками, потолки залов имели звездчатые и ячеистые своды, фасад получил на втором-третьем этаже крупные оконные проемы, украшенные витражами. Внешние стены и черепичная кровля замков дополнительно украшались разнообразным геометрическим рисунком, выкладываемым из кирпичей или черепицы зеленоватого, желтого и черного цветов. Создаваемые мастерами богатые декоративные формы и строительные элементы придавали северо-европейской готике неповторимые очертания. Кроме этого, применялись архитектурные украшения, такие как ажурная каменная резьба, многослойные капители, фризы с надписями, глазурированные панели. Декорировались орденские замки рельефами и барельефами, для которых применялся известняк, привозимый из Готланда.

Культурные традиции и ментальные особенности Тевтонского ордена ярко проявились и в сохранении прежних названий утраченных рыцарями-монахами орденских замков при создании новых оборонительных замковых комплексов. Примером этому может служить тот факт, что в 1220-х гг. в Трансильвании, в районе Бурценланда, они построили для обороны края от половецких вторжений пять замков: Мариенбург, Шварценбург, Розенау, Кройцбург и Кронштадт. Позднее с обретением новых земель в Восточной Пруссии этими именами были названы новые укрепленные орденские резиденции.

Анализируя расположение орденских замков в регионах Восточной Пруссии, следует отметить, что новые укрепления орден возводил преимущественно на месте прежних городищ и оборонительных поселений пруссов, которые выступали одновременно с этим родовыми племенными центрами. Следует отметить, что, говоря о земельных завоеваниях ордена, можно одновременно наблюдать и порядок возникновения замков братьев-рыцарей, призванных удержать новую территорию. При этом с проводимой Тевтонским орденом политикой колонизации восточнопрусских земель сооруженные рыцарями-монахами замковые комплексы не утратили свое привычное для покоренного местного населения значение, став фактически модернизированными административными центрами на подконтрольных территориях.

Активизируя политику колонизации и онемечивания прусских земель, орден проводил очень выверенную внутреннюю политику по отношению к местной родоплеменной знати, вовлекая ее вместе с дружинниками в свои военные походы, направленные на покорение новых земель в Пруссии и прилегающих районах, и одновременно в активную миссионерскую деятельность, которую он вел в отношении своих новых союзников. В результате подобной политики насильственной христианизации в отношении местной знати со стороны ордена не проводилось, а совместная военно-административная деятельность постепенно приводила к крещению прусской знати, вовлечению ее в орбиту деятельности ордена, примеру которой следовали дружинники, а затем и все подвластное население племени.

Одновременно с этим историческим процессом шло постепенное онемечивание самой прусской родоплеменной знати и рядовых общинников, проживавших на подчиненных территориях. Политике окультуривания и германизации сопутствовал тот факт, что знание немецкого языка являлось необходимым залогом успеха и получения сословных привилегий в орденском государстве. Кроме этого, шло активное привлечение немецких колонистов-переселенцев в орденские земли, которые получали новый статус, финансовые, корпоративные и сословные преимущества на новом месте. Подобная культурная политика ордена способствовала еще большей ассимиляции местного населения, что вело к постепенной утрате им своего национального языка, религии, культуры, обычаев. Аналогичную ситуацию сегодня можно наблюдать и в регионах Западной Украины, население которой преимущественно говорит не на исторической «мове», а на своеобразном диалекте польско-украинского языка, малопонятного для жителей Центральной, Восточной и Южной Украины.

К концу XIII в. в ходе политики колонизации под властью ордена оказались практически все прусские земли. В начале XIV в. орденское государство было расширено за счет земель Восточного Поморья. Его присоединение уже не носило прежних религиозных целей. В 1309 г. столицей Тевтонского ордена становится Мариенбургский замок на берегу Ногата. Он будет основной укрепленной резиденцией Великого магистра Тевтонского ордена в период 1309–1456 гг. Таким образом, начиная с первой четверти XIV в. орден, превратившись в независимое религиозно-светское государство, активизирует свою политику военно-католической экспансии на северо-востоке Европы. В ходе военных действий наиболее продолжительный натиск Тевтонского ордена, закончившийся фиаско под Грюнвальдом, пришелся на земли Литовского княжества.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что впервые в отечественной науке автором была проведена классификация архитектурных форм замковых комплексов. Выявлено, что с эволюцией техники ведения войны оборонительные замковые комплексы постепенно утрачивают свою защитную функцию, превращаясь в светские резиденции в XVI–XVIII вв. Определено, что с секуляризацией ордена и созданием на его землях Прусского герцогства (1525) некогда сторожевые замки активно перестраивались их новыми владельцами. Например, вместо прежних узких окон-бойниц, предназначенных для ведения стрельбы, зодчие формируют широкие оконные проемы, в бывших зданиях кастелов-конвентов сооружают новые светские дворцовые залы. Другим примером подобных социокультурных перемен в обществе может служить орденский замок Лабиау в г. Полесске Калининградской обл. (основан в 1277–1280 гг.), который был полностью

трансформирован второй женой герцога Альбрехта Анной Марией Брауншвейгской в 1564 г. Установлено, что в реконструкции бывшей орденской крепости принял активное участие придворный художник Иоганн Баптист, итальянец по происхождению, расписавший бывший зал капитула замка.

В ходе исследования определено, что период XIII–XV вв. стал эпохой расцвета искусства архитектуры оборонных замков и крепостей в регионах Восточной Пруссии. Рыцари-монахи Тевтонского ордена и епископы покрыли густой сетью укреплений завоеванные земли. В результате колонизационной политики к началу XV столетия орденское государство насчитывало в Пруссии более 120 оборонных замковых комплексов. В Калининградской обл. сегодня располагается порядка 58 каменных замков и крепостей братьев ордена и церковных правителей, сохранившихся и руинированных, являющихся свидетельством былого величия европейской средневековой культуры.

Градостроительные традиции, возникшие в замковом зодчестве средневековой Восточной Пруссии, вобрав в себя архитектурные принципы рыцарской культуры Европы, получили свое региональное культурно-историческое преломление, создав самобытный, отличный от европейского замкового искусства тип оборонного замка – кастел-конвент, в основу которого легли архитектурно-художественная композиция традиционного для Западной Европы кастельного замка и структура цистерцианского монастыря Сито в Бургундии, что было напрямую продиктовано образом жизни и культурно-религиозными воззрениями братьев ордена. Этот архитектурный синтез рыцарского замка и монастыря свидетельствует о самостоятельном пути развития средневекового замкового зодчества в землях Восточной Пруссии. Возникшие культурно-строительные обычаи оказали значительное влияние на эволюцию замковой архитектуры всех прилегающих средневековых земель – Белоруссии, Литвы, Северной и Центральной Польши, Швеции и Финляндии, Латвии и Эстонии. Став центром притяжения подвластных земель, замки транслировали не только идею силы, власти орденского государства, не только способствовали развитию экономики местных земель, но и несли идеи светской и религиозной западноевропейской культуры в этом удаленном регионе Северо-Восточной Европы.

При единой архитектурно-художественной планировке фасады замковых стен и кровли украшались декоративными геометрическими рисунками в виде ромбов и лент, созданными из кирпича зеленой, черной и желтой цветовой гаммы. Четыре крыла орденских замков, расположенные со стороны двора, были связаны единой крестовой галереей. Многие орденские и епископские замки имели в своей структуре обязательный данцкер – санитарную башню, игравшую роль средневекового мусоропровода и туалета. Понимая опасность распространения эпидемий, рыцари с целью предотвращения антисанитарии и возникновения болезней не только создавали подобные

башенные пристрои, но и старались выводить башни-данцеры за общий периметр замковых стен непосредственно ближе к протекавшей мимо реке, осуществлявшей естественную санацию, соединяя всю архитектурно-художественную композицию крытой галереей (замок Лохштедт, 1275 г., г. Балтийск, Калининградская обл.). Такой строительный элемент орденского замка, как и разработанная система подогрева полов, свидетельствует об определенном культурном уровне рыцарей-монахов и о новых архитектурных элементах, приумноживших градостроительные традиции средневековой Европы.

Исследование архитектуры орденских замков Калининградской обл. открывает еще одну веху богатейшего историко-культурного наследия современной России.

Список литературы

Бахтин А. П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград : Terra Baltika, 2005. 208 с.

Губин А. Б., Строкин В. Н. Крепости и замки Восточной Пруссии. Калининград : Янтарный сказ, 2006. 278 с.

Килимник Е. В. Культурно-исторические особенности феодальных замков Центральной Европы, Западной Украины и Белоруссии XI–XVII вв. Екатеринбург : Урал ин-т социального образования, 2011. 365 с.

Килимник Е. В., Орлова Ж. В. Памятники архитектуры стран Балтии и России. Екатеринбург : Акад. туризма и междунар. отношений, 2017. 136 с.

Овсянов А. П. Бальга: памятник истории, архитектуры и археологии. Калининград : Янтарный сказ, 2006. 128 с.

Clasen K. H. Die mittelalterliche Bildhauerkunst im Deutschordensland Preussen. Berlin : Deutscher Verein für Kunstwissenschaft, 1939. 389 S.

Kilimnik E. V. Architectural and Historical Typology of European Feudal Castles of X–XVII Centuries // Middle-East J. of Scientific Research. Vol. 14. 2013. № 2. P. 173–176.

Tuulse A. Die burgen in Estland und Lettland. Tartu : Dorpater Estnischer Verlag, 1942. 432 S.

Weise E. Handbuch der historischen Stätten Ost- und Westpreußen. Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 1981. 284 S.

References

Bakhtin, A. P. (2005). *Zamki i ukrepleniya Nemetskogo ordena v severnoi chasti Vostochnoi Prussii* [Castles and the Strengthening of the German Order in the Northern Part of East Prussia]. Kaliningrad, Terra Baltika. 208 p.

Clasen, K. H. (1939). *Die mittelalterliche Bildhauerkunst im Deutschordensland Preussen*. Berlin, Deutscher Verein für Kunstwissenschaft. 389 S.

Gubin, A. B., Strokin, V. N. (2006). *Kreposti i zamki vostochnoi Prussii* [Forts and Castles of East Prussia]. Kaliningrad, Yantarnyi skaz. 278 p.

Kilimnik, E. V. (2013). Architectural and Historical Typology of European Feudal Castles of X–XVII Centuries. In *Middle-East Journal of Scientific Research*. Vol. 14. No. 2, pp. 173–176.

Kilimnik, E. V. (2011). *Kul'turno-istoricheskie osobennosti feodal'nykh zamkov Tsentralnoi Evropy, Zapadnoi Ukrainy i Belorussii XI–XVII vv.* [Cultural and Historical Features of Feudal Castles in Central Europe, Western Ukraine, and Belarus between the 11th and 17th Centuries]. Yekaterinburg, Ural'skii institut sotsial'nogo obrazovaniya. 365 p.

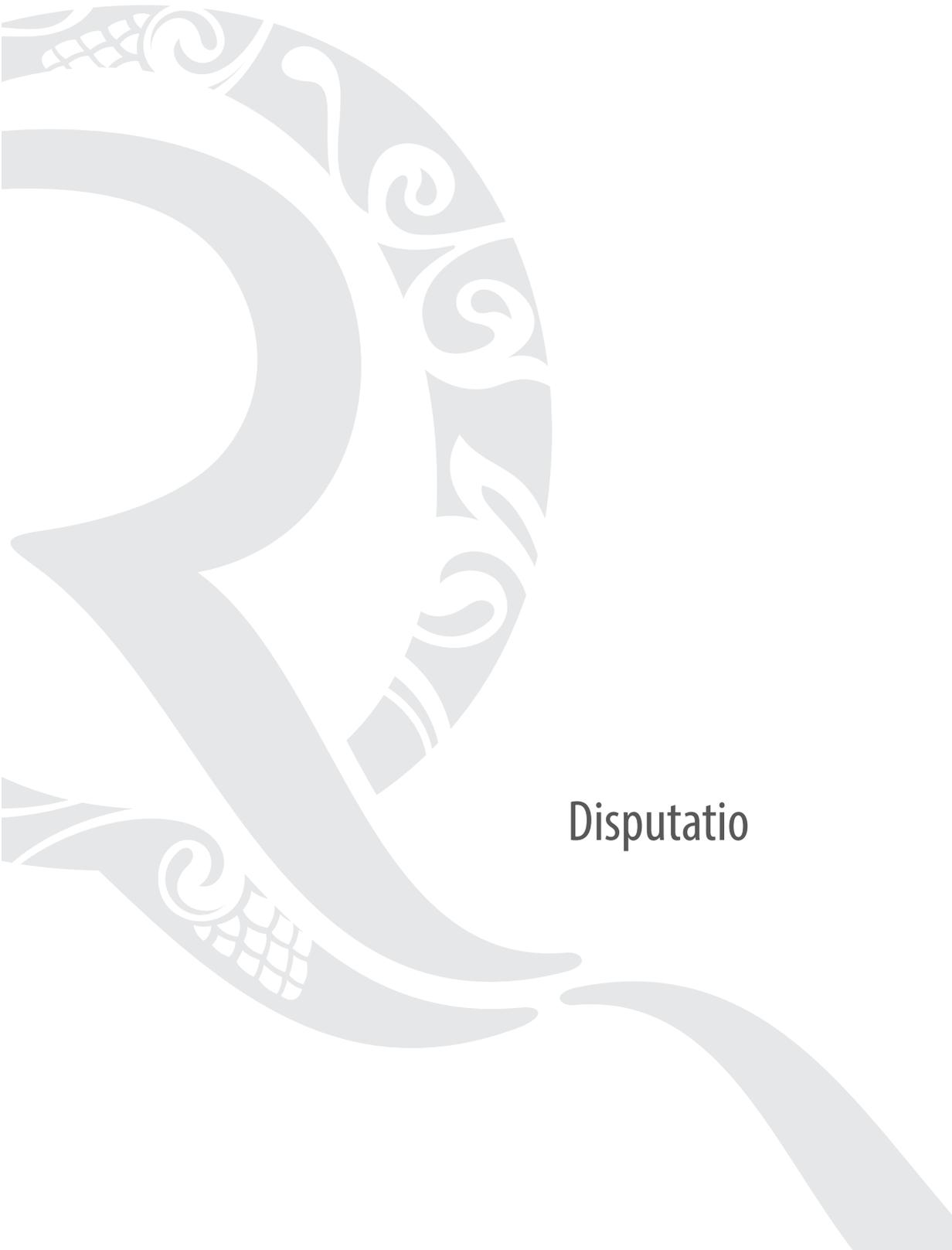
Kilimnik, E. V., Orlova, Zh. V. (2017). *Pamyatniki arkhitektury stran Baltii i Rossii* [Monuments of Architecture in the Baltic Countries and Russia]. Yekaterinburg, Akademiya turizma i mezhdunarodnykh otnoshenii. 136 p.

Ovsyanov, A. P. (2006). *Bal'ga: pamyatnik istorii, arkhitektury i arkheologii* [Balga: A Monument of History, Architecture, and Archaeology]. Kaliningrad, Yantarnyi skaz. 128 p.

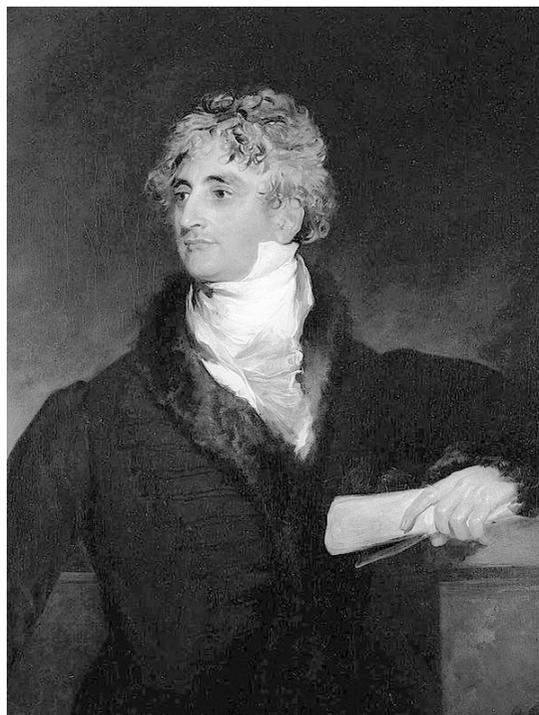
Tuulse, A. (1942). *Die Burgen in Estland und Lettland*. Tartu, Dorpater Estnischer Verlag. 432 S.

Weise, E. (1981). *Handbuch der historischen Stätten Ost- und Westpreußen*. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag. 284 S.

The article was submitted on 25.09.2017

Disputatio

Т. Лоуренс. Портрет А.-Э. де Ришелье. 1818

T. Lawrence. Portrait of A.-E., Duke of Richelieu. 1818

DOI 10.15826/qr.2018.4.348

УДК 94(470:44)"17/18"+327(470:44)+929Александр(470)*1+929.731Ришелье

**ГЕРЦОГ РИШЕЛЬЕ
НА СЛУЖБЕ ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА I И РЕСТАВРАЦИИ:
ПОСРЕДНИК МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И РОССИЕЙ***

Мари-Пьер Рей

Университет Париж 1 Пантеон Сорбонна,
Париж, Франция;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE DUKE OF RICHELIEU IN THE SERVICE
OF TSAR ALEXANDER I AND THE RESTORATION:
A MEDIATOR BETWEEN RUSSIA AND FRANCE**

Marie-Pierre Rey

Pantheon-Sorbonne University,
Paris, France;
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

This paper considers the political biography of the Duke of Richelieu, a prominent figure in Russian and French history. Starting his military career in Russia with participation in the Siege of Izmail, Richelieu returned to the shores of the Black Sea after being invited to Russia by Tsar Alexander I in August 1802. As a friend of Emperor Alexander I, he was appointed governor general of Novorossiya; he proved himself to be a good administrator and contributed to the commercial and cultural flourishing of Odessa which occurred during his rule. When Napoleon invaded Russia in 1812, Richelieu was eager to go to war against the "usurper" but was instead fighting the plague epidemic that struck Odessa in the summer of 1812. After the restoration of the Bourbons, Richelieu left Odessa for France, where he went on to become head of the Council

* Исследование осуществлено в рамках программы международного научного сотрудничества, посвященной истории царской России (XVIII – начало XX в.), возникшей благодаря мегагранту Российской Федерации, полученному Уральским федеральным университетом в 2013 г., соглашение № 14.А12.31.0004 от 26 июня 2013 г.

** *Citation:* Rey, M.-P. (2018). The Duke of Richelieu in the Service of Tsar Alexander I and the Restoration: A Mediator between Russia and France. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1095–1109. DOI 10.15826/qr.2018.4.348.

Цитирование: Rey M.-P. The Duke of Richelieu in the Service of Tsar Alexander I and the Restoration: A Mediator between Russia and France // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1095–1109. DOI 10.15826/qr.2018.4.348 / Рей М.-П. Герцог Ришелье на службе царя Александра I и Реставрации: посредник между Францией и Россией // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1095–1109. DOI 10.15826/qr.2018.4.348.

of Ministers. Nevertheless, Richelieu remembered his Odessa years with warmth, and was about to return to Novorossiya after leaving his position in the French government in 1822; however, death prevented him from doing so. The author stresses the importance of Richelieu's unique experience in Russian and French service for the establishment of European peace after the Congress of Vienna.

Keywords: Armand-Emmanuel du Plessis, Duke de Richelieu; Alexander I; Odessa; Novorossiya; France-Russia relations.

Рассмотрена политическая биография герцога Ришелье, важной фигуры российской и французской истории. Начав свою военную карьеру в России с участия в штурме Измаила, Ришелье возвратился на берега Черного моря по приглашению Александра I в 1802 г. Будучи другом императора, он был назначен генерал-губернатором Новороссии; он показал себя отличным администратором, внес большой вклад в коммерческое и культурное процветание Одессы, которое началось в годы его правления. Когда Наполеон вторгся в Россию в 1812 г., Ришелье был готов отправиться на войну с «узурпатором», но вместо этого боролся с эпидемией, поразившей Одессу летом 1812 г. После реставрации Бурбонов Ришелье оставил Одессу и уехал во Францию, где возглавил Совет министров. Он вспоминал свои годы в Одессе с теплотой и даже собирался вернуться в Новороссию после своей отставки во французском правительстве в 1822 г., но смерть разрушила этот план. Автор подчеркивает важность уникального опыта Ришелье на российской и французской службе для установления общеевропейского мира после Венского конгресса.

Ключевые слова: Арман Эммануэль дю Плесси, герцог Ришелье; Александр I; Одесса; Новороссия; российско-французские отношения.

Узнав о внезапной смерти герцога Ришелье в 1822 г., Александр I отдал ему дань искреннего уважения:

Я оплакиваю герцога Ришелье как единственного друга, который говорил мне правду; он был исключительным образцом чести и верности. Служба, которую он сослужил нам, увековечит в России признание всего благородного. Я сожалею о нем ради короля, который ни в ком не найдет столь бескорыстного бескорыстия (так в тексте. – *М.-П. Р.*); я сожалею о нем ради Франции, которая мало ценила его и которой он, однако же, сослужил и еще должен был сослужить столь великую службу [*СИРИО*, с. 68].

Слова царя, не лишённые критики в адрес французских элит, небезынтересны: они свидетельствуют о том, что в глазах Александра герцог Ришелье, верный слуга русского государя, был замечателен и как министр французского короля. Однако ничто в жизненном пути герцога Ришелье не предвещало, что ему предназначено было сыграть столь важную роль в эпоху Реставрации. Он бесспорно принадлежал к одной из самых старинных семей Франции, с давних пор

близкой к трону; но Талейран, жестоко пошутивший о нем, назвав его «французом, который лучше всех знаком с Крымом», был не так уж не прав: вернувшись в 1814 г. во Францию, герцог выглядел неискушенным человеком, совершенно не знакомым с тайными пружинами французской политической жизни. Тем не менее, именно эта отстраненность, а также особые отношения, связывавшие его с императором Александром I, сыграли ему на пользу в то время, когда главным вопросом было заключение Второго Парижского договора и выполнение его условий на деле. Чтобы понять, в чем заключалась его деятельность, и написана настоящая статья. Автор опирается главным образом на документы, опубликованные в 1886 г. в «Сборнике Императорского русского исторического общества», а также на прекрасную коллекцию писем, написанных герцогом в Одессе и недавно опубликованных [Lettres d'Odessa]. Статья состоит из трех частей. Первая будет посвящена молодости герцога Ришелье и его личным качествам, благодаря которым он рано оказался связан с русским миром. Вторая расскажет о пребывании Ришелье в Одессе, о его роли и об отношениях, которые он сумел завязать с царем Александром I. Наконец, в третьей части, посвященной периоду, с которым историки Реставрации знакомы в наибольшей степени, уделено особое внимание той роли, которую он сыграл во главе французского правительства, его успехам на международной арене, но вместе с тем и трудностям, с которыми он сталкивался вплоть до выхода в отставку в 1818 г.; второй же его срок в министерском кресле, его недолгое возвращение к делам страны в 1820–1821 гг., когда во главе угла стояли вопросы внутренней политики, будет упомянут лишь косвенно.

До Одессы

Мы не будем стремиться к подробному изложению обстоятельств жизни герцога [Waresquiel, 1999; Rambaud], уделив вместо этого особое внимание ярким проявлениям его молодости, весьма бурной и рано познакомившей его с Россией. Арман-Эмманюэль де Виньеро де Плесси, праправнучатый племянник кардинала Ришелье и внук маршала Ришелье, родился в Бордо в сентябре 1766 г. При рождении он получил титул графа де Шинона, а после смерти отца в 1791 г. стал пятым герцогом де Ришелье. В мае 1782 г., когда он был чуть старше 15 лет, его женили на Розали де Рошешуар, девушке умной и образованной, но страдавшей от физического недостатка, развитие которого сделало ее в 14-летнем возрасте горбатой. Это был брак по расчету – супруги практически не жили вместе, хотя испытывали друг к другу уважение, а то и дружеские чувства, о чем повествуют трогательные записи Рошешуар, составленные после смерти герцога [СИРИО, с. 53], – и сразу же после заключения брака юноша вместе со своим наставником аббатом Лабданом отправился в четырехлетнее путешествие (1780–1784), в ходе которого посетил Францию,

Италию, Швейцарию, Голландию и часть Германии. Вернувшись в Париж в 1784 г., он получил придворную должность и чин младшего лейтенанта в драгунском полку.

Уже на этом этапе ярко проявились такие его черты характера, как серьезность, застенчивость, сдержанность и до некоторой степени целомудренность. Эти черты были свойственны и царю Александру I, что послужит их сближению [Рэй, 2013]. Получив хорошее классическое образование (как и царь), он говорил на французском, немецком, английском и итальянском языках, а впоследствии взялся и за русский. Но при дворе ему было скучно: интриги его не привлекали, а в светском обществе ему было неуютно. Граф де Ланжерон, бывший другом Ришелье, напишет о нем, что «ему от рождения дан был ум скорее основательный, чем блестящий, мало подходивший к легкомысленному обществу его времени» [СИРИО, с. 51].

Поэтому, когда в 1787 г. вспыхнула очередная война между Российской и Османской империями, он обратился к королю за дозволением отправиться на службу в царскую армию. Летом 1787 г. ему в этом было отказано, и он вынужден был вопреки своей воле оставаться при дворе, пока – парадоксальным образом! – ему не пришла на помощь революция. Впрочем, по его словам, он понимал революционное движение, лишь когда оно боролось против злоупотреблений во имя «народного счастья» [СИРИО, с. 44].

Ришелье вновь отправился в путешествие. Сначала он приехал во Франкфурт, и, послушав перебранки эмигрантов и обнаружив отсутствие у них политической прозорливости, понял, что ему с ними не по пути:

Я от души хотел бы иметь возможность убедить всех этих многочисленных французов, которые, к моему великому удивлению и к удивлению всех людей, это слышавших, просят и добиваются, чтобы государи объединились в союз и напали на их родину, что это событие будет иметь в высшей степени неприятные и печальные последствия для них самих. В самом деле, они имеют достаточное представление о воцарившемся во Франции головокружении и должны понимать, что при первом же слухе о вторжении немецких войск королева, возможно, сам король и, безусловно, в каждой провинции все, кто похожи на аристократов, как дворяне, так и священники, будут безжалостно истреблены... Я могу, не погрешив против истины, утверждать, что одна из причин, почему французов плохо приняли во Франкфурте, – горячность их речей и требование, чтобы немедленно создавался союз против Франции [СИРИО, с. 166].

Затем он направился в Вену, где повстречал князя Шарля де Линя и графа де Ланжерона. В ноябре 1790 г. эти трое молодых людей, узнав, что русская армия собирается осадить Измаил, решили оказать ей поддержку. После десяти суток пути они прибыли в Бендеры, где располагался штаб князя Г. А. Потёмкина. Молодой герцог, внимательно наблюдавший за фаворитом императрицы, нарисовал

в своих воспоминаниях яркий портрет, изобразив Потёмкина настоящим восточным сатрапом:

Десять дней и десять ночей путешествия, ужасная усталость, пустынная и невозделанная земля – ничто не подготовило меня к зрелищу, поразившему мой взор в покоях князя: златотканый диван с пышным балдахинном, пять очаровательных женщин, одетых со всем возможным вкусом и богатством, и шестая, во всем великолепии греческого наряда возлежащая на подушках в восточной манере. Князь Потёмкин один сидел рядом с ней, одетый в большую меховую одежду, напоминающую наши домашние халаты. Это его любимая одежда, и часто на нем нет другой, поскольку под ней он может быть почти обнажен. Пятьдесят офицеров всех чинов стояли в глубине комнаты, которую освещало великое множество свечей. <...> Нет ничего невозможного для его могущества. Он господствует над землями от Кавказской горы до Дуная и совместно с императрицей управляет остальной империей. Его богатства неисчислимы, и его мудрое предвидение, позволяющее ему издалека увидеть, что обстоятельства могут стать для него неблагоприятными, подтолкнуло его сделать в Польше приобретение, которое позволит ему укрыться от любых бед. Он купил там земли, которые приносят ему четыре-пять миллионов франков дохода. В настоящее время эти ресурсы ему практически не нужны, поскольку он может по своему желанию черпать деньги из всех запасов империи. Роскошь и великолепие, окружающие его в армии, причудливо контрастируют с бесплодием страны, в которой он ведет войну. Многочисленные столы с пышными яствами, толпа всевозможных лакеев самого разного ранга, актеры, танцоры, оркестр – все, что могло бы послужить удовольствию целой столицы, сопровождает князя Потёмкина среди военных лагерей и бряцанья оружия. Ничто не кажется невозможным этому исключительному человеку [СИРИО, с. 189–190].

Впрочем, молодой герцог не только писал заметки, но и храбро сражался с турками, за что Екатерина II наградила его шпагой с надписью «За храбрость» [СИРИО, с. 62] и Георгиевским крестом. Тем не менее, глубоко опечаленный массовыми убийствами гражданского населения, свидетелем которых он стал во время осады, в конце 1790 г. Ришелье вернулся в Вену, а затем в Париж, ненадолго вновь поступив на службу к королю Людовику XVI. Спустя шесть месяцев, осудив бегство в Варенн и считая, что дело короля серьезно скомпрометировано, он решил вернуться в Россию, но вначале обратился к королю и Учредительному собранию – и на заседании 27 июля 1791 г. получил «паспорт, чтобы выполнить свои обязательства» [СИРИО, с. 239]. Таким образом, Арман Ришелье (в письме, адресованном Ассамблее, он отказался от своих титулов), покинул французскую землю не как эмигрант и беглец, но законно и открыто. Это, впрочем, не помешало властям впоследствии конфисковать его имущество и арестовать Розали, которая будет находиться в заключении вплоть до термидора.

Зимой 1791–1792 гг. в Петербурге герцог Ришелье был произведен Екатериной II в полковники, но затем карьера его забуксовала, и он прозябал, будучи вынужден переносить унижения, которым последний фаворит императрицы П. А. Зубов подвергал французских эмигрантов, приехавших в Россию в поисках какого-нибудь места. Смерть Екатерины в ноябре 1796 г. избавила Ришелье от Зубова; Павел I сделал его генерал-майором, а затем и генерал-лейтенантом. Но, с трудом перенося непредсказуемость, придирчивость и самодурство нового царя, Ришелье вынужден был вернуться в Вену. Этот период, во многом трудный, вместе с тем оказал важнейшее воздействие как на будущую карьеру Ришелье, так и на его жизнь в целом: именно в это время он сошелся с великим князем Александром, наследником российского престола.

Вернувшись во Францию в январе 1802 г., герцог Ришелье надеялся, что его вычеркнут из списка эмигрантов, но эта милость не была ему оказана, поскольку он отказался подчиниться первому консулу Наполеону Бонапарту, которого он, подобно Александру I, называл «узурпатором». Хотя Ришелье казался человеком, настроенным на равновесие и компромисс (при всей своей враждебности к чрезмерному росту личной власти Наполеона он не разделял и взглядов ультрамонархистов), на сделку с собственной совестью он не пошел и, верный своим убеждениям, отказался служить первому консулу с пожизненными полномочиями. А уже в июне 1802 г. он получил письмо от Александра I, который вззошел на престол еще в марте 1801 г. и приглашал его вновь поступить на русскую службу. Не видя перед собой будущего во Франции, Ришелье принял предложение и в октябре 1802 г. прибыл в Петербург. Царь и герцог были рады новой встрече, и в своей частной переписке Ришелье не раз говорил о доброты и дружеских чувствах русского царя – например, в письме своей сестре госпоже де Монкальм от 14 (26) февраля 1803 г. он писал:

В настоящее время император осыпает меня знаками доброты, и я даже осмелюсь сказать, знаками дружбы и самыми настоящими благодеяниями [СИРИО, с. 266].

В самом деле, эти двое, столь схожие чертами характера, образованием, базирующимся на греко-латинских ориентирах, верностью идеям Просвещения и ненавистью к Наполеону, очень быстро построили доверительные отношения. Чтобы избавить герцога от финансовых трудностей (его имущество по-прежнему не было возвращено, а долги его отца не выплачены), Александр I подарил ему владение в Курляндии с приличным доходом (12 тыс. франков ренты, по оценке самого Ришелье), позволившее ему обеспечить как себя самого, так и свою супругу [Там же, с. 47]. Одновременно Александр I, находившийся в мире с Наполеоном Бонапартом, обратился к французской стороне со специальным ходатайством и добился исключения Ришелье из списка эмигрантов.

Однако, несмотря на этот счастливый исход, герцог не вернулся во Францию. Поручив своей жене вести дела и выплачивать долги его отца из курляндских доходов, он решил остаться на царской службе. Александр I именным указом назначил его градоначальником Одессы, даровав ему полномочия в сфере городской полиции, таможни, карантинной службы и общественных построек. Двумя годами позже, в марте 1805 г., царь сделал его генерал-губернатором Новороссии – огромной территории, вошедшей в состав России по итогам ожесточенных войн с Османской империей и Крымским ханством и простиравшейся от Днестра до Кавказа. Генерал-губернаторство Ришелье охватывало Одесскую, Харьковскую, Херсонскую, Екатеринославскую области, а также Крым и Кубань.

Генерал-губернатор Новороссии

Нельзя сказать, что ветеран осады Измаила был очень рад своему новому посту. Ришелье желал служить царю в армии, а ему досталась совершенно иная задача. В его обязанности входило обеспечить безопасность территории, которой угрожали налеты из Османской империи, и способствовать административному, экономическому и демографическому развитию региона, еще лишь в небольшой степени интегрированного в Российскую империю. Ясно видя, какого рода задача ему досталась, он писал весной 1805 г.:

Разумеется, нет ничего более лестного, чем, не достигнув еще сорока лет, получить место, которое до сей поры занимали лишь люди, более значительные как возрастом, так и положением, но масса дел, которая зависит от меня, столь громадна, а ответственность за пограничный край, который некоторым образом нужно создавать из ничего, столь велика, что я не знаю, хватит ли на это моих физических или моральных сил. Я буду стараться изо всех сил [Lettres d'Odessa, p. 16].

Одесса была основана Екатериной II в 1794 г. как военный порт и торговая фактория. Вначале это было небольшое татарское селение. В архитектурном плане основу Одессы заложил проект С. де Воллана, который пожелал возвести ее «согласно строгим правилам планировки», следуя концепции «идеального города, вновь появившейся в Европе в конце XVIII века» [Ibid., p. 6]. В 1795–1796 гг. «были открыты таможня, карантинные помещения, биржа и больница» [Ibid., p. 7], и с первых дней своего существования Одесса начала богатеть и развиваться благодаря торговле хлебом, став в конце XVIII в. главным торговым портом Черного моря.

Тем не менее, город оставался небольшим: в 1803 г., когда туда приехал Ришелье, население Одессы насчитывало по разным оценкам от 5 до 9 тыс. жителей и состояло из «русских, поляков, греков, армян, евреев и нескольких оставшихся турок и татар. Здесь было лишь не-

сколько иностранцев из европейских стран» [СИРИО, с. 70]. Инфраструктура была развита незначительно:

Три фабрики и тринадцать заводов, двадцать три мельницы, шесть церквей, часовня, синагога, больница, погреб и лавки, казармы, дома, лачуги [Lettres d'Odessa, p. 25].

Кроме того, город находился в плохом состоянии: дома были глиносоломённые или бревенчатые, многие здания остались недостроенными, в городе не было ни булочника, ни слесаря, ни столяра, и, чтобы обставить свои апартаменты, герцог был вынужден заказать дюжину стульев в Херсоне! Жители города, пользовавшиеся дурной славой, были предоставлены сами себе:

Все это население, если сказать правду, состоит из людей не слишком порядочных, которым совершенно необходима серьезная полицейская узда. Подобно другим новым селениям, Одесса – прибежище и укрытие всего, что было худшего в окрестных странах [Lettres d'Odessa, p. 25].

Герцогу выпала нелегкая задача, и в своей тогдашней переписке новый житель Юга России не скрывал своих трудностей. Но на кону стояло слишком многое, как в стратегическом плане, так и в экономическом, и герцог, несмотря на недостаток опыта, оказался блестящим организатором и исключительным руководителем.

Сразу же по прибытии в Одессу в марте 1803 г. он приступил к изменению устройства и планировки города, в чем ему оказали помощь французские эмигранты, в том числе его друг и правая рука граф де Ланжерон (после возвращения герцога Ришелье во Францию в 1814 г. именно Ланжерон занял его место в Одессе), маркиз де Траверсе, построивший укрепления Херсона и Севастополя, граф де Сен-При, который стал председателем Одесского торгового суда, и Жозеф де Россе, инспектор портового карантина. Был стремительно реализован грандиозный план работ, включавший в себя «несколько торговых центров, общественные постройки, гидравлические работы, морскую больницу, укрепления, набережные, а также казармы, склады для товаров и частные здания» [Lettres d'Odessa, p. 7]. Город преобразился и в эстетическом плане – спустя несколько лет Одесса, отстроенная из камня в неоклассическом стиле, могла считаться одним из самых красивых городов Российской империи.

С экономической точки зрения герцог Ришелье, сторонник свободы торговли, находившийся под сильным влиянием физиократов, решил превратить Одессу в крупнейший порт империи. С этой целью он действовал на двух фронтах: модернизировал портовые сооружения и одновременно с этим добился от Александра I указа, снизившего на 25 % таможенные пошлины во всех портах Черного и Азовского морей. Эта мера имела особенный успех: всего за несколько лет Одес-

са расцвела как никогда прежде, превратившись в главный порт хлебной торговли в империи и позволив своим жителям отведать кофе, шоколада, вин из Бордо и горчицы из Дижона – все эти товары приходили в Одессу на марсельских судах.

Но герцог не оставлял своим вниманием и долгосрочную перспективу: он поощрял создание учебных заведений – Харьковского университета и лицея, который открылся уже после его отъезда в 1817 г. Кроме того, заботясь о культурном развитии Одессы, в 1804 г. он инициировал строительство театра, которое будет завершено в 1809 г. Заботился он и о внешнем облике городских улиц: уже в 1805–1806 гг. началось строительство тротуаров, а в 1811 г. были установлены уличные фонари, спроектированные французским инженером Базеном, который был в Одессе проездом.

В 1814 г. Одесса, насчитывавшая 40 тыс. жителей, заметно похорошевшая и оздоровившаяся, превратилась в процветающий динамично развивающийся город. Однако деятельность Ришелье не ограничилась самой Одессой. Он занялся сельскохозяйственным развитием Новороссии, способствуя переселению в этот край колонистов из всей Европы (эльзасцев, греков, армян, болгар, немцев, сербов и т. д.). Им было поручено не только интенсивное выращивание пшеницы, предназначенной для последующего вывоза из одесского порта, но и развитие овощеводства, а также, благодаря влиянию французских эмигрантов, виноградарства. В 1805 г. началось разведение овец, а четырем годами позже, в 1809 г., по инициативе агронома и дипломата Пикте де Рошмона из кантона Женева сюда были отправлены 1600 овец-мериносов, из которых 870 довели до Одессы и разместили в окрестностях города.

Трудностей было немало: прибытие в Новороссию мигрантов ставило вопросы жилья, пропитания, логистики, а санитарные условия далеко не всегда были образцовыми, что сильно раздражало генерал-губернатора.

Весьма характерно письмо, которое он в сентябре 1805 г. написал своему сотруднику Самуилу Контениусу:

Прибыв на место, я был весьма опечален, узнав из трех писем, полученных мною от князя Мещерского, что среди немецких колонистов в окрестностях Одессы множатся болезни, а строительство жилищ продвигается чрезвычайно медленно вопреки обещаниям господина Поджо и прекрасной погоде на протяжении последнего месяца. Будем надеяться, дорогой друг, что вы все еще в окрестностях Одессы. Я прошу вас принять самые серьезные меры с целью предупреждения бед, которые я предвижу и перед которыми трепещу, вспоминая опыт минувшего года. Я думаю, что лучше всего создать стационарный пост врача и карантинного хирурга в немецких деревнях, не экономить на лекарствах, приказывать сделать кровати, чтобы колонисты не спали на земле, приготовить для больных питье, составленное из дешевого красного испанского вина и абсента, проследить, чтобы у них было хорошее питание, и в первую

очередь ускорить строительство, чтобы у этих людей была крыша над головой. Я разрешаю вам нанять лишних сто человек... чтобы любой ценой закончить дома, а также, что касается необходимых расходов, связанных с болезнями и удобствами для больных, я разрешаю вам не экономить на них [Lettres d'Odessa, p. 99].

Тем не менее, несмотря на все трудности, колонизация Новороссии была столь успешной, что уже в 1804 г. французский консул, которого вряд ли можно было заподозрить в симпатии к эмигранту, писал:

Нельзя не удивляться множеству появившихся под его началом деревень... <...> Нет дня, в который их не побуждали бы обрабатывать землю. <...> Эта часть обязанностей, взятых на себя господином де Ришелье, распространяется и на Крым; он только что объехал различные колонии, в последнее время там возникшие [Ibid., p. 73].

В 1814 г. Новороссия, насчитывавшая два миллиона разношерстного населения, среди которого мирно уживались друг с другом чиновники, купцы, колонисты, православные русские, немцы-лютеране, французы-католики, татары-мусульмане и евреи, была одним из самых динамично развивавшихся регионов Европы, несмотря на эпидемию чумы, которая обрушилась на Одессу в 1812 г. Однако именно теперь, добившись максимального успеха, герцог навсегда покинул город.

На службе Франции

Хотя нашествие на Российскую империю «сотрясателя мира», как любил называть Наполеона царь Александр I, ужаснуло герцога Ришелье, он не принял участия в войне 1812 г. Чтобы поддержать войну с Наполеоном, он предложил царю все свое имущество, приобретенное после 1803 г., и выразил желание служить в русской армии. Однако Александр I предпочел удержать герцога вдали от театра военных действий и зачислить его только в резервную армию. Кроме того, в августе 1812 г. в Одессе началась чума, продлившаяся шесть месяцев и ставшая причиной 2,6 тыс. смертей в городе и более 5 тыс. – в остальной Новороссии [Lettres d'Odessa, p. 52]. Ришелье был вынужден в первую очередь заняться эпидемией, опустошавшей его город. 31 августа 1812 г. он писал царю:

Сир, я обязан доложить вашему величеству, что в Одессе обнаружилась заразная болезнь, которая представляется чрезвычайно опасной; жертвами ее стали уже около тридцати человек. Я прикрепляю к моему письму описание этой болезни, сделанное врачебным консилиумом, а также мер, принятых в попытке остановить ее. Я надеюсь, что мы справимся с ней, но поскольку моим долгом было сделать так, чтобы эта бо-

лезнь не распространилась дальше, я, не будучи уверен, что она не охватила уже степные деревни, принял решение закрыть всю часть страны, называемую Буг... и я установил заслоны на Буге и Днестре и между этими двумя реками; я предупредил подольского губернатора, чтобы он сделал то же самое со своей стороны, а господина сенатора Милашевича уведомил, чтобы он охранял правый берег Днестра. Невозможно установить, откуда могла явиться эта болезнь; все без исключения моряки, прибывшие морем из Константинополя, находились и продолжают находиться в добром здравии; но каковы бы ни были причины болезни, с моей стороны просто чудовищно в нынешних обстоятельствах удручать сердце вашего величества столь тревожными новостями; тем не менее, совершенно необходимо, чтобы вы были в курсе [СИРИО, с. 384].

Когда же чума была обуздана, а Наполеон изгнан из России (в декабре 1812 г.), разгромлен во Франции (в марте 1814 г.) и вынужден отречься от престола (в начале апреля 1814 г.), встал вопрос о дальнейшей жизни Ришелье. Летом 1814 г., когда Людовик XVIII взошел на французский престол, царь повелел герцогу вернуться во Францию, что Ришелье и сделал спустя шесть месяцев, хотя прощание с Одессой далось ему нелегко.

Прибыв в декабре 1814 г. в Париж, герцог Ришелье стал пэром и первым камер-юнкером, но не получил никакой официальной должности. Поэтому когда спустя несколько недель он отправился в Вену, где с участием царя проходил мирный конгресс, он сделал это как частное лицо. В Вене ему пришлось вместе с Талейраном защищать интересы Франции. Когда как гром среди ясного неба прогремела новость о возвращении Наполеона с Эльбы, Ришелье встал на сторону короля, отправившись вместе с ним в Гент, а летом 1815 г. вернулся в Париж. Именно в этот момент, в июле, Талейран, оказавшись в чрезвычайно трудном положении на переговорах по подготовке Второго Парижского мирного договора, решил разыграть русскую карту и предложил герцогу пост министра иностранных дел. Ришелье отказался, сославшись на недостаток опыта. На самом деле он не мог решиться занять пост в правительстве, в котором всем управляли отвратительные ему Талейран и Фуше. Кроме того, против такого варианта возражал и Александр I, к которому Ришелье по-прежнему был очень близок: после того как Талейран предал царя, заключив против него в январе 1815 г. секретный договор, Александр I желал от него избавиться [Rey]. Через два месяца все изменилось: теперь сам Людовик XVIII, готовый отказаться от услуг Талейрана, предложил герцогу стать председателем Совета министров и министром иностранных дел, надеясь, что его вошедшая в легенду порядочность и близость к царю Александру облегчат дальнейшие переговоры. Ришелье принял предложение короля, но, верный своим нравственным принципам, отказался от «каких-либо отношений с приобретателями

своих старинных имений, проданных как национализированное имущество» [Waresquiel, Yvert, p. 246]; таким образом, его нельзя было обвинить в том, что он использует свое политическое положение для получения каких-либо финансовых дивидендов. Для Ришелье было принципиально важно ни в чем не походить на Талейрана.

В 1815 г. в делах внутренних герцог придерживался умеренных позиций, как, впрочем, и в 1791 г. С его точки зрения, Французская революция была реальностью, которую было уже не уничтожить. Кроме того, будучи убежденным монархистом, он вместе с тем считал нужным строго соблюдать Конституционную хартию и отвергал крайности и эксцессы, в которые впадали ультрамонархисты. Во внешней политике вплоть до подписания мирного договора в ноябре 1815 г. Ришелье прилагал все возможные усилия, чтобы вырвать у союзников хоть какие-нибудь уступки, которые могли бы смягчить положение страны. В этом ему оказал поддержку и Александр I, с конца июня находившийся во Франции и продемонстрировавший свою военную мощь в ходе великолепного военного парада в Вертю 10 сентября. Несмотря на это, условия, навязанные победителями, были чрезвычайно суровы: Франция вернулась к границам 1790 г., ей предстояло пережить военную оккупацию в течение не менее чем трех лет и выплатить контрибуцию в 700 млн франков. Кроме того, французам пришлось согласиться на создание такого института, как совещание послов Четверного союза, собиравшееся дважды в неделю в Париже с целью наблюдения за политическим состоянием Франции и составления соответствующего отчета. Фактически это означало введение внешнего управления, что, с точки зрения герцога, было в высшей степени унижительно и болезненно.

Впрочем, условия мирного договора могли быть и хуже. Благодаря вмешательству Александра I контрибуция была уменьшена с 800 до 700 тыс. франков, а территориальные потери оказались значительно менее существенными. С точки зрения царя, было чрезвычайно важно, чтобы навязанный Франции мир был не слишком унижительным, что могло бы дискредитировать еще хрупкую власть короля, вновь нарушить политическое равновесие и в конце концов дестабилизировать Европу, которая только-только обрела мир [Рэй, 2017].

В месяцы, последовавшие за подписанием мирного договора, герцог Ришелье упорно сражался за улучшение положения страны и вызвал особенное раздражение по отношению к «бесподобной палате»: он считал, что взгляды ультрамонархистов и эксцессы белого террора могут обеспокоить русских и англичан и стать помехой на пути возвращения Франции в международную политику. Напротив, начиная с сентября 1816 г., когда «бесподобная палата» была распущена, руки герцога оказались более свободными, и он смог ускорить освобождение территории Франции, что являлось залогом восстановления независимости и могущества страны. Благодаря выпуску масштабного займа, на который массово подписались французские и европейские

банки, государство в скором времени смогло выплатить три пятых контрибуции, и этот ускоренный платеж, а также тщательное соблюдение условий ноябрьского договора позволили выйти из международной изоляции, навязанной побежденной Францией: осенью 1818 г. Ахенский конгресс (на котором герцог Ришелье неоднократно беседовал с Александром I и не раз заводил разговор об Одессе) ознаменовал окончательное возвращение Франции в европейскую семью и полное освобождение ее территории от оккупационных войск, что было зафиксировано в конвенции от 9 октября 1818 г.

Вместе с тем – и это тоже служит к чести Ришелье – несмотря на дружеские отношения с царем и на благодарность по отношению к нему, он никогда не становился заложником личных связей с Россией. Уже в 1816 г. он сообщал графу де Караману, своему послу в Вене, в чем будет заключаться его дипломатическое кредо:

Мы желаем лишь одного – быть в хороших отношениях со всеми, чтобы исцелить наши раны и болезни, нанесенные Франции двадцатью пятью годами войн и революций.

В то время как Талейран беспрестанно представлял его агентом Александра, герцог твердо заявил:

Не может быть и речи об активном союзе с Россией. Более того, следует избегать всего, что могло бы показаться с нашей стороны поиском особой поддержки со стороны русских (ор cit.: [Waresquiel, Yvert, p. 237]).

Значит ли это, что к 1816 г. герцог Ришелье полностью освободился от своего прошлого, в котором он был генерал-губернатором Новороссии?

В действительности, хотя приказы Александра I и его собственное чувство долга заставили Ришелье вернуться во Францию в 1814 г., хотя он верно трудился на благо Реставации, герцог никогда не испытывал большого удовлетворения на службе Людовика XVIII и французской монархии. В марте 1816 г. он весьма откровенно высказывался на этот счет в переписке со своим бывшим сотрудником, оставшимся в Одессе:

Франция для меня более не имеет никакой прелести. Буйство страстей, ожесточение умов, чрезмерность даже в добрых чувствах – все это делает пребывание в этой стране невыносимым; все еще хуже, если приходится руководить, и практически не видишь возможности изменить что-то к лучшему. Так что я не могу сказать, что был более несчастен в Одессе во время чумы, чем в Париже в шесть месяцев, истекшие с того момента, когда моя несчастная звезда бросила меня в эту пучину. Я здесь, и мне не остается ничего другого, кроме как вырваться отсюда как можно быстрее, с честью, если получится [Lettres d'Odessa, p. 155].

Ришелье навсегда сохранил глубокую привязанность к Одессе и нередко ностальгировал по проведенным там годам. Он продолжал регулярно переписываться с друзьями, бывшими сотрудниками и подопечными, оставшимися в «его» городе, и долго лелеял план вернуться туда и жить там мирной жизнью, как только он сможет окончательно уйти в отставку.

Свой пост Ришелье покинул 13 декабря 1821 г. А уже в январе 1822 г. он писал Контениусу:

Из газет вы могли узнать, что я вновь обрел свободу, и это событие дарит меня надеждой, что я смогу воплотить ваш совет на деле. Ничто не может дать мне большего удовольствия, чем поездка в эти земли, к которым я испытываю столь живой интерес. Мой план определенно состоит в том, чтобы весной направиться на берега Черного моря, и я надеюсь, мой дражайший друг, вы не сомневаетесь в том, с какой радостью я обниму именно вас. Я напишу вам, когда буду близок к прибытию в Одессу, и я льщу себя надеждой, что вы пожелаете встретить меня, после чего мы сможем вместе совершить несколько поездок по стране. Уверю вас, я еще в состоянии ездить верхом, и у меня даже есть несколько прекрасных лошадей, на которых я часто и с удовольствием езжу. Будьте уверены, мой дражайший друг, что мне доставит очень большое удовольствие вас увидеть [Lettres d'Odessa, p. 160].

Но этой мечте не суждено было сбыться. 17 мая 1822 г. герцог Ришелье скончался в возрасте 55 лет от апоплексического удара, к великой печали Александра I, понимавшего, сколь велика потеря: в лице Ришелье умер верный слуга как Российской империи, так и Франции, а также посредник между двумя странами.

Список литературы

- Рэй М.-П.* Александр I. М. : РОССПЭН, 2013. 496 с.
Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже. М. : РОССПЭН, 2017. 247 с.
 Сборник Императорского Русского исторического общества : в 148 т. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1867–1916. Т. 54. 1886. XXX + 669 с.
 Lettres d'Odessa du duc de Richelieu (1803–1814) / eds. par E. Polevchtchikova, D Triaire. Ferney-Voltaire : CIEDS, 2014. 296 p.
Rimbaud A. Le Duc de Richelieu en Russie et en France // Rev. des Deux Monde. 1887. Т. 84. P. 618–662.
Rey M.-P. Alexandre Ier et Talleyrand de Tilsit au Congrès de Vienne, retour sur une relation complexe // 200ème anniversaire du congrès de Vienne : Talleyrand l'indispensable, actes du colloque des 8 et 9 juin 2015, Hôtel de Talleyrand, Paris. Paris : Publ. de l'Ass. Les Amis de Talleyrand, 2015. P. 125–137.
Waresquiel E. de, Yvert B. Histoire de la Restauration, 1814–1830 : Naissance de la France moderne. Paris : Perrin ; Tempus, 2002. 512 p.
Waresquiel E. de. Le duc de Richelieu, 1766–1822. Paris : Perrin, 1999. 498 p.

References

- Rey, M.-P. (2013). *Aleksandr I* [Alexander I]. Moscow, ROSSPEN. 496 p.
- Rey, M.-P. (2017). *1814. Car v Parizhe* [The Tsar in Paris]. Moscow, ROSSPEN. 247 p.
- SIRIO* [Collection of Imperial Russian Historical Society]. (1886). Vol. 54. St Petersburg, Typografiya I. N. Skorokhodova. XXX + 669 p.
- Polevchtchikova, E., Triaire, D. (Eds.) (2014). *Lettres d'Odessa du duc de Richelieu (1803–1814)*. Ferney-Voltaire, CIEDS. 296 p.
- Rambaud, A. (1887). Le Duc de Richelieu en Russie et en France. In *Revue des Deux Monde*. T. 84, pp. 618–662.
- Rey, M.-P. (2015). Alexandre Ier et Talleyrand de Tilsit au Congrès de Vienne, retour sur une relation complexe. In *200ème anniversaire du congrès de Vienne: Talleyrand l'indispensable, actes du colloque des 8 et 9 juin 2015, Hôtel de Talleyrand, Paris*. Paris, Publ. de l'Ass. Les Amis de Talleyrand, pp. 125–137.
- Waresquiel, E. de, Yvert, B. (2002). *Histoire de la Restauration, 1814–1830. Naissance de la France moderne*. Paris, Perrin, Tempus. 512 p.
- Waresquiel, E. de. (1999). *Le duc de Richelieu, 1766–1822*. Paris, Perrin. 498 p.

The article was submitted on 11.09.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.349

УДК 930.2:003.074+94(470)"17"+929Екатерина(470)*2+82-6

**РУССКИЕ И РОССИЯ
В ПЕРЕПИСКЕ ВАЛЕНТИНА ЖАМРЕ-ДЮВАЛЯ
И АНАСТАСИИ СОКОЛОВОЙ (1762–1774)***

Ангелина Вачева

Софийский университет им. Св. Климента Охридского,
София, Болгария

**THE RUSSIANS AND RUSSIA IN THE CORRESPONDENCE
BETWEEN VALENTIN JAMERAI-DUVAL
AND ANASTASIA SOKOLOVA (1762–1774)****

Angelina Vacheva

Sofia University “St Kliment Ohridski”,
Sofia, Bulgaria

This article considers the images of Russian people in the correspondence (1762–1774) between Valentin Jamerai-Duval, a French self-taught philosopher in Austrian service, and Anastasia Sokolova (De Ribas), a maid of the bedchamber at Catherine II's court. The publication of 126 letters, carried out in 1784 by the well-known Russian diplomat F. A. Koch, was an important political project aimed at popularising Russia's achievements during the first period of Catherine II's reign among a Western European audience. The letters contain detailed factual information on the history, culture, geography, and domestic and foreign policy of the Russian Empire, as well as its economy and religious life. The correspondents focus on the reform activities of Catherine II and the events of the Russo-Turkish War of 1768–1774. Images of numerous highly educated Russians favourably complement the positive image of the country, overcoming the usual stereotypes. Thus, the publication of Duval and Sokolova's correspondence fits into the new trend for understanding the image of Russia in Western Europe

* Статья подготовлена в рамках межуниверситетского договора о научном сотрудничестве Софийского университета им. Св. Климента Охридского и Саарского университета (Германия). Участники проекта – доктор, профессор Х.-Ю. Люзебринк и доктор, профессор А. Вачева.

** *Citation:* Vacheva, A. (2018). The Russians and Russia in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova (1762–1774). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

Цитирование: Vacheva A. The Russians and Russia in the Correspondence between Valentin Jamerai-Duval and Anastasia Sokolova (1762–1774) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349 / Вачева А. Русские и Россия в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой (1762–1774) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

that developed in an academic context between the 1770s and 1780s. At the same time, the publication of letters from both correspondents, resembling in their content the correspondence between Catherine II and Voltaire, was meant to prepare readers for the forthcoming publication of the latter correspondence and prevent the negative consequences for the empress.

Keywords: private correspondence; 18th-century Russia; Valentin Jamerai-Duval; Anastasia Sokolova (de Ribas); Catherine II; image of Russia.

Рассмотрены образы русских людей в переписке 1762–1774 гг. французского философа-автодидакта на австрийской службе Валентина Жамре-Дюваля и камер-юнгферы Екатерины II Анастасии Соколовой (де Рибас). Издание 126 писем, осуществленное в 1784 г. известным русским дипломатом Ф.-А. Кохом, было важным политическим проектом, рассчитанным на западноевропейскую аудиторию с целью популяризировать достижения России во время первого периода правления Екатерины II. В корреспонденции представлена богатейшая фактология по истории и культуре, географии, внутренней и внешней политике Российской империи, экономике, религиозной жизни и пр. В фокусе внимания корреспондентов находится реформаторская деятельность Екатерины II, а также события Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Образы многочисленных высокообразованных русских выгодно дополняют позитивный образ страны, преодолевая привычные стереотипы. Публикация переписки Дюваля и Соколовой укладывается в новую тенденцию осмысления образа России в Западной Европе, сложившуюся в 70–80-е гг. XVIII в. в академическом контексте. В то же время появление в печати писем обоих корреспондентов, которые по содержанию напоминают переписку Екатерины II и Вольтера, должно было подготовить читателей к ее ожидаемой публикации и предотвратить негативные последствия для императрицы.

Ключевые слова: личная переписка; Россия в XVIII в.; Валентин Жамре-Дюваль; Анастасия Соколова (де Рибас); Екатерина II; образ России.

Продолжавшаяся на протяжении 13 лет (1762–1774) переписка французского философа-автодидакта Валентина Жамре-Дюваля (1695–1775) и камер-юнгферы Екатерины II Анастасии Соколовой, в замужестве де Рибас¹ (1741–1822), не была предметом широкого научного освещения. По причине малоизвестности комментируемого текста позволим себе некоторые сведения о нем и об обоих корреспондентах.

Дюваль происходил из семьи крестьянина-тележника. Он очень рано остался сиротой, а в 14 лет покинул родной дом. Юноша чуть не погиб в морозную зиму 1709 г. От верной смерти его спасли лотарингские монахи, к которым он нанялся пастухом. Монахи обучили его грамоте, и Валентин часто брал с собой в поле книги и географические карты, которые были другой его страстью. Случайно это привлекло внимание барона из свиты лотарингского герцога Леопольда, и он добился

¹ В русских исторических источниках встречается также вариант написания фамилии Дерибас. – *Прим. ред.*

Неизвестный художник.
Портрет В. Жамре-Дюваля. XVIII в.
Unknown artist. Portrait
of V. Jamerai-Duval. XVIII century

того, чтобы герцог послал молодого человека учиться в университет Понта-Муссона. После окончания учебы вельможа принял бывшего пастуха на службу в качестве библиотекаря. Дюваль служил как при нем, так и при его сыне Франце (Франсуа). После брака последнего с Марией-Терезией и обмена Лотарингии на Тоскану между Францией и Австрийской империей (1737) Дюваль последовал за своими благодетелями в Италию и Австрию. С 1748 г. он перебрался в Вену. При австрийском дворе Дюваль служил библиотекарем и нумизматом, ответственным за коллекцию медалей и монет австрийского императора. Несколько раз ему предлагали статус дворянина, но, гордый своим плебейским происхождением, философ каждый раз отказывался. В своих сочинениях он был всегда довольно критически настроен по отношению к сильным мира сего. Дюваль умер в Вене в ноябре 1775 г., так и не обзаведясь собственной семьей. Он вел очень скромную жизнь, а свое хорошее жалованье почти целиком тратил на благотворительность и на покупку книг.

В начале 1762 г. в театре в Вене Дюваль познакомился с 20-летней Анастасией Соколовой, сопровождавшей своего побочного отца, выдающегося деятеля Екатерининской эпохи Ивана Ивановича Бецкого по пути домой, в Россию, куда его вызвал после 15-летнего отсутствия новый император Петр III. Между пожилым философом и Соколовой завязалась переписка, продолжившаяся 13 лет до последнего года жизни Дюваля. Корреспонденция была впервые опубликована в оригинале на французском языке вместе с другими мемуарными и философскими текстами Дюваля в двухтомнике его работ 1784 г., изданном в Страсбурге русским дипломатом, уроженцем этого города Фридрихом Альбертом (Фредериком-Альбером) Кохом, известным также под своим русским именем Федор Иванович [Duval]. Переписка насчитывает 126 писем, оригиналы не сохранились. Ее издание окутано ореолом тайны, и за ним, по всей видимости, стояла серьезная политическая игра. Оформление двухтомника, посвященного Екатерине II, на титуле которого как место издания отмечен Санкт-Петербург, сильно отличается от оформления русских книг того времени и следует западноевропейскому образцу². Много писем явно было потеряно еще в то время, и этот факт отмечается издателем. Нет

² В «Сводном каталоге книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке» (Л., 1984, т. 1) нет данных о подобном издании.

их перевода на русский язык, в России же переписка издавалась лишь отрывочно. До конца XVIII столетия и в XIX в. письма Дюваля и А. Соколовой публиковались несколько раз на французском и немецком языках и были известны также в России, о чем сохранились документальные свидетельства³. В конце 1916 г. известный русский нумизмат и меценат С. Н. Кознаков опубликовал в научно-популярном журнале «Старые годы» обширное исследование о переписке Дюваля и Соколовой и лишь ее письма на французском языке [Кознаков]. Смутное время революций 1917 г. и последующие события никак не способствовали читательскому интересу, и теперь переписка известна лишь узкому кругу исследователей.

С. Торелли. Портрет
А. И. Соколовой (де Рибас). 1770/1775

S. Torelli. Portrait
of A. I. Sokolova (de Ribas). 1770/1775

Большинство писем Дюваля значительны по объему. В них он развивает определенные философские идеи. Анастасия также иногда довольно пространно объясняет собеседнику реалии русского быта, исторические факты, новости культурной жизни. Большая же часть ее писем отличается лаконичностью. Они явно подвергались как автоцензуре, так и сокращениям при публикации.

Помимо неизбежных светских любезностей и шуток, которыми обмениваются оба корреспондента, в письмах идет речь главным образом о разных сторонах русской жизни. Нет сферы, которая бы осталась незатронутой. Любопытный Дюваль интересуется буквально всем – нравами и обычаями, состоянием семьи, отношениями между господами и крепостными, кухней, модой, одеждой различных сословий, особенностями русских городов, природой, и т. д., и т. п. Иногда он так засыпает собеседницу вопросами, что она вынуждена воскликнуть в одном из писем: «Ваши последние два письма заставили меня потерять дар речи. Разве можно быть столь любопытным?» [Duval, t. 2, p. 136]⁴. Анастасия регулярно посылала своему другу монеты разных периодов истории русского государства, медали, отчеканенные по поводу разнообразных событий. Географические карты и гравюры известных исторических лиц или иллюстрации к праздникам, фейерверкам, коронационным торжествам и подобным публичным зрелищам Соколова отправляла Дювалю при каждом удобном случае. Отправка очередной посылки была поводом обсудить разно-

³ О западноевропейских изданиях переписки см.: [Lüsebrink].

⁴ Здесь и далее перевод цитат из корреспонденции мой. – А. В.

образные исторические факты и обстоятельства, современные бытовые и политические реалии.

В центре внимания философа – активная реформаторская деятельность Екатерины II первого десятилетия ее правления. «Деревенский философ»⁵ интересуется буквально каждым нововведением «Северной Минервы» Екатерины II и следит с затаенным дыханием за каждым событием, подтверждающим ее статус просвещенной монархини. Начав с расспросов о географических особенностях, о монетах и медалях, связанных с историческими личностями, о религиозных обычаях и культурной жизни страны (например, есть ли в стране театры), Дюваль постепенно переходит к обстоятельным расспросам о современных событиях. Надо отметить, что благодаря своим знакомствам со многими русскими и с людьми, по долгу своей службы бывавшими в России или жившими там, философ был очень хорошо осведомлен о происходящем в Северной империи. Он, хотя и не знал русского языка, читал (или ему переводили) о России все, что попадалось ему под руку, и благодаря своим разносторонним интересам имел относительно полное представление о прошлом и настоящем страны. В переписке создается идеализированный образ России, созвучный с идеями и иллюзиями европейского Просвещения⁶. Частью этого образа стали представления «деревенского философа» о русских, сформировавшиеся на основе информации, почерпнутой из книг и устных рассказов его знакомых, а также на основе впечатлений от общения с представителями русской элиты.

Интерес Жамре-Дюваля к России возник, судя по его письмам, еще в начале 20-х гг. XVIII в. Очевидно, вскоре после смерти Петра I он пишет своему другу, лакею при австрийском дворе:

Я перехожу к более серьезной материи, которая очень меня занимает. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы могли подробнее описать теперешнее состояние Московии, которую вы знаете гораздо лучше, чем я. Встречаете ли вы москвитов при вашем дворе? Как они одеваются? Все еще ли они подвержены скифской дикости [férocité]? Продолжают ли у них развиваться науки?

И тут же он просит друга помочь ему достать монеты царствования «усопшего царя и царствующей теперь императрицы», имея в виду Петра I и Екатерину I [Courbet, 2011, p. 127].

В начале переписки Жамре-Дюваль проявляет живой интерес преимущественно к обычаям и религиозной жизни незнакомой страны. Он не довольствуется стереотипными представлениями о России и русских и требует у своей корреспондентки уточнить детали того,

⁵ «Philosophe champêtre» – одно из шуточных прозвищ Дюваля в переписке, которое дает себе он сам ввиду своего крестьянского происхождения.

⁶ Об образе России в переписке и об обстоятельствах ее публикации как важного политического проекта Екатерины II см.: [Вачева, 2017].

что он уже знает понаслышке или из книг: действительно ли так строг и длителен посты, каким святым кланяются православные, какие молитвы они читают. Он просит А. Соколову прислать ему «Часослов», чтобы собственными глазами ознакомиться с ними. Рациональный ум Дюваля отказывается принимать и понимать продолжительные православные посты. По его мнению, они излишне ослабляют здоровье людей и не являются выражением истинной веры в Бога, который нигде не упоминает о необходимости такого сурового испытания человеческой воли. Длительные и частые посты для него – средство манипуляции прихожанами, скорее своего рода суеверие, над которым он нередко подшучивает в своих посланиях. С другой стороны, собеседник мадмуазель Анастасии приятно удивлен, что православные почитают тех же святых, что и французы, и особенно святого Николая. С точки зрения рациональных просветительских норм Жамре-Дюваль судит и о раскольниках, быт и верования которых сильно заинтересовали его.

Другие распространенные стереотипы «варварства» русских, которые вызывают критическую оценку философа, – телесные наказания и разврат, пережитки старых традиций, которые унижают достоинство женщин, разрушают нравственность и таким образом ослабляют страну. Дюваль обращается с вопросом, существует ли все еще ужасающее наказание батогами («tapage»), которое описано в деталях аббатом Шаппом д'Отроша в «Путешествии в Сибирь по приказу короля в 1761 г.» (1768), тем более что от своих русских друзей он слышал, что оно сохранилось и на Украине [Duval, t. 2, p. 114]. В этой связи философ приветствует просвещенную политику Екатерины II, основанную на естественном праве, намерение императрицы отменить смертную казнь, процесс и суровое наказание Салтычихи за зверства над ее крепостными. Семейные отношения интересуют Дюваля в связи с вопросами религии и общечеловеческой нравственности. Повод ему подает также прочитанное у аббата Шаппа д'Отроша о глубоко развратном поведении русских до брака и в браке, об их распущенности. Самое сильное впечатление на него производит критика семейных отношений раскольников в трактате святого Димитрия Ростовского «Розыск о раскольнической брынской вере»⁷. «Галантное общество господ раскольников» является предметом частых комментариев в письмах философа. В переписке их семейные отношения (заключение браков без венчания, свободное сожителство мужчин и женщин, создающее возможности для развращения молодых девушек) представлены как экзотические странности глубоко невежественных людей, сектантов и маргиналов, живущих по старинке вне цивилизованного русского общества. Преодоление традиционных «варварских» практик Жамре-Дюваль рассматривает как залог модернизации страны.

⁷ Любопытно, что Дюваль получает книгу, ставшую к этому времени большой редкостью, прямо с письменного стола русской императрицы, которая, узнав, что А. Соколова нигде не может найти экземпляр, отдает свой. Конечно, этот щедрый царский жест стал своеобразной рекламой личности Екатерины II.

Позже, в годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., собеседник Анастасии восхищается храбростью и воинскими успехами «своих друзей русских», которые выступают как защитники слабых и угнетенных, а также защитники европейской цивилизации, поставившие себе целью освобождение ее колыбели. Впрочем, в письмах этого периода отсутствует подчеркнутый религиозный контекст борьбы христиан с мусульманами, столь характерный для манифестов и лирики того времени⁸, а противоборство двух империй интерпретируется именно как борьба просвещения с варварством, подчеркивается терпимость российского престола по отношению к представителям других религий. В годы войны русские воины демонстрируют важный аспект своего поведения, который в очередной раз доказывает высшую степень цивилизованности, достигнутой их отечеством. Они смелые защитники женщин, уважающие их достоинство и независимость, в отличие от османов, которые в силу своей непросвещенности смотрят на них лишь как на рабынь, предназначенных удовлетворять их сластолюбие. Эта тема, столь характерная также для переписки Екатерины II и Вольтера, поддерживает типичный для русской политики того времени ориентализирующий дискурс по отношению к Османской империи и подчеркивает принадлежность России к обществу цивилизованных европейских стран⁹. Наряду с подробными «сводками» военных действий на суше и на море, которыми изобилуют письма периода войны, и энтузиазмом по поводу русских побед, эти детали показывают, что «русские умеют не только жечь крепости бомбами и пушечными ядрами»¹⁰ [Duval, t. 2, p. 119]. Дюваль старается реалистически смотреть на перспективы России, опровергая выпады многих ее недругов, каким был аббат Шапп д'Отрош. Надо отметить, что «деревенский философ», будучи убежденным русофилом, все же не спешил подключиться к дружному хору противников ученого аббата, изложенных в его «Путешествии в Сибирь». Искренний почитатель России и политики Екатерины II, он все-таки находит справедливыми многие замечания Шаппа д'Отроша, в основном в описании проявлений невежества, предрассудков, «варварских» традиций как среди населения, так и среди духовенства и дворянства. Подобные факты интерпретируются им скорее как пережитки прошлого, которые постепенно преодолеваются и истребляются заботами Северной Минервы.

С болью вижу, что совсем не без причины аббат Шапп осмелился критиковать глубокое невежество ваших монахов и легковверные суеверия ваших народов. Дай Бог, чтобы законы августейшей Фемиды в скором времени могли их рассеять,

⁸ О проблематике и образности русской поэзии времени Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. см.: [Vacheva; Klein; Клейн].

⁹ О параллели между корреспонденциями Екатерины II и Вольтера и В. Жамре-Дюваля и А. Соколовой см.: [Вачева, 2018a].

¹⁰ Очередное опровержение аббата Шаппа д'Отроша.

– пишет философ вскоре после чумной эпидемии 1771 г. в Москве [Duval, t. 2, p. 191]. Корреспондент А. Соколовой склонен заочно спорить с ученым аббатом и радуется каждой возможности опровергнуть его клеветнические утверждения насчет настоящего и будущего России:

Верю, что если бы аббат Шапп был еще жив, он бы с удивлением узнал, с каким мужеством августейшая самодержица опровергла все его предсказания, которые он осмелился изречь, что Россия не будет в состоянии покрыть расходы двух кампаний, не исчерпав все свои ресурсы [Duval, t. 2, p. 123].

Акцент на образах просвещенных русских присутствует на протяжении всей переписки. По долгу своей службы в качестве библиотекаря и хранителя нумизматических коллекций императора Священной Римской империи Дюваль ежедневно встречался с представителями разных наций. Многие визитеры пользовались случаем не только познакомиться с образцовыми собраниями, но и побеседовать с философом-самоучкой, который производил впечатление не только своей начитанностью и богатейшими знаниями, но также своими независимыми суждениями и оригинальностью мышления. В первую очередь частыми собеседниками Дюваля были русские дипломаты и служители русского посольства в Вене. Они же были и наиболее частыми посредниками в общении обоих корреспондентов, постоянно передавая письма и посылки между австрийской и русской столицами. Посол князь Д. М. Голицын, известный своей благотворительной деятельностью и просвещенностью, удостоился в письмах «деревенского философа» устойчивого эпитета «прославленный князь Димитрий» («illustre prince Dimitry»). Не только посол, но и его подчиненные были частыми гостями Дюваля. На страницах писем то и дело мелькают имена молодых друзей хранителя медалей, производящих впечатление своей начитанностью и широкой осведомленностью. Первый из них – предположительно Иван Васильевич Миловский, будущий секретарь Алексея Орлова, участник Чесменской битвы, комендант Лесбоса¹¹. Второй – выдающийся сербский просветитель Павел Юлинец (Павле Юлинац), перешедший на русскую службу, переводчик «Велизария» Мармонтеля на сербский язык, автор первой систематической истории сербского народа¹².

Среди русских посетителей Императорского кабинета медалей был И. И. Шувалов. Дюваль пишет Анастасии 25 октября 1762 г.:

Думаю, что, если бы все русские вельможи были как он, они бы путешествовали только по той причине, чтобы преподавать уроки скромности, приветливости и вежливости великим мира сего других наций [Duval, t. 1, p. 158].

¹¹ Благодарю Е. Б. Смилянскую за помощь в установлении личности этого персонажа.

¹² См. о нем: [Костяшов].

Другой посетитель, который высоко оценил сокровища, хранимые философом, – граф К. Г. Разумовский. Дюваль пишет мадмуазель Анастасии:

Бывший гетман казаков, импозантный и респектабельный г-н Разумовский, также часами рассматривал любопытные предметы, которые, думаю, редко можно увидеть на Украине, но, которые когда-то могут стать общими, если высокие замыслы мудрости, которая управляет Россией, сбудутся [Duval, t. 1, p. 202].

Среди русских гостей Дюваля, которые произвели на него глубокое впечатление, были молодой поэт князь Ф. И. Козловский, о геройской гибели которого на войне он будет искренне тужить¹³, и только что освобожденный из стамбульского Семибашенного замка выдающийся дипломат П. А. Левашов, мужественно отстоявший вместе с послом А. И. Обресковым интересы России.

Следует особо отметить посещения кабинета медалей прекрасными молодыми дамами, вызвавшими, как и Анастасия Соколова, восхищение венского двора (и, конечно, Жамре Дюваля) не только своей красотой, но также глубокой начитанностью, интересами, элегантностью, любезным обращением. Это графиня Е. П. Шувалова, супруга известного поэта и друга Вольтера графа А. П. Шувалова, и графиня А. М. Строганова, урожденная Воронцова, о чьей безвременной кончине Дюваль также будет искренне жалеть¹⁴. В письме от 22 апреля 1766 г. философ описывает визит «восхитительной дамы из вашей страны», которая «после того как осмотрела все, что является величайшей редкостью и вызывает любопытство в остальной части Европы, вчера посетила императорский кабинет [медалей]» [Ibid., t. 1, p. 184–185]. Философ продолжает в галантном духе:

Я верю, что чуть ли не все прелестные Биби¹⁵ вашей страны являются дочерьми солнца и, следуя его примеру, они готовы разъезжать по миру с единственной целью согреть сердца и просветлять умы.

Дюваль использует распространенное представление о красоте русских женщин:

¹³ После Вены Ф. И. Козловский побывал в Фернее и имел там возможность беседовать с Вольтером, которому он отвез французское издание «Наказа» [Voltaire – Catherine II, p. 77].

¹⁴ Обе дамы были сверстницами, и их личности перепутались в сознании Дюваля, который в письме от 4 апреля 1769 г. оплакивает смерть «восхитительной г-жи Шуваловой» [Duval, t. 1, p. 319]. Благодарю Марию Петрову за разгадку этого обстоятельства.

¹⁵ Шуточное прозвище, которое Дюваль дает всем женщинам, не только корреспондентке, но также императрицам Екатерине II и Марии-Терезии, святым и пр.

Его превосходительство князь Голицын подарил мне эстампы с изображениями его восхитительной покойной супруги и вашей благодетельницы¹⁶ и его превосходительства генерала Бецкого, вашего покровителя и благодетеля. Я счастлив их приобрести. Считайте, что, если бы я был гравером, ваш и графини Шуваловой [портреты] были бы моими шедеврами [Ibid.].

Через месяц Дюваль опять возвращается к воспоминаниям о прекрасной графине, но подчеркивает, что та, помимо красоты, обладает сильной и чувствительной душой – сочетание, «характерное для русского климата» [Ibid., p. 188]. В дальнейшем этот взгляд проявится в письмах периода Русско-турецкой войны, но там он будет сопряжен с мотивом храбрости и патриотизма российских женщин (русских, украинок, грузинок, мингрелянок, черкешенок), которые не склонны мириться с положением рабынь в турецких сералях. В галантном диалоге обоих собеседников выразительницей этих настроений должна стать мадмуазель Анастасия, которая делается фавориткой султана лишь из-за того, чтобы дать свободу всем заключенным в сералях одалискам.

На фоне позитивных портретов русских людей в переписке встречаются и хорошо знакомые по сатирической литературе того времени персонажи. В одном из писем Дюваль вспоминает о типичном русском петиметре, поверхностном, демонстрирующем на каждом шагу свое превосходство:

Несколько лет тому назад я видел здесь одного молодого и красиво-го русского господина, очень похожего на создания с человеческим лицом, которых именуют петиметрами. Я увидел еще по свободному выражению его лица, любезностям, интонациям и быстроте его речи, что он приехал из Парижа. За несколько минут он пробежался по внушительным коллекциям Императорского кабинета медалей. Он так перескакивал от одного шкафа к другому, что я успевал лишь их открывать и закрывать. Мне казалось, что я вижу мотылька, порхающего с цветка на цветок, нигде не останавливающегося. Мы с ним образовали небольшой вихрь, на который забавно было смотреть. Взамен я имел несказанное удовольствие созерцать, как восхитительная Биби, которую вы знаете, на протяжении почти трех часов, утомляя свои прекрасные глазки, рассматривала разнообразные памятники нашего собрания. Я был бы счастлив, если бы ее изображение украсило его [Ibid., p. 201–202].

Это единственный отрицательный пример, и он отнесен не к настоящему, а к прошлому. К тому же он сразу же сглажен рассказом

¹⁶ Княгиня Екатерина-Смарагда Дмитриевна Голицына, урожденная Кантемир, дочь Дмитрия Кантемира от его второго брака с А. И. Трубецкой (побочной сестрой Бецкого), сестра знаменитого поэта Антиоха Кантемира, супруга князя Д. М. Голицына. Она взяла на себя заботы о воспитании маленькой А. Соколовой.

о молодой, красивой и просвещенной даме и о гетмане Разумовском, о котором речь шла выше.

Многочисленные позитивные образы русских, однако, могут быть лишь фоном. На нем в переписке выступают два персонажа, которые могут рассматриваться (а в действительности и были для многих иностранцев, оказавшихся в российской столице) как своеобразные лица страны. Во-первых, это крупный деятель Екатерининской эпохи, своего рода министр культуры Екатерины II И. И. Бецкой, побочный отец А. Соколовой. Перед читателем писем раскрывается его кипучая деятельность – устройство Воспитательного дома и Смольного института благородных девиц, поддержка Академии художеств, руководство изготовлением планов, гравюр, печатных изданий, вечные разъезды по Европе и России и популяризация успехов страны. Один из проектов, разработанных под патронажем Бецкой, который часто становится объектом комментария в письмах, – работа над памятником Петру I, будущим «Медным всадником» (приглашение Фальконе и Мари Колло, транспортировка Гром-камня¹⁷ и пр.). И. И. Бецкой представлен как авторитетный, справедливый и преданный своему делу образцовый вельможа, который без усталости трудится на благо своего отечества, весьма заслуженно получает признание своих современников и удостоивается памятной медали. Это по-классицистически идеализированный образ Бецкого, конечно, не предполагает описания его реального поведения царедворца, в котором присутствовали и черты барской спеси, и сервильность.

Может быть, наиболее ярким в переписке является образ самой А. Соколовой. «В предпринятом им “энциклопедическом” изучении незнакомой ему страны большинством своих сведений о России, русском искусстве и искусстве или, вернее, правильным представлением о них в этот период их расцвета Дюваль обязан был всецело Соколовой, которой нельзя отказать в большой доле участия в деле популяризации за границей славных деяний Екатерининского царствования. В случайно выпавшей на ее долю роли, как бы нарочно подготовленная к ней своим умом, образованием и жизнью за границей, Анастасия Ивановна Соколова в переписке с Дювалем является как бы пособницей Екатерины в том “незаметном” рекламировании ее действий, которым не брезгала сама императрица в своих сношениях с Вольтером, Дидро и главным образом “козлом отпущения” Гриммом», – пишет С. Н. Кознаков в единственном русском дореволюционном исследовании, посвященном рассматриваемому тексту [Кознаков, с. 28]. За будущей госпожой де Рибас закрепилась противоречивая слава. В зависимости от того, как относился к ней мемуарист, оставивший воспоминание о ней, оценки колеблются из крайности в крайность. Ее недруги А. Р. Воронцов и шевадье де Корберон видят в ней выскочку, принижают даже ее придворный статус, закрывая гла-

¹⁷ В качестве сувениров Анастасия посылает собеседнику обработанные отломки камня, небольшие скульптурные изделия из них и пр.

за на довольно высокое положение камер-юнгферы при дворе, и объявляют ее бывшей горничной сначала княгини Голицыной, а потом и императрицы, приписывая ей низкие моральные качества [Воронцов, с. 282; Corberon, t. 1, p. 281–282, t. 2, p. 143]. Побочный сын Екатерины II Алексей Бобринский, находившийся на попечении семьи де Рибас во время своего обучения в Кадетском корпусе, также оставил о ней противоречивые отзывы: «Рибасша» – «добрейшая женщина», которая, однако, может впасть в бешенство [Бобринский, с. 120]. Г. Ржевская свидетельствовала: «Г-жа Рибас – фурия, дьявол воплощенный, заклятый враг, отравила мое чистосердечие» [Ржевская, с. 51]. С другой стороны, положительных отзывов о нашей героине не меньше, хотя многие из мемуаристов имеют к ней амбивалентное отношение, отмечая некоторые ее слабости. Саксонский дипломат Г. фон Гельбиг определял ее так: «Она была умнейшей, образованнейшей и прекраснейшей женщиной всего двора» [Гельбиг, с. 225]. Ф. Миранда радуется радушному приему у Бецкого и Анастасии де Рибас, отмечает вкус хозяйки и «удивительный висячий сад» в доме, ее интересную беседу (особенно рассказы о Дидро), то, что «в их обществе я многому учусь и особенно приятно провожу время» [Миранда, с. 270]. В то же время путешественник отмечает, что Анастасия «всегда готова посплетничать» [Там же]. Английский посол Дж. Харрис отмечал ее «большую уверенность, хитрость и знание всех петербургских сплетен, что делало ее разговор интересным» [Гаррис, с. 763]. К. Валишевский приводит сходное мнение французского генерала Ланжерона: «Эта женщина, хорошенькая, остроумная и пронырливая, соединяла обычное нахальство выскочки с обыкновенным лукавством придворной» [Валишевский, с. 35]. Многие иностранцы, оказавшиеся в России, часто обращались к госпоже де Рибас за помощью, надеясь на ее близость к императрице и на ее доброе сердце. Ш. Массон рассказывает любопытный случай, когда сын барона Билиштейна, приехавший в поисках своего отца и находившийся в крайне трудном положении, решил попросить ее о помощи, убежденный после прочтения «Жизни Жамре Дюваля и его переписки с mlle Соколовой» в том, что у нее доброе сердце: «Когда он случайно прочитал одно из ее прекрасных писем к Дювалю, это вывело его из отчаяния, так как он подумал, что дама, столь изысканно выражающая чувства благотворения и человеколюбия, имеет их и в своем сердце» [Массон, с. 87]. Обращались за заступничеством к госпоже де Рибас и питомцы Воспитательного дома, жалуясь на злоупотребления отведенными на их содержание средствами [Лавринович, с. 266, 278].

А. Соколова произвела впечатление на Дюваля своим живым характером, красотой, высокой культурой, которые заметно отличали ее от других дам. Ее непосредливость и энергичность вошли в пословицу. Екатерина II писала мадам Жоффрен, хорошо знавшей молодую девушку: «...обычный туалет мой не продолжительнее серьезности Настасьи» [Екатерина II, с. 259]. Сама Соколова подробно указала

в письме к Дювалю на это свое качество, описывая муки Фальконе и Мари Колло, которые они испытывали, пытаясь заставить ее посидеть неподвижно, чтобы слепить с нее портрет:

Фальконе только что приехал в наш город; наша государыня вызвала его, чтобы он сделал статую Петра Великого. С ним его родственница, 18 лет, очень милая, она настоящий феномен, так как неизвестно, чтобы кто-нибудь нашего пола занимался когда-то скульптурой. Они должны были начать с моего бюста, и то, что им казалось труднее всего и они много раз обсуждали, – как заставить меня сидеть смиренно по причине моей живости [Duval, t. 1, p. 191].

Анастасия славилась своим искусством забавлять гостей, но делала это по-своему, «говоря им в лицо чистую правду, что они принимали за проницательность (*finesse*)» [Ibid., t. 2, p. 105]. Сам Дюваль еще в начале переписки находит свою новую знакомую «очень достойной посмотреть эту внушительную коллекцию разнообразных памятников современной истории» [Ibid., t. 1, p. 124].

Анастасия Соколова – достойный собеседник философа. Несмотря на то, что ее ответы большей частью урезаны, можно убедиться в обширности ее знаний и интересов. Показательно также то, как быстро она ориентируется в том, как раздобыть требуемые корреспондентом научные книги, как сама находит и посылает ему новейшие научные публикации, политические документы, гравюры, эстампы, партитуры арий из опер и пр.; то, как она умело подбирает удачные подарки, которые негласно демонстрируют венским жителям экзотику, но также ключевое местоположение и возможности российской экономики, и делают Россию доступной, близкой (см.: [Вачева, 20186]). Будучи воспитанницей прославленной французской драматической актрисы мадмуазель Клерон, Соколова славилась знанием многих произведений Вольтера. Круг ее литературных познаний чрезвычайно широк: корреспондент рассчитывает на ее понимание, приводя многочисленные цитаты из Мольера, Буало, Лафонтена, Лесажа, Лабрюйера, мадам де Севинье, Монтескье. В круг ее чтения входят древние авторы (Анакреон, Тибулл, Овидий, Плиний и Цицерон, но также Плутарх, Иосиф Флавий, Виктор Аурелий), современная французская проза, стихи Мильтона и Грессе, аббата Койе, Геснера, Цахарие и т. д. Камер-юнгфера читает «Энциклопедию», «Наказ», «Путешествие в Сибирь» аббата Шаппа д'Отроша, анонимно напечатанный «Антидот» ее повелительницы и высказывает о них свои критические суждения. Таким образом, заслуга А. Соколовой состояла не только в «рекламе» достижений русской культуры. Сама она была великолепным примером красивой, но при этом блестяще образованной и космополитично настроенной русской дворянки, которая со вкусом и тактом представляла свою страну.

Переписка Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой увидела свет в сложной ситуации на международной политической сцене. В Европе начала 80-х гг. XVIII в. изобиловали негативные и даже враждебные по отношению к России и персонально к Екатерине II сочинения (см.: [Stroev, p. 415–434]). Основанные на стереотипах, они утверждали отрицательный образ страны и препятствовали возраставшему влиянию России в Европе, что шло вразрез с целями «философа на российском троне».

После смерти Вольтера в конце мая 1778 г. Екатерина II особенно боялась публикации своих писем фернейскому философу. Она была крайне раздосадована, когда узнала, что переговоры об этом с издателями и с племянницей и наследницей философа мадам Дени ведет «Фигаро» – П.-О. Бомарше, который в конце концов и осуществил это издание в 1787 г. (см.: [Voltaire – Catherine II, p. 20–21]). Думается, что публикацией писем Дюваля и Соколовой императрица и ее придворный стремились опередить Бомарше, адресовав это издание просвещенной европейской публике и создав на его основании исключительно положительный образ России и самой Северной Минервы, то есть подтвердив основные послания Вольтера. Безупречная репутация скромного Дюваля, уважение к нему людей всех рангов и званий, представителей различных стран, богатая фактология писем, дающая представление о достижениях России в самых разных областях науки, искусств, социальных, этнических и религиозных отношений, были на руку императрице. Исчезнувшие оригиналы оставляли всего лишь одну-единственную версию фактов, которая как нельзя лучше соответствовала сценариям екатерининского царствования. Таинственная и запутанная история издания творений Дюваля, выбор тем, обсуждаемых в переписке, акцент на позитивных сюжетах и исключение неблагоприятных моментов говорят о том, что это было тщательно подготовленное издание, рассчитанное на западноевропейского читателя. Косвенно о том, что цель была достигнута, говорит факт, что вторая часть предпринятого Кохом издания произведений Дюваля осуществлена не была¹⁸.

С другой стороны, образ России, созданный в переписке В. Жамре-Дюваля и А. Соколовой, укладывался в новую тенденцию осмысления места и роли страны на Европейском континенте, которая складывалась прежде всего в научных исследованиях и в академическом преподавании того времени. Это позитивный контекст вос-

¹⁸ Издатель переписки Кох заявил в предисловии к двухтомнику работ Дюваля, что если он будет иметь успех, он издаст остальную часть наследия «деревенского философа» – его впечатляющий труд по нумизматике, небольшой философский роман, кое-какие «легкие пьесы» и др. [Duval, t. 1, p. XIV]. Хотя двухтомник явно пользовался успехом (вряд ли стали бы переводить неуспешное издание и на следующий год выпускать новое), заявленное намерение никогда не было осуществлено.

приятия образа России и русских во Франции, Германии и Западной Европе в целом, который стал набирать силу в 80-е гг. XVIII в. Это был уже не «русский мираж» философов Просвещения, а стремление на основании документов – исторических, отчетов и описаний результатов научных экспедиций – дать реалистический образ Северной империи. Наиболее известные в этом отношении – труды по истории России Вольтера, Леклерка, Левека [Baudin, p. 8]. В Берелович убедительно доказал проявление этой тенденции в трудах 70–80-х гг. XVIII в. профессоров немецких университетов, которые работали уже в тесном сотрудничестве со своими русскими коллегами (см.: [Berelowitch, 2018, p. 205–212])¹⁹. Они были доступны для большого числа западноевропейских читателей и основывались на оригинальных русских источниках. Немецкие ученые знакомили свою аудиторию также с трудами русских историков, таких как М. В. Ломоносов, В. Татищев, князь М. Щербатов. Наряду с историческими трудами, большую роль в пересмотре господствующего дискурса о России и русских сыграли, по мнению исследователя, научно-популярные издания А. Ф. Бюшинга «*Géographie universelle*» (1768–1779) и «*Magazin für die neue Historie und Geographie*» (1767–1788), а также публикации записок и путевых заметок европейцев, побывавших в стране (см.: [Ibid., p. 213–220]). «Таким образом, научное открытие Российской империи в эпоху Просвещения надо рассматривать сквозь призму многочисленных научных сетей, на первом месте среди которых были отношения Геттингенского университета и Санкт-Петербургской академии наук, которые в каком-то смысле унаследовали сеть университета в Галле» [Ibid., p. 224].

В этой университетской сети особое место занимал Страсбургский университет, ректором которого в 1787–1788 гг. был старший брат издателя творений Дюваля профессор Кристоф-Гийом (Кристоф-Вильгельм) Кох, прославленный специалист по европейской истории и истории дипломатии, с 1771 г. руководивший известным Страсбургским дипломатическим училищем, наставник большого числа русских студентов, работавший в тесном сотрудничестве (как, впрочем, и вся семья Кохов) с князьями Голицыными – вице-канцлером Александром Михайловичем и послом в Вене Дмитрием Михайловичем²⁰. Своим студентам – будущим дипломатам профессор Кох читал систематические курсы по истории разных стран – Франции, Германии, Пруссии, Англии, Дании, Швеции, Польши, Нидерландов, Швейцарии, Савойи, Венеции и Королевства обеих Сицилий, Соеди-

¹⁹ Ученый обращает внимание на тот факт, что большая часть российских академиков этого времени были немцами по происхождению и нередко были воспитанниками или бывшими коллегами профессоров германских университетов, а также сами некоторое время работали в России (например, Г.-Г. Портан, А.-Л. Шлецер, Г. Бауэр, Г.-Ф. Мюллер).

²⁰ О связях двух семейств и о сети образовательных услуг, созданной ими, см.: [Berelowitch, 2005; Берелович, 2011; Берелович, 2013].

ненных Штатов Америки [Baudin, p. 67]. Помимо обзора основных исторических событий, Кох рассматривал «конституцию», то есть физическую географию, устройство, нравы большинства перечисленных стран [Ibid., p. 68]. Такие же курсы профессор читал и о России. Для своих русских воспитанников К.-Г. Кох написал два труда, финальная версия которых относится к 1785–1786 гг.: это «Histoire de Russie avec sa partie politique» («История России с обзорением ее политики», посвященная его ученику князю Алексею Андреевичу Голицыну) и «Constitution de l'empire de Russie» («Устройство Российской империи»), которые оставались неизданными вплоть до наших дней и сохранились в нескольких рукописных вариантах²¹. Содержание этих двух работ соотносится с внушительными фактологическими сведениями по истории, географии, религиозной жизни, социальному строению и социальной проблематике тогдашней России, по русскому искусству, литературе и пр. в переписке В. Жамре-Дюваля и А. Соколовой.

Образы русских людей – высокообразованных представителей русского дворянства, обладавших глубокими знаниями и культурными интересами, интересующихся предметами старины, самоотверженных патриотов, храбрых героев, – заметно отличались от стереотипов о варварах, населявших северо-восточные территории континента. Их общение (независимо от того, были ли это представители высшей титулованной знати или же обычные служащие офицеры, как «философ» Миловский) со скромным хранителем Кабинета медалей австрийского императора, почтительное отношение к нему, отсутствие барской спеси выдавали их облик представителей цивилизованной страны, ни в чем не уступающей своим партнерам на европейской сцене.

Издание переписки «деревенского философа» и камер-юнгферы русского двора должно было стать идеализированным обобщением первого периода царствования Екатерины II, ее достижений в области внутренней и внешней политики и верности «философа на троне» идеям Просвещения. Наряду с обилием других сюжетов, связанных с основными событиями и инициативами екатерининского царствования, образы русских создавали совершенно новые представления о Северной империи.

Список литературы

Берелович В. Гувернеры в семье Голицыных // Французский ежегодник : Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. / под ред. А. В. Чудинова и В. С. Ржеуцкого. М. : Ин-т всеобщ. ист. РАН, 2011. С. 190–199.

Бобринский А. Г. Дневник графа Бобринского, веденный в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границею : [Извлечение] // Рус. архив. 1877. Кн. 3. Вып. 10. С. 116–165.

²¹ Об истории этих сочинений см.: [Baudin; Berelowitch, 2018].

Валишевский К. Вокруг трона : Екатерина II, императрица всероссийская. М. : Терра – Книж. клуб, 2004. 200 с.

Вачева А. Иллюзии «деревенского философа» о России : Политика Екатерины II 1760-х гг. глазами Валентина Жамре-Дюваля (1695–1775) // *Limes Slavicus* 2. Культурни концепти на славянството. Шумен : Университетско издателство «Св. Константин Преславски», 2017. С. 323–339.

Вачева А. Русия в две френско-руски кореспонденции от 60–70-те години на XVIII в. // Интерпретираме руската литература : сборник в чест на 75-годишнината на проф. д-р Петко Троев. София : Факултет по славянски филологии, 2018а. С. 9–23.

Вачева А. Чай, пушени еленски езици и хайвер : Вкусните руски изкушения в писмата на Валентин Жамре-Дювал и Анастасия Соколова // *Дългият XVIII век* 2. Наслади и забрани. София : Българско общество за проучване на XVIII век, 2018б. С. 113–121.

Воронцов А. П. Записки графа Александра Романовича Воронцова // *Рус. архив*. 1883. Кн. 1. С. 223–290.

Гаррис Д., лорд Мальмсбери. Лорд Мальмсбери о России в царствование Екатерины II (переписка английского посланника при дворе Екатерины II, 1778–1783) // *Рус. архив*. 1874. Кн. 2. Вып. 11. Стб. 737–889.

Гельбиг Г. фон. Русские избранные. М. : Воен. кн., 1999. 310 с.

Екатерина II. Письма императрицы Екатерины II к г-же Жоффрен // *СИРИО*. Т. 1. 1867. С. 253–291.

Казнаков С. Н. Дочь Бецкого и философ Дюваль // *Старые годы*. 1916. Окт. С. 3–78.

Клейн И. Торжествующая Россия : Военная лирика XVIII века // *Slověne = Словѣне* : Intern. J. of Slavic Studies. 2018. № 1. С. 174–210.

Костяшов Ю. В. Неизвестные страницы жизни сербского просветителя XVIII века Павла Юлинца // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История*. 1994. № 3. С. 40–49.

Лавринович М. За фасадом российского Просвещения : Питомцы московского воспитательного дома о своей жизни // *Отеч. зап.* 2017. № 4. С. 265–283.

Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 207 с.

Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи. М. : МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. 380 с.

Ржевская Г. Памятные записки // *Институтки* : Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М. : Новое лит. обозрение, 2005. С. 33–66.

Baudin R. Préface : Christophe Guillaume Koch et la Russie // *Histoire de Russie avec sa partie politique* par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de Constitution de l'empire de Russie / ed., présentée et commentée par R. Baudin et W. Berelowitch. Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2018. P. 7–77.

Berelowitch W. Les gouverneurs des Golitsyne à l'étranger : les exigences d'une famille (années 1760–1780) // *Le précepteur francophone en Europe (XVIIe – XIXe siècles)* / sous la direction de V. Rjéoutski et A. Tchoudinov. Paris : Harmattan, 2013. P. 139–150.

Berelowitch W. Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe : le cas des Golitsyne // *Dix-huitième siècle*. 2005. № 37. Politiques et cultures des Lumières. P. 179–194.

Berelowitch W. Postface : Koch et l'historiographie européenne des Lumières sur la Russie // *Histoire de Russie avec sa partie politique* par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de Constitution de l'empire de Russie / ed., présentée et commentée par R. Baudin et W. Berelowitch. Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2018. P. 205–240.

Corberon M.-D. Un diplomate français à la cour de Catherine II (1775–1780) : *Journal intime du chevalier de Corberon, Chargé d'affaires de France en Russie* / publié d'après le manuscrit original, avec une introduction et des notes par L.-II. Labande : en 2 t. Paris : Librairie Plon, 1901. T. 1. 366 p.

Courbet A. Correspondance de Valentin Jamerey-Duval. T. 1. 4 novembre 1722 – 21 décembre 1745 [Texte imprimé] : bibliothécaire des Ducs de Lorraine / éd. critique établie par A. Courbet. Paris : Honore Champion, 2011. 652 p.

Duval V. J. Œuvres de Valentin Jamerai Duval, précédées des mémoires sur sa vie : en 2 t. St Pétersbourg ; Strasbourg : Chez J. G. Treuttel, 1784. 320 + 336 p.

Klein J. Das triumphierende Russland. Kriegsliteratur im 18. Jahrhundert // Zeitschrift für Slavische Philologie. Jahrgang 73. 2017. Ausgabe 2. S. 441–475.

Lüsebrink H.-J. Œuvres de Valentin Jamerai-Duval: une édition strasbourgeoise à la croisée des cultures // Histoire et civilisation du Livre. Vol. 15. 2015. P. 147–160.

Stroev A. La Russie et la France des Lumières : Monarques et philosophes, écrivains et espions. Paris : Institut des Etudes Slaves, 2017. 508 p.

Vacheva A. The Russo-Turkish War from 1768–1774 in Eighteenth-Century Russian Poetry and the Creation of the Mythology of Power in Russia // Power and Influence in South-Eastern Europe : 16th–19th Century. Münster : LIT Verlag, 2013. P. 319–328.

Voltaire – Catherine II : Correspondance 1763–1778 / texte présenté et annoté par A. Stroev. Paris : Non lieu, 2006. 372 p.

References

Baudin, R. (2018). Préface. Christophe Guillaume Koch et la Russie. In Baudin, R., Berelowitch, W. (Eds.). *Histoire de Russie avec sa partie politique par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de Constitution de l'empire de Russie*. Strasbourg, Presses univ. de Strasbourg, pp. 7–77.

Berelowitch, W. (2005). Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe : le cas des Golitsyne. In *Dix-huitième siècle*. No. 37. Politiques et cultures des Lumières, pp. 179–194.

Berelowitch, W. (2011). Guvernery v sem'e Golitsynykh [Tutors in the Golitsyn Family. 1760–1780]. In Tchoudinov, A., Rjeoutsky, V. (Eds.). *Frantsuzskii ezhegodnik. Frankoyazychnye guvernery v Evrope XVII–XIX vv.* Moscow, Institut vseobshechei istorii RAN, pp. 190–199.

Berelowitch, W. (2013). Les gouverneurs des Golitsyne à l'étranger : les exigences d'une famille (années 1760–1780). In Rjéoutski, V., Tchoudinov, A. (Eds.). *Le précepteur francophone en Europe (XVIIe–XIXe siècles)*. Paris, Harmattan, pp. 139–150.

Berelowitch, W. (2018). Postface. Koch et l'historiographie européenne des Lumières sur la Russie. In Baudin, R., Berelowitch, W. (Eds.). *Histoire de Russie avec sa partie politique par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de Constitution de l'empire de Russie*. Strasbourg, Presses univ. de Strasbourg, pp. 205–240.

Bobrinisky, A. G. (1877). Dnevnik grafa Bobrinskogo, vedennyi v kadetskom corpuse i vo vremya puteshestviya po Rossii i za granitseyu : [Izvlachenie] [Diary of Count Bobrinsky, Kept in the Cadet Corps and while Travelling around Russia and Abroad [Extract]]. In *Russkii arkhiv*. Book 3. Iss. 10, pp. 116–165.

Catherine II. (1867). Pis'ma imperatritsy Ekateriny II k gospozhe Geoffrin [Letters of Empress Catherine II to Mme Geoffrin]. In *SIRIO*. Vol. 1, pp. 253–291.

Corberon, M.-D. (1901). *Un diplomate français à la cour de Catherine II (1775–1780)*. *Journal intime du chevalier de Corberon, Chargé d'affaires de France en Russie* : en 2 t. / publié d'après le manuscrit original, avec une introduction et des notes par L.-II. Labande. Paris, Librairie Plon. T. 1. 366 p.

Courbet, A. (2011). *Correspondance de Valentin Jamerai-Duval*. T. 1. 4 novembre 1722 – 21 décembre 1745 [Texte imprimé] : bibliothécaire des Ducs de Lorraine / éd. critique établie par A. Courbet. Paris, Honore Champion. 652 p.

Duval, V. J. (1784). *Œuvres de Valentin Jamerai Duval, précédées des mémoires sur sa vie* : en 2 t. St Pétersbourg, Strasbourg, Chez J. G. Treuttel. 320 + 336 p.

Harris, J. 1st Earl of Malmesbury. (1874). Lord Malmesbury o Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II (peregipska angliiskogo poslannika pri dvore Ekateriny II, 1778–1783) [Lord Malmesbury on Russia in the Reign of Catherine II (Correspondence of the English Envoy to the Court of Catherine II, 1778–1783)]. In *Russkii arkhiv*. Vol. 2. Book 11, stb. 737–822.

Helbig, G. von. (1999). *Russkie izbranniki* [Russian Elects]. Moscow, Voennaya kniga. 310 p.

- Kaznakov, S. (1916). Doch' Betskogo I "filosof" Duval [Betzkoï's Daughter and the "Philosophe" Duval]. In *Starye gody*. October, pp. 3–78.
- Klein, J. (2017). Das triumphierende Russland. Kriegsliryk im 18. Jahrhundert. In *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Jahrgang 73. Ausgabe 2, S. 441–475.
- Klein, J. (2018). Torzhestvuyushchaya Russia: Voennaya lirika XVIII veka [Triumphant Russia: War Poetry in the 18th Century]. In *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. No. 1, pp. 174–210.
- Kostyashov, Yu. V. (1994). Neizvestnye stranitsy zhizni serbskogo prosvetitel'ya XVIII veka Pavla Yulintsa [Unknown Pages of the Life of Pavel Julina, a Serbian Educator of the 18th Century]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seria 8. Istorija. No. 3, pp. 40–49.
- Lavrinovich, M. (2017). Za fasadom rossiiskogo Prosveshcheniya. Pitomtsy moskovskogo Vospitatel'nogo doma o svoei zhizni [Behind the Facade of the Russian Enlightenment. Students of the Moscow Educational House about their Lives]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 4, pp. 265–283.
- Lüsebrink, H.-J. (2015). Œuvres de Valentin Jameray-Duval: une édition strasbourgeoise à la croisée des cultures. In *Histoire et civilisation du Livre*. Vol 15, pp. 147–160.
- Masson, Ch. (1996). *Sekretnye zapiski o Rossii vremeni tsarstvovaniya Ekateriny II i Pavla I* [Secret Notes on Russia during the Reigns of Catherine II and Paul I]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 207 p.
- Miranda, F. de. (2001). *Puteshestvie po Rossiiskoi imperii* [A Journey around the Russian Empire]. Moscow, MAIK "Nauka-Interperiodika". 380 p.
- Rzhevskaya, G. (2005). Pamyatnye zapiski [Memoirs]. In *Institutki: Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits* [Institute Girls. Recollections of the Students of the Institute for Noble Maidens]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 33–66.
- Stroev, A. (2017). *La Russie et la France des Lumières. Monarques et philosophes, écrivains et espions*. Paris, Institut des Etudes Slaves. 508 p.
- Stroev, A. (Ed.). (2006). *Voltaire – Catherine II. Correspondance 1763–1778*. Paris, Non lieu. 372 p.
- Vacheva, A. (2013). The Russo-Turkish War from 1768–1774 in Eighteenth-Century Russian Poetry and the Creation of the Mythology of Power in Russia. In *Power and Influence in South-Eastern Europe. 16th–19th Century*. Münster, LIT Verlag, pp. 319–328.
- Vacheva, A. (2017). Illyuzii "derevenskogo filosofa" o Rossii. Politika Ekateriny II 1760–kh gg. Glazami Valentina Jamerai Duvalya (1695–1775) [The Illusions of the "Rustic Philosopher" about Russia. The Policy of Catherine II of the 1760s through the Eyes of Valentin Jameray-Duval (1695–1775)]. In *Limes Slavicus 2. Kulturni kontsepti na slavyanstvoto*. Shumen, Universitetsko izdatelstvo "Sv. Konstantin Preslavski", pp. 323–339.
- Vacheva, A. (2018a). Russia v dve frensko-ruski korespondentsii ot 60-te – 70-te godini na XVIII vek [Russia in Two Franco-Russian Correspondences from the 1760s to the 1770s]. In *Interpretirame ruskata literatura. Sbornik v chest na 75-godishninata na professor dfn Petko Troev*. Sofia, Fakultet po slavyanski philologii, pp. 9–23.
- Vacheva, A. (2018b). Chai, pusheni elenski ezitsi i haiver. Vkusnite ruski izkusheniya v pismata na Valentin Jamerai Duval i Anastasia Sokolova [Tea, Smoked Deer Tongues and Caviar. Delicious Russian Temptations in the Letters of Valentin Jameray-Duval and Anastasia Sokolova]. In *D"lgiyat XVIII vek 2. Nasladi i zabrani*. Sofia, B"lgarsko obshchestvo za prouchvane na XVIII vek, pp. 113–121.
- Vorontsov, A. R. (1883). Zapiski grafa Aleksandra Romanovicha Vorontsova [Notes by Count Alexander Romanovich Vorontsov]. In *Russkii arkhiv*. Book 1, pp. 223–290.
- Waliscewsky, K. (2004). *Vokrug trona: Ekaterina II, imperatritsa vsrossiyskaya* [Around the Throne: Catherine II, Empress of Russia]. Moscow, Terra – Knizhnyi klub. 200 p.

The article was submitted on 18.10.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.350

УДК 94(470)"18"-058.224+323.34+316.462.001.73

**КРЕПОСТНОЙ ВОПРОС В РОССИИ:
СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ И КОММУНИКАТИВНЫЕ
ПРАКТИКИ ВЛАСТИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX в.)***

Дмитрий Тимофеев

Институт истории и археологии УРО РАН,
Екатеринбург, Россия

**THE QUESTION OF SERFDOM IN RUSSIA:
SOCIAL DIALOGUE AND COMMUNICATIVE PRACTICES
OF POWER (FIRST QUARTER OF THE 19th CENTURY)**

Dmitry Timofeev

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article puts forward a research model for studying the interaction between power structures and Russian subjects in the first quarter of the 19th century. The starting point of the model is a revision of the structuralist approach. The author considers it important to study “social dialogue” as a history of the communicative practices emerging among Russian subjects, local representatives of power, and high-ranking officials of the imperial administration. In order to reconstruct the channels, content, and results of this “social dialogue”, the author uses two groups of primary sources: texts produced in the process of public communication with an unspecified addressee that created a general intellectual and emotional context for the perception of existing social, economic, and political issues; and texts of public communication with a specified addressee, aimed at official structures of different levels with the purpose of solving certain practical problems. The author compares publications of Russian journals discussing

* *Citation:* Timofeev, D. (2018). The Question of Serfdom in Russia: Social Dialogue and Communicative Practices of Power (First Quarter of the 19th Century). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1129–1143. DOI 10.15826/qr.2018.4.350.

Цитирование: Тимофеев Д. The Question of Serfdom in Russia : Social Dialogue and Communicative Practices of Power (First Quarter of the 19th Century) // Quaestio Rossica. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1129–1143. DOI 10.15826/qr.2018.4.350 / Тимофеев Д. Крепостной вопрос в России: социальный диалог и коммуникативные практики власти (первая четверть XIX в.) // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 4. С. 1129–1143 DOI 10.15826/qr.2018.4.350.

the problem of “slavery” in different countries of the world, archival materials from the Russian State Historical Archive on “the issues connected with peasants’ appeals for emancipation from non-noble masters”, the serf-owners’ complaints about the “illegal” emancipation of peasants without proper compensation, and projects for the abolition of serfdom created on the basis of the generalisation of complaints and petitions. The author distinguishes the two models of social dialogue, i.e. the *conflict model* and the *project model*. Taken together, these two models make it possible to trace both the government’s reaction to amendments of existing laws meant to solve conflicts between serfs and their masters and efforts to develop an all-Russian solution for the issue of serfdom.

Keywords: mid-19th-century Russian history; power and society; social dialogue; serfdom; communicative practice; projects of reforms.

Предложена исследовательская модель изучения процессов взаимодействия властных структур и российских подданных в первой четверти XIX в. Отправной точкой стал отказ от структуралистского подхода и признание необходимости изучения «социального диалога» как истории коммуникативных практик, возникавших между российскими подданными, представителями власти на местах и вышестоящими чиновниками имперской администрации. Для реконструкции каналов, содержания и результатов «социального диалога» привлечены две основные группы исторических источников: тексты, создаваемые в процессе публичной коммуникации с неопределенным адресатом и формирующие общий интеллектуально-эмоциональный контекст осмысления актуальных социально-экономических и политических вопросов; тексты публичной коммуникации с определенным адресатом, направляемые во властные структуры различного уровня с целью решения конкретных практических задач. Сопоставлены публикации в российских журналах о «рабстве» в различных странах мира, материалы архивных фондов РГИА «по делам об отыскании крестьянами свободы из владения лиц недворянского происхождения», жалобы помещиков на «незаконное» освобождение крестьян без соответствующего денежного вознаграждения, а также проекты отмены личной зависимости крестьян, составленные на основе обобщения содержания жалоб и прошений. В результате выявлены две основные модели социального диалога по крестьянскому вопросу – конфликтная и проектная. В совокупности эти модели позволяют проследить как непосредственную реакцию властных структур по корректировке действующего законодательства, направленную на решение локальных конфликтов, возникавших между крестьянами и их владельцами, так и процесс разработки вариантов решения крепостного вопроса в общероссийском масштабе.

Ключевые слова: история России начала XIX в.; власть и общество; социальный диалог; крепостное право; коммуникативные практики; проекты реформ.

История взаимоотношений «власти» и «общества» неоднократно становилась предметом исторических исследований. В различных вариациях данная проблематика отражена в работах по истории реформ и социальной мобилизации, юридической регламентации положения социальных групп и истории общественно-политической мысли. Однако при всем тематическом многообразии исследовательских сюжетов в подавляющем большинстве работ доминирует «государствоцентричная» парадигма, в соответствии с которой основным, а нередко и единственным субъектом, задающим векторы развития общества, представляется государство. Такой подход, сформулированный еще в 30–50-х г. XIX в. в работах К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и историков так называемой «государственной школы», во многом схематизирует историческую реальность, объясняя изменения в политической и социально-экономической сфере исключительно действиями власти, которая формирует и корректирует траекторию общественного развития. Отрицать важнейшую роль государственных институтов в истории было бы неверно, но одновременно с этим важно понимать, что любое государство – не монолитный и беспристрастный субъект, а иерархически функционирующая структура управления, которая состоит из чиновников, занимающих различные должности. Чиновники, являясь частью государственного аппарата, хотя и следуют должностным инструкциям и внутрикорпоративным нормам, при этом выступают в качестве непосредственных субъектов коммуникации с представителями различных социальных групп. Конкретные чиновники, олицетворяя собой государство на региональном и местном уровне власти, могут проявлять субъективные оценки при решении частных вопросов в случае обращения граждан во властные структуры. Эти же чиновники осуществляют трансляцию информации на высшие уровни власти, от них зависит, насколько реалистичными будут представления о положении в стране у императора и его ближайшего окружения.

С этих позиций история взаимоотношений государства и общества – это прежде всего история *коммуникативных практик* между отдельными подданными, представителями власти на местах и вышестоящими чиновниками имперской администрации. В совокупности все участники социально-коммуникативных взаимодействий образуют сложную полицентричную информационную сеть, посредством которой происходит циркуляция слухов, мнений, позиций, оценок, надежд и тревожных ожиданий по наиболее актуальным экономическим и социально-политическим проблемам, информации о намерениях и действиях как власти, так и ее подданных. Существовавшие в различной форме каналы передачи информации оказывали заметное влияние на стратегию и тактику правительственных чиновников, модели поведения представителей как привилегированных, так и «нижних состояний» российского общества.

Исследование взаимоотношений власти и общества обуславливает необходимость концентрации внимания на содержании публичных коммуникативных практик, возникавших между представителями различных социальных групп российского общества. Системообразующей категорией такого исследования может стать понятие *социальный диалог*, трактуемое как зафиксированный в источниках процесс взаимодействия представителей различных социальных групп (как между собой, так и с властными институтами). Данный концепт включает в себя не только личное общение индивидов, но и публичное обсуждение наиболее актуальных вопросов в периодической печати, а также опосредованную множеством управленческих структур и порождаемой ими документацией реакцию власти на заявления и действия российских подданных.

Структуру социального диалога можно условно представить в виде двух взаимопересекающихся коммуникативных сфер: публичная коммуникация с неопределенным адресатом и публичная коммуникация с определенным адресатом.

В первом случае обсуждение актуальных вопросов происходит открыто, круг потенциальных участников диалога заранее не определен и может варьироваться в зависимости от назначения текста. Такая форма представлена публикациями в правительственных и частных журналах, заметками путешественников, письмами читателей в редакцию, научно-публицистическими произведениями и учебной литературой. Изначальная неопределенность адресата, а иногда и автора, скрывающего свое настоящее имя за псевдонимом, позволяла представлять тот или иной факт, мнение или оценку как «общеизвестные», способствующие «общему благу» или, напротив, «искоренению заблуждений, пороков и невежества». На страницах российских журналов нередко возникали публичные дискуссии между авторами, в ходе которых они отвечали на замечания критиков и убеждали читателей в справедливости и обоснованности своего мнения. Все это, наряду с заявлениями верховной власти о восстановлении «силы закона» и «свободы мнений», формировало интеллектуально-эмоциональный фон, способствующий росту числа обращений российских подданных во властные структуры.

Вторая сфера социального диалога – публичная коммуникация с определенным адресатом – была не менее, а по количеству письменных свидетельств, возможно, и более обширна. К данной группе относятся разнообразные жалобы, прошения, проекты, авторы которых, обращаясь в какие-либо официальные структуры, рассчитывали на ответную реакцию адресата – чиновника местной или центральной администрации; служебная переписка и внутриведомственные распоряжения, материалы следствия, решения судебных инстанций и иные документы, возникавшие в процессе рассмотрения жалоб и прошений заявителей. В условиях прецедентной системы права создавались именные и сенатские указы в форме публичных разъяснений и распоряжений верхов-

ной власти по конкретным делам, решения по которым предлагались в качестве образца при рассмотрении аналогичных вопросов.

Поскольку анализ всей совокупности текстов, созданных в процессе публичной коммуникации в Новое и Новейшее время, является заведомо недостижимой целью, исследовательское поле следует ограничить четкими хронологическими и предметно-тематическими рамками. Конкретно-историческое исследование должно быть направлено на комплексную реконструкцию дискурсивных практик, возникавших в процессе решения частных вопросов, бывших элементом более масштабной социально-экономической или политико-административной проблемы.

* * *

В России первой половины XIX в. одной из актуальных тем «социального диалога» власти и подданных был вопрос о способах смягчения, а в перспективе и отмены крепостной зависимости. На страницах российских журналов «размышления» по данному вопросу нередко преподносились в форме информационных заметок или записок путешественников о положении «невольников» и «земледельцев» в различных странах мира. В некоторых случаях одновременно с критикой «рабства» в странах Африки, Северной и Южной Америки [Долго ли еще терпеть грабительства и жестокости африканских разбойников, с. 121–130; Взгляд на войну англичан с Ашантиями, с. 151–172] такого рода публикации содержали информацию о правительственной политике по смягчению или упразднению личной зависимости крестьян в ряде стран Европы. В данном контексте показательна, например, статья академика Петербургской императорской академии наук А. К. Шторха «Взгляд на постепенный упадок рабства и крепостного состояния в Европе и ее колониях», в которой читателю был предложен краткий обзор процесса освобождения крестьян в странах Европы, «колониях Датских, Английских и Французских», землях «испанской Америки» (в Мексике) [Взгляд на постепенный упадок рабства, с. 138–147]. Автор неоднократно подчеркивал, что «упадок рабства» является следствием общемировой тенденции продвижения человечества к «господству человеколюбия и справедливости», но ее реализация в каждой конкретной стране возможна по инициативе монарха/парламента и при согласии землевладельцев. Подобно многим другим российским авторам, он, отрицая тождественность «рабства» в африканских странах с положением крестьян в России [Каразин, с. 286], утверждал, что верховная власть в нашей стране также стремится к достижению «блага общего» и уже совершила ряд «благонамеренных» действий. В подтверждение справедливости данного тезиса предлагались выдержки из наказа Екатерины II «Уложенной комиссии», ссылки на указы императора Александра I от 12 декабря 1801 г., 20 февраля 1803 г. и «Положения» для поселян Лифляндской

и Эстляндской губерний [Взгляд на постепенный упадок рабства, с. 144]. Таким образом российскому читателю на примере относительно недавнего прошлого ряда европейских государств демонстрировалась возможность мирного искоренения «рабства» и необходимость добровольного активного участия в этом процессе помещиков.

Проведенный анализ публикаций по крестьянскому вопросу позволяет утверждать, что с начала XIX в. в общественном сознании происходит актуализация вопроса о недопустимости проявлений чрезмерной жестокости в отношении крестьян и дворовых людей, эффективности использования наемного труда, нравственных качествах и степени подготовленности российских крестьян к самостоятельной жизни без «отеческого попечения» помещика. Все эти сюжеты рассматривались на теоретическом или историко-философском уровне и воспринимались как иллюстрация стремления образованной части российского общества к достижению абстрактно сформулированного «общего блага», как свидетельство распространения в России «просвещения» и приверженности нормам христианской морали. Однако при всей важности публичной констатации неизбежности в исторически неопределенной перспективе отмены крепостной зависимости подобного рода статьи не вызывали каких-либо практических действий, направленных на незамедлительное решение крепостного вопроса.

Нацеленность же на достижение практических результатов отчетливо просматривается в *публичных текстах с определенным адресатом*. Составленные в форме жалоб и прошений, а также разнообразных проектов, докладов и записок о возможных вариантах отмены или смягчения крепостной зависимости крестьян, они подавались во властные структуры как дворянами, так и представителями иных «состояний» российского общества. Сопоставление целевых установок авторов, обстоятельств создания и содержания данной группы текстов выявляет две основные модели социального диалога по крестьянскому вопросу.

Первая модель – *конфликтная*. Такой сценарий, как правило, реализовывался в случае возникновения юридически зафиксированных конфликтных ситуаций между крестьянами и их владельцами, поводом для которых могли стать чрезмерная жестокость помещика, невыполнение им условий договора об освобождении крестьян по указу 20 февраля 1803 г., а также появление у крестьян подозрений в незаконности их пребывания в зависимости у лиц недворянского происхождения [Timofeev, p. 549–557]. В подобных ситуациях крестьяне или их доверители подавали на имя губернского прокурора, министра внутренних дел или сенаторов-ревизоров жалобы и прошения «об отыскании свободы из рабства».

Практика составления крестьянских прошений, вопреки распространенному в историографии утверждению о существовании запрета жаловаться на помещиков, не противоречила указам 3 (12) июня 1762, 19 января 1765 и 2 августа 1767 г., в соответствии с которыми строжайше запрещалось подавать жалобы лишь *лично в руки монарха*,

«минуя надлежащие присутственные места». О масштабах обращений людей «нижнего состояния» во властные структуры красноречиво свидетельствуют фонды Сенаторских губернских ревизий и Общего департамента Министерства внутренних дел РГИА. Каждое принятое к рассмотрению прошение порождало целый комплекс сопроводительных документов, предписаний и материалов расследования, решений судов и местной администрации. В некоторых случаях анализ обстоятельств конкретного дела в Комитете министров, Сенате, Государственном совете или «Комиссии составления законов» завершался разработкой проекта искоренения «помещичьих злоупотреблений» или изданием нового указа.

Одним из наиболее информативных сюжетов, позволяющих реконструировать содержание и формы конфликтной модели социального диалога, являются прошения крестьян и дворовых людей «об отыскании свободы из владения» лиц недворянского происхождения. Такие прошения чаще всего подавались в ходе сенаторских ревизий и содержали жалобы не только на незаконное с точки зрения заявителя удержание крестьянина или дворового человека, но и на медлительность местных властей и даже на их возможную коррупционную связь с ответчиками по делу.

Как правило, в прошениях об отыскании «свободы из рабства» подробно описывались обстоятельства незаконного закрепощения крестьян лицами недворянского происхождения. Юридически такое положение было возможно в случае отдачи помещиком крестьян и дворовых людей в «услужение», «работу» или «учение» по так называемым «верющим письмам». В результате крестьянин мог находиться во владении недворянина длительное время, нередко полностью утрачивая связь с законным владельцем. Фактически под видом временного перевода крестьянина или дворового человека по «верющему письму» совершалась незаконная продажа крестьян.

Показательным является прошение Флора Чернышова об освобождении его из владения купца Волкова, направленное во время сенаторской ревизии Саратовской губернии 30 декабря 1826 г. действительному тайному советнику Н. И. Огареву [РГИА. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–1 об.]. В нем Чернышов сообщал, что ранее он дважды (19 января 1825 и 29 октября 1826 г.) подавал прошения о предоставлении ему «свободы» в губернское правление и саратовскому губернскому прокурору, который, по утверждению крестьянина, в нарушение указа 19 января 1816 г., предписывавшего подобные дела «проводить к решению скоротечно без очереди», сознательно затягивал рассмотрение вопроса. По приказу сенатора-ревизора Н. И. Огарева судья Саратовского уездного суда составил объяснительную записку, в которой сообщал, что Чернышов еще 30 лет назад был продан помещиком Н. Аверьевым *купицу* Андрею Канину, а позднее был отдан «в приданное за дочь его» другому *купицу* Волкову, «проживал в доме и во всех его работах послужил безотлучно» [Там же].

Находясь много лет в услужении, крестьянин не пытался выяснить юридические основания своего пребывания у лиц «купеческого состояния». Внешним же поводом для обращения во властные структуры была информация, полученная Чернышовым от его соседей об издании указа 10 апреля 1823 г. «О воспреещении разночинцам иметь в услужении дворовых людей и крестьян по верующим письмам» (опубликован 30 июля 1823 г.), в соответствии с которым крепостные могли находиться в услужении лишь с обязательной «платой по найму». Данная норма была дополнением к действовавшему уже несколько лет указу 23 октября 1816 г., устанавливавшему пятилетний срок действия новых «верующих писем» и обязанность помещиков уничтожить все ранее выданные письма в течение одного-двух лет [ПСЗ, т. 33, № 26 469]. В случае же невыполнения этих условий крепостные люди объявлялись свободными и могли «избрать себе новый род жизни». Таким образом, удержание крестьянина во власти купца А. Канина было явным нарушением действующего законодательства, и прошение Чернышова было вполне обоснованным.

В ситуации возникшего по инициативе крестьянина «социального диалога» показательна реакция всех его участников: купца, в непосредственном распоряжении которого находился крестьянин; его официального владельца (помещика); представителей центральной администрации. Из показаний крестьянина следует, что купец Волков, узнав об издании указа 10 апреля 1823 г., незамедлительно отправил его к «неизвестному ему Чернышову господину Иванову, который принял к себе и, подержав несколько времени, обратно отослал его к тому Волкову с дачею им каких-то бумаг, и приказал жить у него Волкова безотлучно» [РГИА. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 23. Л. 4 об.]. После этого Волков объявил Чернышову и еще двум находившимся у него дворовым людям, что «барин их, которого они совсем не знали и не знают, прислал их к нему в услужение на пять лет... почему они у него и поныне находятся во всех его работах и домашних услугах» [Там же]. Таким образом, фактический, но не формально-юридический владелец крестьян (купец Волков), реагируя на требование власти ограничить практику длительного использования крепостных крестьян лицами недворянского происхождения, но не желая утратить возможность полного распоряжения ими, приобретает новое «верующее письмо». Крестьяне же, как следует из объяснения самого купца, даже не знали о том, что еще несколько лет назад они были проданы коллежскому помещику Петру Иванову. Для них важна была не юридическая сторона дела, а фактическое пребывание во власти недворянина, что позволяло им «просить от рабства свободы с избранием рода жизни» [Там же].

Реакция центральной администрации по данному делу представлена резолюцией сенатора Огарева: «дело сие должно быть донесено губернским правлением, куда и велеть его препроводить с прочими ему подобными...» [Там же. Л. 10 об.]. Такая формулировка полностью соответствовала инструкции сенаторам, осуществлявшим ревизию в гу-

берниях, в соответствии с которой следовало не вмешиваться в ход судебного разбирательства, а лишь, «заметив медлительность и волокиту, обращать на сие внимание и доставлять тяжущимся законное покровительство» (§ 9 от 17 марта 1819 г.) [ПСЗ, т. 36, № 27722, с. 102].

В некоторых случаях сенаторы-ревизоры не просто обращали внимание местных властей на медлительность разбирательств по делам «о людях, отыскивающих свободу», но и четко выражали свою позицию по существу дела, предлагая Сенату *удовлетворить прошение крестьян*. Такой сценарий представлен в материалах дела по прошению дворовой девки Прасковьи Хромых, ищущей свободы из владения священнослужителя. Осенью 1824 г. она подала прошение сенаторам-ревизорам Вятской губернии А. Долгорукову и Е. Дурасову, в котором жаловалась на решение губернского правления, отказавшего признать ее свободной. Из материалов расследования стало известно, что просительница ранее принадлежала помещику Буткевичу, но была отдана им без составления какого-либо документа во владение *кунца* Чарушина, который по истечении двух лет передал ее священнику Бердникову. После этого *по доверенности* от помещика Буткевича она была продана титулярным советником Красниковым жене прапорщика Шилова, которая через некоторое время также продала ее помещице Машковцевой. Такая сложная последовательность перехода дворовой девки от одного владельца к другому, по сути, отражала лишь формальную сторону дела, так как все это время Прасковья Хромых продолжала жить в доме священника «без всякого акта» [РГИА. Ф. 1554. Оп. 1. Д. 80. Л. 2–3 об.].

После ознакомления с обстоятельствами дела ревизоры констатировали, что просительница «находилась во владении людей, не имеющих никакого права, проживала у них безо всяких актов», а способствовал этому «слабый надзор губернского начальства в наблюдении за точным соблюдением высочайшей по сему предмету воли». Именно поэтому, ссылаясь на текст указа 24 ноября 1816 г., они предложили: «...девке Хромых обще с незаконно прижитыми ею детьми предоставить свободу и право избрать род жизни по ея желанию... а на виновных в неправильном владении ею и держании ее без пашпартов обратить взыскание» и объявить выговор Вятской градской полиции и губернскому правлению за «слабый надзор» [Там же. Л. 4 об.]. При этом подчеркивалось, что основанием для наказания губернских чиновников было не только прошение Хромых, но и наличие «большого количества дел подобного рода, производящихся долговременно в уездных судах...» [Там же]. По результатам ревизии Вятской градской полиции было предписано принять меры к охранению дворовой девки Хромых до принятия окончательного решения по делу в Сенате [Там же. Л. 6]¹.

¹ Позднее дело было из 1-го департамента передано в 4-й, а затем во 2-й департамент Сената. К сожалению, итоговое решение обнаружить не удалось.

Более продуктивно социальный диалог по крестьянскому вопросу выстраивался в случае, если его инициаторами были не только *крепостные крестьяне* или *чиновники*, но и *сами помещики*, а конкретные обстоятельства рассматриваемого дела не позволяли принять однозначное решение в рамках действующего законодательства. Такой сценарий, как правило, сопровождался продолжительными дискуссиями с участием министра внутренних дел, сенаторов, членов Комиссии составления законов. В ходе многостороннего обсуждения высказывались различные мнения и составлялся проект указа по устранению выявленных противоречий в законодательстве.

Так, в декабре 1821 – феврале 1822 г. по представлению министра юстиции Д. И. Лопухина Сенату и членам Комиссии составления законов было предложено сформулировать общее правило для решения дел по прошениям крестьян в случае, если крепостному человеку уездные суды предоставили свободу, а помещик, пропустив установленный законом срок для апелляции в губернский суд, подавал жалобу в Сенат. Поводом для рассмотрения данного вопроса было несколько конкретных случаев. Одним из них было дело по прошению крестьянина Тимофеева, «ищущего вольности из владения помещика А. Мещеринова» [РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 763. Л. 6]. Актуальность изложенных в нем обстоятельств была связана с очевидным пробелом в законодательстве и отсутствием системы оперативной передачи информации между управленческими и судебными структурами различного уровня.

Из материалов дела было известно, что 30 января 1800 г. решением Кирсановского уездного суда крестьянин Тимофеев был признан свободным и 2 декабря 1801 г. записан в мещанское состояние. Но его помещик, пропустив установленный законом месячный срок, подал апелляцию на решение уездного суда в Тамбовскую палату гражданского суда, которая, не имея информации о записи крестьянина в мещанство, предписала ему «остаться за помещиком». Однако данное решение исполнено не было, так как 5 октября 1810 г. II департамент Сената сначала подтвердил решение Тамбовской палаты о возвращении крестьянина во владение помещика, «но после сего, когда открылось, что Тимофеев записан в мещанство... оставил его с семейством его» в прежнем «состоянии» [Там же. Л. 9, 24].

Таким образом, крестьянин получил искомую свободу, но на этом «диалог» по данному делу не был завершен. Через 12 лет, в декабре 1822 г., материалы этого дела были вновь востребованы и стали основанием для обсуждения в «Совете комиссии составления законов» вопроса о выработке единых правил принятия решений по «прошениям о людях, ищущих свободы». Подчеркивая необходимость учитывать интересы и помещика, и крестьян, участники обсуждения признавали наличие противоречий в действующем законодательстве. С одной стороны, они констатировали, «что никакое решение низшего суда нельзя почитать окончательным, когда законом до-

зволюется на него апелляция», следовательно, помещик имел право вернуть принадлежавшего ему ранее работника. С другой, ссылаясь на манифест 14 марта 1775 г. и указ 27 сентября 1815 г., члены комиссии подчеркивали: «...получивший однажды свободу на основании наших законов не может уже терять оную, следовательно, и нельзя сказать, что в сем случае он получит временную свободу, но должен быть отпускаем по паспорту для прокормления, как и прочие люди свободного состояния» [Там же. Л. 26, 29 об.–30].

Указанные противоречия актуализировали разработку компромиссного варианта разрешения подобных конфликтов с учетом интересов всех заинтересованных сторон, одной из которых, помимо помещиков и крепостных людей, выступало и *государство*. Признавая право помещика на апелляцию в высшую судебную инстанцию и права освобожденных по решению суда крепостных людей, члены Государственного совета и Комиссии составления законов принципиально важным считали определить, кто – помещик или крестьянин – обязан был выплачивать подушную подать до окончательного решения дела в Сенате. Итогом дискуссий по этим вопросам в «Общем собрании Государственного совета» и в «Общем собрании Санкт-Петербургских департаментов Правительствующего Сената» стал проект указа, подписанный императором 31 мая 1824 г. В соответствии с ним, если помещик своевременно не заявлял о несогласии с решением местного суда, крестьянин объявлялся «вечно свободным» и самостоятельно выплачивал подушную подать. Но если бывший владелец в течение года подавал апелляцию в Сенат, то крестьянин, сохраняя право выбора места жительства и «рода занятий», получал до вынесения окончательного решения по его делу в Сенате статус «временно свободного». В этом случае финансовая ответственность за выплаты в казну на протяжении всего периода рассмотрения дела возлагалась на помещика [РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 763. Л. 48–48 об.; ПСЗ, т. 39, № 29935, с. 341–342]. Таким образом, первоначально инициированный по жалобе крестьянина вопрос стал основанием для корректировки действующего законодательства и был своеобразным ответом власти, которым следовало руководствоваться во всех аналогичных случаях.

Отчетливо прослеживаемая на основе приведенных примеров конфликтная модель социального диалога, участниками которого были крестьяне, помещики и чиновники различного уровня, нередко порождала осознание недостаточности издания локальных нормативно-правовых актов и нацеленность на разработку проектов принципиального решения крепостного вопроса. В этом случае диалог переходил на более высокий уровень и продолжался без участия крестьян. И хотя в основе проектов предполагаемых изменений оставались прошения и жалобы, главными субъектами диалога становились уже не стороны конфликта, а высокопоставленные чиновники, предлагавшие различные варианты смягчения или отмены крепостной зависимости крестьян в России. С этих позиций, на мой взгляд,

можно говорить о сосуществовании, наряду с конфликтной, *проектной* модели социального диалога.

Примером такого сочетания является поступившее 25 января 1824 г. в департамент гражданских и духовных дел Государственного совета дело по прошению крестьян коллежского советника Николая Кузьмина, освобожденных им без платы «со всею пашенною, сенокосною и лесною землею» [РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 807. Л. 4]. В составленном помещиком договоре было лишь одно условие: крестьяне должны были до его смерти находиться в имении, а после – предъявить заблаговременно подписанные им отпускные в «Гражданскую и Казенную палаты». После смерти помещика в октябре 1812 г. крестьяне были записаны в «вольные земледельцы», но его сестры Александра, Анна и Марья подали прошение об уничтожении выданных ранее отпускных, аргументируя это тем, что брат Николай своих крестьян «отпустил на волю с землею без всякого условия о каком-либо ему за то платеже», что, как они считали, противоречило положениям указа от 20 февраля 1803 г. [Там же. Л. 5, 7]. Жалоба сестер была дважды отклонена решением гражданского суда и Владимирской гражданской палаты (1817), но они подали апелляцию в 7-й департамент Сената, который признал отпускные недействительными. Крестьяне, в свою очередь, отстаивая законность их освобождения, подали «всеподданнейшее прошение» на имя императора, в котором писали, что они получили свободу по воле помещика и находятся в «состоянии вольных хлебопашцев» уже десять лет. В результате материалы дела были направлены в «Общее собрание Московского Правительствующего Сената» и Комитет министров, а в конце 1823 – начале 1824 г. – на рассмотрение Общего собрания Государственного совета, где было принято окончательное решение о предоставлении крестьянам свободы.

Так же, как и в описываемых ранее примерах, инициативными документами для рассмотрения высшими государственными органами вопроса о законности предоставления крестьянам свободы были прошения и жалобы участников локального конфликта. Однако в данном случае результатом обсуждения было не только освобождение конкретных крестьян или ситуативная корректировка действующего законодательства, а решение поручить Комиссии составления законов разработать «Проект правил для увольнения крестьян вообще» [Там же. Л. 56].

Тщательно анализируя причины возникновения конфликтов между крестьянами, помещиками и/или их наследниками, оспаривавшими предоставление крестьянам свободы по указу «О вольных хлебопашцах», М. Балугьянский предложил не только упростить процедуру перехода крестьян в разряд вольных хлебопашцев, исключив необходимость согласования договоров с министром внутренних дел и императором, но представил собственный проект постепенной отмены крепостной зависимости в России [Там же. Л. 71–73]. По его мнению, наряду с существовавшими ранее способами предоставле-

ния крестьянам свободы (отпускные, духовные завещания, переход в вольные хлебопашцы по договору с помещиком и выкуп земельного участка), необходимо было законодательно регламентировать поземельные взаимоотношения освобожденных крестьян и их бывших помещиков. Стратегической целью такой регламентации должно было стать формирование в России новой социальной страты – «состояния лично свободных крестьян, держателей земли». Такие крестьяне, «получив от помещика личную свободу», наделялись бы правом срочного (не менее трех лет) или бессрочного владения земельными участками на условиях, зафиксированных в юридически оформленных и публично зачитываемых в присутствии всех заинтересованных сторон договора [Там же. Л. 19–38, 74–108 об.]. Конечно, предлагаемый вариант освобождения крестьян, предусматривавший сохранение права собственности на землю за помещиками, единственным ограничением которого был бы запрет на продажу или передачу земли во владение или аренду третьим лицам до истечения срока договора с крестьянами, не являлся абсолютно новой идеей². Но в данном случае важна была не новизна проекта, а возможность актуализировать вопрос, используя конкретные прошения и жалобы частных лиц.

Данный пример очень важен для понимания скрытых механизмов функционирования социального диалога по крестьянскому вопросу. В условиях существования прецедентного права жалобы и прошения частных лиц могли служить удобным поводом для постановки вопроса о целесообразности разработки практических шагов в направлении реализации масштабных преобразований. С этих позиций разрабатываемые высокопоставленными чиновниками проекты реформ являлись своеобразным отражением реакции властных структур на импульсы, поступающие от различных групп российских подданных. В отличие от обозначенной ранее «конфликтной» модели социального диалога, результатом которой было издание именного или сенатского указа, проекты масштабных преобразований не имели ссылок на жалобы и прошения, но, по сути, они являлись опосредованным ответом на изменение общественных настроений. В рамках крепостной проблемы это был ответ тем, кто «выражал неудовольствие» отсутствием единообразия решений судов различного уровня «по делам о людях, отыскивающих свободу», юридической неопределенностью «пределов власти» помещика над «поселенными на его земле крестьянами» и невозможностью осуществлять контроль за исполнением принятых ранее норм и предписаний властных структур, а главное, тем, кто считал необходимым устранить противоречивость российского законодательства о праве собственности для различных категорий российского общества. И хотя предлагаемые проекты не становились предметом публичного обсуждения, и о существовании

² Основные положения данного проекта воспроизводили предложения, разработанные М. А. Балутьянским еще в 1818–1819 гг.

«ответа» не знали те, кто подавали жалобы и прошения, но сам факт использования конкретных примеров в процессе разработки вариантов решения позволяет говорить о существовании опосредованного различными низовыми структурами диалога «просителей» и «проекторов». В основе ответной реакции чиновников высшего уровня (сенаторы, министры, члены Государственного совета и комиссии составления законов) были не только публично декларируемая приверженность нормам христианской морали и безусловное осуждение проявлений чрезмерной жестокости в отношении крепостных людей, но и информация о множестве однотипных по содержанию прошений, поступающих в министерство внутренних дел, Сенат или Государственный совет.

Таким образом, обращения российских подданных во властные структуры, вне зависимости от того, каким образом решалось конкретное дело, были действенным информационным каналом социального диалога, в существовании которого оказывались заинтересованными и просители, и чиновники различного уровня. Первые, пусть и далеко не всегда, но все-таки получали искомую свободу, а вторые, публично демонстрируя приверженность провозглашенному императором курсу на «восстановление силы закона», стремились к достижению различных целей. Чиновники уездного и губернского уровня, особенно в случае проведения сенатских ревизий, вынуждены были реагировать на жалобы, опасаясь негативной реакции вышестоящего начальства и возможной потери должности «по недосмотру в делах, до общественного спокойствия касающихся». Главной же задачей представителей правительственной элиты был поиск такого решения крестьянского вопроса, при котором предоставление крепостным людям личной свободы не приводило бы к нарушению права частной собственности и одновременно минимизировало риск возникновения острых социальных конфликтов.

Список литературы

Взгляд на войну англичан с Ашантиями и на состояние английских поселений по золотому берегу // Сын Отечества. 1825. Ч. 102. № 15. С. 151–172.

Взгляд на постепенный упадок рабства и крепостного состояния в Европе и ее колониях // Вестн. Европы. 1819. Ч. 106. № 14. С. 138–147.

Долго ли еще терпеть грабительства и жестокости африканских разбойников // Архив исторический и политический. СПб. : [Б. и.], 1818. С. 121–130.

Каразин В. Н. Практическое защищение противу иностранцев установленной в России подчиненности поселян их помещикам // Вестн. Европы. 1811. Ч. 59. № 20. С. 286–290.

Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестн. Европы. 1802. Ч. 3. № 12. Июнь. С. 314–331.

ПСЗ. 1830. Т. 33. № 26469; Т. 36. № 27722; Т. 39. № 29935.

РГИА. Ф. 1554. Оп. 1. Д. 80; Ф. 1557. Оп. 1. Д. 23; Ф. 1260. Оп. 1. Д. 763, 807.

Timofeev D. V. Scripts Liberation of Peasants in Russia in the First Quarter of the XIXth Century in the Reflection of Rumors, Petitions and Noble Projects // Bylye Gody. 2015. Vol. 37. Iss. 3. P. 549–557.

References

Dolgo li eshche terpet' grabitel'stva i zhestokosti afrikanskikh razboinikov [Will We Have to Wait Long to See the End of Robberies and Cruelty Committed by African Criminals?]. (1818). In *Arkhiv istoricheskii i politicheskii*. St Petersburg, S. n., pp. 121–130.

Karazin, V. N. (1811). Prakticheskoe zashchishchenie protivu inostrantsev ustanovlennoi v Rossii podchinennosti poselyan ikh pomeshchikam [Practical Protection against Foreigners in the Subordination of Peasants to Their Landlords in Russia]. In *Vestnik Evropy*. Vol. 59. No. 20, pp. 286–290.

Priyatnye vidy, nadezhdy i zhelaniya nyneshnego vremeni [Pleasant Views, Hopes and Desires of the Present Time]. (1802). In *Vestnik Evropy*. Vol. 3. No. 12. June, pp. 314–331.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 33. № 26469; Vol. 36. № 27722; Vol. 39. № 29935.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1554. List 1. Dos. 80; Stock 1557. List 1. Dos. 23; Stock 1260. List 1. Dos. 763, 807.

Timofeev, D. V. (2015). Scripts Liberation of Peasants in Russia in the First Quarter of the XIX-th Century in the Reflection of Rumors, Petitions and Noble Projects. In *Bylye Gody*. Vol. 37. Iss. 3, pp. 549–557.

Vzglyad na postepennyi upadok rabstva i krepostnogo sostoyaniya v Evrope i eya koloniyakh. In *Vestnik Evropy* [A Glance at the Gradual Decline of Slavery and Serfdom in Europe and Its Colonies]. (1819). Vol. 106. No. 14, pp. 138–147.

Vzglyad na voinu anglichan s Ashantiyami i na sostoyanie angliiskikh poselenii po zolotomu beregu [A Glance at the War of the English with the Ashanti and the State of English Settlements along the Gold Coast]. (1825). In *Syn Otechestva*. Vol. 102. No. 15, pp. 151–172.

The article was submitted on 10.10.2018

CONCEPTUALISING THE NOTION OF “PROFIT” AMONG THE RUSSIAN NOBILITY (SECOND HALF OF THE 18th – FIRST HALF OF THE 19th CENTURIES)*

Elena Korchmina

New York University Abu Dhabi, UAE,
New York, USA;
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article considers the formation of the contemporary notion of profit (Rus. прибыль). Contrary to the well-established idea that profitability was the main motive of the economic activity of the nobility, the author argues that “profit” was conceptualised among the nobility as late as the second half of the 18th century, mainly due to the use of forest land. Starting from the middle of the century, Russian forestry acquired unique features that markedly distinguished it from other areas of agricultural production on estates. First, forests were the second most common privately-owned natural resource (following land), which gives the author reason to believe that forestry practices were widespread in large parts of Russia. Secondly, the nobles mainly had to use hired labour for felling trees and transporting timber because this activity not only required skills, but also time: serfs could not be involved on an ongoing basis because it distracted them from agriculture. The combination of all these factors led to the formation of the modern meaning of the concept of “profit” among the nobility. For the purposes of the study, the author refers to a new complex of unpublished archival sources, mainly draft accounting documents, which allows her to analyse the real financial practices of the nobility.

Keywords: forestry; profit; 18th-century Russian history; history of economic thought.

Рассматривается процесс формирования понятия «прибыль» в современном значении этого слова. Вопреки устоявшимся представлениям о том, что основным мотивом дворянской хозяйственной деятельности была

* This article was supported by the Russian Science Foundation, project 16-18-10255 “Natural Resources in the History of Russia: Economic Institutions, Expert Communities, and Infrastructures”.

** *Citation:* Korchmina, E. (2018). Conceptualising the Notion of “Profit” among the Russian Nobility (Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1144–1159. DOI 10.15826/qr.2018.4.351.

Цитирование: Korchmina E. Conceptualising the Notion of “Profit” among the Russian Nobility (Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1144–1159. DOI 10.15826/qr.2018.4.351.

доходность, автор утверждает, что в России в дворянской среде это понятие концептуализировалось поздно, не раньше второй половины XVIII в., и в основном благодаря эксплуатации лесных угодий. Начиная с середины века российское лесное хозяйство приобрело уникальные черты, которые заметно отличали его от других сфер сельскохозяйственного производства в поместьях. Во-первых, после земли леса были наиболее распространенным природным ресурсом, находившимся в частном владении, что дает нам основания считать, что практики в сфере лесного хозяйства были широко распространены на значительной территории России, и дворянство вынуждено было решать сходные задачи. Во-вторых, дворяне вынуждены были использовать преимущественно наемный труд для вырубки и транспортировки леса, поскольку эта деятельность требовала не только навыков, но и времени, что не позволяло привлекать крепостных на постоянной основе, поскольку это отвлекало их от сельского хозяйства. Наиболее интенсивно процесс формирования концепта «прибыль» пошел с 1780-х гг., когда дворяне получили права полного хозяйственного управления лесами. Сочетание всех этих факторов привело к концептуализации понятия «прибыль» в современном смысле слова, в первую очередь в среде дворянства. Для решения поставленной задачи был привлечен новый комплекс неопубликованных архивных источников, в основном черновые бухгалтерские документы, что позволяет проанализировать реальные финансовые практики дворян.

Ключевые слова: лесное хозяйство; прибыль; история России XVIII в.; история экономической мысли.

In 1832, in the *Lesnoi zhurnal* journal, the notions of “profit” and “preservation of forests” were closely connected [Рассуждение, с. 49–50]. “Being deeply worried about their profit, landowners sought to prevent the predatory use of the estate forests and their further degradation” [Быков, с. 352]. At the same time, researchers usually match “the nobles’ pursuit of financial gain” or “shaking the pagoda-tree” and “devastation” of forest resources in Russia from the mid-18th century (e. g.: [Любомиров; Ведров, с. 171; Бейлин, с. 11]). Even after the Emancipation “nobles tried to sell (their forests. – К. Е.) without any consideration of basic economic reason and even real value of the resources” [Pravilova, p. 60]. To make it clear, Yekaterina Pravilova demonstrates that forests belonging to aristocrats were usually properly maintained, so landowners took care of their forest resources. Hence, it seems that the notion of “profit” was a driver of more intense exploitation of nobles’ forests, but it is not clear how exactly at present.

Starting from the mid-18th century, forestry became a unique sphere of agriculture characterised by some features: following land, forests and rivers were the most widespread natural resources, and landowners often had to use hired labour to derive profit from forests, and nobles enjoyed full economic management as regarded forests. The combination of all these factors led to the emergence of the concept of “profit” in the modern sense

of the term among nobles. The author tries to answer the question why among Russian noble elites the notion of “profit” was conceptualised in relation to the forest sector unlike the other parts of agriculture in the second part of the 18th – early 19th centuries.

The notion of “(net) profit”

Nowadays, the Cambridge Dictionary defines “profit” as “money that is earned in trade or business after paying the costs of producing and selling goods and services” [Profit]. In the 18th century, this notion was only developing in the works of Adam Smith and others. The channels through which contemporary European economic ideas entered the everyday financial practices of Russian noble elite are not entirely clear. Books written by these authors could be found in the libraries of aristocrats, but the mechanisms of adaptation of contemporary economic knowledge in the Russian context must have been very complicated. This research is based on primary financials: books of revenues and expenditures and correspondence, i. e. mostly practical financial skills are being analysed.

In the documents, there were many words describing money which a landowner could get from their property, agriculture, factories, and economic activities: there were at least two words for “revenue” (доход, приход), and, at least four words describing phenomena associated with the notion of “profit” (прибыль, прибыль, барыш, выгода).

During the 17th – early 19th centuries, the key notion for estimating the profitability was “revenue” which meant all the money aristocrats got from their economy without exclusion. The phrase which is often found in the documents, “this estate was worth 1 000 roubles a year”, implies that 1 000 roubles was collected from this estate every year, but the profitability of this economy cannot be determined based on this phrase. The fact that this category is widespread proves that aristocrats did not see obvious expenses: labour costs, because serf labour was quasi-free, and transportation costs, as the transportation of goods was carried out by serfs in the framework of a fixed duty. Witold Kula underlined that when landowners did not count the costs of the components of production which they did not have to be paid for, they could hardly recognise the profitability of the estate as a whole [Kula, p. 95].

The word “profit” (прибыль) has most likely existed in the Russian language since the mid-16th century; at that time, this notion meant “benefit”, and not necessarily in the economic sense [Словарь, т. 19, с. 100]. In the 17th century, only two of the five meanings of the word had economic implications, which were related to the notion of “revenue”. E.g. “прибыльщик” was a person who was in charge of seeking for new revenues which were called profit (прибыль) [Там же, с. 100–101]. In the 18th century, the notion of “profit” gradually became primarily an economic concept that allowed the evaluation of the level of yield of manufactories or trade. Together with that, the term continued to be used in the context

of “benefit” and “revenue”. Two other words which were quite close to the notion of “profit” were *прибыток* and *барыш*; they seem to be older than “profit” (*прибыль*), and they were also polysemantic [Там же, с. 76; т. 19, с. 102]. However, until as long as the 18th century, all these terms did not describe the modern formula, i.e. revenue minus expenses.

The fact that different terms were used to define almost the same phenomena could imply that the ways for finding the “right” word were quite individual, based on private experience. Moreover, during the 18th century, noblemen almost never used the concept of “profit” in relation to their own estates or agricultural production, they preferred to calculate their “revenue” taking into account that two main items of expenditure, i.e. labour and transportation, were free. But one branch of estate economy – forestry – was an exception, where they started to assess profit by the end of the century.

Forests in the estate economy of Russian noble elites

In the early 19th century, forests covered about 180 m desyatinas (196.2 m hectares), a third of them were private, and, similarly to the peasant population, the majority of forests could be considered as belonging to aristocrats. As a result, magnates’ practices and mechanisms of forest exploitation might define the situation with forests in Russia in general.

As long as noble elites had enough forests, there were a number of ways in which they could use them. Nineteenth-century authors pointed out some ways of forest exploitation: forest bee-keeping, hunting, collection of edible forest fruits, selling of wood, construction, and firewood production for industry [Рассуждение, с. 50]. What were the peculiarities of each way?

The first three ways of forest exploitation were the oldest, but the revenue which could be received from selling mushrooms or forest berries were insignificant and could be rarely found in account books. For instance, in 1766, Prince Alexander Mikhailovich Golitsyn got only 20 roubles for the so-called “forest vegetables” (*лесной овощ*) in his corvee estate in Belevsky Uyezd [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 8449. Л. 2]. Thus, these ways of forest exploitation may be disregarded in this analysis.

According to historiography, between the second half of the 18th century and the early 19th century, the most popular ways of forest exploitation were stumpage sale with the help of hired people or the felling and selling of timber by themselves. They were two main ways of forest exploitation (e.g.: [Бейлин, с. 12]). But in the account books of the second half of the 18th century, one can rarely find income items derived from timber trade. In 1793, Prince Alexander Mikhailovich Golitsyn, the owner of Golubei, received 210 roubles (about 5.5 % of the total revenue) [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 5912], and in 1794 Count Alexander Romanovich Vorontsov received only 8 % of the village of Andreevskoe income from the sale of timber [ОПИГИМ. Ф. 60. Д. 274]. There can be some plausible explanations of the reasons why financial records on timber sale income were rarely

found at that time. First, income from timber sale did not become constant, since it took time to organise forestry in such a way where it could bring revenue every year. Second, landowners felled forests for their own use to heat houses or to construct houses both for themselves and their peasants, without monetising the use of their own timber. However, when they transported wood with the help of hired labour, these items were reflected in the expenses. For example, in 1793, Golitsyn's serfs received 35 roubles when they were sent to Yekaterinoslavl for rafting woods felled in Golitsyn's Roslavl estates [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 5912]. The third possible answer is that timber felling was a part of timber mill production. Landowners could use their own wood or buy it elsewhere, so this income became a part of revenue from timber mills.

Timber mills were a profitable part of forest exploitation. According to Table 1, the landowners possessed more than one fourth of all timber mills (considering those reflected in the documents without fragmentation).

Table 1

The number of timber mills in 1798 in Russia in 1798 [Лупанова, 2017, с. 119–121]

Timber mills by owner	Number
Landowners'	93 (23.07%)
Merchants'	80 (19.85%)
Owners'	105 (26.05%)
Without fragmentation	125 (31.01%)
<i>Total</i>	<i>403</i>

The idea of how a timber mill was organised can be obtained from the instruction of Prince Mikhail Mikhailovich Shcherbatov [Сретенский, с. 205–207]. In 1761, he thought that a timber mill should be one of the main concerns of a landowner, “a timber mill should cut both its own wood and someone else’s”, with the expectation that “the timber mill will reach its full operating capacity and bring additional income, since the timber sawn can be sold with profit”. He provided a detailed instruction of how to achieve this result. In spring, wood should be bought in Yaroslavl, or, better yet, some fifty miles away from Yaroslavl, and in winter it should be transported to the estate by peasants for a fee. He determined the level of payments. In case of selling stumps and if timber was taken to Yaroslavl, peasants received half of what timber cost in Yaroslavl. For example, in Yaroslavl a hundred logs could be bought for 10 roubles, while their original price in the place of felling was 7 roubles; as a result, peasants received half of the difference (1.5 roubles).

Shcherbatov calculated the profitability of a timber mill in the modern economic sense. A hundred of logs were bought in Yaroslavl for 12 roubles, and after they were sawn, their cost stood at 24 roubles. Four roubles out of 12 was spent on the the maintenance of the mill. Three percent of the remaining 8 roubles was paid to peasants for unloading logs at the hithe, transportation to a saw mill, and transportation from the saw mill to the nearest city for sale. Peasants could get their earned money only after boards were sold. According to Shcherbatov’s calculations, the profitability of a timber mill (revenues divided by costs) was 47.7 percent. It is possible to suggest that he considered this sum significant as the mill was one of his main concerns. Its flawless operation was one of his goals, so in this regard, the purchase of third part timber was considered an integral element of production, and the basic operations for transportation and loading were to be paid separately.

Other firewood industries besides timber mills included tar distillation and salt production¹. The documents studied do not contain records about their own production of tar distillation; however, in one village (Golubei) there were regular revenue items from leasing forest for these purposes to someone else’s peasants. E.g. in 1793, revenues from leasing forests for tar distillation were included into the category of unassessed taxes and amounted to 138 roubles (3.7 %) (Table 2).

Table 2

**Revenues of landowner’s money (*господские деньги*)
in Golubei in 1793 [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 5912]**

Types of income	Sum (rubles)
Quitrent	2417.21 (64.7%)
Recruit	325.00 (8.7%)
Repayment of peasants’ debts	10.53 (0.3%)
Residual	552.18 (14.8%)
Unassessed taxes (<i>неокладные сборы</i>)	431.3 (11.5%)
<i>Total</i>	<i>3736.23</i>

This money was received under two contracts. The first one was between Count Alexander Mikhailovich Golitsyn and the peasants of ensign Ilya Ivanovich Lvov. The peasants of the latter were allowed to debark standing birches without inflicting damage, using this birch bark for tar distillation afterwards. The contract was concluded for a month for eight axes. Another contract was with state peasants from the village of Pyatnitskoe, who got the right to pull pine stumps for tar distillation for four weeks with the help

¹ The latter will not be discussed in this paper due to the complexity of the issue.

of six axes. The contracts pursued both the desire of profitmaking and the preservation of the forest.

Forests were actively used for the construction of both peasants' and landowner's houses, but as for peasants, it was in the framework of helping the peasant households, when permission for felling woods was issued without a fee, but under strict control. It is reflected in the landowners' instructions [Петровская, с. 236; Щепетов, с. 267, 284]. The reserves of their own wood for the construction and remodelling of the landlord's houses were generally inadequate, so the purchase of building timber was a constant expense item.

There were two more secondary income items connected with forests. One of them is fines for illegal logging. According to the financial documents available, records about fines for illegal logging could be found landowners' books since the late 18th century (Table 3).

Table 3

**Landowner's revenue in Berezovo (Ryazan Province, Pronsky District)
[РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 6453, 6466]**

Type of income	1799	1800
Fine for illegal logging	7.5 (1.04%)	6 (0.49%)
Fine for illegal grazing	13.55 (1.88%)	11.05 (0.91%)
Fine for lost livestock	12 (1.67%)	0
Fine for refuse to work	2.5 (0.35%)	0
Sale of horse	30 (4.16%)	100 (8.22%)
Market garden	3.5 (0.49%)	61 (5.02%)
Mill	43.5 (6.04%)	105.5 (8.68%)
Money transfer	0	50 (4.11%)
Provision (<i>stolovye zapasy</i>)	171.99 (23.87%)	171.99 (14.14%)
Quitrent	0	240 (19.74%)
Repayment of peasants' debts	84 (11.66%)	45 (3.7%)
Residual	246.38 (34.2%)	138.42 (11.38%)
Sale of livestock	58 (8.05%)	70 (5.76%)
Debt quitrent	0	217 (17.85%)
Undefined	47.56 (6.6%)	0
<i>Total</i>	<i>720.48</i>	<i>1215.96</i>

The total volume of fines was not big enough (see Table 3), the average amount was one rouble. On 29 November 1799, peasant Petr Ivanov Pleshkov was fined, his two carts of birch wood were taken by foresters, and after he paid one rouble, his property was released [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 6453]. According to the documents studied, in this village there were 6–7 cases of illegal logging per year.

Finally, another source of income from forests was for landowners to allow their own peasants to take part in different contracts for wood supply. E.g. on 20 December 1781, Golitsyn’s brother wrote to the steward: “...until now, many peasants have had contracts for the supply of firewood in a considerable number of fathoms, and now this practice must stop” [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 780]. Consequently, peasants had made profit from forests until their landowners’ property rights were defined, but the account books of landowners’ money did not reflect any income received from that activity, and it may be reflected as quitrent. However, starting with the late 18th century, landowners preferred to take part in contracts for wood supply by themselves. As a result, landowners had some options regarding benefiting from forestry, but they had to take into account the fact that the exploitation of forests went partly beyond the limits of serfdom.

Both serfs and their owners considered felling trees and the transportation of wood very difficult, time and labour consuming, and the landowners had to admit that using their own peasants for this type of activity was not rational. In 1814, Suvorov, a steward, wrote to Counts Alexander and Mikhail Golitsyn, about felling forests in Mozhaisk estates. During the meeting where peasants discussed their landowners’ order considering felling trees and transporting wood to Moscow, the serfs said: “we have never done this work before, so we do not believe we could turn ourselves in because of inexperience”. For this reason, they asked their Excellences to allow rafting with the help of free people who were competent in the sphere [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 6529. Л. 1–2]. And landowners had to accept the peasants’ proposal. But using free labour meant an increase in expenses (Table 4).

Table 4

Transportation costs from Ples to Moscow in 1764 (extract from the account book of Mikhail Golitsyn) [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 34]

Data	Expenditure item	Sum
June, 2	Sava Ovchinnikov and Andrey Altabasov bought 1480 trees of ten-archine and eight-archine for 5.5 rubles per hundred logs and 3120 trees of six-archine for 2.6 rubles per hundred logs	162.80
June, 2	Cab drivers three times 45 kopecks each	1.35
June, 2	For the exchange of 163 rubles of copper money for a silver coin for 2 kopecks per a ruble	3.26
June, 2	Wood floaters were deposited for floating timber from Ples to Moscow to the Kamennyi bridge	0.25

Окончание табл. 4

Data	Expenditure item	Sum
June, 3	Wood floaters from crown village Khoroshevo at the head of Semen Prokhorov for floating timber should get 5.6 rubles, they were deposited by 0.25, so residuals	5.35
June, 5	Paid for transportation under the Kamennyi bridge	4.00
June, 5	Rollers (<i>kataltshik</i>) got in deposit	0.25
June, 5	Sava Ovchinnikov bought hemp ropes	2.60
June, 6	Paid workers for pass over the bridge	3.50
June, 8	Rollers for roll logs below the bridge	1.20
June, 10	Rollers for roll logs below the bridge	2.75
June, 10	Rollers for roll logs below the Moskvoretskii bridge	1.50
June, 14	Laying logs near the Zhivoi Moskvoretskii bridge	6.60

As can be seen from the table, the transportation of wood worth 162.8 roubles cost 42.31 roubles. Thus, at a distance of nearly 400 km, which was not a long distance by Russian standards, the cost of wood increased by almost 30 %.

Another problem was technological. The state required that a saw be used instead of a wood chopper, because it is possible to make a number of boards from a single tree, which was supposed to help preserve forests, and sawn timber would cost more. But a saw was more expensive, it required two people engaged in the process, and peasants did not understand the necessity of using saws instead of wood choppers [Любомиров].

Consequently, using forests for either landowners' own needs or trade was often based on hired labour, which was the key difference between forestry and other part of agriculture. Aristocrats, choosing how to use forests, had to take into account labour and transportation costs, but until the 1780s, they could not manage forests freely.

Changes in property rights in regard of forests

The key trends behind the spreading of the right to property are described by a number of historians [Орлов; Ведров; Лупанова; Pravilova]. During Peter the Great's reign, the key state interest was to satisfy the needs of the fleet, on the one hand, and to decrease the price of wood, on the other. As a result, the private ownership of forests was practically destroyed. The state could intrude in private forests to fell trees needed to build ships, and everybody could cut down trees for their domestic needs of heating and cooking [Ведров, с. 86]. As a result, Peter's main idea was to use every tree according to its purpose [Там же, с. 117–118]. After Peter's death

and until the enthronement of Catherine II, the main trends remained and aimed at preserving forests and decreasing the prices. Landowners did not consider forests their own, which can be very clearly seen in their humble petitions (челобитная) of the middle of the century. Count A. I. Tolstoy’s opinion seems to have been somewhat overestimated by Yevgenia Lupanova, who argues that “the owners did not even consider themselves entitled to ask for permission to dispose of forests in their estates. Exemption from supervisory duties and the need to get an official permit to stock up firewood for the winter was their ultimate dream” [Лупанова, 2016, с. 122]. Aristocrats regularly filed petitions concerning timber trade, mills, etc., and it is interesting how they justified their claims to the right to cut down forests.

This analysis is based on petitions of some Russian aristocratic families filed between 1753 and 1755. These documents appeared as a reaction to one more bill restricting the right to fell and sell timber and could be divided into three groups.

Petitions of the first group repeated the words of the first paper by actual state councilor and President of Manufacture Department Nikolai Petrovich Saltykov. On 11 May 1753, he asked for permission to fell trees in one of his Smolensk estates where, in the absence of a waterway, the forest was disappearing and rotting without “any state benefit” [РГАДА. Ф. 248. Д. 581. Л. 549]. Less than a year later, on 21 February 1754 Privy Councilor and Moscow Governor Prince Sergei Alekseevich Golitsyn, an uncle of Nikolai Saltykov’s wife, wrote a petition claiming the same right [Там же. Л. 742–743 об.]. And so did colonel Zakhar Grigorievich Chernyshev and Count Petr Mikhailovich Golitsyn in 1755 [Там же. Л. 1103–1104, 1098–1098 об.]. All of them justified the permission to cut down their own forests, appealing to the notion of “state benefit”.

The second group of petitions resembles the first type. In 1754, Petr Semenovich Saltykov wrote in his memoirs that forests in his estates disappeared “in vain without any state benefit and without any benefit for me, slave of your Imperial Majesty” [Там же. Л. 755]. In this context, “his benefit” primarily means “public (state) benefit”, since he was nothing more than a payer of Her Majesty. In December 1754, general in chief and cavalier lieutenant-colonel Stepan Fedorovich Apraksin and Prince Petr Ivanovich Repnin expressed their ideas in the same way emphasising the fact that Saltykov, Golitsyn, and others had already got such permission [Там же. Л. 979–980, 1096–1097].

The third group includes two almost identical and very colloquial petitions by Roman Illarionovich Vorontsov and widow Princess Natalia Grigorievna Beloselskaya [Там же. Л. 1071, 1160–1161]. They start with traditional care about “your Imperial Majesty’s state profit”. Then the aristocrats emphasise that logging and selling timber would help peasants to pay state taxes and promote Russian and international commerce. Moreover, in their opinion, getting permission to participate in timber trade would hinder Swedish, Norwegian, English, and American trade. Despite

the lofty rhetoric, the key idea was the same, i.e. logging and selling timber would bring benefits primarily for the state. It does not follow, though, that the nobles were unmercenary, thinking only of state interests. But since forests were not considered private property, the justification of the right to use them was based on the discourse of “state benefit”.

Furthermore, the strong link between property rights and reasonable profitmaking was explicitly expressed in the drafts of the law of 22 September 1782 [ПСЗ, т. 21, № 15 581]. Most historians consider this law a benchmark in forestry legislation (e. g.: [Ведров с. 153; Арнольд, с. 213; Рыбалкин, с. 64–65]). But almost none of them has studied the preparation of the law.

The law of 1782 was drafted in the commission of commerce presided by Count Alexander Romanovich Vorontsov from the middle of 1781. At one of the first meetings, it was stated that Her Imperial Majesty pointed out the need to involve state councillor Dahl and director of economy Engelhart for reasoning about timber trade. “...So that each landlord with abounding forests could enjoy the right to sell timber offshore without bringing their forests into impoverishment...” [РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 212. Л. 1–2]. On 15 November 1781, the opinion of an unknown author was debriefed. The core idea was that in case of freeing private forests from state care, “on the one hand, the owner of the forests receives the right to gain benefit (польза) from his property and increase his capital, and, on the other hand, the state will receive more income in cash from other lands” [Там же. Л. 5].

There had been at least three drafts of the bill before it was submitted to the Empress. All of them were subject to editing by Vorontsov himself. The key points repeated in all drafts and were included in the text of the law, but in an abridged form. Vorontsov emphasised that an analysis of the previous resolutions had shown that “private owners always had difficulties in disposing of their own forests, because the forest was completely dependent on the Admiralty, so landowners could not fell a single tree for themselves, either for internal use or for trade, and therefore the forests did not bring them any benefit, but only a certain burden, so landowners did not need to preserve forests...” [Там же. Л. 24–25]. Suffice it to say, the reason why forests rotted on stalk was the lack of title. If or when landowners got the right to full control of their forests, they would make profit through wood trade. “The necessary and useful trade should be as free as possible, and thus profit and self-interest will make every landlord conserve and cultivate their own forests” [Там же. Л. 27]. The freedom of trade was considered the only option for such a spacious Empire [Там же. Л. 29].² And the potential profit would become a pledge of careful attitude to the forests. “When everyone is confident of their property rights and their profit, the conviction will come that it is better to keep the forest as a direct source of guaranteed incomes, of course there can be a few who will use this opportunity for malice, but in general, every owner will arrange

² Catherine II fully shared this idea. See: [Каменский, с. 351; Омельченко, с. 331].

their household so that they receive an annual income...” [Там же. Л. 51]. All of these ideas were reduced in the law to a standard formula “we hope that landowners will appreciate our favour and do their best to preserve forests” [ПСЗ, т. 21, № 15 581].

The draft of the project included a mechanism teaching Russian nobles to take care of their forests; the establishment of forestry in state-owned villages was to set an example, where landlords would see the benefits of well-organised forestry, and study if there was a need [РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 212. Л. 51]. The unpublished Forest Statute (see: [Омельченко, с. 374; Рыбалкин, с. 72–74]) designed to regulate forest management in state-owned villages was supposed to perform this function.

As Yevgenia Lupanova correctly notes, rumours about the forthcoming decree quickly spread. After the six-month work of the committee, on 20 December 1781, Prince Mikhail Mikhailovich Golitsyn wrote to his steward that they should start to protect forests and “not allow peasants to destroy trees in such a way that protection will not be needed at all” [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 780. Л. 47–49 об.]. The first task was to define the borders, after which nobles should understand what to do with their forests. The law of 1782 did not only give property right in regard to forests but was also tightly connected with permission to trade. As a result, their need for trade forced the nobility to start calculating profits. Moreover, trade has one indisputable peculiarity, i.e. a rapid turnover of money, hence preliminary calculation is easier.

Private forest property and profit: individual practices

At the very end of the 18th century – early 19th centuries, very specific documents appeared quite regularly – calculations of the profit.

The first example refers to 1787, when Anna Rodionovna Chernysheva [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 931] tried to find out whether it was worthwhile to raft her forest from Propoisk (now Slavgorod, Mogilev region, Belarus) to Kherson. First, it was necessary to decide where to sell forests in the domestic market or abroad. The sale in inner provinces was not very profitable and quick. In Kherson Province, as a possible market of timber trade, there were many mud huts, and wood for construction was not so necessary, moreover, firewood was not indispensable for heating and cooking either. E.g. in the house of Andrei Ivanovich Vyazemsky in Kherson, only reed was used for heating and cooking, and everybody used chips, which sailors brought from the Admiralty. Hence, the choice was made in favour of international trade. Secondly, the route from Propoisk to Kherson was studied carefully. It was obvious that during rafting there would be one wintering, so using one’s own serfs would lead to a halt in agricultural work. Therefore, it would be necessary to invite people from outside, at least 6 people for every timber float.

Table 5

The calculation of costs of rafting one timber float from Propoisk to Kherson in 1787 [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 931]

Expenses	Total (rubles)
Serfs from Propoisk to Kaidai	60
Wage laborers from Kaidai to Kherson	30
Wage laborers for creating a timber float and shipment	15
The pilot receives money for passage through the rapids	6
Ropes	10
Travel expenses	3
People for protection	4
<i>Total</i>	<i>128</i>

Thus, the total costs of rafting one timber float (about 150 trees) amounted to 128 roubles, rounding up 130. Its selling price was around 465 roubles. The estimated profit from the forest was about 355 roubles. But the profit of 300 roubles from each float was considered sufficient. The shipping of 10 to 20 rafts was deemed expedient. Consequently, calculations were made before any decision was taken, and the main driver was net profit, but of course the alternative costs were not included in the analysis.

One can find more sophisticated calculations of net profit in Mikhail Semenovich Vorontsov's papers released after 1817: "A report on how to extract a significant income from the forest ownership of Count Vorontsov without destroying the forests and receive an annual income of up to 50 thousand roubles without using his peasants" [РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 1055. Л. 3]. The calculation was carried out for one fathom (сажень) of long firewood. Cutting down one fathom of firewood would cost 4 roubles, with transportation costs amounting to 10 roubles, unforeseen expenses to one rouble, and "ruling costs" to 2.5 roubles. The total costs for one fathom of long firewood should be 17.5 roubles. The lowest price of long firewood ready to use could be 25 roubles per fathom, so net profit was 7.5 roubles. The felling and selling of wood had to be organised in such a way that every year it was possible to produce 5 000 fathoms of firewood.

What happened in reality? In the first year, the income from timber sale was 2074.24 roubles, and from wood sale 925.15 roubles, but in the next year, the total income was almost 18.5 thousand roubles, and in 1821 21.5 thousand roubles [Там же. Л. 20, 23]. The volume of wood sold is not known, but it obviously worked.

The idea of profit was not to take shape quickly, and the process took a long time. Even the manual on forestry of 1848, among the most progressive for its

time, did not focus on the question of profit as such. The author continued to use the notions income or benefit. “The forest, like any other property, must bring income, or benefit. The income from forests can be direct, consisting in the direct collection of money from the sale of firewood, logs and other forest materials, or indirect, consisting of a quitrent from peasants who use the forest for free, selling various factory products...” [Теплоухов, с. 1]. He was worried that “forests bring little income to the landlords, because the main consumer are peasants who use it free of charge” [Там же, с. 2]. But in any way nobles started to understand the notion of “profit”, and forestry was the key area where they could attain the modern economic term “profit”, and they had to think more about serfdom.

Список литературы

Арнольд Ф. К. История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб. : Изд-во А. Ф. Маркс, 1895. 403 с.

Бейлин И. Г. Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России. М. : Гослесбумиздат, 1962. 158 с.

Быков Д. А. Организация рационального использования древесной растительности в крупных имениях Центральной России второй половины XVIII – начала XIX в. // Особенности российского исторического процесса : сб. ст. памяти акад. Л. В. Милова / отв. ред. А. А. Горский. М. : РОССПЭН, 2009. С. 338–352.

Ведров С. В. О лесоохранении по русскому праву. СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко, 1878. 232 с.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М. : РГГУ, 2001. 575 с.

Луанова Е. М. История закрепощения природного ресурса : Лесное хозяйство в России 1696–1802. СПб. : Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2017. 352 с.

Луанова Е. М. Политика Екатерины II в сфере лесного хозяйства : Упразднение контроля ради частного интереса? // Россия XXI. 2016. № 1. Янв.-февр. С. 116–148.

Любомиров П. Г. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX в. // Ист. зап. М. : Изд-во Акад. наук, 1941. С. 222–249. URL: <https://www.booksite.ru/forest/forest/lesopilka/1.htm> (дата обращения: 01.09.2017).

Омельченко О. А. Власть и закон в России XVIII века. М. : МГИУ, 2004. 604 с. ОПИ ГИМ. Ф. 60. Д. 274.

Орлов М. М. Основы лесоохранения в России : доклад Всероссийскому съезду лесовладельцев и лесохозяев для обсуждения лесоохранительного закона. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1911. 69 с.

Петровская И. Ф. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. // Ист. архив. 1953. Т. 8. С. 221–268. ПСЗ. Т. 21. № 15 581.

Рассуждение о необходимости охранения владельческих лесов от истребления и о пользе правильного лесного хозяйства (читано в первом годичном заседании Общества для поощрения лесного хозяйства, 25 февраля 1833 года) // Лесной журнал. 1833. Ч. 1. Кн. 1. С. 51–102.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 1055; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 5912, 6453, 6466, 6529, 8449; Ф. 1263. Оп. 2. Д. 34; Ф. 1263. Оп. 10. Д. 780, 931; Ф. 248. Д. 581; Ф. 397. Оп. 1. Д. 212.

Рыбалкин А. И. Источники и историография лесного дела в Российской империи. Воронеж : Тип. Воронежского гос. аграр. ун-та им. имп. Петра I, 2013. 206 с.

Словарь русского языка XI–XVII веков. М. : Наука, 1975–. Т. 1. 375 с. Т. 19. 274 с.

Сретенский Л. В. Помещичья инструкция второй половины XVIII века // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль : Ярославско-Рост. ист.-арх. и худ. музей-заповедник, 1960. С. 197–211.

Щенетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых : 1708–1885 / под ред. проф. И. И. Полосина. М. : Тип. «Печатный двор», 1947. 378 с.

Kula W. The Problems and Methods of Economic History. Ashgate : Aldershot, 2001. 479 p.

Pravilova E. A Public Empire : Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Princeton : Princeton Univ. Press, 2014. 448 p.

Profit // Cambridge Dictionary [website]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/profit> (mode of access: 01.09.2017).

References

Arnold, F. K. (1895). *Istoriya lesovodstva v Rossii, Frantsii i Germanii*. [The History of Forestry in Russia, France, and Germany]. St Petersburg, Izdatel'stvo A. F. Marks. 403 p.

Beylin, I. G. (1962). *Ocherki po istorii lesnykh obshchestv dorevolutsionnoi Rossii* [Essays on the History of Forest Societies in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, Gosbumizdat. 158 p.

Bykov, D. A. (2009). Organizatsiya ratsional'nogo ispol'zovaniya drevesnoi rastitelnosti v krupnykh imeniyakh Tsentralnoi Rossii vtoroi poloviny XVIII – nachala XIX v. [The Organisation of the Rational Use of Forest Cover on the Large Estates of Central Russia in the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries.]. In Gorskii, A. A. (Ed.). *Osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa. Sbornik statei pamyati akademika L. V. Milova*. Moscow, ROSSPEN, pp. 338–352.

Kamenskii, A. B. (2001). *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the 18th Century (An Attempt at Comprehensive Analysis)] Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 275 p.

Kula, W. (2001). *The Problems and Methods of Economic History*. Ashgate, Aldershot. 479 p.

Lupanova, E. M. (2016). Politika Ekateriny II v sfere lesnogo khozyaistva. Upravlenie kontrolya radi chastnogo interesa? [Catherine's Policy in Forestry. The Abolition of Control for the Sake of Private Interest?]. In *Rossiya XXI*. Vol. 1. January-February, pp. 116–148.

Lupanova, E. M. (2017). *Istoriya zakrepushcheniya prirodnogo resursa. Lesnoe khozyaistvo v Rossii 1696 – 1802* [The History of the Enslavement of Natural Resources: Forestry in Russia 1696–1802]. St Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. 352 p.

Lyubomirov, P. G. (1941). Iz istorii lesopil'nogo proizvodstva v Rossii v XVII, XVIII i nachale XIX vv. [From the History of Sawmill Production in Russia in the 17th, 18th and Early 19th Centuries]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk, pp. 222–249. URL: <https://www.booksite.ru/forest/forest/lesopilka/1.htm> (mode of access: 01.09.2017).

Omelchenko, O. A. (2004). *Vlast' i zakon v Rossii XVIII veka* [Power and Law in Russia of the 18th Century]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi industrial'nyi universitet. 604 p.

OPI GIM [The Department of Manuscripts of the State Historical Museum]. Stock 60. Dos. 274.

Orlov, M. M. (1911). *Osnovy lesookhraneniya v Rossii. Doklad Vserossiiskomu s'ezdu lesovadel'tsev i lesokhozyaev dlya obsuzhdeniya lesookhranitel'nogo zakona* [The Basics of Forest Conservation in Russia. A Report to the All-Russian Congress of Forest Owners to Discuss the Forest Protection Law]. St Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova. 69 p.

Petrovskaya, I. F. (1953). Nakazy votchinnykh prikazchikam pervoi chetverti XVIII v. [Directives to Stewards of the First Quarter of the 18th Century]. In *Istoricheskii arkhiv*. Vol. 8, pp. 221–268.

Pravilova, E. (2014). *A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia*. Princeton, Princeton Univ. Press. 448 p.

Profit. (N. d.). In *Cambridge Dictionary* [website]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/profit> (mode of access: 01.09.2017).

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 21. № 15 581.

Rassuzhdenie o neobkhodimosti okhraneniya vladel'cheskikh lesov ot istrebleniya i o pol'ze pravil'nogo lesnogo khozyaistva (chitano v pervom godichnom zasedanii Obshchestva dlya pooshchreniya lesnogo khozyaistva, 25 fevralya 1833 goda) [Discussion about the Need to Protect Landowners' Forests from Destruction and about the Benefits of Appropriate Forestry (Read in the First Yearly Meeting of the Community for the Support of Forestry, February 25, 1833)]. (1833). In *Lesnoi zhurnal*. Part 1. Book 1, pp. 51–102.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 1261. List 2. Dos. 1055; Stock 1263. List 1. Dos. 5912, 6453, 6466, 6529, 8449; Stock 1263. List 2. Dos. 34; Stock 1263. List 10. Dos. 780, 931; Stock 248. Dos. 581; Stock 397. List 1. Dos. 212.

Rybalkin, A. I. (2013). *Istochniki i istoriografiya lesnogo dela v Rossiiskoi imperii* [Sources and Historiography of Forestry in the Russian Empire.]. Voronezh, Tipografiya Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta imeni imperatora Petra I. 206 p.

Shchetov, K. N. (1947). *Krepostnoe pravo v votchinakh Sheremetevykh. 1708–1885* [Serfdom on the Sheremetev Estates. 1708–1885]. Moscow, Tipografiya “Pechatnyi dvor”. 378 p.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. (1975–). Moscow, Nauka. Vol. 1. 375 p. Vol. 19. 274 p.

Sretenskii, L. V. (1960). Pomeschich'ya instruktsiya vtoroi poloviny XVIII veka [Landlord's Instruction of the Second Half of the 18th Century]. In *Kraevedcheskie zapiski*. Iss. 4. Yaroslavl, Yaroslavo-Rostovskii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik, pp. 197–211.

Vedrov, S. V. (1878). *O lesookhraneni po russkomu pravu* [On Forest Protection in Russian Law]. St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i Ko. 232 p.

The article was submitted on 21.09.2017

DOI 10.15826/qr.2018.4.352
УДК 811.112.2'373.43+81'42+070.15

**КАК НАЗВАТЬ АНГЕЛУ МЕРКЕЛЬ:
НЕОЛОГИЗМЫ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА В ИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ***

Ян Грегор

Элена Томашкова

Технико-экономический институт,
Ческе-Будеёвице, Чехия

**WHAT ANGELA MERKEL SHOULD BE CALLED:
NEOLOGISMS OF GERMAN POLITICAL DISCOURSE
IN THE MEDIA OF OTHER COUNTRIES**

Jan Gregor

Elena Tomášková

Institute of Technology and Business,
České Budějovice,
Czech Republic

This paper explores features of the new lexical and phraseological units of German political discourse and their function in other languages. German media discourse, reflecting the policy of one of the major European states, generates many new lexemes and idioms. An important component of the neologisms is vocabulary based on politicians' names. Deonyms are widespread in all European languages; however, their formation and function have certain differences, both morphological and semantic. The article studies the peculiarities of such new words as *merkeln* and *Merkelism* in the political discourse in different languages. While the German language is characterised by the use of verb deonyms, they are not characteristic of Slavic languages. In turn, the neologism *Merkelism* is being actively used by the media of almost all European countries, although its semantics vary. Relevance is the main condition for a new lexical or phraseological unit to enter the active vocabulary of another language, which is demon-

* *Citation:* Gregor, A., Tomášková, E. (2018). What Angela Merkel Should Be Called: Neologisms of German Political Discourse in the Media of Other Countries. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1160–1173. DOI 10.15826/qr.2018.4.352.

Цитирование: Gregor A., Tomášková E. What Angela Merkel Should Be Called: Neologisms of German Political Discourse in the Media of Other Countries // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1160–1173. DOI 10.15826/qr.2018.4.352 / Грегор Я., Томашкова Э. Как назвать Ангелу Меркель: неологизмы немецкого политического дискурса в иноязычных СМИ // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1160–1173. DOI 10.15826/qr.2018.4.352.

strated through the neophraseme *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten*. The connotational meaning of phraseology in a given language depends on the political situation and linguocultural characteristics.

Keywords: neolexeme; neophraseme; deonym; German political discourse; foreign media.

Рассматриваются особенности новых лексических и фразеологических единиц немецкого политического дискурса и их функционирование в других языках. Немецкий дискурс СМИ, являющийся отражением политики одного из основных европейских государств, генерирует большое количество новых лексем и фразеологизмов. Важной частью неологического фонда являются слова, образованные на базе имен политиков (деонимы). Деонимы популярны во всех европейских языках, однако их формирование и функционирование в каждом конкретном языке имеет определенные отличия, как морфологические, так и смысловые. В статье исследуется специфика функционирования таких новых слов, как *merkeln*, *Merkelism*, в политическом дискурсе разных языков. Если немецкий язык характеризуется глаголами-деонимами, то для славянских языков они не свойственны. В свою очередь, неологизм *Merkelism* активно используется в СМИ почти всех европейских стран, однако его семантика различна. Релевантность является основным условием того, чтобы новая лексическая или фразеологическая единица вошла в активный словарь другого языка, что показано на примере неофраземы *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten* (*Европа разных скоростей*). Коннотации фразеологизма в каждом конкретном языке зависят от политической ситуации, а также от лингвокультурных особенностей.

Ключевые слова: неолексема; неофразама; деоним; немецкий политический дискурс; зарубежные СМИ.

Современная лексикология – один из наиболее динамично развивающихся разделов лингвистики, что связано в первую очередь с интенсивным расширением лексического фонда. При этом наиболее активные неогенные процессы, порожденные коммуникативными потребностями, наблюдаются в публицистическом дискурсе. Это объясняется тем, что именно СМИ на сегодняшний день являются основным источником возникновения, фиксации и распространения новых лексических единиц, в том числе и фразеологизмов. Медиа оперативно реагируют на процессы и события, социально-политические изменения и тенденции. Политический нарратив, вербально представленный повторяющимися лексическими единицами, стилистическими и манипулятивными приемами, отражает идеологию [Плахина, Белякова, с. 160].

Именно влияние СМИ в настоящее время становится главным фактором формирования общественного мнения и картины мира

носителей языка. Динамические процессы в публицистическом стиле как основной сфере функционирования языка политики привели к тому, что функция передачи информации неуклонно уступает место функции воздействия на реципиента. Как замечает О. Кондратьева, оценка, представленная в медиа в эксплицитной или имплицитной форме, способна формировать и регулировать отношение общества к освещаемым феноменам [Кондратьева, с. 41]. Немаловажную роль в этом процессе играют неологизмы и неофраземы. Новые лексические единицы, возникающие в публицистике, являются отражением динамических процессов развития языковой системы и одним из средств обновления языковой картины мира. Благодаря высокой степени образности, экспрессивности и семантической насыщенности они становятся эффективным способом трансляции изменений в мировосприятии, способствуют формированию оценки общественных явлений и процессов, являются индикатором трансформаций норм и ценностей, сдвигов в идеологической сфере.

В исследованиях последних десятилетий инновационные лексические явления в языке медиа стали объектом активного изучения. В современной публицистике фразеологизмы являются важным средством достижения выразительности текста. Именно поэтому научные исследования, посвященные изучению фразеологических единиц в языке СМИ, в настоящее время стали одним из наиболее популярных направлений фразеологии. В чешской лингвистике необходимо отметить работы Б. Юнковой [Junková, 2001; Junková, 2010], Г. Магаловой [Magalová], Х. Срповой [Srprova], в немецкой – Х. Бургера [Burger], в польской – Б. Афельтович [Afeltowicz], в российской – Е. Ганапольской [Ганапольская], Е. Стояновой [Стоянова] и др.

Внимание исследователей привлекают самые разнообразные аспекты функционирования устойчивых выражений в публицистическом тексте. Анализ лексических процессов в политическом дискурсе на материале текстов СМИ представлен в работе В. Белова [Белов]. Широкое распространение получили лингвокультурологические исследования, в том числе компаративные (см. например, сопоставительный анализ аспектов узуального иokkaзионального функционирования фразеологизмов в разных языках, проведенный Н. Соболевой [Соболева]).

Особое внимание привлекают дискурсивные исследования И. Якобы, направленные на анализ потенциала дискурса в борьбе за возможность устанавливать новые смыслы, способствующие изменению картины мира адресата и управлению его сознанием, достижению часто корыстных целей. Как утверждает исследователь, эта актуальная дискурсивная технология, обладающая семиотической привлекательностью и когнитивной мощью, направлена на конструирование нужного результата и нейтрализацию параллельных, невыгодных заказчику возможностей развития социального мира [Якоба, с. 123]. Анализируя медийный дискурс, И. Якоба обращает внимание на такое явление,

как модусная ориентированность текста, которая «фокусирует взгляд на мир с определенной позиции, формирует определенное ценностное содержание» [Там же, с. 93]. Лексическая инноватика играет немало важную роль в модализации публицистического текста.

Исследования языковых особенностей тестов СМИ в аспекте модуса представлены также в работах О. Копытова; по мнению автора, модус является не только органической семантической частью пропагандистских приемов, способом маскировки и умалчивания истинных намерений говорящих, но и маркером искренности [Копытов, 2014; Копытов, 2016].

Целью данной статьи является исследование новых лексических и фразеологических единиц, появившихся в языке медиа и связанных с реалиями немецкой политики, в аспекте особенностей их функционирования в немецких и иностранных СМИ (в том числе роли в модусной ориентированности текста). Анализ проведен на материале политической публицистики СМИ различных стран.

Достаточно длительное по европейским меркам правление канцлера ФРГ Ангелы Меркель не могло не найти отражения в языке – оно вызвало к жизни целый пласт неогенной лексики.

Первый деоним, глагол *merkeln*, связан с выборами в бундестаг в 2002 г. Неудача с созданием правящей коалиции вызвала эмоциональную реакцию тогда еще начинающего политика – А. Меркель зареклась высказываться на политические темы. Когда в 2005 г. она стала канцлером Германии, в СМИ появился глагол *merkeln* со значением «бездействовать, пустословить, не сказать ничего по существу, отмалчиваться». М. Чигашева указывает на то, что «с течением времени количество значений этого глагола только расширялось. Еще одно значение “устраивать нагоняй” было связано со сложной финансовой ситуацией в ЕС, когда канцлер ФРГ призывала страны-партнеры к жесткой экономии и позволяла себе довольно резкие критические замечания в отношении их внутренней экономической политики» [Чигашева, с. 77].

В 2015 г. глагол, образованный от фамилии канцлера ФРГ, даже возглавил список наиболее популярных слов немецкого молодежного сленга. Слово *merkeln* стало лидирующим по данным рейтинга, составленного немецким издательством словарей «Langenscheidt», которое проводило конкурс «Молодежное слово года». Глагол, как сообщает автор издания «Politico» Дж. Джонстон, имеет негативную семантику – «ничего неделание, уклонение от ответов на прямые вопросы и еще откладывание решений на неопределенный срок» («In the words of young Germans, just ‘merkeln’», «Politico», 08.03.2015).

Необходимо отметить, что при сообщении о данной новости в русскоязычных СМИ возникли определенные сложности перевода – дело в том, что русскому языку не свойственно образование глаголов от имен собственных, тем более от фамилий политиков. Русскими аналогами слова, по мнению журналистов РИА «Россия сегодня», можно считать выражение «косить под Меркель», а также гла-

голы «меркельничать» или «меркелить» (РИА «Новости», 03.08.2015). Оба варианта перевода выглядят несколько искусственно. В свою очередь, в европейских языках (в том числе в немецком) образование глаголов на базе фамилий политических деятелей широко распространено. О. Никитина указывает на то, что «в современном немецком языке наблюдается активизация процессов деонимической номинации, под которой понимается создание апеллативов (имен нарицательных) на базе онимов (имен собственных) различными словообразовательными способами» [Никитина, с. 43]. Анализируя данную разновидность неологизмов на базе современного французского языка, Д. Доманский отмечает, что «подобные образования имеют эмоционально-негативную маркировку, что связано, во-первых, с личностью самого политика, во-вторых, с применением различных политтехнологий и, в-третьих, с отрицательным имиджем политика как такового в современном обществе» [Доманский, с. 58].

Привлекает внимание тот факт, что для французского языка естественно появление таких новых слов, как *berlusconiser*, *clintoniser*, *sarkozyser*, и *poutiniser*, а для немецкого – *merkeln*, *obamieren*, *putinisieren*, в то время как в русском деонимов-глаголов, образованных от имен политиков, практически нет. Единственным употребляемым деонимом в русском языке является глагол *путинизировать*: *Барак пытается «путинизировать» свой имидж* («Иносми.ру», 2009); *В Европарламенте Польшу обвинили в попытках «путинизировать» политику ЕС* («Вести.юа», 2016). При этом важно отметить, что в первом примере мы имеем дело с переводом статьи израильской журналистки Лили Галили с английского, а во втором – с переводом с немецкого языка цитаты из выступления председателя Европарламента Мартина Шульца о том, что новое польское правительство ведет политическую линию по путинскому образцу.

М. Чигашева полагает, что немногочисленность употребляемых в русскоязычных СМИ деонимов, образованных от имен политических и государственных деятелей, связана с объективными причинами, а именно со структурой имен собственных, их многосложностью, словообразовательными возможностями русского языка, а также с субъективными причинами – с тем, что в сознании носителей русского языка такие слова воспринимаются скорее как ненормативная лексика, употребление которой всегда ограничено. Поэтому и встречаются они преимущественно в сферах, имеющих отношение к дискурсу СМИ, но очень редко – в самих текстах информационного содержания [Чигашева, с. 321]. Данное утверждение, как нам кажется, несколько спорно. Словообразовательный потенциал русского языка достаточно велик: слова *меркелить*, *обамить*, *ельцинничать* или *трампануть* гипотетически возможны. Да и далеко не всегда русские имена собственные отличаются многосложностью – фамилии практически всех видных государственных лидеров двусложные: *Ленин*, *Сталин*, *Хрущев*, *Брежнев*, *Ельцин*, *Путин*. То, что немногочислен-

ность деонимов связана с тем, что они воспринимаются носителями русского языка как ненормативная лексика, легко опровергается наличием большого количества субстантивных деонимов: *хрущевка*, *сталинка*, *сталинщина*, *кравчучка*, *путинизация*, *ленинопад* и т. д. Немногочисленна в русском языке именно группа деонимов-глаголов. И вызвано это, на наш взгляд, не языковыми причинами и не боязнью ненормативной лексики (как раз в этом плане русский язык достаточно демократичен). Как нам кажется, отсутствие глаголов в этом разряде лексики (с этим связаны и трудности перевода на русский язык немецкого деонима *merkeln*) имеет лингвокультурную природу – русскому менталитету не свойственно воспринимать политика по характерным действиям, поведенческому стереотипу. Он воспринимает политического деятеля как явление – этим объясняется характерное для русского языка образование субстантивов с суффиксом *-щин-*, имеющих значение «общественно-политическое явление, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим словом» (*сталинщина*, *хрущевщина*, *брежневщина*, *ельцинщина*, *путинщина* и т. д.), или с суффиксом *-изм-* со значением «идеологическая доктрина, политический курс»: *ленинизм*, *сталинизм*, *путинизм* и т. д.

В отличие от глагола *merkeln*, производное от фамилии канцлера Германии существительное со значением «экономический курс Меркель» появилось не в немецких СМИ. Возникло оно по аналогии с популярным термином *Reaganomics* (*рейганомика*) в англоязычных источниках: *Sarkozy has been battling to close the gap – but he, too, has hinted at modifications in the teeth of public hostility to «Merkeleconomics»*¹ (“The Scotsman”, 2012); затем проникло в другие европейские языки, например, в итальянский: *Perché in Germania alcuni economisti sbuffano per la Merkeleconomics?*² («Formiche», 2016). Довольно широкое распространение неологизм получил в российских и украинских СМИ. Необходимо отметить, что в русскоязычных медиа он функционирует в виде контаминации *меркеленомика*: *Меркеленомика* («Укринформ», 2015); *Меркеленомика обогатится на 300 тонн чистейшего вольфрама* («Aftershock.news», 2016); *Получаем от ЕЦБ 100 миллиардов, откладываем в долг 960 миллиардов и хвастаемся «успехами» – вот она, реальная меркеленомика!* (lussien.livejournal.com, 2016).

Если слово *merkeln* популярно в немецком публицистическом дискурсе, а *меркеленомика* – в русскоязычных СМИ, то неолексема *меркелизм* активно употребляется всеми медиа без исключения. Свидетельством популярности неологизма является то, что в 2017 г. во Франкфурте-на-Майне даже состоялся семинар немецких политических психологов на тему «Социальная психология меркелизма».

¹ Саркози боролся, чтобы закрыть разрыв, но он также намекнул на враждебность общества к меркелекономике (здесь и далее цитаты даются в переводе авторов статьи).

² Почему в Германии некоторые экономисты ворчат на меркелекономику?

Следует отметить, что неолоксемы, образованные от фамилии общественного деятеля при помощи суффикса *-изм-*, очень распространены в современном политическом дискурсе (например, *тэтчеризм, голлизм, путинизм, трампизм*).

Merkelismus как обозначение политического стиля канцлера А. Меркель в немецкоязычных СМИ имеет нейтральную или негативную семантику, хотя с нейтральной оценкой в медиа Германии слово употребляется реже, чем с негативной. Возможно, это связано с тем, что немецкой аудиторией, еще не забывшей историю XX в. с его политическими и военными катаклизмами, вызванными во многом разнообразными «измами», термины, персонифицирующие политический курс лидера, воспринимаются несколько настороженно, и подобные неологизмы, как правило, имеют негативную эмоциональную окраску.

Примером употребления неолоксем с нейтральной оценкой может служить статья «Was ist „Merkelismus“?», где политический курс партии канцлера оценивается как прагматичный: *Ob man es «Merkelismus» nennt oder Pragmatismus – fest steht, die CDU bewegt sich auf neuen Pfaden*³ (Welt.de, 28.05.2009). Также нейтральное коннотативное значение присуще термину в статье «Der „Merkelismus“ und die Linke», автор которой называет меркелизм ключевым политическим режимом современного этапа развития Германии («Merkelismus» als tonangebender Politikmodus unserer Gegenwart? («Neues Deutschland», 2017)).

Более характерным для немецкоязычных СМИ является использование неологизма с негативной коннотацией: *Sind die Deutschen geblendet vom «Merkelismus»? Die Lösung von Problemen durch Fassadenmalerei – das sei der eigentliche Kern des Merkelismus*⁴ («Neue Zürcher Zeitung», 2017); *Das Herrschaftssystem des Merkelismus basiert auf einem Ineinander von Opportunismus und Dogmatismus; es geht um ständige Anpassungen bei gleichzeitiger unbeugsamer Zielrichtung. Merkelismus ist eine besondere – und eine besonders rabiate – Form des Neo-Merkantilismus*⁵ («Helmut-himmler.de», 2013). Встречается даже ассоциация политики А. Меркель с исламизмом и экстремизмом: *Merkelismus, Islamismus, Extremismus* («Freie Welt», 2016). На популярном среди немецкой аудитории сатирическом медиаресурсе «Stupidedia», представляющим собой юмористическую версию «Википедии», меркелизм определяется следующим образом: *Der Merkelismus ist als eine Abwandlung des Merkantilismus zur Zeit des Absolutismus zu verstehen, die von Merkel selbst initiiert wurde. Diese Staatsform wird auch oft als*

³ Это можно называть «меркелизмом» или прагматизмом – ясно, что ХДС движется новыми путями.

⁴ Неужели немцы ослеплены «меркелизмом»? Решение проблем окраской фасада – вот в чем суть меркелизма.

⁵ Система господства меркелизма основана на переплетении оппортунизма и догматизма; речь идет о постоянных корректировках одновременно с неменяющейся целью. Меркелизм – это особая и особенно радикальная форма неомеркантилизма.

*Diktatur bezeichnet*⁶ («Stupidedia»). В оппозиционном немецком издании «PI-News» существует даже отдельная рубрика «Merkelismus», в которой размещают исключительно критические по отношению к политике А. Меркель материалы.

Если в немецких СМИ неолоксема *меркелизм* употребляется преимущественно с негативной семантикой, то в публицистических материалах европейских медиа оценка скорее нейтральная. Журналист британской «The Guardian» Мартин Кеттль пишет о трудностях в определении сущности политики Меркель: *Yet it is hard to define "Merkelism". Here the analogy with Thatcher runs into the sand. Like most in her party, Merkel believes in the CDU as the ineluctable party of German government. She believes in being in power, in making things work, and is very good at it. But it is hard to pin down her views*⁷ («The Guardian», 17.03.2011).

Обозреватель итальянской газеты «Ла Stampa» Джан Энрико Рускони в статье «Меркелизм меняет ЕС» пытается найти аргументы в пользу политического курса Германии: *Меркелизм амбициозен, потому что не чувствует необходимости оправдываться в традиционных идеологических терминах. Противники справа и слева обвиняют его в интеллектуальной нищете, а Юрген Хабермас говорит об «отсутствии нормативного ядра». Но никогда не обретавшему конкретную форму проекту создания федерации или утопии демоса / европейского народа противостоит необратимое ежедневное утверждение примата «эгоистических» интересов национальных государств. Германия просто являет собой пример «нормального» эгоиста* («Иносми.Ру», 12.09.2013).

Российские медиа используют лексему *меркелизм*, как правило, с положительным коннотативным значением: *Психологи и политологи ввели новое понятие «меркелизм», что не только знак признания ведущего европейского политика, но и признание ее стиля* («Новая газета», 2014). Неологизм выступает в роли маркера модусной ориентированности текста – одобрения политики канцлера Германии – в статье корреспондента издания «Невское время» в ФРГ Антона Шандорова «Меркелизм в действии»: *Любопытно, что тенденция к пессимизму, когда речь заходит о Минском процессе, характерна и для немецких аналитиков. Между прочим, именно они и именно по этому поводу запустили в местное просторечие новый глагол – *merkeln* («меркельн»). Перевести это ёмкое словцо можно так: «В стиле Меркель сидеть на берегу реки и, ничего не предпринимая, ждать, когда по ней проплывет труп твоего врага». В общем, тянут*

⁶ Меркелизм следует понимать как модификацию меркантилизма во времена абсолютизма, инициированного самой Меркель. Эта форма правления часто определяется как диктатура.

⁷ Однако термину «меркелизм» трудно дать определение. Здесь аналогия с Тэтчер не работает. Как и большинство в ее партии, Меркель верит в ХДС как неотъемлемую часть правительства Германии. Она уверена в своей власти, в том, что может заставить всё работать, и очень хорошо справляется с этим. Но трудно понять ее взгляды.

и бездействовать. Выдумщикам, вероятно, неизвестно, что таков реальный стиль действий канцлера Германии. Десять раз отмерить, потом действовать. Что как раз и подразумевает отсутствие трупов – будь то среди сирийских беженцев в Германии или в Донбассе («Невское время», 17.09.2016).

Неологизм *меркелизм* настолько часто употребляется в языке российских СМИ, что «лингвисты даже обещают включить его наряду с новыми лексемами *Трампыч* и *псакинг* в словарь русского языка. Об этом сообщает руководитель группы словарей новых слов Института лингвистических исследований РАН Таисия Буцева («Российская газета», 06.01.2017).

В свою очередь, русскоязычные СМИ Украины (о ситуации с языком украинских медиа см., например, работы В. Кулика [Кулик, 2013; Кулик, 2016]) употребляют термин *меркелизм* с негативной коннотацией: «Свобода» раскритиковала Германию за «меркелизм» в вопросе Голодомора («ЛигаБизнесинформ», 2008); Конец «меркелизму»? *Foreign Policy* предрекла войну между Францией и Германией («Обозреватель», 2015); 10-летие канцлера ЕС, или Безальтернативный меркелизм («Укринформ», 2015).

Различие в семантике лексемы *меркелизм* и ее роли в модусной ориентированности текстов российских и украинских медиа связано не только с расхождением в отношении к политическому курсу канцлера Германии (в России А. Меркель одобряют за умеренность, а на Украине, наоборот, критикуют), но и в лингвокультурных особенностях. Если российской традиции свойственна персонификация политики, то для украинской характерно определенное принижение роли политического лидера, демократическая тенденция.

Таким образом, анализ функционирования лексемы *Merkelismus* (*меркелизм*) выявил существенные семантические отличия – в СМИ разных стран неологизм может иметь позитивное, нейтральное или негативное коннотативное значение, что вызывается как лингвокультурными причинами, так и текущей политической ситуацией в каждой конкретной стране.

В 2017 г. одним из популярных фразеологизмов политического дискурса стала неофразема, имеющая в немецком языке два варианта: *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten* и *Europa der zwei Geschwindigkeiten*. После брекзита на саммите ЕС А. Меркель высказалась в пользу такой доктрины дальнейшего развития, которая предполагает усиление интеграции ядра Евросоюза без оглядки на позицию других государств-членов, в него не входящих. Данный фразеологизм возник еще в прошлом веке на заре формирования Евросоюза и вновь стал актуальным в связи с кризисными явлениями последних лет. Поскольку столь важные изменения касаются не только членов еврозоны, но относятся к явлениям глобальной политики, фразеологизм мгновенно стал интернациональным. При этом коннотации неофраземы в политическом дискурсе определенного языка зависят от политической ситуации в каждой конкретной стране.

В немецких медиа *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten* имеет, как правило, позитивное коннотативное значение. Это ценное для некоторых областей политики решение: *Merkel für Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten. Wohin soll sich die EU entwickeln? Die Mitgliedstaaten sind uneins. Bundeskanzlerin Merkel schlägt eine Lösung vor, die sich in manchen Politikfeldern schon bewährt hat*⁸ («Faz», 2017); это свидетельство того, что Германия сильна: *Das Europa der zwei Geschwindigkeiten nutzt nur den Starken*⁹ («Tagesspiegel», 2017); это позволяет сохранить ЕС: *Die deutsche Kanzlerin ändert ihren Kurs und bewirbt ein Europa der «zwei Geschwindigkeiten». Ihr Ziel: das Projekt EU retten. Vielen aber ist dieses Mittel zum Zweck nicht recht*¹⁰ («Deutsche Welle», 2017); конечно, есть те, кто видят в этом опасность, но они ошибаются: *Wer das Europa der zwei Geschwindigkeiten als Gefahr sieht*¹¹ («Tagesspiegel», 2017). Англоязычный вариант фразеологизма *multi-speed Europe* в американских и британских СМИ также имеет положительную коннотацию. Это привлекательная альтернатива существующему порядку: *Europe: Moving at Different Speeds. A multi-speed Europe presents an attractive alternative to the current EU structure*¹² («Fairobserver US», 2017); лучший вариант: *The best option is a structure with an integrated core and a looser outer layer*¹³ («Financial Times», 2017); именно такая формула определяет будущее Европы: *A multi-speed formula will shape Europe's future. EU's big four back 'multi-speed' Europe*¹⁴ («Euobserver», 2017); если Европа не станет разноуровневой, она может распасться: *Europe's future is multi-speed and multi-tier. The EU must embrace greater differentiation or face potential disintegration*¹⁵ («The Economist», 2017); это совсем не разные скорости развития, просто у стран разные потребности: *A Europe of different needs, not different speeds*¹⁶ («Weforum», 2017).

В российских медиа оценка события и семантика фразеологизма амбивалентны, они могут быть как позитивными, так и негативными: *К единству ЕС – на разных скоростях* («Независимая газета», 2017); *Германия хочет поделить страны ЕС на два сорта* («Взгляд.ру», 2017). Подобная ситуация отражает двойное отношение России к Евросоюзу.

⁸ Меркель для Европы разных скоростей. Где должен развиваться ЕС? Государства-члены разделены. Канцлер Меркель предлагает решение, которое уже рекомендовало себя в некоторых сферах политики.

⁹ Европа двух скоростей используется только сильными.

¹⁰ Канцлер Германии меняет курс и продвигает в Европе «две скорости». Цель – сохранить проект ЕС. Но многим это средство для этой цели не подходит.

¹¹ Кто рассматривает Европу двух скоростей как опасность.

¹² Европа: движение на разных скоростях. Многоскоростная Европа представляет собой привлекательную альтернативу существующей структуре ЕС.

¹³ Лучший вариант – это структура со встроенным ядром и более свободным внешним слоем.

¹⁴ Формула с несколькими скоростями будет определять будущее Европы. Крупнейшая европейская «многоскоростная» Европа.

¹⁵ Будущая Европа – многоскоростная и многоуровневая. ЕС должен стать более дифференцированным или столкнуться с потенциальной дезинтеграцией.

¹⁶ Европа разных потребностей, а не разных скоростей.

Вполне естественно, что новые члены ЕС (Польша, Чехия, Словакия, страны Балтии) отрицательно реагируют на предложенную концепцию разноскоростного развития, в связи с этим и фразеологизм в соответствующих сегментах медиадискурса имеет негативную семантику. Европа разных скоростей уничтожит ЕС: *Europa dwóch prędkości rozbija UE*¹⁷ («Prawo i Sprawiedliwość», 2017), *Prezydent: Podziały UE na różne prędkości będzie początkiem jej końca*¹⁸ («Gazeta prawna», 2017); это немецко-французская пропаганда: *Koncepcji, podle níž by se různé členské země integrovaly různými rychlostmi v rámci EU, prosazují některé státy v čele s Německem a Francií*¹⁹ («Ekonom», 2017); это несет экономические риски: *Německo a Merkelová ohlašují konec stejně rychlé integrace EU. Co to bude znamenat pro Česko? Kancléřka se podle dostupných zdrojů rozhodla prosadit téma „dvourychlostní EU“, tedy to, že ne všechny země se musí zavázat ke všem integračním krokům, například k jednotné měně euro, do deklarace, která má být přijata už v březnu v Římě*²⁰ (Reflex.cz, 2017).

К скепсису относительно эффективности концепции разноскоростного развития присоединяются и украинские СМИ – фразеологизм имеет исключительно негативные коннотации: «*Європа різних швидкостей*» *Чи витримає ЄС зміну своєї структури* («Тиждень.ua», 2017); «*Європа різних швидкостей*» *і кінець української мрії* («Espresso.tv», 2017), *Чи зможуть Меркель з Макроном розвалити ЄС. «Європа різних швидкостей», яку активно любіють Німеччина та Франція, може доволі швидко перетворитися на «Європу різних сортів»* (dero.ua, 2017).

Итак, точно так же, как и в случае с деонимом *Merkelismus*, неофразаема *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten* в медийном дискурсе различных языков имеет разное коннотативное значение и по-разному модализирует текст.

* * *

В настоящее время СМИ представляют собой одну из главных площадок появления и закрепления новых лексических единиц. Немецкий медиадискурс, будучи отражением политики одного из главных европейских государств, порождает большое количество новых лексем и фразем. Важной составляющей неологического фонда является лексика, образованная на базе фамилий политических дея-

¹⁷ Европа двух скоростей разрушит ЕС.

¹⁸ Президент: части ЕС с разными скоростями станут началом конца.

¹⁹ Концепция, согласно которой различные государства-члены будут интегрироваться с разными скоростями, пропагандируется некоторыми государствами во главе с Германией и Францией.

²⁰ Германия и Меркель объявляют о завершении такой же быстрой интеграции ЕС. Что это значит для Чешской Республики? Канцлер, согласно имеющимся источникам, решила протолкнуть в декларацию, которая будет принята в Риме уже в марте, тему «двухскоростного ЕС», то есть не все страны должны брать на себя обязательства по всем этапам интеграции, например, по единой валюте.

телей. Деонимы популярны во всех европейских языках, однако их образование и функционирование имеют определенные отличия, как морфологические, так и семантические. Если для немецкого языка характерны глаголы-деонимы, то для славянских языков они не свойственны, чем в основном и объясняется то, что неолексема *merkeln* осталась явлением главным образом немецкого публицистического дискурса. В свою очередь, неологизм *меркелизм* активно используется СМИ практически всех европейских стран, хотя его коннотативное значение варьируется.

Актуальность – основное условие того, чтобы новая лексическая или фразеологическая единица вошла в активный словарь другого языка. Оперативное проникновение неофраземы *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten* после саммита ЕС 2017 г. в славянские языки – яркое тому подтверждение. Коннотативное значение фразеологизма в каждом конкретном языке зависит от политической ситуации, а также от лингвокультурных особенностей.

Список литературы

Белов В. Некоторые лексические процессы в российском политическом дискурсе (на материале российских интернет-газет) // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2016. № 72. Iss. 2. S. 383–411.

Гананольская Е. В. Свободное слово или эзопов язык? : (Фразеология как средство современной политической коммуникации) // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 108–112.

Доманский Д. Е. Многозначность глаголов, образованных на базе фамилий известных политических деятелей // *Филол. науки : Вopr. теории и практики*. 2013. № 4 (22). Ч. 2. С. 58–61.

Кондратьева О. Н. «Словарь политических терминов в СМИ» как новый лексикографический продукт // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология*. 2016. № 6 (44). С. 38–49.

Копытов О. Н. Модус на уровне дискурса (на примере «холодной войны» – 2014) // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология*. 2016. № 2 (40). С. 29–44.

Копытов О. Н. О тексте современных СМИ : взгляд со стороны модуса // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология*. 2014. № 1 (27). С. 16–27.

Никитина О. А. Особенности образования новых немецких глаголов на базе антропонимов // *Научный диалог*. 2015. № 11 (47). С. 42–54.

Плахина Е., Белякова И. Бег по кругу: риторика холодной войны в современной российской и американской прессе // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 2. С. 159–180. DOI 10.15826/qr.2016.2.164.

Соболева Н. П. Лингвокультурологические аспекты контекстуального использования фразеологизмов в рекламных слоганах // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология*. 2017. № 45. С. 139–149.

Стоянова Е. В. «Новая» фразеология в языке масс-медиа (на материале русского языка) // *Русистика 2003 : Язык, коммуникация, культура*. Шумен : Университет. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2003. С. 316–323.

Чигаешева М. А. Ассоциативный потенциал антропонимов в немецком и русском языке // *Вестн. Брянск. гос. ун-та*. 2015. № 2. С. 319–322.

Чигаешева М. А. Лексико-семантическое микрополе «Merkel» // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2016. № 4. С. 74–81.

Якоба И. А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология*. 2015. № 3 (35). С. 122–134.

- Якоба И. А. Модусная ориентированность при интерпретации событий-аттракторов медийного дискурса (на примере ситуации крушения самолета MH17 *Malaysia airlines*) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2016. № 3 (41). С. 88–95.
- Afeltowicz B. Kilka uwag o polskiej frazeologii politycznej (na materiale tygodnika Wprost) // *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2008. S. 437–443.
- Burger H. *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin : Erich Schmidt, 2007. 240 S.
- Junkova B. Frazeologicke prostredky současne zurnalistiky // *K aktualnim otazkam frazeologie*. Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2001. S. 156–167.
- Junková B. *Jazyková dynamika současné publicistiky*. Praha : ARSCI, 2010. 239 s.
- Kulyk V. *Language and Identity in Ukraine after Euromaidan* // Thesis Eleven. 2016. Vol. 136. Iss. 1. P. 90–106.
- Kulyk V. *Language policy in Ukraine : What People Want the State to Do* // *East European Politics and Societies*. 2013. № 2 (27). P. 279–306.
- Magalova G. *Frazeologia (nielen) pre žurnalistov*. Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2008. 88 s.
- Srpova H. *Frazeologie a idiomatika jako zdroj aktualizace v zurnalistickem a reklamním diskursu* // *Parémie národů slovanských I*. Ostrava : Ostravská univerzita, 2003. S. 135–142.

References

- Afeltowicz, B. (2008). Kilka uwag o polskiej frazeologii politycznej (na materiale tygodnika Wprost). In *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 437–443.
- Belov, V. (2016). Nekotorye leksicheskie protsessy v rossiiskom politicheskom diskurse (na materiale rossiiskikh internet-gazet) [Some Lexical Processes in Russian Political Discourse (with Reference to Russian Internet Newspapers)]. In *Zeitschrift für Slavische Philologie*. No. 72. Iss. 2, S. 383–411.
- Burger, H. (2007). *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin, Erich Schmidt. 240 S.
- Chigasheva, M. A. (2015). Assotsiativnyi potentsial antroponimov v nemetskom i russkom yazyke [The Associative Potential of Anthroponyms in German and Russian]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 319–322.
- Chigasheva, M. A. (2016). Leksiko-semanticheskoe mikropole “Merkel” [The Lexico-Semantic Microfield “Merkel”]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. No. 4, pp. 74–81.
- Domansky, D. E. (2013). Mnogoznachnost’ glagolov, obrazovannykh na baze familii izvestnykh politicheskikh deyatelei [The Polysemy of Verbs Formed on the Basis of the Names of Well-Known Political Figures]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 4 (22). Part 2, pp. 58–61.
- Ganapolskaya, E. V. (2004). Svobodnoe slovo ili ezopov yazyk? (frazeologiya kak sredstvo sovremennoi politicheskoi kommunikatsii) [Free Speech or Aesopian Language? (Phraseology as a Means of Modern Political Communication)]. In *Aktual’nye problemy teorii kommunikatsii*. St Petersburg, Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 108–112.
- Junkova, B. (2001). Frazeologicke prostredky současne zurnalistiky. In *K aktualnim otazkam frazeologie*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, s. 156–167.
- Junková, B. (2010). *Jazyková dynamika současné publicistiky*. Praha, ARSCI. 239 s.
- Kondratyeva, O. N. (2016). “Slovar’ politicheskikh terminov v SMI” kak novyi leksikograficheskii produkt [Dictionary of Political Terms in the Media as a New Lexicographic Product]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 6 (44), pp. 38–49.

Kopytov, O. N. (2014). O tekste sovremennykh SMI: vzglyad so storony modusa [About the Text of the Modern Mass Media: A View from the Side of Modus]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 1 (27), pp. 16–27.

Kopytov, O. N. (2016). Modus na urovne diskursa (na primere “kholodnoi voiny” – 2014) [Modus at the Level of Discourse (with Reference to the “Cold War” – 2014)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 2 (40), pp. 29–44.

Kulyk, V. (2013). Language Policy in Ukraine: What People Want the State to Do. In *East European Politics and Societies*. No. 2 (27), pp. 279–306.

Kulyk, V. (2016). Language and Identity in Ukraine after Euromaidan. In *Thesis Eleven*. Vol. 136. Iss. 1, pp. 90–106.

Magalova, G. (2008). *Frazeologia (nielen) pre žurnalistov*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. 88 s.

Nikitina, O. A. (2015). Osobennosti obrazovaniya novykh nemetskikh glagolov na baze antroponimov [Features of the Formation of New German Verbs with Reference to Anthronyms]. In *Nauchnyi dialog*. No. 11 (47), pp. 42–54.

Plakhina, E., Belyakova, I. (2016). Beg po krugu: ritorika kholodnoi voiny v sovremennoi rossiiskoi i amerikanskoi presse [Running around the Vicious Circle: Cold War Images in Contemporary Russian and American Print Media]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 2, pp. 159–180. DOI 10.15826/qr.2016.2.164.

Soboleva, N. P. (2017). Lingvokul'turologicheskie aspekty kontekstual'nogo ispol'zovaniya frazeologizmov v reklamnykh sloganakh [Linguocultural Aspects of the Contextual Use of Phraseologisms in Advertising Slogans]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2017. No. 45, pp. 139–149.

Srpova, H. (2003). Frazeologie a idiomatika jako zdroj aktualizace v zurnalistickem a reklamnim diskursu. In *Parémie národů slovanských I*. Ostrava, Ostravská univerzita, s. 135–142.

Stoyanova, E. V. (2003). “Novaya” frazeologiya v yazyke mass-media (na materiale russkogo yazyka) [“New” Phraseology in the Language of the Mass Media (with Reference to the Russian Language)]. In *Rusistika 2003: Yazyk, kommunikatsiya, kul'tura*. Shumen, Universitetskoe izdatel'stvo „Episkop Konstantin Preslavski“, pp. 316–323.

Yakoba, I. A. (2015). Vlast' diskursa mediinogo prostranstva v bor'be za nominatsiyu [The Power of the Discourse of Media Space in the Struggle for Nomination]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 3 (35), pp. 122–134.

Yakoba, I. A. (2016). Modusnaya orientirovannost' pri interpretatsii sobytiy-attraktorov mediinogo diskursa (na primere situatsii krusheniya samoleta MH17 Malaysia airlines) [Modus Orientation in the Interpretation of Media Attractor Discourse Events (with Reference to the MH17 Malaysia Airlines Crash Situation)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 3 (41), pp. 88–95.

The article was submitted on 20.09.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.353

УДК 821.161.1–343(470)+811.161.1'373.612.2+81'42

**АРХЕТИП «РОДИНЫ-МАТЕРИ»
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ VS ДМИТРИЙ БЫКОВ)***

Екатерина Постникова

Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова,
Магнитогорск, Россия

**THE ARCHETYPE OF THE MOTHERLAND
IN MODERN POLITICAL DISCOURSE
(ALEKSANDR PROKHANOV VS DMITRY BYKOV)**

Yekaterina Postnikova

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia

This article analyses the transformation of the archetype of the Motherland in opposed mytho-political systems and political discourses of contemporary Russia. It does so with reference to journalistic speeches and articles by Aleksandr Prokhanov and Dmitry Bykov (and satirical poems by the latter). The article demonstrates that the political opponents legitimise/delegitimise and sacralise/desacralise power by choosing a certain aspect of the archetype of the Motherland and reviving the mythology of hierogamy by projecting the archetype of the Father Tsar onto the current political leader. Another effective method of creating the image of Russia and interpreting events is the metaphor of family and gender, which both the writer and the poet use skillfully. The article aims to identify the aspects of the Motherland archetype and to understand the peculiarities characterising the usage of political metaphors for creating the image of the Motherland and their place in the mytho-political systems, relying on methods of mythopoetic and cognitive analysis. The author concludes that in the satirical poems and journalistic speeches of the opposition member Dmitry Bykov, the Motherland is a mother abandoning her children,

* *Citation*: Postnikova, Y. (2018). The Archetype of the Motherland in Modern Political Discourse (Aleksandr Prokhanov vs Dmitry Bykov). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1174–1187. DOI 10.15826/qr.2018.4.353.

Цитирование: Postnikova Y. The Archetype of the Motherland in Modern Political Discourse (Aleksandr Prokhanov vs Dmitry Bykov) // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1174–1187. DOI 10.15826/qr.2018.4.353 / Постникова Е. Архетип «Родины-матери» в современном политическом дискурсе (Александр Проханов vs Дмитрий Быков) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1174–1187. DOI 10.15826/qr.2018.4.353.

an alcoholic mother, a mother devouring its children – an Antimother. Of all the gender and family metaphors related to the image of Russia, Bykov chooses antenatal and anticreative metaphors, emphasising, whenever possible, his own masculinity (on the principle of the masculinisation of his own self/his people). However, in the articles and speeches of the conservative Alexander Prokhanov from the early 2000s, the author observes a sacralisation of the Motherland, with the writer emphasising the positive and bright side of the holy image (Holy Russia). However, in his recent journalistic writings, there is a marked preference for the archetype of the Father Tsar, sacralisation of the authorities. and the worship of the state; he uses gender metaphors with a tendency for the masculinisation of one's own people and the feminisation of others.

Keywords: Motherland; political metaphor; mythopoetics; satirical poetry; journalistic writing; political discourse; national mythology.

Трансформация архетипа Родины-матери в полярных мифополитических системах и политических дискурсах современной России рассматривается на материале публицистических выступлений, статей А. Проханова и Д. Быкова и сатирической поэзии последнего. Показано, что, выбирая тот или иной аспект архетипа Родины-матери и актуализируя мифологию иерогамии (священного брака Правителя и Земли) через проекцию архетипа батюшки-царя на действующего политического лидера, политические оппоненты власть легимизируют/делегитимизируют, сакрализируют/десакрализируют. Еще одним действенным способом создания образа России и интерпретации событий, происходящих в жизни общества, является гендерная и семейная метафора, которой писатель и поэт владеют в совершенстве. Цель исследования – выявить аспекты архетипа Родины-матери, актуальные для двух крайних полюсов политического дискурса современной России, уяснить специфику использования политических метафор для создания образа Родины-матери и их место в мифополитических системах. Используются методы мифопоэтического и когнитивного анализа. Автор приходит к выводу, что в сатирических стихотворениях и публицистических выступлениях оппозиционера Д. Быкова Родина-мать превращается в мать, бросающую своих детей, мать-пьяницу, мать, пожирающую своих детей, – антимать. Из всех гендерных и семейных метафор, связанных с образом России, Д. Быков выбирает метафоры антинаральные, антикреативные, подчеркивая, когда это возможно, собственную маскулинность (по принципу маскулинизации «своих»/«себя»). В статьях и выступлениях консерватора А. Проханова начала 2000-х гг. наблюдалась сакрализация Родины-матери, акцент ставился на позитивной, светлой стороне этого святого образа (Святая Русь). Однако в его публицистике последних лет заметны предпочтение архетипа батюшки-царя, сакрализация власти и обожествление государства, использование гендерных метафор с тенденцией к маскулинизации «своих» и феминизации «чужих».

Ключевые слова: Родина-мать; политическая метафора; мифопоэтика; сатирическая поэзия; публицистика; политический дискурс; национальная мифология.

В современном политическом дискурсе наблюдается картина полной поляризации политических мифов, мифологем и мифологических образов в разных мифополитических системах. Если современные прозападные либералы называют что-то белым, то у проправительственных консерваторов это же будет объявлено черным, и наоборот. Конечно, это во многом объяснимо «дуальной природой структуры» русской политической культуры [Лотман, Успенский, с. 3]. Дуальность, в свою очередь, восходит к древним бинарным оппозициям. Но то, насколько перекодированы символы сегодня, на наш взгляд, является сигналом очень опасной кризисной ситуации в обществе.

Ситуация крайней поляризации мифополитических систем отражается и в восприятии традиционных образов-символов русской национальной мифологии. Поражает, например, то, насколько полярные аспекты архетипов Родины-матери и батюшки-царя выбраны в качестве маркеров политического дискурса оппозицией и проправительственными консервативными силами. Проследить это явление можно на материале публицистических статей Александра Проханова (писателя, публициста, редактора газеты «Завтра», общественного деятеля) и сатирической поэзии и публицистики Дмитрия Быкова (поэта, публициста, литературоведа, автора современной политической сатиры, активно публикующегося в «Новой газете» и «Собеседнике»). Условно можно обозначить политическую позицию А. Проханова как крайне правую (проправительственную), а позицию Д. Быкова – как крайнюю оппозиционную (прозападную). Оба автора ведут блоги в «Живом журнале», их тексты находятся в открытом доступе в Интернете, в СМИ, и оба они, являясь блестящими публицистами, умело используют архетипические образы национальной мифологии, напрямую влияя на общественное сознание через коллективное бессознательное.

Отметим здесь, что сами публицисты позиционируют друг друга как оппоненты. Например, Д. Быков в статье «“Новая газета” как “Завтра” сегодняшнего дня» еще в 2000 г., объясняя друзьям и коллегам, зачем он покупает газету «Завтра», отшучивался: *Врага надо знать в лицо* [Быков, 2015а, с. 325]. В свою очередь, А. Проханов не остался в долгу, вступив в перепалку с Д. Быковым и журналистами «Эха Москвы» в духе полемики Ф. Достоевского и Щедрина 60-х гг. XIX в., этой беспрецедентной в истории русской журналистики «бранни». Читаем, например, в его сатирическом памфлете «Ежеборец» из цикла «Покайтесь, ехидны»: *В центре Москвы образовалось место, свободное от ежей. Туда стали приходиться москвичи, чтобы отдохнуть от ежей и послушать стихи Быкова. Но эти стихи нравились и ежам. Ежи собирались послушать стихи Дмитрия Быкова, но не смели переступить запрещающие знаки и слушали поодаль, наслаждаясь, потому что в стихах Быкова были слова и выражения, ласкающие слух ежей. Например, «ежи с ними», «ежели», «Ежевск», «Ежерские заводы» и «еженедельник»* [Проханов, 2017а]. (Аналогичным образом

когда-то Достоевский изображал Щедрина «шавкой лающей, но не кусающей», а Щедрин выводил оппонента в образе «стрижа четвертого, беллетриста унылого»). Конечно, противостояние между А. Прохановым и Д. Быковым, как и когда-то между Ф. Достоевским и М. Салтыковым-Щедриным, это не просто перебранка двух эксцентричных особ, а конфронтация идейная, идеологическая, очень резко обнажающая скрытые внутри русской политической культуры и обострившиеся в последнее время противоречия и конфликты.

В понимании национальной мифологии опираемся на высказывание В. Полосина: «Национальная мифология – это совокупный, иносказательно выраженный коллективный опыт самосохранения, внутренней организации и развития сообщества в качестве одной великой Семьи. Мифология нации – это подсознание народа, в котором хранится архетипически выраженный опыт самоорганизации общества» [Полосин, с. 83]. Базовыми архетипами русской национальной мифологии, укоренившимися в политической культуре России, являются архетипы Родины-матери и батюшки-царя, актуализирующие мифологию иерогамии, священного брака Правителя и Земли. Их дети – национальная элита, кровь нации. Народ (почва) – это и есть тело Родины-матери. Далее исследователь утверждает: «Главной для национальной мифологии является функция хранения совокупного опыта и традиций, нравственного идеала народа, и эта функция олицетворяется символическим образом одухотворенной прародительницы – Великой Матери – как бы второй, животворящей земную жизнь ипостаси Абсолюта. Она фокусирует в себе совокупную национальную мифологию и постоянно воспроизводит ее через рождение детей – национальной элиты. В силу своей специфики национальное сознание и его мифология трансформируют Мать-Дух, Великую Мать в образ Родины-матери, в котором нация видит саму себя как единое целое, как субъект истории, и отличают себя от других субъектов. Родина-мать – это архетип и концентрированное выражение национальной самости и зеркальное отображение, рефлексия национального самосознания» [Полосин, с. 76]. Ведущие публицисты и писатели современности способны интерпретировать текущий исторический момент, проецируя на него архетипический опыт предков, но архетипические образы национальной мифологии зачастую используются ими как средства политической борьбы.

В современном политическом дискурсе архетип Родины-матери востребован для легитимизации образа правителя через подключение к нему архетипа царя-батюшки, который «владеет» Россией. Как отмечает О. В. Рябов, этот образ используется не только консервативным проправительственным дискурсом, который буквально присваивает его себе (легитимизация власти), но и оппозиционным, и популистским дискурсами для делигитимизации. Причем если популистский модус предполагает символическую борьбу за обладание этим символом, за право говорить от его имени (противники власти при этом представ-

ляют страну как мать, страдающую от произвола власти, а себя – как ее верных детей, стремящихся ее защитить), то либеральный модус предполагает деконструкцию символа «Родина-мать» (само ассоциирование страны с матерью, а граждан с детьми объявляется опасным для общества, иррелевантным для описания социальных отношений и мешающим утверждению демократических ценностей) [Рябов, с 65–69].

В поэзии и статьях Д. Быкова встречается другая стратегия – актуализации и интерпретации (перекодировки). Автор актуализирует негативный аспект архетипа Великой матери, его деструктивную, теневую сторону. Да, Россия – мать, говорит Быков. Но какая это мать?

В политической сатире Д. Быкова Великая мать, Родина-мать превращается в мать, бросающую детей своих: *Мать непреклонная, суровая, неутомимая в пальбе... / ты от вернейших отрекаешься (вернейший дважды обречен), / и спотыкаешься, и каешься, и не меняешься ни в чем! / Ведь вот, потеряны, уронены птенцы большой твоей семьи: / тебе бы сделать их героями, а ты уперлась: не мои.* Эпиграфом к этому стихотворению с характерным названием «Сыновнее» выбрана строчка из «Без вины виноватые» А. Н. Островского: *Господа, я предлагаю тост за матерей, которые бросают детей своих* [Быков, 2015б].

На образ Родины-матери проецируется образ матери-чудовища, пожирающей любящих детей (Кроноса в женском варианте): *...Я к ней прибегу паладином, / Я все ей отдам, / Я жизнь положу к ее длинным / И бледным ногам. / Она меня походя сунет / В чудовищный рот. / Потом прожует меня, плюнет / И дальше пойдет* («Но образ России трехслойный...») [Быков, 2016а]. Быков о Некрасове: *А еще Некрасов любил Россию. Что не помешало ей, впрочем, превосходным образом его сожрать...* [Быков, 2004].

Родина-мать перекодируется в мать-пьяницу, которая срамит перед иностранцами, вещая им что-то о «международном положении»: *И вот на протяжении всего последнего года Отечество – как отдельные его граждане, так и образ страны в целом – все чаще напоминает мне эту немолодую мать-одиночку, развязавшуюся алкоголичку, которая вышла на мировую арену и пылко, страстно, с глазами на мокром месте разглагольствует о международном положении* [Быков, 2015в].

Далее – по нарастающей. «Немолодая пьяная мать-одиночка» превращается в старого паралитика (образ старухи): *За все, за все тебя благодарю я – / <...> / За Родину, что, словно паралитик, / Трясет головой, но встает с колен* [Быков, 2011].

Из метафор, связанных с гендерной символикой и репродуктивными ролями, поэтом выбирается метафора блуда, блудницы, «девки» (важно: не Девы!). По сути, это символика антиматеринства: *Проститься с девкой, прежде чем изменит, / Поскольку девка – то же, что страна, / И раньше, чем страна меня оценит, / Понять, что я не лучше, чем она* («Одиннадцатая заповедь») [Быков, 2012].

Отметим здесь, что в русской политической сатире еще в XIX в. сложилась традиция использовать образ блудницы для делигитимизации власти. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин актуализировал этот образ, изображая властных помпадурш и губернаторш в «Истории одного города» (глава «Сказание о шести градоначальницах») (см. об этом: [Постникова]). Но у Щедрина эта антинаральная метафора подключалась к образу российской власти, а не России в целом. Россия-блудница (девка): такая метаморфоза образа Родины-матери – изобретение либерально-демократического дискурса начала XX в. периода русской революции – по каким-то причинам стала сно-ва актуальной в начале XXI в.

Для сравнения уместно обратиться к русской классике. Святой Русь представляется в тютчевском стихотворении «Эти бедные селенья...», любимейшем стихотворении Достоевского. В строфе: *Не поймет и не заметит / Гордый взор иноплеменный, / Что сквозит и тайно светит / В наготе твоей смиренной* на образ России проецируются образы христианских святых.

И наконец, Родина-мать оборачивается в «мать нашу», «бабушку с яйцами», «пафосного гермафродита»: *...В страхе планета глядит, / Как ты колышешься, грозная женщина, пафосный гермафродит. / Мать наша общая, бабушка с яйцами! / Сплющен твой старенький дом / – Слева Европою, справа китайцами, сверху арктическим льдом. / Ты и убогая, ты и обильная. Щедро залил тебя мрак. / Только скомандовать можешь – «Люби меня!» – а и улыбнуться никак. / Ты и столикая, ты и безликая, зыблется твой силуэт, / Много в тебе нефтегаза и никеля, / А идентичности нет («Грубоватое»)* [Быков, 2014]. В этом стихотворении Родина-мать вообще теряет свою половую идентичность: *Ты и не бабушка, ты и не дедушка, вечен твой внутренний бой* («Не мать, не отец») [Там же].

Из всех метафор, связанных с репродуктивными ролями (Девы, Матери, Отца, Любовника и др.), для создания образа Родины-матери поэт и публицист Д. Быков чаще использует метафоры антикреативные, антинаральные, несущие отрицательную по отношению к процессу воспроизводства нации установку. Образ России, созданный Д. Быковым, утрачивает функции порождения жизни, в него закладывается деструктивная коммуникативная программа.

Среди аспектов архетипа Великой Матери, Матери сырой земли, которая и порождает (плодоносит), и забирает в себя после смерти, в политической сатире упор делается на ее негативный, связанный со смертью, хтонический аспект. Так, в цитированном выше стихотворении «Сыновнее» поэт, обращаясь к Родине, восклицает: *Ужель любезны только мертвые – да те, что заживо мертвы* [Быков, 2015б]. В стихотворении «Чужой эпитафия» он утверждает: *Родина, я горой за тебя стою, / Даром что персонально, а не в строю: / Пусть ты бессмысленной делаешь жизнь мою – / Зато нестрашную делаешь смерть мою* [Быков, 2015г].

В статье «Родина против Матери», которая посвящена нашумевшей истории возбуждения уголовного дела против многодетной матери Светланы Давыдовой, позвонившей в украинское посольство во время кризиса 2014 г., образы Родины (России) и Матери разводятся по разным полюсам, противопоставляются друг другу. Антинатальная метафора находит свое воплощение уже в заголовке. Поступок С. Давыдовой вызвал неоднозначную реакцию общества. С одной стороны, как пишет Быков, он объясняется тем, что «многодетные матери ненавидят войну», «многодетные матери против массового убийства». Другая часть общества увидела в этом поступке предательство Родины. Вот именно такую позицию поэт называет «родинобесием» и логику описывает так: ***Родина ведь. <...> Родина – это все. Ей все можно. Все перед ней в долгу. Все перед ней виноваты. Когда она зовет – отклониться нельзя; когда она карает – неважно, по делу ли, потому что все виноваты, – казнь следует считать милостью. Защищать Родину надо вне зависимости от того, она ли напала, на нее ли напали; она ни перед кем не держит ответа и никому не дает отчета. Она одинаково грандиозна в величии и поражении, но поражений она, собственно, не знала. <...> Все это родинобесие – другого слова не подберу – имеет у нас чрезвычайно глубокие корни.*** Заканчивается статья риторическим восклицанием: ***И не станем же мы предъявлять к Родине претензии: мол, веди себя как мать, тогда и мы отнесемся к тебе как дети!*** [Быков, 2015д].

Либерально настроенная интеллигенция чувствует себя в современной России брошенной, ненужной, осиротевшей. Родина не ведет себя как мать, значит, они не ее дети. Образ Родины-матери перекодируется в образ антиматери, мачехи. Откровенно об этом сказала еще В. Новодворская в 2008 г., заявив, что *Россия всю советскую эпоху, а также начиная с чеченской кампании 1994 г., была мачехой* [Новодворская]. Стоит отметить, что такой подход не совсем характерен для русской журналистики классического периода. У того же Щедрина мы можем встретить образ отчима-насильника, который вытесняет батюшку-царя (мотив подмены: «Куда они нашего батюшку дели»), но никогда – родину-мачеху, пьяницу. Обнаруженные нами метафоры имеют целью разрушение мифа о Родине-матери и батюшке-царе, разрушение национальной мифологии, и в итоге – делегитимизацию власти.

В современном политическом дискурсе одним из самых последовательных и стойких противников-оппонентов либерально-демократической прозападной партии вообще и Д. Быкова как ее представителя в частности является «патриот», как он себя именует, человек, который стоит на правых консервативных позициях, А. Проханов.

Как известно, консервативный дискурс давно присвоил себе символ Родины-матери и активно использует его в борьбе с либералами. При этом «Родина» легитимизирует образ правителя как царя-батюшки, а оппоненты объявляются внутренними врагами, которые хотят уничтожить Родину. В войне против демократа

Б. Ельцина А. Проханов использовал тактику делигитимизации власти через обоснование ее несовпадения с архетипом батюшки-царя, который обязан заботиться о Родине-матери и ее символическом теле – народе. К образу Властителя (президента) подключается образ отчима-насильника (антинатальная метафора). В книге «Четыре цвета Путина» публицист об итогах правления Ельцина писал: *Он – извращение человечества, погубил свою Родину-мать, казнил свой народ, который каждый год Ельцина уменьшался на миллион* [Проханов, 2013]. В его публицистике встречается образ Святой Руси: *А воздевшая меч Родина-мать на Мамаевом кургане, вокруг которой по всей сталинградской степи – несметные могилы героев, отдавших жизнь за ликующий свет против черной мглы? Не она ли, Святая Русь, обнаружила себя в безбожные годы, озаренная вселенской победой?* [Проханов, 2014]. Как и положено публицисту, стоящему на правых консервативных позициях, А. Проханов образ Родины-матери обожествляет, сакрализирует (Святая Русь), обращается к его светлomu позитивному аспекту.

Из женских образов, связанных с функцией порождения, А. Проханов иногда обращается к образу беременной России: *И сегодняшняя Россия беременна революцией*. Здесь стоит отметить, что образ беременной, если он подключается к власти, часто является маркером кризиса, сигналом опасных маргинальных ситуаций и сообществ. Т. Б. Щепанская пишет: «Материнство – сфера, на которую никакая другая власть не распространяется: беременная (как и рожаящая) женщина воспринимается как неуправляемая. <...> “Безумие” – метафора, выражающая представление о неуправляемости, неспособности “понять” – воспринимать и выполнять – команды. Беременная, роженица, а вместе и вообще мать часто поэтому в обыденной речи и прессе символизируют неподвластность – и в этом качестве предстают как символы, блокирующие власть» [Щепанская, с. 480].

В статье «Русскую революцию не зарыть, она вечна» А. Проханов отмечает: *И сегодняшняя Россия беременна революцией. Вопрос – кто ее совершит, кто затеет ее, долгожданную и великую? Обезумевший народ, который, лишенный вождей, превратит свою возвышенную божественную мечту о справедливости в кровавый бунт? Или власть, у которой спадут наконец с глаз млечные бельма, и она увидит неизбежность и неотвратимость этой вселенской мечты? Воля президента должна забрать революцию из рук уличных главарей – волжских Разиных и степных Пугачевых. Революция справедливости – это и есть вековечная русская мечта* [Проханов, 2017]. В подтексте этого высказывания содержится семейный образ России-матушки, беременной революцией, и звучит требование к ее супругу-властителю (президенту) быть настоящим батюшкой-царем, чтобы Россия-мать, как жена, родила ему сыновей – элиту, а не от Стеньки Разина – бунтарей. Отметим здесь, что ранее этот образ появляется в беседе А. Проханова с С. Кургияном: *Революция – это отчаявшаяся Россия как метафо-*

рическое явление, как великая странница. Как бы она внутри себя оказывается **беременной этой революцией** и новым проектом, потому что понимает, что прежний исчерпан [Проханов, Кургинян].

А. Проханов нечасто обращается к образу Родины-матери. Он вообще не очень любит олицетворять Россию с женщиной и категорически отказывается ее сравнивать с Девой невинной. В статье «Преодолима ли эта ненависть» наблюдаются сознательное отторжение метафоры невинности, целомудренности и девственности в отношении России и декларативное утверждение брутальности Отечества и мужественности нации. Прочитируем: **Россия – это такая целомудренная дева, которая свои перси прикрывает кружевной пеной, а на нее смотрит страшный, уничтожающий ее дракон? Нет, все иначе. Идет война. Холодная война со вспышками пламени: горячая война на Донбассе, горячая война в Сирии, горячие схватки на средиземноморском театре военных действий.** <...> **Говоря, что наши информационные системы, работающие на Запад, прозрачны, целомудренны и девственны, мы унижаем себя. Не надо ныть по этому поводу. Не надо говорить, что мы невинны, а на нас нападают страшные волосатые насильники.** <...> **Мы крепкие парни. У нас прекрасно поставлены мозги. Мы обнаруживаем слабые места в обороне противника. Мы отыскиваем слабые зоны, в которые вторгаемся...** [Проханов, 2016].

Парадоксально то, что стоящие на прямо противоположных позициях писатель и поэт удивительно совпадают в своем стремлении, отказавшись от образа России-Девы (по разным причинам), подчеркнуть собственную маскулинность, мужественность. Это служит лишним подтверждением, что оппоненты, стоящие на крайних позициях в современном политическом дискурсе и всегда готовые к сражению, находятся в русле общих тенденций к маскулинизации «своих» (в данном случае себя) и феминизации «чужих» (см., к примеру, название статьи А. Проханова «Все педерасты уехали в Лондон») [Проханов, 2017в].

А. Проханов умеет работать с архетипическим образом Родины-матери, однако в статьях последних лет предпочитает ему архетип батюшки-царя. В центре сегодняшней публицистики Проханова – мифология Государства, образ Отечества, но не Родины-матери. *Я государственный и знаю мистику российского государства*, – заявляет он [Проханов, 2017г].

Мистика государства заключается и в том, что русский Властитель (президент) независимо от того, с каким багажом и какими личными качествами он приходит к власти, постепенно сливается с архетипом русского царя, теряя часть своего личного. Не властитель делает государство, а государство делает властителя, хозяина Росии-матушки. У Проханова это звучит так: *Как я уже говорил, не Путин строит государство Российское, а государство Российское строит Путина* [Там же]. Слившись с архетипом русского царя, Путин выступил в традиционной для этой должности роли собирателя земель,

присоединив Крым. По утверждению А. Проханова, присоединение Крыма – это не просто собирание земель, это собирание утраченной мечты [Проханов, 2017г]. С возвращением Крыма в Россию вернулся сакральный центр власти. А. Проханов сакрализирует власть В. В. Путина: *Крым объял таинственной православной силой и самого президента. И, по существу, сделал сегодняшнюю российскую власть тоже сакральной* [Там же]. В своих выступлениях он актуализирует древнюю мифологию и мистику власти. В публицистике Проханова Путин – избранник Божий, и его власть – от Бога: *Он получил власть от судьбы, от Бога, неизвестно за какие заслуги. Путин постоянно разгадывает тайну своей власти. Ему важно знать, почему именно ему, скромному подполковнику, Господь доверил властвовать в такой гигантской, загадочной, с великой и мучительной историей стране, России. И, отгадывая эту тайну, Путин постоянно посещает монастыри, встречается со старцами, беседует с ними с глазу на глаз, выведывая у мудрецов природу своей власти, суть своего предназначения* [Проханов, 2017д]. Проханов подчеркивает, что для В. В. Путина Россия – это судьба: *Я ему задал вопрос: Владимир Владимирович, а что для вас «проект Россия»? Он ответил: «Россия – это не проект, а судьба». То есть он отождествил себя с судьбой России* [Проханов, 2017г].

В такой трактовке президент России выполняет свою Божественную миссию, соединяя разорванное в клочья в 1990-х и разбросанное по сторонам тело Родины-матери (*Красной России, моей красной Родины*), которое и есть русский народ. Сама же Родина при таком взгляде пассивна и женственна, ожидает Спасителя, активного властителя, мужчину, мужа. Президент повенчан с Россией, она его судьба. В правой мифополитической системе и отражающем ее консервативном дискурсе наблюдается маскулинизация власти (президента) и феминизация образа Родины (России, русского народа), женственных в своей пассивности.

В противоположность Александру Проханову Дмитрий Быков власть президента России десакрализирует. Скептически он относится и к миссии собирания русских земель: *Мне очень хотелось увидеть от Путина содержательные действия, но связанные с обустройством земель, а не с их присоединением* [Кречетников]. И, как и положено в либеральном и демократическом дискурсе, власть предрежащий обвиняется в самосакрализации, а значит, и самозванстве: *Любой ценой осуществлять сакральную миссию и подчеркивать ее сакральность – самая прагматическая позиция с точки зрения сохранения власти, а оставаться в Кремле как можно дольше необходимо для личного благополучия* [Там же]. Мистику иерогамии (священного брака правителя и Земли), а в русском варианте – миф о браке царя-батюшки и Родины-матери Д. Быков склонен разрушать через опошление (см., например, его стихотворение «Грубатовое»). В такой трактовке властитель оказывается не супругом,

а насильником, а в образе России подчеркиваются инфантильные и рабские черты, антиматеринские, но «бабские» начала: *Сызнова детское что-то и рабское твой заполняет объем. / Снова не дедское что-то, а бабское слышится в визге твоём* [Быков, 2014].

Архетипический образ Родины-матери активно используется в современной писательской журналистике и публицистике. При этом в зависимости от политических позиций авторов актуализируется либо негативный аспект архетипа (Д. Быков), либо позитивный (А. Проханов). В сатирических стихотворениях и публицистических выступлениях оппозиционера Д. Быкова Родина-мать превращается в мать, бросающую своих детей, мать-пьяницу, мать, пожирающую своих детей – антимать («пафосного гермафродита»), девуку. Из всех гендерных и семейных метафор, связанных с образом России, Д. Быков выбирает метафоры антипатальные, антикреативные, подчеркивая, когда это возможно, собственную маскулинность (по принципу маскулинизации «своих»/«себя»). В статьях и выступлениях консерватора А. Проханова начала 2000-х гг. наблюдалась сакрализация Родины-матери, акцент ставился на позитивной, светлой стороне этого образа (Святая Русь). Однако в его публицистике последних лет заметны предпочтение архетипа батюшки-царя, сакрализация и обожествление государства и использование гендерных метафор с тенденцией к маскулинизации «своих» и феминизации «чужих».

Список литературы

Быков Д. Современник // Тормоза [сайт]. 2004. URL: <http://www.tormoza.org/links/Bykov/nekrasov.html> (дата обращения: 20.07.2017).

Быков Д. За все, за все тебя благодарю я // Московский комсомолец [официальный сайт]. 2011. 29 апр. URL: <http://www.mk.ru/politics/2011/04/29/585383-vmesto-sebya-bykov-poslal-putinu-edkie-stihi.html> (дата обращения: 25.07.2017).

Быков Д. Одиннадцатая заповедь // ЛитКульт [сайт]. 2012. 10 февр. URL: <http://litcult.ru/lyrics.ljubimie-stihi/438> (дата обращения: 15.07.2017).

Быков Д. Грубоватое // Новая газета [официальный сайт]. 2014. № 121. 27 окт. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/10/25/61697-grubovatoe> (дата обращения: 25.07.2017).

Быков Д. «Новая газета» как «Завтра» нашего сегодня // Быков Д. Блуд труда : эссе. СПб. : Лимбус Пресс ; Изд-во К. Тублина, 2015а. С. 325–336.

Быков Д. Сыновнее // Новая газета [официальный сайт]. 2015б. № 53. 25 мая. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/05/23/64251-synovnee> (дата обращения: 25.07.2017).

Быков Д. Мать моя вся в саже // Профиль. 2015в. № 48. 28 дек. URL: <http://ru-bykov.livejournal.com/2281251.html> (дата обращения: 25.07.2017).

Быков Д. Чужой эпиграф // Новая газета [официальный сайт]. 2015г. № 35. 6 апр. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/04/04/63681-chuzhoj-epigraf> (дата обращения: 25.07.2017).

Быков Д. Родина против Матери // Профиль : еженед. журн. [официальный сайт]. 2015д. 30 янв. URL: <http://www.profile.ru/pryamayarrech/item/91823-rodina-protiv-materi> (дата обращения: 25.07.2017).

Быков Д. Но образ России трехслойный... // Быков Д. Если нет : книга стихов 2015–2016. СПб. : Гелион Плюс, 2016а. 124 с. URL: <http://ru-bykov.livejournal.com/2726879.html> (дата обращения: 25.07.2017).

Кречетников А. Поэт и царь: Дмитрий Быков о Владимире Путине // BBC: Русская служба [официальный сайт]. 2014. 31 дек. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/12/141231_bykov_interview_putin (дата обращения: 25.07.2017).

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII) // Тр. по рус. и славян. филологии. Т. 28. Тарту, Тартус. гос. ун-т, 1977. С. 3–36.

Новодворская В. Не до ордена. Была бы Родина // RU.Delfi [официальный сайт]. 2008. 32 апр. URL: <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/vnovodvorskaya-ne-do-ordena-by-la-by-rodina.d?id=16787373> (дата обращения: 01.05.2015).

Полосин В. Миф. Религия. Государство : Исследование политической мифологии. М. : Ладомир, 1999. 440 с.

Постникова Е. Г. Тема власти в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ф. М. Достоевского (мифопоэтический и художественно-философский аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2014. 42 с.

Проханов А. Четыре цвета Путина. М. : Алгоритм, 2013. 256 с.

Проханов А. Где ты, святая Русь // Завтра. 2014. № 35. 28 авг. URL: <http://ru-prokhanov.livejournal.com/309399.html> (дата обращения: 25.08.2017).

Проханов А. Преодолима ли эта ненависть? // Информационный разрез [интернет-портал]. 2016. 24 нояб. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-prokhanov-preodolima-li-eta-nenavist-24-11-2016/#more-5855> (дата обращения: 25.07.2017).

Проханов А. Ежеборец // Информационный разрез [интернет-портал]. 2017а. 25 мая. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-prokhanov-ezhebores> (дата обращения: 25.07.2017).

Проханов А. Русскую революцию не зарыть, она вечна // Информационный разрез [интернет-портал]. 2017б. 26 апр. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-prokhanov-russkuuyu-revoluciyu-ne-zaryt-ona-vechna-26-04-2017/#more-8841> (дата обращения: 25.07.2017).

Проханов А. Все педерасты уехали в Лондон // Информационный разрез [интернет-портал]. 2017в. 23 апр. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-prokhanov-vse-pederasty-uexali-v-london-23-04-2017/> (дата обращения: 25.07.2017).

Проханов А. Это мы уговорили Путина // ИноСМИ [официальный сайт]. 2017г. 27 июня. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170627/239682243.html> (дата обращения: 27.06.2017).

Проханов А. Собрание утраченной было мечты // Информационный разрез [интернет-портал]. 2017д. 10 марта. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-prokhanov-sobiranie-utrachennoj-bylo-mechty-10-03-2017/> (дата обращения: 25.07.2017).

Проханов А. Лед и пламень // Информационный разрез [интернет-портал]. 2017е. 26 янв. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-prokhanov-lyod-i-plamen-26-01-2017/> (дата обращения: 25.07.2017).

Проханов А., Кургиян С. Беседа о Ленине // Информационный разрез [интернет-портал]. 2017. 28 апр. URL: <http://x6z.ru/sergej-kurginyan-i-aleksandr-prokhanov-beseda-o-lenine-21-04-2017/#more-8871> (дата обращения: 25.08.2017).

Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике периода «Болотной революции»: легитимация и делегитимация власти // Лабиринт : журн. соц.-гуманитар. исслед. 2015. № 4. С. 64–81.

Рябова Т. Б., Рябов О. В. Настоящий мужчина российской политики? : (К вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Полис : Полит. исслед. 2010. № 5. С. 48–63.

Щепанская Т. Б. Дискурсы российской власти: термины родства // Антропология власти : хрестоматия по политической антропологии : в 2 т. / сост. и отв. ред. В. В. Боcharов. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. С. 462–487.

References

Bykov, D. (2004). *Sovremennik* [A Contemporary]. In *Tormoza* [website]. URL: <http://www.tormoza.org/links/Bykov/nekrasov.html> (mode of access: 20.07.2017).

- Bykov, D. (2011). Za vse, za vse tebya blagodaryu ya [I Thank You for Everything]. In *Moskovskii Komsomolets* [official website]. 29 Apr. URL: <http://www.mk.ru/politics/2011/04/29/585383-vmesto-sebya-Bykov-poslal-putinu-edkie-stihi.html> (mode of access: 25.07.2017).
- Bykov, D. (2012). Odinnadsataya zapoved' [The Eleventh Commandment]. In *LutKult* [website]. 10 February. URL: <http://litcult.ru/lyrics.ljubimie-stihi/438> (mode of access: 15.07.2017).
- Bykov, D. (2014). Grubovatoe [The Blunt]. In *Novaya gazeta* [official website]. No. 121. 27 October. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/10/25/61697-grubovatoe> (mode of access: 25.07.2017).
- Bykov, D. (2015a). "Novaya gazeta" kak "Zavtra" nashego dnya [*Novaya Gazeta* is the *Zavtra* of Our Days]. In Bykov, D. *Blud truda. Esse*. St Petersburg, Limbus Press, Izdatel'stvo K. Tublina, pp. 325–336.
- Bykov, D. (2015b). Synovnee [The Filial]. In *Novaya gazeta* [official website]. No. 53. 25 May. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/05/23/64251-synovnee> (mode of access: 25.07.2017).
- Bykov, D. (2015d). Rodina protiv Materi [Motherland against Mother]. In *Profil': ezhenedel'nyi zhurnal* [official website]. 30 January. URL: <http://www.profile.ru/pryamayarech/item/91823-rodina-protiv-materi> (mode of access: 25.07.2017).
- Bykov, D. (2015g). Chuzhoi epigraf [Borrowed Epigraph]. In *Novaya gazeta* [official website]. No. 35. 6 Apr. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/04/04/63681-chuzhoi-epigraf> (mode of access: 25.07.2017).
- Bykov, D. (2015v). Mat' moya vsya v sazhe [My Mother is All Sooty]. In *Profil'* [website]. No. 48. 28 December. URL: <http://ru-bykov.livejournal.com/2281251.html> (mode of access: 25.07.2017).
- Bykov, D. (2016a). No obraz Rossii trekhslainyi... [But Russia's Image is Three-Layered]. In Bykov, D. *Esli net: kniga stikhov. 2015–2016* [If Not: A Book of Poetry. 2015–2016]. St Petersburg, Gelion Plyus. 124 p. URL: <http://ru-bykov.livejournal.com/2726879.html> (mode of access: 25.07.2017).
- Krechetnikov, A. (2014). Poet i tsar': Dmitrii Bykov o Vladimire Putine [The Poet and the Tsar: Dmitriy Bykov on Vladimir Putin]. In *BBC: Russkaya sluzhba* [official website]. 31 Dec. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/12/141231_bykov_interview_putin (mode of access: 25.07.2017).
- Lotman, Yu. M., Uspensky, B. A. (1977). Rol' dual'nykh modelei v dinamike russkoi kul'tury (do kotsa XVIII) [The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (until the Late 18th Century)]. In *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii*. Vol. 28. Tartu, Tartuskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3–36.
- Novodvorskaya, V. (2008). Ne do ordena. Byla by Rodina [I Do Not Care about the Award. I Wish I Had a Motherland]. In *RU.Delfi* [official website]. 30 Apr. URL: <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/vnovodvorskaya-ne-do-ordena-byla-by-rodina.d?id=16787373> (mode of access: 01.05.2015).
- Polosin, V. (1999). *Mif. Religia. Gosudarstvo. Issledovanie politicheskoi mifologii* [Myth. Religion. State. A Study on Political Mythology]. Moscow, Lodomir. 440 p.
- Postnikova, E. G. (2014). *Tema vlasti v tvorchestve M. E. Saltykova-Shchedrina i F. M. Dostoevskogo (myfopoeticheskii i khudozhestvenno-filosofskii aspekty)* [The Theme of Power in the Works of M. E. Saltykov-Shchedrin and F. M. Dostoyevsky (Mythopoetic, Artistic, and Philosophical Aspects)]. Avtoref. dis. ... doktora filologicheskikh nauk. Yekaterinburg, S. n. 42 p.
- Prokhanov, A. (2013). *Chetyre tsveta Putina* [The Four Colours of Putin]. Moscow, Algoritm. 256 p.
- Prokhanov, A. (2014). Gde ty, svyataya Rus' [Where Are You, Holy Russia]. In *Zavtra* [website]. No. 35. 28 August. URL: <http://ru-prokhanov.livejournal.com/309399.html> (mode of access: 25.08.2017).
- Prokhanov, A. (2016). Preodolima li eta nenavist'? [Is this Hatred Surmountable?]. In *Informatsionnyi razrez* [web portal]. 24 November. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-proxanov-preodolima-li-eta-nenavist-24-11-2016/#more-5855> (mode of access: 25.07.2017).

Prokhanov, A. (2017a). Ezheborets [Hedgehog Fighter]. In *Informatsionnyi razrez* [web portal]. 25 May. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-proxanov-ezheborec> (mode of access: 25.07.2017).

Prokhanov, A. (2017b). Russkuyu revolyutsiyu ne zaryt'. Ona vechna [The Russian Revolution Cannot Be Buried. It Is Eternal]. In *Informatsionnyi razrez* [web portal]. 26 Apr. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-proxanov-russkuyu-revolyciyu-ne-zaryt-ona-vechna-26-04-2017/#more-8841> (mode of access: 25.07.2017).

Prokhanov, A. (2017d). Sobiranie utrachennoi bylo mechty [Assembling an Almost Lost Dream]. In *Informatsionnyi razrez* [web-portal]. 10 March. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-proxanov-sobiranie-utrachennoj-bylo-mechty-10-03-2017/> (mode of access: 25.07.2017).

Prokhanov, A. (2017e). Led i plamen' [Ice and Flame]. In *Informatsionnyi razrez* [web-portal]. 26 Jan. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-proxanov-lyod-i-plamen-26-01-2017/> (mode of access: 25.07.2017).

Prokhanov, A. (2017g). Eto my ugovorili Putina [It Was Us Who Persuaded Putin]. In *InoSMI* [website]. 27 June. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170627/239682243.html> (mode of access: 27.06.2017).

Prokhanov, A. (2017v). Vse pederasty uekhali v London [All Pederasts Have Left for London]. In *Informatsionnyi razrez* [web-portal]. 23 April. URL: <http://x6z.ru/aleksandr-proxanov-vse-pederasty-uexali-v-london-23-04-2017/> (mode of access: 25.07.2017).

Prokhanov, A., Kurginyan, S. (2017). Beseda o Lenine [A Talk about Lenin]. In *Informatsionnyi razrez* [web-portal]. 28 Apr. [web portal]. URL: <http://x6z.ru/sergej-kurginyan-i-aleksandr-proxanov-beseda-o-lenine-21-04-2017/#more-8871> (mode of access: 25.08.2017).

Ryabov, O. V. (2015). “Rodina-mat” v simbolicheskoj politike perioda “Bolotnoi revolyutsii”: legitimizatsiya i deligitimizatsiya vlasti [The Motherland in Symbolic Politics of the Period of the Swamp Revolution: The Legitimation and Delegitimation of Power]. In *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. No. 4, pp. 64–81.

Ryabova, T. B., Ryabov, O. V. (2010). Nastoyashchii muzhchina rossiiskoi politiki? (k voprosu o gendernom diskurse kak resurse vlasti) [The Real Man of Russian Politics? (On Gender Discourse as a Resource of Power)]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5, pp. 48–63.

Shchepanskaya, T. B. (2006). Diskursy rossiiskoi vlasti: terminy rodstva [Discourses of Russian Power: Terms of Kinship]. In Bocharov, V. V. (Ed.). *Antropologiya vlasti. Khrestomatiya po politicheskoj antropologii v 2 t.* St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vol. 1. Vlast' v antropologicheskom diskurse, pp. 462–487.

The article was submitted on 22.09.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.354

УДК 81:39+811.161.1'282(282.247.41)+811.161.1'38

ОБРАЗ ВОЛГИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ*

Юлия Кривошчапова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE IMAGE OF THE VOLGA IN THE RUSSIAN LANGUAGE TRADITION

Yulia Krivoshchapova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article reconstructs the image of the Volga in the Russian language, mostly referring to material from Russian dialects. The author focuses on the derivational and phraseological word family of the word *Волга* (Volga), i. e. the semantic and word-formative derivatives of the hydronym, as well as idioms and the paremiology based on it. Relying on the results of an ideographic analysis of the material, the author singles out several subject groups containing derivatives of the hydronym *Волга*, including “geography”, “hydrological characteristics”, “society”, and “material culture”. The author maintains that these denotative groups are unequal, with the sphere of society being the most detailed from the point of view of the lexical units it contains and semantics. In people’s consciousness, the image of the Volga is most closely connected with barge haulers and seasonal work. According to the author, the linguistic data described corroborate the anthropomorphic image of the Volga existing in folklore. The river is portrayed as a cheerful, lively, and smart person (a young girl). As well as the depiction of the Volga, the article puts forward a few motivational interpretations for a number of less clear idioms with components connected with *Волга*.

Keywords: Russian studies; ethnolinguistics; semantic derivation; Russian dialect vocabulary; phraseology; derivatives of toponyms.

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ («Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным»), поддержанного Минобрнауки РФ.

** Citation: Krivoshchapova, Yu. (2018). The Image of the Volga in the Russian Language Tradition. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1188–1201. DOI 10.15826/qr.2018.4.354.

Цитирование: Krivoshchapova Yu. The Image of the Volga in the Russian Language Tradition // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1188–1201. DOI 10.15826/qr.2018.4.354 / Кривошчапова Ю. Образ Волги в русской языковой традиции // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1188–1201. DOI 10.15826/qr.2018.4.354.

Статья посвящена реконструкции языкового образа реки Волги. Материалом для анализа послужили преимущественно диалектные данные русского языка. В центре внимания – деривационно-фразеологическое гнездо с вершинным словом *Волга*, то есть семантические и семантико-слово-образовательные дериваты гидронима, фразеология и паремиология с его участием. В результате идеографического анализа материала были выделены предметно-тематические сферы, демонстрирующие присутствие дериватов гидронима *Волга*: «География», «Гидрологические параметры», «Социум» и «Материальная культура». Отмечается, что наполнение обозначенных денотативных зон неравномерно, и наиболее детализированной в лексико-семантическом плане сферой является «Социум»: образ Волги в народном сознании тесно связан с бурлачеством и отхожими промыслами. Лингвистические данные, по мнению автора, поддерживают существующий в фольклоре антропоморфный образ Волги. Река представляется в виде веселого, бойкого, умного человека (скорее молодой девушки). Помимо портрета Волги, предлагается ряд мотивационных решений для непрозрачных фразеологизмов с «волжским» компонентом.

Ключевые слова: русистика; этнолингвистика; семантическая деривация; русская диалектная лексика; фразеология; оттопонимические производные.

Волга – один из важнейших природно-культурных символов России. На протяжении многих столетий эта река была для России главной водной артерией, связанной со многими важными историческими событиями страны. Образ *Волги-матушки* входил в разнообразные по жанру фольклорные произведения. И в словесной культуре он не обойден вниманием ученых – культурологов, литературоведов, фольклористов. Например, в 2004 г. на конференции «Ономастика Поволжья» состоялся круглый стол, посвященный представлениям о Волге, закрепленным в русской культуре. Результатом этого обсуждения, в частности, стала статья Т. Н. Кожиной и Н. В. Лекомцевой «Волга как прецедентный знак русской культуры», в которой на примерах из литературы, фольклора и изобразительного искусства XVI–XX вв. показывается, как гидроним *Волга* превращается в многосмысловой знак – емкий ментально-географический образ, символизирующий мощь и красоту России [Кожина, Лекомцева]. Аналогичная проблематика представлена в работе В. И. Супруна [Супрун]. Концепту Волги в русской культуре посвящена диссертация М. Х. Кусмидиновой, в которой представлен его комплексный философско-культурологический анализ на примере российского культурного дискурса [Кусмидинова]. Способы репрезентации русскости в концепте «Волга русская река» анализируются в монографии М. В. Лескинен. Автор выявляет эволюцию образа реки в искусстве и постепенную концептуализацию идеи «русскости» Волги [Лескинен].

В дискурсе Сталинградской битвы к образу Волги обращается О. В. Рябов. Автора интересуют методологические основания исследования, связанного с гендерным измерением репрезентаций рек в национальном дискурсе (*Волга-матушка*). Ученый стремится ответить на вопрос, какое место представления о «материнской» природе Волги занимали в советской культуре 1920–1930-х гг. Для этого анализируются формы и функции включения образа Волги-матушки в описание военных событий [Рябов; Riabov].

В 2017 г. вышел сборник «Фольклор Большой Волги», в котором появилась статья М. В. Строганова «Большая Волга в русском фольклоре». Автор рассматривает выражение *Волга-матушка* как одну из моделей национальной идентификации. Исследователь задается вопросом о времени возникновения в фольклоре текстов, связанных с образом Волги, и устойчивого эпитета *матушка*. Проанализировав ряд текстов, М. В. Строганов делает вывод, что выражение *Волга-матушка* в современном значении не является собственно народным: оно проникло в литературные тексты из исторических песен, где Волга была «матерью» для казаков, а затем вошло в широкий народный обиход [Строганов].

Уделяли внимание образу Волги и лингвисты, однако языковедческие и лингвокультурологические исследования, связанные с этим гидронимом, ориентированы преимущественно либо на этимологию самого слова *Волга* (см.: [Топоров; Аникин; Поспелов]), либо на воссоздание «волжского текста» в литературе и фольклоре (см.: [Белкин; Никольский; Одесский и др.]). При этом до сих пор не предпринималось комплексное изучение деривационно-фразеологического гнезда¹ с вершинным словом *Волга*, которое позволило бы восстановить системно-языковой образ главной реки России с опорой на лингвистические данные. В гнездо с вершинным словом *Волга* входят нарицательные лексемы (арх. *волга* ‘ручей, образующийся во время половодья; русло такого ручья’); антропонимы (*Дуня Волга* ‘прозвище жительницы Верхнетоемского района Архангельской области’); устойчивые сочетания и фразеологизмы, включающие сам гидроним (фольк. *Волга-матушка*, коми *Волга ходит долго* ‘об умном, опытном человеке, умеющем с выгодой для себя выполнить любое дело’; карел. *как Волга* ‘о веселом, бойком и быстром человеке’; без указ. места *по Волге зайчики бегают* ‘пена на пиве, капусте’; морд. *хоть Волгу с Сурой пой* ‘о крайне затруднительном положении’) или его производные (перм. *волжское солнышко* ‘месяц, луна’; морд. *уходить в заволгу, ходить по заволгам* ‘ходить на заработки’). Указанные дериваты образуют ядро языкового образа Волги. Периферию же составляют свободные текстовые сочетания – например, пословицы и поговорки (народн. *на словах Волгу переплывает, а на*

¹ Под термином *деривационно-фразеологическое гнездо* мы понимаем вербальный комплекс, в который входят семантические и семантико-словообразовательные дериваты исследуемого слова, фразеология и паремология с его участием.

деле – ни через лужу ‘о хвастливом человеке, краснобае’). В некоторых случаях для характеристики «волжского пространства» привлекаются фольклорные и литературные тексты, подкрепляющие или дополняющие системно-языковой портрет Волги.

Диалектный материал располагается по предметно-понятийным сферам, которые определяются исходя из внутренней формы лексем и фразеологизмов и с опорой на значения дериватов гидронимов. Таким образом, способ подачи языковых фактов – идеографический.

«География» Волги

Волга (прил. *во́лжский, приво́лжский, заво́лжский*) – название крупнейшей реки Европейской части России и Европы, которая берет начало в Тверской области и впадает в Каспийское море². По своему историческому и культурному статусу Волга занимает центральное место среди других рек страны (конкуренцию ей составляет, пожалуй, только Дон). Являясь *матерью всех рек русских*³, Волга для жителей России становится архетипом реки вообще: например, в различных нарративах гидроним *Волга* употребляется для обозначения любой большой реки. В записи фольклорного рассказа о Богородице «Троеручице» говорится: «Богородица побежала, а впереди река. Она так измолилась: “Господи, дай мне третью руку. Одной-то рукой надо Христа держать, другой грести”. Богородица-троеручница-то, коль так. – А бабушка, какая река? – Так *Волга*, какая еще-то!» [КСГРС].

С некоторой долей осторожности можно сказать, что ряд *Волга* = *река* = *вода* поддерживает существование вторичных гидронимов, обозначающих объекты, которые географически не связаны с рекой *Волгой* (ср. арх. *Во́лга* – в архангельской топонимии в названии ручьев [ТКТЭ]), а также наличие гидрографических апеллативов с корнем *волг-* (*вол(о)ж-*) (ср. волж. *во́лжка, воло́жка* ‘рукав Волги или Камы; ручей’, арх. *во́лга* ‘ручей, образующийся во время половодья; русло такого ручья’ [АОС, т. 5, с. 35]). Нельзя исключить, что эти лексемы могли возникнуть независимо от гидронима *Волга*, в рамках гнезда корня *волг-* (рус. *волог-*, ст.-слав. *влаг-* ‘влажность’, праслав. **vьlga* (**Vьlga*) ‘ручей, река’) [Фасмер, т. 1, с. 337, 341]⁴.

В текстах исторических песен, баллад, сказаний и паремий *Волга* часто соседствует с контекстуальными партнерами – названиями других крупных рек (*Двина, Днепр, Дон, Дунай*) или именами своих притоков (*Сура, Вазуза*). Разное контекстуальное соседство демонстрирует разные смысловые отношения: антонимические, синонимические

² Географический факт впадения Волги в Каспийское море – символ бесспорности и банальности информации, что отражено в разг. *Волга впадает в Каспийское море* ‘о банальной истине’ (ср. цитату из рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре»).

³ Часто в литературе и народном творчестве *Волга-матушка* и под.

⁴ Связь гидронима *Волга* с корнем *волг-/волог-/влаг-* остается под вопросом, но здесь мы не будем углубляться в этимологию потамонима.

и патронимические. Логика «гендерного» противопоставления связывает Волгу с Доном (шир. распр. *Волга-матушка* и *Дон-батюшка*). По **характеру течения** Волга противопоставит Дунаю (*Волга – плыть долго, а Дунай – широко* [Даль ПРН², с. 241]).

Обычно выделяют *Верхнюю Волгу* (до впадения в Оку), *Среднюю Волгу* (до впадения Камы) и *Нижнюю Волгу* (ниже места впадения Камы и до бассейна Каспийского моря). В народной гидрологии существует *Зáволга* – обычно левый берег Волги, куда уходили на заработки, ср. морд. *ходить по зáволгам* ‘уходить на заработки’ [СРГМ, т. 2, с. 68]. Впрочем, это мог быть и просто другой (противоположный) берег, ср. *завóлга* ‘часть города, находящаяся на другом берегу Волги’ [ЯОС, т. 4, с. 61]⁵. Выделяется и *Поволжье* – бассейн Волги, приволжские территории, ср. разг. *голодающий Поволжья* ‘об очень голодном человеке’ (здесь отражены представления о голоде, начавшемся в Поволжье в 1921 г.).

Движение по Волге осуществляется сверху вниз (от верховья к низовьям, с севера на юг), что соответствует как географической, так и «торговой» логике: путь по Волге нередко назывался *дорога на низ*; выражение *низ реки*, по замечанию В. И. Даля, относится к Волге, и все города ниже Симбирска зовут *низовыми* [Даль, т. 2, с. 544]. М. Фасмер приводит названия *низ, низовская земля*, которые в древнерусском языке обозначали все Поволжье вниз от Твери [Фасмер, т. 3, с. 73]; волжские бурлаки называются *низовые* [Даль, т. 2, с. 544], множество старинных русских народных песен имеют зачин *Вниз по матушке по Волге* (*Вниз по Волге реке*), который в дальнейшем лег в основу просторечного выражения со значением ‘грубо ругать кого-то, пытаться отделаться, избавиться; куда-нибудь подальше’ [БСРП, с. 387].

Гидрологические параметры

Волга представляется (и является) широкой и полноводной рекой. Ширина Волги отражена в пословицах типа: *Этот нос – через Волгу мост* ‘о чем-либо очень большом, длинном носе’ [Михельсон, т. 1, с. 97]; *В ложке Волги не переедешь* [Даль, т. 2, с. 263]. Наряду с шириной Волги обязательно отмечается и ее длина (действительная длина Волги равняется 3 530 км, и река считается самой длинной в Европе), ср. *Волга – плыть долго, а Дунай – широко* [Даль ПРН², с. 241]; печор. *Волга ходит долго* ‘об умном, опытном человеке, умеющем с выгодой для себя выполнить любое дело’ [ФСНП, с. 139] (семантика длины и долготы переходит в семантику опыта и *долгого ума*).

Представления о полноводности Волги отражены в выражении *льется как Волги вода* ‘беды следуют одна за другой, постоянно’ (фолькл.) [БСРС, с. 108]. Конкуренцию Волге по полноводности составляет Кама, ср. *слёз у кого сколько на Каме воды* ‘о множестве слез от тяжелой жизни’ [Там же, с. 105, 241].

⁵ Подробнее об административном делении Поволжья см.: [Лескинен, с. 583–590].

Течение Волги изобилует изгибами (астрах. *кривая Волга* 'о рукаве Волги') и притоками – в Поволжье широко распространено слово *во́ложка* или *во́лжка* в значении 'приток или рукав Волги' [Копылова, с. 32], симб. *во́лжка* 'рукав или протока Волги, образующий остров' [СРНГ, т. 5, 39]. Волга имеет крутые берега, ср. *знать ямскую по столбам, а Волгу по крутым берегам* [Даль ПРН², с. 620]. Быстрота течения, прихотливость береговой линии и общее эстетическое впечатление от реки легли в основу комплексной мотивации и отразились в оценочных определениях человека типа карел. *как Волга* (о жизне-радостном, быстром и веселом человеке) [БСРП, с. 108], ср. еще прозвище жительницы Верхнетоемского района Архангельской области *Дуня Волга* с пояснением «Дуня Воўга лоўкая баба, весёлая» [АКТЭ].

Социум

Низовая Волга (чаще левобережная) всегда считалась местом отхожего промысла, куда обедневшие «кабальные» крестьяне отправлялись подзаработать, ср. морд. *ходить по за́волгам* 'работать по найму в разных местах'; *нечем платить долгу, так идти на Волгу* [Даль, т. 1, с. 462]. Как правило, люди нанимались в бурлацкие артели, а те, кто не могли найти работу, нередко промышляли разбоем. Поэтому Поволжье считалось не только местом шальных денег и богатого заработка (ср. костр. *как с Волги* 'о человеке, идущем с ношей, грузом; о богатом человеке': «Ой, идет, как с Волги, – человек нагрузился если. Потому что с Волги матки ходили груженные да с Волги с деньгами приезжали всегда» [ЛКТЭ]), но и опасной территорией, где много лихих людей (ср. 'ирон. *люди честные, поволжане* (то есть разбойники)' [Даль ПРН, т. 1, с. 180]) и легко сгинуть, ср. *Гулял млад вниз по Волге, да набрел смерть невдалече* = от судьбы не уйдешь (то есть смерть ждала не где положено, далеко = вниз по Волге, а рядом) [Даль ПРН, т. 1, с. 9].

Основной социальный слой, связанный с работой на Волге, – бурлаки. Ходок по Волге, или бурлак, назывался *волгарь* [Даль, т. 1, с. 232], который *волгарил* (то есть бурлачил) (без указ. места) [СРНГ, т. 5, с. 37]. Языковые данные демонстрируют, что в бурлачестве люди часто опускались и теряли человеческий облик, ср. (без указ. места) *навóлжиться* 'в бурлачестве на Волге выучиться пьянствовать, буянить, мошенничать и пр.' [Даль, т. 2, с. 388].

Отражены в языке и представления о песенной традиции, которая в народной/бурлацкой среде всегда была на Волге очень развита. Выдерживать темп движения в некоторых особых случаях бурлакам помогала песня, которая пелась для координации сил артели. Существует особая техника поволжского или саратовского певческого стиля, который характеризуется протяжностью и открытой разговорной манерой пения. С волжской песней связан просторечный фразеологизм с эвфемистическим оттенком (*посылать/отправлять*) *вниз по матушке по Волге* 'грубо ругать кого, пытаюсь отделаться, из-

бавиться'; 'куда-нибудь подальше' [БСРП, с. 388]. Эта фраза является зачином старинной русской народной песни, первая публикация которой представлена М. Д. Чулковым в 1780 г. [Чулков, ч. 2, с. 205]. Определенную роль в формировании семантики выражения сыграло слово *матушка* (ср. прост. *пустить по матушке*, то есть послать матом, сибир. *большая матушка* 'самая оскорбительная брань', прост. *по матушке* 'ругаться с использованием матерных слов'). В словаре русских пословиц в качестве первого значения фраземы отмечается каламбурная ассоциация с широко распространенным выражением *посылать по матушке* [БСРП, с. 198–199].

Рассмотрим в песенном контексте фразеологизм, зафиксированный на территории Мордовии: *хоть Суру с Волгой пой (кому)* 'обращение к тому, кто очень упрям': «Говорю: не ходите в бурю такую, да разве послушают, им *хоть Суру с Волгой пой*» [СРГМ, т. 1, с. 146]. Река Сура является правым притоком Волги. Синтаксически и семантически фразема близка устаревшему разговорному выражению *хоть матушку репку пой (кричи)*, которое фиксируется в ряде диалектных и фразеологических словарей и обозначает либо сложную безвыходную ситуацию, либо зря потраченные усилия (что ни делай, как ни проси, не поможет). В. И. Даль приводит комментарий относительно этого выражения – «непристойная песня». М. И. Михельсон и В. М. Мокиенко также связывают фразеологизм с похабной песней, где эвфемистически обыгрывается слово *матушка* [Михельсон, т. 2, с. 476]. Вероятно, речь идет о песенном сюжете «Посадил дед репку, / Не густу, не редку», где дед (зять) вступает в половую связь с тещей; в некоторых вариантах записи этой песни фиксируется употребление обсценной лексики⁶ [РЭФ, с. 122]. Возможно, что *матушка-репка* в составе фразеологизма метонимически обозначает неприличную песню с использованием нецензурных слов. Можно предположить, что в выражении *хоть Суру с Волгой пой* устойчивый песенный эпитет *матушка* по отношению к Волге просто опущен, и оба эти выражения в буквальном смысле обозначают «петь матерные песни», а в переносном – «использовать брань как последнее средство убеждения или облегчения в безвыходной ситуации», когда «цензурных слов не хватает».

В контексте бурлацкого быта можно рассмотреть словосочетание *волжское солнышко* (перм.), обозначающее луну (месяц) и имеющее варианты с тем же значением – *казанское солнышко* (перм.) и *бурлацкое солнышко* (дон., перм.). С одной стороны, эти обозначения луны можно поставить в ряд с другими восточнославянскими определениями ночного светила типа рус. сарат. *мордовское солнышко*, *мордовская копеечка* 'о луне', влг. *казанское солнышко* 'о месяце во время осенней жатвы', краснодар. *цыганское солнце* 'луна', укр. *цыганське сонце* 'месяц', блр. *цыганскае сонца* 'то же' и рассмотреть в рамках

⁶ Рассуждения о «срамной» и «низовой» семантике «репы» мы оставим за скобками и отошлем читателя к работе Т. Н. Бунчук [Бунчук].

ксенономинации. Как отмечает Е. Л. Березович, языковые факты такого рода трактуют луну как «неправильное» солнце, его «испорченный двойник» (ср. рус. костр. *ночное солнышко*, польск. *posne słońce*) [Березович, с. 214]. В этом случае *волжское* (оно же *казанское*) *солнышко* вполне вписывается в эту картину. С другой стороны, возможно и другое мотивационное решение: *волжское* или *бурлацкое солнышко* – это источник света для представителей ночных профессий, например, цыган и разбойников, к которым могли примыкать и вольнонаемные бурлаки, ср. южн. *бурлак* ‘бездомок, шатун, побродяга’ [Даль, т. 1, с. 143].

Другая социальная группа, связанная с Волгой, это разбойный люд. По «мнению» языка, люди, попавшие на Волгу, могли *навоблжиться*, то есть выучиться пьянствовать, буяннить, мошенничать и пр. [Даль, т. 2, с. 388]; ср. еще *здесь народ волгарь; я, брат, и сам с Волги; народ тертый, плут, я и сам наторел, знаю вашего брата* [Даль, т. 1, с. 236]. Волжская территория считалась местом вне закона и часто оказывалась прибежищем преступников или беглых каторжников, ср. *волгарь* шутол., угол. ‘заключенный, работающий на воле в речном пароходстве’ [БСЖ, с. 104], арготич. *волжский грузчик* ‘непрофессиональный преступник, попавший в места лишения свободы за случайное преступление’ [Андреев, с. 72], *из Волги приехать* арест., угол. ‘самовольно вернуться из колонии’ [БСЖ, с. 104]; *приезжий с Волги* ‘осужденный, бежавший из ИТУ’; *волга* угол. ‘сигнал к началу драки’ [Там же, с. 104]⁷. Возможно, свою роль здесь сыграло фонетическое притяжение (*Волга* – *воля*): человек с Волги = человек с воли. Уместно вспомнить, что гидроним *Волга* входит в список топонимов, служащих основой для фамилий литературных героев. Фамилию *Волгин* носит герой романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» (1871). Кажется, что выбор писателем «волжской» фамилии обусловлен несколькими причинами. Во-первых, герой Чернышевского благодаря фамилии хорошо вписывается в классический ряд «речных» литературных фамилий (*Онегин*, *Ленский*, *Печорин*). Во-вторых, сам Чернышевский был родом из Саратова, и Волга была его родной рекой (и этот факт поддерживает идею о том, что прототипом героя был сам автор). Наконец, думается, что фамилия *Волгин* привлекла русского революционера-демократа своим созвучием со словом *воля* (как известно, писатель был вдохновителем тайного революционного общества «Земля и воля»). Вероятно, этим же (а также общими «вольными» коннотациями *Поволжья*) фамилия *Волгин* привлекла и Г. В. Плеханова, который использовал ее как псевдоним.

⁷ В. Н. Андреев отмечает, что «значение фразеологизма *из волги приехать* ‘бежать из тюрьмы или колонии’ не связано со значением арготизма *волга* ‘сигнал к началу драки’» [Андреев, с. 73], очевидно, считая *волга* ‘сигнал к началу драки’ омонимом гидронима *Волга*, что, к сожалению, никак не проясняет происхождение арготизма.

Материальная культура

Волжским называли белый хлеб, привозимый с низовий Волги, а затем прилагательное *волжский* приобрело качественное значение и стало обозначать (особенно на относительно далеких от Поволжья территориях) вообще вкусный, хорошо удавшийся хлеб: ср. костр. *волжский* 'вкусный, хорошо испеченный (о пирогах, выпечке)': «Пироги если всем дошли – волжские. Раньше на Волге пекли баранки, батоны, оттуда привезут их, волжский каравай тоже привезут. Рекой когда гоняли к Горькому лес-от». Действительно вкусная выпечка получала знак качества посредством сравнения: *как с Волги* 'о вкусных, хорошо испеченных пирогах': «Какой вкусный хлеб – как с Волги! Раньше со сплавом ходили на Волгу, дак приносили хлеб-от»; костр. *как с Волги (хлеб)* 'о хорошем, пышном хлебе из белой муки': «Хорошо испекла – ну, скажот, как с Волги, хороший, белый хлеб, пышный каравай» [ЛКТЭ].

На территории Костромской обл. фиксируется также словосочетание *заволжские яблоки* с таким мотивировочным контекстом: «У нас своих-то яблок не было, только дички. Появились когда-то завосьские яблоки. Вот не понимали мы тогда, что это. То ли из-за Волги, то ли завезенные, “завозские”» [ЛКТЭ]. Из объяснений информанта остается непонятным, прибыли яблоки из-за Волги или их просто откуда-то привезли (то есть они *привозские* = *привозные*). Однако существование словосочетания *заволжская яблоня* 'яблоня, дающая «культурные» сорта яблок' [ЛКТЭ] и контекст «У нас в Костроме были свои дички. Яблоки мелкие, кислые. Стали привозить из-за Волги заволжские яблоки. Не, их яблоки крупные. От чебоксарцев. Не сравнить с нашей дикаркой. Ой, скажут, какие завосьские яблоки. Завосьские старушки звали. Как привозные и как заволжские» [Там же] поддерживают идею о том, что речь идет о культурном сорте яблок из Чебоксар, более крупных (и, следовательно, лучших) по сравнению с местным костромским дичком.

* * *

Изучение деривационно-фразеологического гнезда с вершинным словом *Волга* показало, что «волжская» лексика в основном зафиксирована в говорах Поволжья (астраханские, костромские, пермские, саратовские говоры, а также говоры на территории Республики Мордовия). На северо-западе России граница ареала пролегает по Вологодской и Архангельской областям. Можно сказать, что условно восточная граница ареала проходит в низовьях реки Печоры в Республике Коми. Были выделены предметно-тематические сферы, которые позволили увидеть, что Волга в народном сознании – это очень длинная, широкая, полноводная река с быстрым течением и причудливым

береговым рельефом, которая оказывается воплощением водной стихии, в своем роде архетипом реки вообще, матерью всех рек.

«Волжская» материальная культура отчасти представлена в языке предметами торговли (выпечка). Наиболее наполненной денотативной зоной оказался «Социум»: образ Волги тесно связан с бурлачеством и отхожими промыслами.

В русском языковом сознании маркирован и образ Поволжья: с одной стороны, это богатый край и место отхожего промысла, с другой, это опасная территория, связанная с разбойным и лихим людом. Выяснилось также, что лингвистические данные поддерживают существующий в фольклоре конкретный антропоморфный образ Волги. Река является нам как в виде веселого, бойкого, умного человека, так и в облике молодой девушки.

Образ реки Волги в целом оценивается положительно, фольклорные и литературные тексты изобилуют мелиоративными эпитетами; широко используется образ матери. Позитивно оценивается в языке и территория Поволжья (Заволжья), которая осмысливается как место отхожего промысла, где можно заработать, воспринимается как богатый привольный край.

Сокращения в названиях диалектов

- арх. – архангельские говоры русского языка
- астрах. – астраханские говоры русского языка
- симб. – симбирские говоры русского языка
- влг. – вологодские говоры русского языка
- волж. – волжские говоры русского языка
- ворон. – воронежские говоры русского языка
- дон. – донские говоры русского языка
- карел. – русские говоры на территории Республики Карелия
- коми – русские говоры на территории Республики Коми
- костр. – костромские говоры русского языка
- краснодар. – краснодарские говоры русского языка
- курск. – курские говоры русского языка
- морд. – русские говоры на территории Республики Мордовия
- перм. – пермские говоры русского языка
- сарат. – саратовские говоры русского языка
- сибир. – сибирские говоры русского языка
- южн. – южнорусские говоры русского языка

Список литературы

АКТЭ – Антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Андреев В. Н. Арготические фразеологизмы, включающие имена собственные и их омонимы // Филол. науки : Вопр. теории и практики : в 3 ч. Тамбов : Грамота, 2016. № 11 (65). Ч. 1. С. 72–74.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1. 368 с.

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1. 168 с.

Белкин Д. И. Образ Волги-реки в структуре романа И. А. Гончарова «Обрыв» // И. А. Гончаров : материалы Междунар. конф., посв. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / сост. М. Б. Жданова и др. Ульяновск : Печатный двор, 1998. С. 186–195.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне : Семантико-мотивационная реконструкция. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.

БСЖ – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб. : Норинт, 2000. 720 с.

БСРП – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.

Бунчук Т. Н. Репа в традиционной картине мира : (Опыт реконструкции концепта) // Лингвофольклористика : сб. науч. ст. Вып. 3 / отв. ред. А. Т. Хроленко. Курск : Изд-во КГУ, 2000. С. 44–56.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1994.

Даль ПРН – *Даль В. И.* Пословицы русского народа : в 2 т. СПб. ; М. : Изд-во М. О. Вольфа, 1879.

Даль ПРН² – *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М. : АСТ ; Астрель, 2008. 752 с.

Кожина Т. Н., Лекомцева Н. В. Волга как прецедентный знак русской культуры // Ономастика Поволжья : материалы IX Междунар. конф. по ономастике Поволжья. Волгоград, 9–12 сент. 2002 г. / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. С. 10–15.

Кольцова Э. В. Словарь рыбаков Волго-Каспия. М. : Водолей Publ., 2002. 192 с.

КСРНГ – Картоoteca Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

Кусмидинова М. Х. Концепт Волги в историко-культурном развитии России: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань : [Б. и.], 2010. 19 с.

Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности : Век XIX. М. : Индрик, 2016. 680 с.

ЛКТЭ – Лексическая картоoteca Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний : в 2 т. / предисл. и коммент. В. М. Мокиенко. М. : Рус. словари, 1994.

Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX века. Калинин : [Б. и.], 1973. 226 с.

Одесский М. П. Волга – колдовская река : От «Двенадцати стульев» к «Повести временных лет» // Геопанорама русской культуры : Провинция и ее локальные тексты / ред. А. Ф. Белоусов, В. В. Абашев, Т. В. Цивьян. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 605–624.

Поспелов Е. М. Географические названия мира : топоним. словарь. М. : Рус. словари, 2002. 512 с.

РЭФ – Русский эротический фольклор : Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост. А. Л. Топорков. М. : Ладомир, 1995. 640 с.

Рябов О. В. Волга-матушка в советской пропаганде периода Сталинградской битвы // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч. конф., посв. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне : в 2 ч. Волгоград : Волгоград. гос. ун-т, 2015. Ч. 1. С. 115–120.

СРГМ – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия) : в 8 т. / под ред. Р. В. Семенковой. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Т. 5. 344 с.

Строганов М. В. Большая Волга в русском фольклоре // Фольклор Большой Волги : сб. науч. ст. / сост. В. Е. Добровольская и др. М. : Роскультпроект, 2017. С. 310–329.

Сутрун В. И. Наш символ – Волга // Символы Волгоградской области : учеб. пособие / сост. С. В. Воротилова и др. М. : Глобус, 2008. С. 18–21.

ТКТЭ – Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Топоров В. Н. Еще раз о названии Волга // Языкознание. Литературоведение. История. История науки : К 80-летию С. Б. Бернштейна. М. : Наука, 1991. С. 47–62.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

ФСНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / сост. Н. А. Ставшина. СПб. : Наука, 2008. Т. 1–2.

Чулков М. Д. Новое и полное собрание российских песен : в 5 ч. М. : Университет. тип. Н. Новикова, 1780–1781. Ч. 2. 208 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991. Вып. 1–10.

Riabov O. “Mother Volga” and “Mother Russia”: on the Role of the River in Gendering Russianness // Meanings and Values of Water in Russian Culture. L. : Taylor & Francis, 2016. P. 81–97.

References

AKTE – *Antroponimicheskaya kartoteka Toponimicheskoi ekspeditsii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznanija i rechevoi kommunikatsii UrFU)* [The Anthroponymic Card Files of the Toponymic Expedition of Ural Federal University (Department of Russian Language, General Linguistics, and Speech Communication of Ural Federal University, Yekaterinburg)].

Andreev, V. N. (2016). Argoticheskie frazeologizmy, vključayushchie imena sobstvennyye i ikh omonimy [Argotic Idioms with Personal Names and Their Homonyms]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki v 3 ch.* Tambov, Gramota. No. 11 (65). Part 1, pp. 72–74.

Anikin, A. E. (2007). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. Vol. 1–. Iss. 1. 368 p.

Belkin, D. I. (1998). Obraz Volgi-reki v strukture romana I. A. Goncharova “Obryv” [The Image of the Volga River in I. A. Goncharov’s Novel *The Precipice*]. In Zhdanova, M. B. et al. (Ed.). *I. A. Goncharov: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 185-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova*. Ul’yanovsk, Pechatnyi dvor, pp. 186–195.

Berezovich, E. L. (2014). *Russkaya leksika na obshch斯拉vianskom fone. Semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary in General Slavic Context. Sematic and Motivational Reconstruction]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 488 p.

Bunchuk, T. N. (2000). Repa v traditsionnoi kartine mira. (Opyt rekonstruktsii kontseptov) [The Turnip in the Traditional Worldview (An Attempt at Concept Reconstruction)]. In Khrolenko, A. T. (Ed.). *Lingvofol'kloristika: sbornik nauchnykh statei*. Vol. 3. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 44–56.

Chulkov, M. D. (1780–1781). *Novoe i polnoe sobranie rossiiskikh pesen v 5 ch.* [New and Complete Collection of Russian Songs. 5 Parts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya N. Novikova. Part 2. 208 p.

Dahl, V. I. (1879). *Poslovitsy russkogo naroda v 2 t.* [Proverbs of the Russian People. 2 Vols.]. St Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo M. O. Vol'fa.

Dahl, V. I. (1994). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4 Vols.]. Moscow, Progress.

Dahl, V. I. (2008). *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Moscow, AST, Astrel'. 752 p.

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Popular Dialects]. Moscow, Leningrad, St Petersburg, Nauka. Vol. 5. 344 p.

Getsova, O. G. (Ed.). (1980–). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Iss. 1. 168 p.

Kopylova, E. V. (2002). *Slovar' rybakov Volgo-Kaspiya* [Vocabulary of the Fishermen of the Volga and Caspian Region]. Moscow, Vodolei Publ. 192 p.

Kozhina, T. N., Lekomtseva, N. V. (2004). Volga kak pretsedentnyi znak russkoi kul'tury [The Volga as a Precedent Sign of Russian Culture]. In Dzharylgasinova, R. Sh., Suprun, V. I. (Eds.). *Onomastika Povolzh'ya: materialy IX Mezhdunarodnoi konferentsii po onomastike Povolzh'ya, Volgograd, 9–12 sentyabrya 2002 g.* Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN, pp. 10–15.

KSRNG – *Kartoteka Slovarya russkikh narodnykh govorov (Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN)* [Card Files of Russian Popular Dialects (Linguistic Research Institute of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg)].

Kusmidinova, M. Kh. (2010). *Kontsept Volgi v istoriko-kul'turnom razvitii Rossii: filosofskii analiz* [The Concept of the Volga in Russian Historical and Cultural Development: Philosophical Analysis]. Avtoref. dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. Astrakhan', S. n. 19 p.

Leskinen, M. V. (2016). *Velikoross/velikoros. Iz istorii konstruirovaniya etnichnosti. Vek XIX* [Velikoross/velikoros. From the History of Ethnicity Construction. The 19th Century]. Moscow, Indrik. 680 p.

LKTE – *Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoi ekspeditsii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniiya i rechevoi kommunikatsii UrFU)* [Vocabulary Card Files of the Toponymic Expedition of Ural Federal University (Department of the Russian Language and General Linguistics of Ural Federal University, Yekaterinburg)].

Melnichenko, G. G. (Ed.). (1981–1991). *Yaroslavskii oblastnoi slovar'* [Dictionary of Yaroslavl Region]. Yaroslavl, Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni K. D. Ushinskogo. Vols. 1–10.

Mikhelson, M. I. (1994). *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inokazanii v 2 t.* [Russian Thought and Speech. One's Own and That of Others. Russian Phraseology Practices. A Collection of Figurative Words and Allegories. 2 Vols.]. Moscow, Russkie slovari.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2000). *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona* [The Great Dictionary of Russian Jargon]. St Petersburg, Norint. 720 p.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2007). *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [The Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp. 785 p.

Nikolsky, V. A. (1973). *Priroda i chelovek v russkoi literature XIX veka* [Nature and Man in Russian Literature of the 19th Century]. Kalinin, S. n. 226 p.

Odessky, M. P. (2004). Volga – koldovskaya reka: Ot “Dvenadtsati stol'ev” k “Povesti vremennykh let” [The Volga – a Magical River. From *The Twelve Chairs* to *The Tale of Bygone Years*]. In Belousov, A. F., Abashev, V. V., Tsivyan, T. V. (Eds.). *Geopanorama russkoi kul'tury. Provintsiya i ee lokal'nye teksty.* Moscow, Yazyki slavyanskoï kul'tury, pp. 605–624.

Pospelov, E. M. (2002). *Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskii slovar'* [Place Names of the World. Toponymic Dictionaries]. Moscow, Russkie slovari. 512 p.

Riabov, O. (2016). “Mother Volga” and “Mother Russia”: On the Role of the River in Gendering Russianness. In *Meanings and Values of Water in Russian Culture*. L., Taylor & Francis, pp. 81–97.

Riabov, O. V. (2015). Volga-matushka v sovetskoj propagande perioda Stalingradskoi bitvy [Mother Volga in Soviet Propaganda of the Battle of Stalingrad]. In *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine in 2 ch.* Part 1. Volgograd, Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, pp. 115–120.

Semenkova, R. V. (Ed.) (1978–2006). *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya v 8 t.* [Dictionary of Russian Dialects in the Territory of the Mordvinian Republic. 8 Vols.]. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta.

Stavshina, N. A. (Ed.) (2008). *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhnei Pechory* [An Idiomatic Dictionary of the Russian Dialects of the Lower Pechora Region]. St Petersburg, Nauka. Vols. 1–2.

Stroganov, M. V. (2017). Bol'shaya Volga v russkom fol'klore [The Great Volga in Russian Folklore]. In Dobrovol'skaya, V. E et al. (Eds.), *Fol'klor Bol'shoi Volgi: sbornik nauchnykh statei.* Moscow, Roskul'tproekt, pp. 310–329.

Suprun, V. I. (2008). Nash simvol – Volga [Our Symbol – the Volga]. In Vorotilova, S. V. (Ed.), *Simvoly Volgogradskoi oblasti: Uchebnoe posobie.* Moscow, Globus, pp. 18–21.

TKTE – Toponimicheskaya kartoteka Toponimicheskoi ekspeditsii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniiya i rechevoi kommunikatsii UrFU) [Toponymic Card Files of the Toponymic Expedition of Ural Federal University (Department of the Russian Language, General Linguistics, and Speech Communication of Ural Federal University, Yekaterinburg)].

Toporkov, A. L. (Ed.) (1995). *Russkii eroticheskii fol'klor. Pesni. Obryady i obryadovyi fol'klor. Narodnyi teatr. Zagovory. Zagadki. Chastushki* [Russian Erotic Folklore. Songs. Rituals and Ritual Folklore. Popular Theatre. Spells. Riddles. Chastushkas]. Moscow, Ladomir. 640 p.

Toporov, V. N. (1991). Eshche raz o nazvanii *Volga* [More on the Name *Volga*]. In *Yazykoznanie. Literaturovedenie. Istoriya. Istoriya nauki. K 80-letiyu S. B. Bernshteina.* Moscow, Nauka, pp. 47–62.

Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. 4 Vols.]. Moscow, Progress.

The article was submitted on 12.03.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.355
УДК 811.161.1'22:398+811.161.1'367.63

**К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКОЙ
ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ КОНСТРУКЦИЙ С ПРЕДЛОГОМ
И ПРИСТАВКОЙ БЕЗ-)***

Олеся Сурикова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**ON THE PRAGMATIC CONDITIONALITY
OF FOLKLORE TEXTS: CONSTRUCTIONS
WITH THE PREPOSITION AND PREFIX БЕЗ-****

Olesya Surikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article completes a cycle of studies on the genre peculiarities of folklore texts at the lexico-grammatical and word-building levels. It demonstrates that being the smallest meaningful units of text (and for that reason seemingly unnoticeable), even morphemes and grammemes appear in a folklore text only when carrying out tasks conditioned by the basic pragmatics of the genre. The author illustrates this statement referring to the functioning of the prefix and preposition *без* in different genres of Russian folklore, i. e. sayings, proverbs, riddles, chastushkas, ritual lamentations, charms, spiritual poems, and bylinas. According to statistics, constructions with *без* are frequent in sayings, proverbs, riddles, charms, and lamentations. In bylinas, their occurrence is moderate, and they are almost never found in chastushkas or spiritual poems. The frequency of the prefix and preposition *без* in different texts depends on the pragmatic nature of the genre.

* Исследование выполнено за счет средств проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

** *Citation*: Surikova, O. (2018). On the Pragmatic Conditionality of Folklore Texts: Constructions with the Preposition and Prefix *без-*. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1202–1214. DOI 10.15826/qr.2018.4.355.

Цитирование: Surikova O. On the Pragmatic Conditionality of Folklore Texts: Constructions with the Preposition and Prefix *без-* // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1202–1214. DOI 10.15826/qr.2018.4.355 / Сурикова О. К вопросу о прагматической обусловленности фольклорного текста (на материале конструкций с предлогом и приставкой *без-*) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1202–1214. DOI 10.15826/qr.2018.4.355.

Proverbs, love charms, and lamentations use negations with *без* to indicate an unbreakable bond (X does not exist without Y), while riddles and healing spells use it to indicate the alienability of what cannot be alienated (Y exists without X, though X is indispensable). In medical and protective spells, the main function of *без* is to magically eliminate evil forces. Lamentations, whose main feature is the idea of a loss or a lack of something, employ constructions with *без* to create a special projection of a world full of deprivation and hardships.

Keywords: Russian language; linguistic folklore studies; prefix *без-*; preposition *без*.

Статья является итогом цикла, посвященного жанровой специфике фольклорного текста на лексико-грамматическом и словообразовательном уровнях. В ней показано, что даже морфемы и граммы, будучи мельчайшими значимыми единицами текста (казалось бы, «незаметными»), возникают в фольклорном произведении при условии, что они выполняют задачи, обусловленные базовой прагматикой жанра. Это положение иллюстрируется на примере того, как функционируют приставка и предлог *без* в текстах разных жанров русского фольклора – пословицах и поговорках, загадках, частушках, обрядовых причитаниях, заговорах, духовных стихах и былинах. Статистика показывает, что в ряде жанров конструкции с *без* характеризуются высокой частотностью: это пословицы и поговорки, загадки, заговоры и причитания. В былинах они встречаются в умеренном количестве, а в частушках и духовных стихах практически отсутствуют. Причины активности предлога и приставки *без* в текстах, как и статистические показания, разнятся: они зависят от прагматического своеобразия жанра. Пословицы, любовные заговоры и плачи используют *без*-отрицание для утверждения нерасторжимости связи («без X нет Y»), загадки и лечебные заговоры – для указания на отчуждаемость неотчуждаемого («Y существует без X, хотя X является необходимым»). В лечебных заговорах и оберегах базовая функция *без* – магическое уничтожение злых сил. Причитаниям, для которых принципиально важной является идея лишения, отсутствия / недостачи чего-либо, конструкции с предлогом и приставкой *без* требуются для создания особой жанровой проекции мира, исполненной лишений и потерь.

Ключевые слова: русский язык; лингвофольклористика; прагматика фольклора; предлог *без*; приставка *без-*.

Настоящая статья является заключительной в цикле работ, посвященных прагматической обусловленности фольклорного текста на лексико-грамматическом и словообразовательном уровнях (см. предыдущие публикации цикла: [Сурикова, 2014; Сурикова, 2015; Сурикова, 2016; Сурикова, 2017]). Речь здесь пойдет о том, что языковые составляющие фольклорного произведения, даже мельчайшие, возникают в нем не произвольно, а в соответствии с базовой задачей текста. Она, в свою очередь, зависит от прагматической доминанты жанра, к которому этот текст принадлежит.

Существование жанровой специфики фольклора не подлежит сомнению и является для фольклористики и «китом», и общим местом. Жанровая уникальность на всех уровнях – от просодики до синтаксиса – изучается давно и продуктивно. Однако, говоря о жанровой уникальности, а соответственно, о неслучайности возникновения в произведениях народной поэзии тех или иных элементов текста, исследователи редко обращаются к единицам лексико-словообразовательного и грамматического уровней, поскольку их роль в создании концептуально-художественной ткани текста неочевидна (в качестве примеров подобных работ можно назвать [Андреева-Васина; Климас; Свешникова]). Тем интереснее факт, что единицы этих уровней тоже участвуют в создании жанровой специфики фольклора, а точнее, во многом ею определяются. Мельчайшие значимые элементы текста – морфемы и граммы, часто служащие для спайки более крупных составляющих фольклорного высказывания, – возникают в нем, как правило, не произвольно, но «по востребованию» – подчиняясь «запросу» жанра.

Продемонстрировать эту прагматическую обусловленность можно, изучив функционирование одной и той же морфемы и граммы в разных фольклорных жанрах – причем в тех, которые содержат устойчивые и «заданные» текстовые связи. Благоприятными объектами для такого рода анализа, выполненного на материале русского фольклора, видятся предлог и приставка *без*: это исконные и высокочастотные в системе русского языка единицы, не связанные дискурсивными ограничениями; кроме того, *без* – именная морфема и грамма, обладающая четким основным значением отсутствия, недостачи, и эта базовая семантика в подавляющем большинстве случаев сохраняется и не варьирует в контекстном окружении.

Изучение произведений народного творчества – пословиц и поговорок, загадок, частушек, обрядовых причитаний, заговоров, духовных стихов и былин¹ – показало, что в текстах одних жанров лексемы и конструкции с *без* встречаются в изобилии, в других – в умеренном количестве, в третьих – практически отсутствуют. Так, редки случаи использования предлога и приставки *без* в частушках и в духовных стихах. В языке быliny *без*-конструкции ведут себя активнее, но тоже встречаются нечасто: в каждом тексте (весьма объемном) в среднем один раз (мы выявили 376 случаев употребления *без* в 303 текстах). Зато в пословицах и поговорках, загадках, заговорах и обрядовых причитаниях все обстоит ровно наоборот: слова и конструкции с *без*

¹ Пословицы, поговорки и загадки исследовались на основании сборников [Даль ПРН; Снегирев; Садовников; Митрофанова] и сборников, отражающих некоторые локальные паремиологические традиции [РНЗПК]. Заговоры изучались по сборникам [Майков; Мансикка; Аникин; Ефименко]; письменная заговорная традиция – по изданиям [ОЧ; РЗРИ], частушки – по [ЧЗСВ]; духовные стихи – по [ГК]; быliny – по [Гильфердинг]. Корпус причитаний извлечен из сборников [Барсов, т. 1–2, т. 3; Ефименкова].

обладают здесь высокой частотностью и играют функциональную роль в организации текстового пространства. Рассмотрим причины такой активности для каждого из названных жанров.

В **пословицах, поговорах и загадках** приставка и предлог *без* появляются чаще всего как средство обозначения аномалии (подробно об этом см.: [Сурикова, 2015]). Пословицы и поговорки – жанр дидактический; его иллокутивная доминанта заключается в корректировке действий человека. Задача пословицы – указать принятую традицией модель поведения, и осуществляется это через противопоставление нормы и аномалии. Пословичное утверждение того, что неверно, ошибочно или глупо, нуждается в разнообразных средствах обозначения ненормального, в том числе в словах и конструкциях с приставкой и предлогом *без* – они называют отсутствие кого или чего-либо, а отсутствие часто является знаком ущербности, «незаконченности», деформированности.

Существует обширный корпус пословиц и поговорок, реализующих структурную схему «без X нет Y» (по меньшей мере 800 текстов; для сравнения: сборник В. И. Даля, послуживший основным источником материала, в целом содержит порядка 30 тыс. паремий), ср., например: *Без костей и рыбки не бывает* [Даль, т. 1, с. 56]; *Дерево без листа, что тело без хвоста* [Снегирев, с. 396]; *Без дела жить – только небо коптить* [Даль, т. 1, с. 650] и пр. При этом часто место X занимает обозначение некоторого элемента, место Y – название действия, которое без этого элемента не может состояться (*Без хлеба не работать, без вина не плясать* [Даль, т. 2, с. 412]; *Без бороды и в рай не пустят* [Даль, т. 1, с. 16]); X – название инструмента, Y – указание на недееспособного без X деятеля (субъекта) или действие, которое не может произойти (*Портной без кафтана, сапожник без сапогов, а плотник без дверей* [Там же, с. 681]; *Без косы и сена не накосишь* [Там же, с. 677]); X – обозначение деятеля, Y – название действия, которое без него не может совершиться (*Без матери младенца не утетишь, без мастера аксамита не уложишь* [Снегирев, с. 47]; *Секира без секущего не сечет* [Там же, с. 416]) и т. д. Вариации схемы «без X нет Y» разнообразны, но наиболее распространенным следует признать тип пословиц, где на месте X находится обозначение части, а на месте Y – название целого: *Голова без ума, что фонарь без свечи* [Там же, с. 82]; *Без перевясла и веник рассыпался* [Даль, т. 1, с. 292]; *Без вымени овца – баран* [Даль, т. 2, с. 253]; *Русская рубаха без цветных ластовок не живет* [Там же, с. 226] и мн. др.

Жанр **загадки** имеет игровую природу, конструирует мир, подчиняющийся законам алогизма. Иллокутивная доминанта загадки (как текста по природе своей диалогического, предполагающего взаимодействие загадывающего и отгадчика) – угадывание реципиентом фрагментов реального мира, объективно оценивающихся как норма и зашифрованных с помощью метафоры, которая являет собой абсурд, алогизм и аномалию. Загадка, таким образом, есть описание

некой аномалии, за которой при умении провести аналогию (или конвенциональном знании аналогии) открывается норма. В построении метафоры (описания аномалии) нередко участвуют конструкции с предлогом и приставкой *без*: существует не менее 350 энигматических текстов (без учета вариантов), которые предлагают отгадать денотат по необладанию неотчуждаемым или необходимым свойством и реализуют структурную схему «Y существует без X (хотя X является необходимым)». Ср.: *Без ног бежит* <река> [РНЗПК, с. 33]; *Без мяса, без костей подымается* <квашня и тесто> [Митрофанова, с. 126]; *Дедушка мост мостит без топора и без ножа* <мороз> [Садовников, № 2074г] и др.

Поиск разгадки – угадывание скрытого денотата загадки через его заместителя или через описание свойств самого денотата – требует надежных оснований метафорического переноса. Иными словами, метафорически связанные исходная (скрытый денотат) и преобразованная (представление денотата в загадке) ситуации стремятся к простоте, поэтому важное условие для успешного разгадывания загадки – наглядность эксплицируемых признаков скрытого денотата. В соответствии с этим условием к построению метафоры в загадках привлекаются, как правило, конкретные инструментальные образные элементы, которые находятся в «ближнем круге» внимания пользователя текстов. Так, в текстах, строящихся в рамках структурной схемы «Y существует без X (хотя X является необходимым)», на месте X часто располагаются названия частей тела (*Без рук на стену лезет* <щетка> [Митрофанова, с. 157]), растений (*Что растет без кореньев?* <камень> [Садовников, № 1575]), хозяйственного инвентаря (*Пришли мужики без пил, без топоров, срубили избу без углов* <муравьи> [РНЗПК, с. 82]), одежды и обуви (*У кого одна нога, да и та без башмака?* <гриб> [Митрофанова, с. 69]) и под. Значимое свойство таких образных элементов (как и в пословицах) – легкое встраивание в систему отношений «часть – целое», ср. показательный пример: *Летит пархан, без рук кафтан, без рукавиц, без ног сапоги* <свекла> [Там же, с. 88].

Основная целеустановка **заговора** – магическое воздействие. Специфика заговорного слова заключается в его перформативности (понимаемой в широком смысле – как наличие у слова воздействующей силы). Практически каждый элемент заговорного текста как целого имеет воздействующий характер, и конструкции с предлогом и приставкой *без*, употребляющиеся в заговорах, не исключение. В привлеченных источниках мы обнаружили порядка 250 текстов, в которых слова и сочетания с *без* играют роль в конструировании магического смысла, однако стоит отметить, что функции предлога и приставки *без* разнятся в зависимости от функционального типа заговора, в котором они встречаются. Так, главная задача при сушек (любовных, скотоводческих, охотничьих, на любовь и почет, на начальство и судей) – утверждение нерасторжимости связи (любвонной, скота и хозяина, животного и охотника и пр.). Для того чтобы обозначить отношения

неотчуждаемости, в таких текстах могут возникать формулы, построенные на основании логической схемы «как Y не может без X, так бы и ты без меня не мог» (ср. схожую схему «без X нет Y», которая используется в поговорках и пословицах с целью проиллюстрировать аномалию). Смысл этих формул заключается в том, что объект заговаривания не должен жить, есть, спать без протагониста так же, как некий Y не может существовать без некоего X.

В текстах говорится о человеке и животных, лишенных частей тела и органов (*Как не может жить без белого тела, без ретивого сердца, без семьдесят семь жил, без семьдесят семь суставов, без правой руки, без правой ноги, не может ни жити, ни быти, так и без меня, рабы Божьей...* [Аникин, № 655]); о человеке без еды и одежды (*Червь не может жить без земли, рыба – без воды, человек – без хлеба, без соли, без платья, без креста. Так же бы и ты, раб Божий, не мог бы жить без меня, рабы Божьей...* [Там же, № 693]). Возникают отсылки к отношениям родства – в заговорах фигурируют младенец без матери, муж без жены (*Как красно солнышко не может жить без лучей, а малый младенец – без грудного молока, а рыба – без воды, а муж – без жены, а (имя) – без (имя)... так не мог быть (имя) без (имя) рабы...* [Там же, № 692]). Упоминается типичная «среда обитания» – червь без земли (*Как этот червь не может быть без земли, так раб Божий Никодрим не может быть без рабы Божьей Пелагеи* [Там же, № 694]), птица без леса (*Как не может быть птица без лесу, так не мог бы жить раб Божий без рабицы Божией* [ЖС 1907, с. 32]). В качестве иллюстрации идеи нерасторжимой связи появляются образы природных (атмосферных) явлений – солнца без лучей и без зари (*Как без утренней зари солнце не всходит, без вечерней – не вечеряет, так бы раб Божий без меня не мог ни жить, ни быть...* [Аникин, № 713]), земли без дождя (*Как мать-сыра земля не может жить без дождя, сохнет и щелится, так и раб Божий Иван не мог жить без рабы Божьей Татьяны, сох и щелился* [Там же, № 796]) и т. д. Однако самой распространенной формулой, обозначающей отношения неотчуждаемости, является сочетание *рыба без воды*: *Рыба не можот жить без воды, так бы раб не мог жыть без рабы* [Мансикка, № 158].

В заговорах, направленных на противостояние злу (лечебных, оберегах), базовой функцией без становится функция магического уничтожения злых сил, которая реализуется с помощью ряда стратегий. Одна из этих стратегий – обезвреживание недуга через отрицание его опасных свойств – воплощается с помощью алогизма, который строится на основании энигматической логической схемы «Y существует без X (хотя X является необходимым)». Это характерно для лечебных заговоров, включающих формулу «Полетел без крыл, сел без ног»: *Летел бескрылый, сел безногий, клюнул безносый, весь жар унес* [Аникин, № 1701]; *Без крыльев прилетел, без места посидел, без зуба укусил* [Там же, № 1891] и т. д. Подобные тексты повествуют, как некоторое существо выполняет действия,

не имея необходимых для этого частей тела; «увечность» этого существа символизирует безвредность болезни для человека (подробней см.: [Агапкина, с. 184–189]).

Стратегия отрицания злых сил, когда «отрицание этих сил понимается как их уничтожение или устранение» [Толстая, с. 242], может реализовываться и без привлечения алогизма, как, например, в следующих случаях: *Как Пресвятая Богородица Христа родила без мук, без болей, так бы и рабе Божьей (имя) родить без муки, без боли* [Аникин, № 17]; *...запеки ту рану у раба Божия (имя рек), в три дни ж в три часы, ни боли, ни сверби, без крови, без раны, во веки, аминь* [Майков, № 168].

Другая стратегия, воплощаемая без-конструкциями в рамках выполнения ими функции магического уничтожения злых сил, – проклятье, направленное на противника и возникающее в заговорах в соответствии с представлениями, будто «магия злоречений способна нейтрализовать, обезвредить или даже уничтожить опасность» [Виноградова, с. 440]. Сочетания с предлогом и приставкой без вкупе с глаголом, который они характеризуют, образуют ядро заговорных формул проклятья: комплекс «глагол + без-конструкция» представляет собой формулировку того, что должно произойти с врагом протагониста. Ср. примеры: *Как сей мертвец имярек умер без покаян(в)я, так и ты умри без пок(аянья)* [РЗРИ, с. 93]; *...будь ты черной ворон с воронихой и ястреб с ястребихой слеп и темен без ясных очей и без станových костей, не увидеться бы тебе черному ворону с воронихой...* [Ефименко, с. 182].

К проклятью близка стратегия инвективы – негативно-бранной характеристики объекта заговора: *Иссохни, исчерни, нечистая сила, бездушная тварь. Как сучок иссохнет, так и ты, нечистая сила, бездушная тварь, иссохни* [ЮК, с. 24]; *Ты, змея скорпня, беззаконная тварь, почему чрез Христовы заповеди ступаешь?* [Майков, № 189].

Итак, прагматический «запрос» заговора на предлог и приставку без связан с теми базовыми функциями, которые они как выразители идеи отсутствия и вообще отрицания способны выполнять. Это функция магического уничтожения злых сил, когда без-отрицание становится носителем максимального негативного «заряда», и утверждение нерасторжимости связи объектов, когда без, как и в паремиях, иллюстрирует аномалию (подробней о без-конструкциях в языке заговора см.: [Сурикова, 2014; Сурикова, 2017]). Наконец, особенно значимы без-конструкции для обрядовых **причитаний** (в первую очередь похоронно-поминальных и рекрутских). Семантико-прагматическая доминанта плачей – «лишительность» – идея лишения, отсутствия / недостачи чего-либо, которая имеет концептуальную значимость для жанра, формирует мотивную структуру текста и выражается лексико-семантическими средствами. «Лишительность» лежит в основе центральной причетной оппозиции – противопоставления идиллического прошлого, которое характеризуется социальной,

материальной, онтологической полнотой и упорядоченностью, трагическому будущему, связанному с потерей и утратой (члена семьи в похоронных причитаниях, мужчины-кормильца в рекрутских плачах). На собственно текстовом уровне лишительность воплощается в многочисленных описаниях и перечислениях социальных, имущественных и психологических потерь лиминальных субъектов (вдовы, сироты, рекрута), ср. типичный контекст: *И как ты сойдешь-то во службу государеву. <...> / И ты потыченья, победной, наувидишься, / И ты поушенья, несчастной, напримаешься, / И тут избита-то несчастна будет спинушка, / Всё подбиты будут ясны твои очушки, / Исколочена несчастна буде голова, / Как подсвечены ведь резвы будут ноженьки, / И придосажено ретливое сердечушко, / И приближена несчастная утробушка...* [Барсов, т. 2, с. 36].

Значимая концептуально и эксплицируемая в ряде основных тем и мотивов, идея лишительности требует особых языковых средств выражения. Наиболее продуктивный из них – словообразовательные каритивы – слова и конструкции с приставкой и предлогом *без*, «выражающие значение недостачи, нехватки, отсутствия чего-либо» [Толстая, с. 50]. В севернорусских причитаниях ониобладают высокой частотностью (в исследованном корпусе текстов нам удалось обнаружить 1260 лексем и предложно-падежных конструкций, содержащих *без*, из них больше половины случаев – 674 – принадлежит словам *бесчастный* и *бессчастье*) и называют отсутствие 153 разных объектов и явлений (подробно см.: [Сурикова, 2016]).

К наиболее существенным для плачей концептуальным линиям, которые оязыковляются с помощью сочетаний с *без*, относятся следующие:

– сиротство, отсутствие членов семьи (*Не красны слывут дочери безматерни / Не славны сыновья живут безотниш...* [Барсов, т. 1, с. 171]; *Што возростим мы сердечных твоих детушек, / Воспитать тебя мы будем мать безмужнюю...* [Там же, с. 22] и др.);

– отсутствие дома, приюта (*Как ходить часто по тихиим беседушкам / Бездомовым дочерям да не приходится...* [Там же, с. 132]; *Ой, я живу-то ноне, горькая, / Ой, да одна-одинешенька, / Ой, как кокушечка серая, / Ой, серая да безгнезда!* [Ефименкова, с. 100] и др.);

– отсутствие нравственной, социальной регуляции поведения (*Да ты слушай же, несчастная суседушка, / Хоть головушка твоя да безначальная²...* [Барсов, т. 1, с. 10]; *И будут детушки сиротны-самовольныи, / И все солдацкии оны да безунёмныи³...* [Барсов, т. 2, с. 96]; *Ой, остались сиротинушки, / Ой, да без родимой-то мамушки, / Ой, да без приюта великого, / Ой, да без надзора хорошего!* [Ефименкова, с. 103] и др.).

² Ср. лит. безначáлие – ‘отсутствие власти, руководства; анархия, беспорядок, произвол’ [ССРЛЯ, т. 1, с. 352].

³ Ср. олон. безуненный – ‘шаловливый’ [СРНГ, т. 2, с. 202].

Часто без-конструкции являются негативными характеристиками человека: *И как безумны эти девушки молодые...* [Барсов, т. 2, с. 226]; *Нонько годушки пошли да все бедовыи, / Как бессовестный народ пошел мудреной...* [Барсов, т. 1, с. 38]; *И принаступят што ведь судьи неправосудныи, / И нападут да на нас власти безмилосердыи...* [Барсов, т. 2, с. 149] и пр. Кроме того, без в причети участвует в построении фрагментов текста, репрезентирующих логическую схему, значимую нам по жанру загадок, – «У существует без Х (хотя Х является необходимым)». Подобные синтагмы описывают моральное и физическое страдание, метафорически представленное в виде деструкции (*Не радио, дочь обидная, / Я не другу ведь, не недругу / Жить во раннем сиротаньнице: / Без морозу сердце вызябло, / Без дождя личко повымкло...* [Барсов, т. 1, с. 55]), или иллюстрируют невозможность существования части без целого, нерасторжимость связи (ср. то же в заговорах): *Не дай свет да Богородица / Жить церкви без священника, / Часовни жить без старосты, / Деревни без десятника, / Стоять дом без хозяина, / Угоды без крестьянина...* [Там же].

* * *

Подведем итоги. Наблюдения над функционированием слов и конструкций с предлогом и приставкой *без* в текстах разных фольклорных жанров позволяют говорить о существовании жесткого отбора языковых средств при создании фольклорного произведения даже на лексико-словообразовательном и грамматическом уровнях. Языковые единицы – вплоть до морфем и грамем – возникают в фольклорном тексте при условии, что они способны выполнять задачи, обусловленные базовой прагматикой жанра. Главным критерием отбора при этом является системно-языковая семантика. Попадая в «жанровый контекст» и подчиняясь центральному жанровому «заданию», носители этой семантики начинают выполнять более частные функции.

Представим схематически направление языкового отбора (на примере заговоров, направленных на противостояние злу, например лечебных):

общая интенция функционального типа заговора (противостояние злу) → базовая функция текста (уничтожение зла) → потребность в языковых единицах, которые способны оптимально воплощать эту функцию, эксплицитировать идею неприятия, отторжения зла, противостояния ему → потребность в носителях негативной семантики → появление в текстах приставки и предлога *без* → выполнение без-конструкциями ряда стратегий (отрицание зла, проклятье и пр.).

Подобным образом присушки, пословицы и плачи востребуют без-отрицание для утверждения нерасторжимости связи, загадки и некоторые лечебные заговоры – для указания на отчуждаемость не-

отчуждаемого; причитаниям конструкции с предлогом и приставкой без нужны для создания особой картины мира, полной лишений и потерь. В конечном счете все эти «жанровые проекции» без-отрицания сводятся к представлению с его помощью аномалии. Анализ текстовых экспликаций структурных схем «без X нет Y» и «Y существует без X (хотя X является необходимым)», обнаруженных во всех исследованных жанрах, позволяет сформулировать основной когнитивный механизм аномалии. Ее, как правило, иллюстрируют указания на целое без части, ситуацию без значимого компонента, а также нерасторжимую и тем не менее расторгнутую связь. Таким образом, анализируя бытование лексико-грамматических элементов в фольклорных текстах и выявляя их наиболее значимые текстовые функции, можно лучше понять прагматический потенциал языковых единиц, не всегда «выводимый» из системных сведений.

Список литературы

- Агапкина Т. А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М. : Индрик, 2010. 824 с.
- Андреева-Васина Н. И.* Вторичная приставка *при-* в русских народных говорах и в произведениях устного народного творчества // Диалектная лексика. 1969 / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л. : Наука, 1971. С. 152–160.
- Аникин – Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В. П. Аникина. М. : Изд-во МГУ, 1998. 480 с.
- Барсов 1–2 – Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2 т. М. : Общество любителей российской словесности, 1872. XXXI + 327 + XXXIII + LVI + 335 с.
- Барсов 3 – Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 3. Плачи свадебные, гостибные, баенные и предвечные // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1885. № 3. С. 1–160; № 4. С. 161–156.
- Виноградова Л. Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст : Генезис и структура / отв. ред. Т. Н. Свешникова. М. : Индрик, 2005. С. 425–440.
- Гильфердинг – Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1873. 719 с.
- ГК – Голубиная книга : Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / сост., вступ. ст., прим. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М. : Моск. рабочий, 1991. 352 с.
- Даль ПРН – Пословицы русского народа / сб. В. Даля : в 2 ч. СПб. ; М. : Тип. М. О. Вольфа, 1879. 756 + 660 с.
- Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Изв. Императ. общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императ. Моск. ун-те. Т. 30. Кн. 5. Вып. 2. Народная словесность. М. : Типолит. С. П. Архипова и Ко, 1878. 276 с.
- Ефименкова Б. Б.* Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М. : Совет. композитор, 1980. 392 с.
- ЖС 1907 – Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. // Живая старина : период. изд. отд. этнографии Императ. Рус. географ. о-ва. 1907. Вып 1. № 8.
- Климас И. С.* Слова с префиксом *раз-/рас-* в вологодских фольклорных песнях // Вологодский текст в русской культуре : сб. ст. по материалам конф. / редкол. Е. Н. Ильина, С. Ю. Баранов, С. Х. Головкина. Вологда : Легия, 2015. С. 58–64.

- Майков – Великорусские заклинания / сб. Л. Н. Майкова. СПб. : Тип. Майкова, 1869. 164 с.
- Мансика В. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // *Sborník filologický* (III. Trída České akademie věd a umění). Praha : Česká Akademie Věd a Umění, 1926. Sv. 8. Č. 1. S. 185–233.
- Митрофанова В. В. Загадки. Л. : Наука, 1968. 255 с.
- ОЧ – Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002. 584 с.
- ПерЗ – Переславское Залесье : Фольклорно-этнографическое собрание С. Е. Елховского / отв. ред. С. С. Савоскул. М. : Индрик, 2011. Вып. 1. 456 с.
- РЗРИ – Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М. : Индрик, 2010. 829 с.
- РНЗПК – Русские народные загадки Пермского края : сб. фольклор. текстов с коммент. и истолкованиями / сост. И. А. Подюков, А. В. Черных. СПб. : Маматов, 2012. 256 с.
- Садовников – Загадки русского народа : сб. загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Н. Садовников. М. : Терра, 1996. 336 с.
- Свешиникова Н. В. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в русских былинах // Актуальные проблемы лексикологии и стилистики : сб. ст. / отв. ред. Л. И. Баранникова. Саратов : Изд-во СГУ, 1993. С. 37–41.
- Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М. : Индрик, 1999. 624 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышова, С. Г. Бархударова, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.
- Сурикова О. Д. Аномалия как отрицаемая ценность (на материале паремий с предлогом и приставкой *без*) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2015. С. 387–402.
- Сурикова О. Д. К изучению языкового мира русских причитаний: категория «лишительности» и ее воплощение в тексте // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 287–298.
- Сурикова О. Д. О функциях лексических единиц в русском заговорном тексте (на примере конструкций с предлогом и приставкой *без*) // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 157–164.
- Сурикова О. Д. Семантика и функционирование *без*-конструкций в языке русского заговора // III Всероссийский конгресс фольклористов. Т. 1. Актуальные проблемы российской фольклористики : сб. науч. ст. / сост. В. Е. Добровольская и др. М. : Роскультпроект, 2017. С. 192–204.
- Толстая С. М. Пространство слова : Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М. : Индрик, 2008. 527 с.
- ЧЗСВ – Частушки в записях советского времени / отв. ред. Б. Н. Путилов. М. ; Л. : Наука, 1965. 496 с.
- ЮК – Бахматов А. А., Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В. Юрлинский край : Традиционная культура русских Юрлинского района в XIX–XX вв. : материалы и исслед. Кудымкар : Коми-Пермяцк. книж. изд-во, 2003. 493 с.

References

- Agapkina, T. A. (2010). *Vostochnoslavyanskije lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Syuzhetika i obraz mira* [East Slavic Healing Spells in a Comparative Light: Plot Structure and Image of the World]. Moscow, Indrik. 824 p.
- Andreeva-Vasina, N. I. (1971). *Vtorichnaya pristavka pri- v russkikh narodnykh govorakh i v proizvedeniyakh ustnogo narodnogo tvorчества* [Secondary Prefix *npu-* in Rus-

sian Dialects and Works of Oral Folklore]. In Filin, F. P., Sorokoletov, F. P. (Eds.). *Dialekt-naya leksika. 1969*. Leningrad, Nauka, pp. 152–160.

Anikin, V. P. (Ed.). (1998). *Russkie zagovory i zaklinaniya. Materialy fol'klornykh ekspeditsii 1953–1993 gg.* [Russian Spells and Incantations. Materials of Folklore Expeditions 1953–1993]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 480 p.

Bakhmatov, A. A., Podyukov, I. A., Chernykh, A. V., Khorobrykh, S. V. (2003). *Yurlinskii krai. Traditsionnaya kul'tura russkikh Yurlinskogo raiona v XIX–XX vv. Materialy i issledovaniya* [Yurlinsky Krai. The Traditional Culture of the Russians in Yurlinsky District in the 19th–20th Centuries. Materials and Studies]. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 493 p.

Barsov, E. V. (Ed.). (1872). *Prichitan'ya Severnogo kraya, sobrannye E. V. Barsovyim v 2 t.* [Lamentations of the Northern Region Collected by E. V. Barsov. 2 Vols.]. Moscow, Obshchestvo lyubitelei rossiiskoi slovesnosti. XXXI + 327 + XXXIII + LVI + 335 p.

Barsov, E. V. (Ed.). (1885a). *Prichitaniya Severnogo kraya, sobrannye E. V. Barsovyim*. [Lamentations of the Northern Region Collected by E. V. Barsov]. Vol. 3. Plachi svadebnye, gostibnye, baennye i predvenechnye. In *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. No. 3, pp. 1–160. No. 4, pp. 161–256.

Chernyshov, V. I., Barkhudarov, S. G., Vinogradov, V. V., Filin, F. P. (Eds.). (1948–1965). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 t.* [Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language. 17 Vols.]. Moscow, Leningrad, Nauka.

Dahl, V. I. (Ed.). (1879). *Poslovitsy russkogo naroda v 2 ch.* [Russian Folk Proverbs. 2 Parts]. St Petersburg, Moscow, Tipografiya M. O. Vol'fa. 756 + 660 p.

Efimenko, P. S. (Ed.). (1878). *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoi gubernii* [Materials on the Ethnography of the Russian Population of Arkhangel'sk Province]. In *Izvestiya Imperatorskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii pri Imperatorskom Moskovskom universitete* [News of the Imperial Society of Admirers of Natural Science, Anthropology, and Ethnography at Imperial Moscow University]. Vol. 30. Book 5. Iss. 2. Narodnaya slovesnost'. Moscow, Tipografiiya S. P. Arkhipova i Ko. 276 p.

Efimenkova, B. B. (Ed.). (1980). *Severnorusskaya prichet'. Mezhdurech'e Sukhony i Yuga i verkhov'ya Kokshengi (Vologodskaya oblast')* [Northern Russian Lamentation. The Interfluvium of the Sukhona and the Yug Rivers and the Upper Course of the Kokshenga (Vologodsk Oblast)]. Moscow, Sovetskii kompozitor. 392 p.

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Moscow, Leningrad, St Petersburg, Nauka. Iss. 1–.

Hilferding, A. F. (Ed.). (1873). *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Onega Bylinas Recorded by Aleksandr Fedorovich Hilferding in the Summer of 1871]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. 719 p.

Klimas, I. S. (2015). Slova s prefiksom *raz-/ras-* v vologodskikh fol'klornykh pesnyakh [Words with the Prefix *raz-/pac-* in Vologda Folk Songs]. In Il'ina, E. N., Baranov, S. Yu., Golovkina, S. Kh. (Eds.). *Vologodskii tekst v russkoi kul'ture*. Vologda, Legiya, pp. 58–64.

Maikov, L. N. (Ed.). (1869). *Velikorusskie zaklinaniya* [Great Russian Incantations]. St Petersburg, Tipografiya Maikova. 164 p.

Mansikka, V. (Ed.). (1926). *Zagovory Pudozhskogo uezda Olonetskoj gubernii* [Spells of Pudozhsky Uyezd of Olonetsky Province]. In *Sbornik filologický*. (III. Trída České akademie věd a umění). Praha, Česká Akademie Věd a Umění. Sv. 8. Č. 1, s. 185–233.

Mitrofanova, V. V. (Ed.). (1968). *Zagadki* [Riddles]. Leningrad, Nauka. 255 p.

Podyukov, I. A., Chernykh, A. V. (Eds.). (2012). *Russkie narodnye zagadki Permskogo kraya: sbornik fol'klornykh tekstov s kommentariyami i istolkovaniyami* [Russian Folk Riddles of Perm Krai: A Collection of Folk Texts with Comments and Interpretations]. St Petersburg, Mamatov. 256 p.

Putilov, B. N. (Ed.). (1965). *Chastushki v zapisyakh sovetskogo vremeni* [Chastushkas in the Records of the Soviet Period]. Moscow, Leningrad, Nauka. 496 p.

Sadovnikov, D. N. (Ed.). (1996). *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosy, pritch i zadach* [Riddles of the Russian People: A Collection of Riddles, Questions, Parables, and Problems]. Moscow, Terra. 336 p.

Savoskul, S. S. (Ed.). (2011). *Pereslavskoe Zales'e. Fol'klorno-etnograficheskoe sobranie S. E. Elkhovskogo* [Pereslavskoe Zalesye. A Folk-Ethnographic Collection by S. E. Elkhovskiy]. Moscow, Indrik. Iss. 1. 456 p.

- Snegirev, I. M. (Ed.). (1999). *Russkie narodnye poslovitsy i pritchi* [Russian Folk Proverbs and Parables]. Moscow, Indrik. 624 p.
- Soloshchenko, L. F., Prokoshina, Yu. S. (Eds.). (1991). *Golubinaya kniga: Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI–XIX vv.* [A Verse about the Book of the Dove: Russian Folk Spiritual Poems of the 11th–19th Centuries]. Moscow, Moskovskii rabochii. 352 p.
- Surikova, O. D. (2016). K izucheniyu yazykovogo mira russkikh prichitanii: kategoriya “ishitel’nosti” i ee voploshchenie v tekste [On Studying the Linguistic World of Russian Lamentations: The “Deprivation” Category and Its Textual Implementation]. In *Antropologicheskii forum*. No. 28, pp. 287–298.
- Surikova, O. D. (2014). O funktsiyakh leksicheskikh edinit v russkom zagovornom tekste (na primere konstruktii s predlogom i pristavkoi bez) [On the Functions of Lexemes in Russian Charms (a Case Study of Constructions with the Preposition and Prefix *bez*)]. In *Traditsionnaya kul'tura*. No. 3, pp. 157–164.
- Surikova, O. D. (2015). Anomaliya kak otritsaemaya tsennost' (na materiale paremii s predlogom i pristavkoi *bez*) [Abnormality as an Abjured Value (a Case Study of Proverbs with the Preposition and Prefix *bez*)]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Kategoriya otsenki i sistema tsennosti v yazyke i kul'ture*. Moscow, Indrik, pp. 387–402.
- Surikova, O. D. (2017). Semantika i funktsionirovanie *bez*-konstruktsii v yazyke russkogo zagovora [The Semantics and Functioning of Constructions with the Preposition and Prefix *bez* in Russian Charms]. In Dobrovol'skaya, V. E. et al. (Eds.). III Vserossiiskii kongress fol'kloristov. Vol. 1. Aktual'nye problemy rossiiskoi fol'kloristiki. Moscow, Roskul'tproekt, pp. 192–204.
- Sveshnikova, N. V. (1993). Umen'shitel'no-laskatel'nye suffiksy v russkikh bylinakh [Diminutive Suffixes in Russian Bylinas]. In Barannikova, L. I. (Ed.). *Aktual'nye problemy leksikologii i stilistiki: sbornik statei*. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 37–41.
- Tolstaya, S. M. (2008). *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavianskoi perspektive* [The Space of the Word. Lexical Semantics in the Common Slavic Perspective]. Moscow, Indrik. 527 p.
- Toporkov, A. L. (Ed.). (2010). *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoi poloviny XIX v.* [Russian Spells from Manuscript Sources of the 17th–First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Indrik. 829 p.
- Toporkov, A. L., Turilov, A. A. (Eds.). (2002). *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov* [Renunciation Reading in Russia in the 17th–18th Centuries]. Moscow, Indrik. 584 p.
- Vinogradova, L. N. (2005). Formuly ugroz i proklyatii v slavyanskikh zagovorakh [Threat and Curse Formulas in Slavic Spells]. In Sveshnikova, T. N. (Ed.). *Zagovornyi tekst. Genesis i struktura* [Spell Texts. Genesis and Structure]. Moscow, Indrik, pp. 425–440.
- Zagovory, oberegi, spasitel'nye molitvy i proch. [Spells, Charms, Prayers of Salvation, etc.]. (1907). In *Zhivaya starina: Periodicheskoe izdanie otdeleniya Etnografii Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Iss. 1. No. 8.

The article was submitted on 22.01.2018

Hereditas:
nomina
et scholae

М. М. Богословский. 1900-е гг.

M. M. Bogoslovsky. 1900s

Hereditas:
nomina et scholae

DOI 10.15826/qr.2018.4.356

УДК 930.2:003.074+94(47)"1917"+329+929Богословский

ДРАМАТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ М. М. БОГОСЛОВСКОГО*

Петр Кабытов

Самарский национальный исследовательский университет,
Самара, Россия

Екатерина Барина

Самарский государственный экономический университет,
Самара, Россия

M. M. BOGOSLOVSKY'S DRAMATIC REFLECTION

Pyotr Kabytov

Samara National Research University,
Samara, Russia

Yekaterina Barinova

Samara State Economic University,
Samara, Russia

This article analyses the *Diaries* of the outstanding Russian historian Mikhail Bogoslovsky, a professor at Moscow Imperial University. The authors reveal the peculiarities of this unique historical source, largely filling in the gaps and lacunae of the archival materials and documentary publications that contain the official assessment of certain events. Bogoslovsky offers a wide panorama of events and facts, and not only his personal story: one may find an assessment of many of the events of his era, as well as of public authorities, representatives of the imperial administration, deputies of the 4th State Duma, and leaders of political parties. The article analyses Bogoslovsky's pedagogical activity and substantiates the thesis that among his diverse occupations, scholarly work was of primary importance for the historian. The authors focus on the peculiarities of the historian's relations with his colleagues and students. Special attention is paid to the analysis of the work on his main study, a multivolume book on the life of Emperor Peter I. The arti-

* Citation: Kabytov, P., Barinova, Ye. (2018). M. M. Bogoslovsky's Dramatic Reflection. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1217–1230. DOI 10.15826/qr.2018.4.356.

Цитирование: Кабытов П., Барина Е. М. М. Богословского драматическая рефлексия // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1217–1230. DOI 10.15826/qr.2018.4.356 / Кабытов П., Барина Е. Драматическая рефлексия М. М. Богословского // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1217–1230. DOI 10.15826/qr.2018.4.356.

cle provides information on the daily life of the historian's family, which allows the authors to identify how the scholar mastered the new social practices which helped him, like many other city-dwellers, survive in the face of a growing crisis in all spheres of economic and sociocultural life during the period of revolutionary chaos. Between 1916 and 1917, owing to an increase in crisis phenomena, the everyday life of the population of Russia took another turn. In this context, influenced by periodicals, the diaries give an impartial assessment of the ineffective work of the imperial administration, the deputies of the 4th State Duma, and the local authorities. Comparing the past of Russia with its current reality, he makes attempts to predict the future of Russian statehood. The authors conclude that in trying to escape from the dramatic reality of his time, the historian increasingly began to turn to the historical situation of the 18th century.

Keywords: diary notes; M. M. Bogoslovsky; Russian Empire; Moscow University; state authorities; political parties; 1917 Russian Revolution.

Представлен анализ «Дневников» выдающегося российского историка, профессора Московского императорского университета М. М. Богословского. Выявлены особенности этого уникального исторического источника, в значительной степени восполняющего пробелы и лакуны архивных материалов и документальных публикаций, в которых представлена официальная оценка тех или иных событий. М. М. Богословский дает широкую панораму событий и фактов не только личной истории, но и оценку многих событий той эпохи, а также государственных органов власти, представителей имперской администрации, депутатов IV Государственной думы, органов местного самоуправления, лидеров политических партий. Проанализирована педагогическая деятельность ученого, выявлены особенности его взаимоотношений с коллегами и студентами. Особое внимание уделено анализу работы историка над написанием его главного научного труда – многотомной истории жизни и деятельности Петра I. Представлена информация о повседневной жизни семьи ученого, что позволяет охарактеризовать освоение им новых социальных практик, с помощью которых он, как и многие горожане, выживал в условиях нараставших кризисных явлений во всех сферах экономической и социокультурной жизни в период революционного хаоса. В 1916–1917 гг. повседневная жизнь населения России вследствие нарастания кризисных явлений принимает иной вектор развития. В этой связи в дневниковых записях историка под воздействием сообщений периодической печати дается нелицеприятная оценка работы имперской администрации, депутатов IV Государственной думы и органов местного самоуправления. Сопоставляя прошлое России с реальной действительностью, он предпринимал попытки определить будущее российской государственности. Делается вывод о том, что историк, пытаясь уйти от драматической реальности настоящего, все чаще стал обращаться в прошлое – к историческим реалиям XVIII в.

Ключевые слова: дневниковые записки; М. М. Богословский; Российская империя; Московский университет; государственные органы власти; политические партии; революция 1917 г.

Несмотря на огромный вклад в развитие исторической мысли российского историка академика Михаила Михайловича Богословского (1867–1929), его жизнь и научная деятельность стали изучаться сравнительно недавно. Во многом это было связано с негативной оценкой его взглядов в советской историографии как монархических и «откровенно реакционных». Арест ближайших друзей и соратников М. М. Богословского в рамках «академического дела», инициированного ОГПУ, обусловил забвение его творчества на официальном научном уровне. М. М. Богословский изображался руководителем московских участников монархического заговора, в связи с чем публикация его сочинений была приостановлена, а подготовленный академиком С. Ф. Платоновым некролог на смерть ученого не был напечатан. Первая статья о жизни и исторических взглядах М. М. Богословского была опубликована академиком Л. В. Черепниным [Черепнин, с. 223–271]. В 1987 г. увидела свет книга избранных сочинений Богословского «Историография, мемуаристика, эпистолярная», во вступительной статье к которой Л. А. Черная, подготовившая к изданию этот труд, использовала фрагменты дневника историка [Богословский, 1987, с. 3–12]. Достаточно подробно проанализирована педагогическая деятельность М. М. Богословского в московских вузах [Халина, 1996; Она же, 2001; Пивоварова].

Поистине огромную работу по выявлению и исследованию археографического наследия академика с конца 1990-х гг. и по сегодняшний день проделал А. В. Мельников, заведующий отделом археографии Института славяноведения РАН [Мельников, Шмидт]. В центре его внимания оказались научные труды историка, историографические обзоры, рецензии, воспоминания о нем соратников, а также некрологи. Им выявлена цензурная правка, которая проводилась при издании главного труда Богословского о Петре Великом в 1940–1948 гг., и подготовлен к академическому изданию фундаментальный труд историка [Мельников, 2005]. В 1999 и 2004 гг. Археографической комиссией РАН были организованы научные конференции, посвященные жизни и творчеству историка [Неберекутина, Сафронова; Муравьев; Мельников, 2001]. Исторические взгляды ученого, его оценка взаимоотношений власти и общества, его деятельность как ученого и педагога нашли отражение в документальных публикациях и статьях [Шмидт, 2005; Шмидт, 2011; Муравьев; Иванов]. Вступительная статья академика С. О. Шмидта к изданным в 2011 г. дневникам историка характеризует своеобразие этого летописного памятника эпохи. С. О. Шмидт отмечает многообразие проблематики, зафиксированной в «Дневниках», акцентирует внимание на характере оценки автором политических событий периода Первой мировой войны и Великой российской революции 1917 г., высказывает мысль о необходимости историко-культурного анализа этого уникального памятника, в котором отражена не только жизнь историка в условиях надвигающейся ка-

тастрофы, но и его отношение к глобальным и частным явлениям российской действительности [Богословский, 2011, с. 10].

Цель статьи – выявление характера и степени влияния исторической реальности предреволюционной и революционной поры на профессиональную деятельность М. М. Богословского на основе анализа содержания его «Дневников», охватывающих период с 16 июля 1915 г. до 6 ноября 1917 г. Так почему именно в 1915 г. ученый начинает систематически вести дневник, в котором фиксирует мельчайшие детали окружающего его быта? Был ли он для историка основой для последующих воспоминаний или попыткой осознать драматургию повседневности и свое место в ней? Возможно, им в условиях тяжелого психологического состояния, ощущения страха старости и смерти руководила потребность в самооценке и психологической рефлексии? Или он следовал примеру своего любимого героя Петра I, и дневник – это поденные записи, материал для будущего биографа?

Анализ документальных материалов, представленных в «Дневниках», дает возможность выделить условно два этапа в жизни и деятельности М. М. Богословского в этот период. Первый – 1915 г. – характеризуется тем, что, несмотря на тревожные известия с фронтов Первой мировой войны, у историка все еще сохраняются иллюзии скорой победы российской армии. Во время второго этапа (1916–1917) вследствие кризисных явлений во всех сферах жизни и начавшегося революционного хаоса историк избавляется от традиционных иллюзий. Он критически воспринимает деятельность депутатов Государственной думы и Московской городской думы, которые увлеклись критикой власти вместо того, чтобы эффективно решать хозяйственные проблемы, полагает, что речи думских ораторов не отвечают актуальным задачам.

Как исторический источник «Дневники» многословны и насыщены самой разнообразной информацией о событиях, составлявших содержание тех лет. Регистрируя даже самые незначительные факты, ученый стремился вписать их в канву исторической хронологии, показать наложение образов прошлого на события военной и революционной эпохи. Не в эти ли дни и не под влиянием ли тяжелых жизненных обстоятельств окончательно формируется профессиональное кредо Богословского-историка, озвученное им позже, в августе 1925 г., за несколько лет до смерти: «Несравненно легче строить широкие обобщения, чем изложить даже простой, но критически выверенный факт... Чем обобщение шире, тем построить его легче» [Богословский, 2005, с. 9]. Историк находится в непрерывном состоянии осознания действительности, не только идентификации себя как ученого, гражданина, личности, но и выбора пути для России и русского народа. Противоречивость революционной повседневности заставляет его задуматься над политической судьбой России. Ответы на глобальные вызовы времени историк стремится найти как в историческом прошлом Российской империи, так и во всемирной истории.

Анализ дневников позволяет выявить основные социальные практики, отражающие многообразие и насыщенность жизни историка: это работа в Московском университете и Московской духовной академии, взаимоотношения и дебаты с коллегами, научная деятельность, отношения с женой и сыном. «Дневники» М. М. Богословского – это хроника изменений в общественно-политической жизни общества, попытка оценки наиболее значимых процессов и событий повседневности, их влияния на трансформацию поведения социума. «Дневники» создают возможность представить творческую лабораторию ученого, мыслителя, гражданина.

Одна из ключевых тем, о которой историк рассуждает в «Дневниках», – ход работы над его главным трудом «Петр Великий: материалы для биографии». Ему он посвящает все свое свободное время. Рефреном дается анализ его работы над «Петриадой»: «Пишется жизнь Петра за 1692 год»; «Продолжаю писать 1693-й год» [Богословский, 2011, с. 53]¹. Образно говоря, машина времени переносила Богословского в эпоху Петра, XVII в. был для него гораздо более притягателен и интересен, чем партитура современности. Поэтому дни, когда он был вынужден отвлекаться по тем или иным причинам (преподавательская работа, усталость и болезни, визиты гостей), ученый считал потерянными. М. М. Богословский отмечал двойственность своего положения. Он стремился к совершенству, но тягость большой преподавательской нагрузки тормозила научную деятельность, а научная работа отвлекала внимание от преподавания. Стремление обеспечить семью вынуждало его к работе не только в университете, но и еще в двух местах. Для ученого была характерна повышенная требовательность к себе. В «Дневниках» он часто занимается самообразованием, отмечая в качестве своих отрицательных черт то, что он не может сосредоточиться на одном предмете, указывает на рассеянность внимания. Он чувствовал угрызения совести за то, что не обновлял лекционный курс. Он полагал, что в идеале следовало бы каждый год читать новый лекционный курс, а прочитанное ранее печатать. Зачастую его утомляла бесконечная преподавательская работа, а также формальное бумаготворчество. Он критиковал применявшуюся практику составления одной программы под разными названиями четыре раза в год – проспект, экзаменационная программа, отчет, форма для годового отчета, что только отвлекало ученого от творчества. Прошло сто лет, а в преподавательской работе, по образному выражению М. М. Богословского, по-прежнему «все форма и бумага!» (с. 166). Традиционной осталась и еще одна проблема, которую отмечал М. М. Богословский, – сокращение учебных часов, благодаря чему, как с горечью констатировал историк, «мы, вероятно, выпускаем больших неучей» (с. 169).

Необходимо отметить титаническую научную трудоспособность ученого. Многоотомный труд М. М. Богословского «Петр Великий:

¹ Далее ссылки на это издание будут приводиться в круглых скобках с указанием страниц.

материалы для биографии» был доведен им до 1700 г. и признается научной общественностью образцом биографического исследования государственного деятеля. Несмотря на то, что М. М. Богословский тщательно выверял все факты, сопоставлял разнообразие исторические источники, анализировал имеющиеся разночтения в исторических трудах, сам он крайне критически относился к своему детищу. Он использовал любую возможность для того, чтобы найти в архивах новые документы. 25 мая 1916 г. Богословский приехал в Петербург, где принял участие в заседании Исторического общества. После заседания он сразу же поехал в архив изучать описи отдела Кабинета Петра Великого для того, чтобы убедиться в наличии или отсутствии в архиве каких-либо материалов по Азовским походам. Несмотря на интенсивность работы, его эмоциональное состояние часто было подавленным. Он сомневался в том, что успеет описать весь жизненный путь императора Петра I, и сетовал на сложности работы. В «Дневнике» мы встречаем запись: «Чтобы написать историю Петра Великого, надо самому быть вроде Петра Великого» (с. 237).

«Дневники» М. М. Богословского позволяют оценить воздействие на творчество ученого взаимоотношений с научным сообществом, приемы его ежедневного исследовательского труда. Широта его взглядов и интересов проявлялась в чтении новых книг по самому широкому кругу научной проблематики. Он был открыт для общения как с коллегами-профессорами, так и с молодыми учеными, а также студентами и магистрантами, радовался их достижениям. М. М. Богословский пытался научную критику отделить от личностных нападок. Отметим, что он досконально штудировал рецензируемые им исторические исследования, причем очень часто его оценки были нелицеприятны. Так, он три недели писал отрицательный отзыв на труд С. Б. Веселовского «Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства», с досадой отмечая в «Дневниках», что книга «полна недостатков», «нет полета мысли, копаются в скрепах и справах...» И далее следовало меткое замечание: «Заключительная глава... – образец неясности» (с. 240). Он полагал обязательным публичное обсуждение исторических трудов, особенно в случае спорных выводов исследователя. С. О. Шмидт справедливо отмечает отсутствие у М. М. Богословского не только «проявлений завистливости, но даже, так сказать, местнических понятий и, соответственно, ощущения, что в чем-то обойден и недооценивают твои заслуги» (с. 35). Автор «Дневников» с большим уважением отзывается о своих коллегах М. К. Любавском, С. Ф. Платонове, Д. Н. Егорове, В. И. Герье, с которыми его связывали дружеские отношения. В «Дневниках» подробно, порой с большим юмором, описаны научные диспуты, защиты диссертаций, заседания ученого совета.

Революционные события негативно отразились и на профессиональной карьере М. М. Богословского. 12 марта 1917 г. он был уволен в связи с рекомендацией министра народного просвещения А. А. Мануйлова,

который предписал отправить в отставку профессоров, назначенных после 1905 г. (прежде всего преподавателей с консервативными политическими взглядами). Тогда же были восстановлены в должностях ранее уволенные профессора, в частности А. А. Кизеветтер, на чье место пришел Богословский в 1911 г. Историк очень тяжело переживал свою отставку, но считал, что его совесть чиста, так как он «сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В. О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться» (с. 325). В «Дневниках» Богословский приводит сведения о поддержке и сочувствии со стороны коллег и друзей. Он был растроган вниманием студентов, что, несомненно, не могло не повлиять на настроение профессора, так как он «и не подозревал студенческих симпатий» к себе (с. 327). Злобным нападкам со стороны новой власти подвергся и ректор Московского университета М. К. Любавский. В письме к С. Ф. Платонову ученый, скрывая за иронией глубокую обиду, писал:

Ни в какое «начальство» теперь не приходится идти, да и не возьмут как «слугу старого режима», хотя мое отношение к старому режиму, как Вы знаете, было аналогичным отношению к Орде Александра Невского, а не московских князей (цит. по: [Мандрик, с. 50]).

М. М. Богословский 18 апреля 1917 г. отмечал по этому поводу: «Он [М. К. Любавский] очень нервничает и считает свою кандидатуру в ректоры невозможной. Вообще считает себя лишним человеком» (с. 343). Несмотря на увольнение, ученый продолжает интенсивно работать: пишет статью о Псковской правде для «Исторических известий», читает монографии коллег А. И. Яковлева и Р. Ю. Виппера и надеется, что наличие противников в университете не помешает его избранию на должность профессора. С большой благодарностью он отзывается о теплом письме С. Ф. Платонова; сообщает о встрече с А. Н. Савиным, который убеждал не беспокоиться относительно выборов, хотя, «конечно, вы человек с углами в политике...» (с. 341-342). 25 апреля 1917 г. Богословский вновь был единогласно избран профессором университета. В «Дневниках» он отмечает свою «невозможность» - о его избрании на должность газеты не сообщили, тогда как об увольнении три раза информировали городское общество.

Ценность «Дневников» М. М. Богословского состоит в том, что в них содержится громадный резервуар исторической информации об изменениях в повседневной жизни москвичей в 1915-1917 гг. Сведения о политических событиях М. М. Богословский черпал из периодической печати, разговоров с друзьями, коллегами и членами семьи. Историк полагал, что нападки на государственную власть, взаимные политические и партийные перебранки на заседаниях Думы не только не приведут к положительным последствиям, но и будут способствовать разложению государственного строя. Его недовольство часто прорывается острыми критическими оценками. 3 ноября 1916 г. он писал:

Блок [в IV Государственной думе] повел яростную атаку на правительство, желая его доконать и добиться ответственного министерства. Россия изображается стоящей на краю гибели. Крик и шум невероятный. Все это партийная тактика и партийные приемы: не считаясь со средствами, добиться своей партийной цели (с. 264).

Резко отрицательно он относился к предполагаемому сепаратному миру с немцами, одна мысль о котором вызывала у историка чувство бессильной злобы. Он писал 14 декабря 1916 г.:

Над русской землею нависла какая-то темнота. ...На фронте – вялое затишье, скорее с неудачами для нас, чем с успехами. Внутри гниль, уныние, дряблость и революционная лихорадка, гнилостная революционная лихорадка (с. 277).

В начале 1917 г. он еще продолжал верить, что катастрофы не произойдет, несмотря на «революционный психоз» масс и нарастающий политический кризис. Рассуждая о событиях 1917 г., Богословский проводил аналогии как с историческим прошлым, так и революциями в Англии 1688 г. и Франции 1830 г. Однако его заключение («Из абсолютной монархии прямо в “демократическую республику” не прыгают», с. 396) было опровергнуто стремительным революционным вихрем.

Рост продовольственных цен, топливный и транспортный кризис, «бесконечные хвосты» очередей за хлебом не могли не волновать М. М. Богословского, так как он беспокоился за благополучие своей семьи. Отсутствие газет, разнообразные слухи о петроградских событиях, роспуске Думы, горячие дебаты в университете по этому поводу, забастовка в Москве порождали у него чувство подавленности. Тем не менее, чувство юмора не покидало ученого. 28 февраля 1917 г. он записывал в «Дневниках»:

Несомненно, что произошла революция – но какая именно, никому в Москве не известно. Итак, ясно, что Москва – большая провинциальная деревня, в стороне от событий. С чувством полного бессилия как-либо участвовать в их ходе мы слушали реферат Веселовского [на заседании ОИДР] об источниках XIX главы Уложения и разошлись в начале 10-го часа (с. 315).

«Дневники» Богословского превращаются в своеобразную хронику революционных событий. Он фиксирует мельчайшие детали: введение хлебных карточек, появление на улицах Москвы автомобилей с вооруженными солдатами, молодежи «с красными бантиками в петлицах» (с. 316–317). В записях от апреля 1917 г. на каждой странице находим всё новые подробности революционной действительности – «трамваи берутся с бою», «улицы полны народа и необычайно грязны», «солдаты переполняют поезда», «в Москве грабежи и убийства» (с. 225, 337, 345).

Но вместе с тем ученый пытается осмыслить происходящие события, прежде всего судьбу монархии, политическую обстановку, возможный выбор путей развития будущей России. Он пророчески предвидел, что «быстро мчащиеся революционные события» потрясут все области жизни, а потому был настроен крайне пессимистично. Прежде всего это было связано с тем, что, критически оценивая деятельность левых политических партий и их лидеров, ученый полагал, что они не смогут создать единый блок, и на смену стабильности придет анархия. Историк с горечью отмечает бесполезность предостерегающих речей, полагая, что беспочвенное упоение свободой и надежды на «земной рай», которые превалировали в сознании большинства населения страны, будут разбиты лишь «отрезвляющим» опытом.

Отметим, что автор дневника последовательно проводил мысль о необходимости твердой власти. Он с горечью вопрошает:

Власть существует для того чтобы ей повиноваться, а не для борьбы с нею: если этого не признавать, если смотреть на «власть» как на мишень для нанесения ей ударов, то далеки ли мы от анархии? (с. 277).

Но если в годы Первой мировой войны он защищал правительство, то по отношению к министрам Временного правительства он с раздражением замечал, что они не способны распоряжаться полученной властью. 21 апреля 1917 г. он пишет:

Временное правительство все же некоторый последний устой и символ порядка. Но оно власть без власти. Его никто не слушает и знать не хочет (с. 346).

Достаточно скептически он оценивал двоевластие как отсутствие реальной власти. Подобные же оценки мы можем видеть в «Записках» Ю. В. Готье, друга ученого, который винил в развале страны и крайне правые, и крайне левые силы [Пантыкина].

М. М. Богословский не слишком разбирался в различиях социал-демократических течений, однако стремился побольше узнать «о товарищах», которые пока ничего не создали, но все разрушают. Впервые он упоминает о «безобразиях большевиков, повсюду действующих “захватным правом”», 10 апреля 1917 г. (с. 339). Анализируя июльский политический кризис, он 7 июля отмечал:

Газеты принесли известия о том, что мы все давно... знали... что Ленин, анархисты и большевики находятся в связи с Германией и действуют на немецкие деньги (с. 380).

Он отрицательно относился к партии эсеров, полагая, что ее лозунг «Земля и воля» устарел, смысла отбирать земли у помещиков нет, так как это не решит проблемы малоземелья.

Конечно, в «Дневниках» Богословского эмоциональные суждения идентичны тем, которые присутствуют во многих документальных свидетельствах той эпохи. Как и многие его современники, он говорит о том, что «Россия обратилась в какую-то гигантскую говорильню», сетует на рост цен, грязь на улицах, дурные известия из армии и дезертиров, неоднократно упоминает о ежедневных вооруженных грабежах. Для него символом демократии становится шелуха от семечек подсолнуха. Он отмечает, что как на улицах Москвы, так и на пароходе, на котором он с семьей уезжал на летнюю дачу, «раздавались речи в духе последнего времени: большевики, меньшевики, буржуи и т. д.». Во время этих разговоров в колоссальных размерах поедались семечки, скорлупа от которых разбрасывалась рядом. При этом ученый едко замечал:

При грызении подсолнухов выражение лица делается необычайно тупым и бессмысленным, а челюсти в непрестанном движении и работе. В зерне подсолнуха, должно быть, зерно нашей «свободы» (с. 370).

Историко-философские рассуждения Богословского касаются прежде всего будущего России. Он то и дело задается вопросом: что ожидает родину? К сожалению, прогнозы его неутешительны:

Гибель промышленности, финансовый крах, армия в виде гигантского трупa, сепаратный мир, развал России на отдельные части, возвращение войск при демобилизации – бурное, беспорядочное, стремительное, перед которым побледнеют все ужасы великого переселения народов (с. 365).

Богословский крайне негативно относился к хаосу революции, «процессу смрада и разложения». Полагая, что Россия болеет социализмом, «как дети болеют корью или скарлатиной», он отмечает: «революция – роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества» (с. 358, 364). Ученый считал виновными в развязывании революционного пожара интеллигенцию, «третий элемент», и либералов, прежде всего кадетов. Он отмечает их идеализм, атеизм и космополитизм, неспособность к диалогу. Примечательна в этом плане его последняя запись от 6 ноября 1917 г.:

Мысли о том, как гг. Родзянки, князя Пав[ел] Д. и Петр Д. Долго-рукие, Базилевские, Сухотины, Коноваловы, Челноковы, Рябушинские etc., фрондируя против Николая и учиняя поход против «власти», рубили сучок, на котором сидели. Вот и расплачивайся теперь именными и фабриками за свое легкомыслие. Два последние перед революцией года «власть» поносились и проклинались, и при том не именно Н[иколай] П, а «власть» вообще. ...Вот она и рухнула, эта ненавистная власть, а подика, найди ее теперь (с. 456).

Неоднократно на страницах «Дневников» он рассуждает о гибельности политики, проводимой Временным правительством, для будущей страны, о ее непоследовательности и нерешительности, говорит о том, что «колпаки, разумеется, все проглядели и не знали того, что было ясно как день» (с. 381). Автор радуется, что, работая над «Петриадой», он живет в 1697 г. и «хоть на несколько часов в день может покидать русскую действительность XX века с ее “товарищами”, “эсерами”, “линиями повеления”, и всем этим прочим словесным навозом и с ее небывалым позором» (с. 396).

Помимо чисто политических оценок, в дневниковых записях М. М. Богословского присутствуют и свидетельства перемен социально-бытового характера. Он беспокоится за безопасность своих близких, констатируя, что «дачная колония в тревоге проводит каждую ночь», фиксирует изменения в повседневной жизни, как наблюдаемые им лично, так и почерпнутые из газет. А в сентябре он находится уже в полном унынии, не видит никакого выхода из создавшегося тупика, отмечая, что безотрадные новости из газет («бунт, буйство, насилие, грабежи, погромы») лишь подтверждают, что Россия катится в бездну катастрофы и хаоса. 2 сентября 1917 г. он отмечает: «...и все мы похудели и постарели... И мы теперь живем день за месяц, а месяц за год». А уже через месяц, 5 октября, с горечью констатирует: «Мы совершенно отвыкли уже есть. Попросту начинаем голодать» (с. 414, 436).

Уже 9 сентября 1917 г. он предвидит приход к власти большевиков и полагает, что в этом случае русская революция достигнет последнего левого рубежа и начнется обратное движение. Богословский неоднократно отмечал значение сильной государственной власти, решительных действий, поэтому он с недоверием оценивал действия Временного правительства. 24 октября он записывает: «Канатный плясун [А. Ф. Керенский], ходивший все время на задних лапках перед товарищами, кажется, дотанцовывает свои последние дни» (с. 447). Весьма значима оценка М. М. Богословским политических деятелей России, которая содержится в записи от 25 октября. Он вновь сравнивает Петровскую эпоху с событиями 1917 г.: «Это была не та дряблая, гнилая, пораженная неврастений и разваливающаяся Россия, которую видим теперь». И совсем уж убийственно звучат его слова о том, что Керенский в последней речи в Совете республики «назвал Ленина “государственным преступником”, а Ленин в своей первой речи в Совете съезда депутатов (?) назвал Керенского государственным преступником. Курьезно. Идет война двух государственных преступников» (с. 450). Октябрьские революционные события в Москве он описывает очень эмоционально. Историк констатирует, что вооруженные столкновения начались 28 октября: «...в 4 часа [утра] я услышал сильную ружейную стрельбу... Значит, началось и в Москве!» (с. 449). В записях от 29 октября – 3 ноября находим сведения о стрельбе из ружей и пулеметов. Несмотря на эти зримые картины восстания и то, что во двор дома стали залетать шальные пули, исто-

рик продолжал писать свой главный научный труд: «Только и отрады, что уйти в прошлое и жить в Лондоне весной 1698 года. Когда работу прекращаешь, смысл бытия теряется» (с. 452). Безусловно, его в буквальном смысле потрясли явные следы революции в Москве, которые он увидел во время прогулки с сыном по городу 4 ноября 1917 г.:

Много следов от пуль, много разбитых стекол. Есть дома, где почти все стекла выбиты и повреждены снарядами стены. Какое варварство, какое дикое преступление!

Он не мог не заметить, что многие интеллигентного вида горожане находились в угнетенном состоянии: «...унылые, испуганные, хмурого вида с поникшими головами» (с. 454). Будущее развитие России представлялось ему неопределенным:

Мы едем по кругу справа налево: от царя к кадетам и октябристам (Родзянко, Львов, Гучков, Милюков), от кадетов – к социал-революционерам (Керенский), от них еще левее – к социал-демократам – и что же, теперь пойдем обратно, или, что вероятнее, движение наше, сделав полный круг, от крайне левой точки перескочит к крайне правой?.. (с. 455).

В итоговой записи от 6 ноября 1917 г. он обвиняет российскую элиту в том, что ее призывы к борьбе с властью во многом способствовали нарастанию общенационального кризиса и возникновению в стране революционного хаоса.

«Дневники» М. М. Богословского содержат ценнейшую историческую информацию об изменениях в повседневной жизни как выдающегося российского историка, так и представителей различных слоев городского общества Москвы в период Первой мировой войны и в первый год Великой российской революции. Ученик В. О. Ключевского представил яркую панораму жизни людей в условиях надвигающейся катастрофы. Автор говорит о событиях на фронтах Первой мировой войны, о своей педагогической работе в Московском университете и других высших учебных заведениях Москвы, о жизни семьи и родственников, приводит множество деталей и фактов, характеризующих различные стороны деятельности профессиональной корпорации историков, дает оценки многим государственным и политическим деятелям и политическим партиям. Вместе с тем, материалы дневника показывают и помогают понять эволюцию, происходившую в это время в жизненной и творческой позиции историка. Дневник стал для М. М. Богословского своеобразной отдушиной от драматических реалий действительности, не только попыткой осознания себя как человека и ученого, но и способом выражения гражданской позиции. Несмотря на тревожные события в стране, житейские невзгоды, преодолевая усталость и болезнь, он в буквальном смысле выкраивал время для «ухода» в другую эпоху, что позволяло ему временно отвлечься от грозной реальной действительности, а в деятельности

императора Петра I найти яркие свидетельства возрастающей мощи Российской империи, которая входила в конце XVII – первой четверти XVIII в. в число великих европейских держав.

Список литературы

Богословский М. М. Дневники (1913–1919) : Из собрания Государственного исторического музея / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Время, 2011. 800 с.

Богословский М. М. Петр Великий : Материалы для биографии : в 6 т. / отв. ред. С. О. Шмидт ; подг. текста А. В. Мельникова. М. : Наука, 2005. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 – 9 марта 1697. 535 с.

Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная : (Научное наследие) / сост. Л. А. Черная ; отв. ред. А. И. Клибанов. М. : Наука, 1987. 214 с.

Иванов А. Е. Михаил Богословский. Дневники. 1913–1919 : Из собрания государственного исторического музея // Отеч. архивы. 2012. № 4. С. 109–111.

Мандрик М. В. На службе Клио: академики М. К. Любавский и Ю. В. Готье // Тр. ист. ф-та Санкт-Петербург. ун-та. 2013. № 12. С. 46–65.

Мельников А. В. К истории рукописи труда академика М. М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии»: предварительные археографические наблюдения // Богословский М. М. Петр Великий : Материалы для биографии : в 6 т. / отв. ред. А. В. Мельников, С. О. Шмидт. М. : Наука, 2005. Т. 1. С. 432–477.

Мельников А. В. М. М. Богословский в воспоминаниях современников // Археогр. ежег. за 2000 год. М. : Наука, 2001. С. 280–300.

Мельников А. В., Шмидт С. О. Мастера русской историографии : Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) // Ист. архив. 2004. № 2. С. 119–134.

Муравьев В. А. М. М. Богословский : Выбор проблемы реформ // Археогр. ежег. за 2004 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 2005. С. 175–180.

Неберекутина Е. В., Сафронова Т. В. Дневник М. М. Богословского // Археогр. ежег. за 2000 г. М. : Наука, 2001. С. 271–279.

Пантыкина М. Сценарии политической жизни 1917–1922 гг. в дневнике Ю. В. Готье: опыт когнитивно-дискурсивного анализа // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 3. С. 742–756. DOI 10.15826/qr.2018.3.325.

Пивоварова О. Г. Историко-педагогическая деятельность М. М. Богословского // Отеч. история. 2005. № 5. С. 151–158.

Халина Т. И. Богословский Михаил Михайлович // Историки России : Биографии / отв. ред. А. А. Чернобаев. М. : РОССПЭН, 2001. С. 426–433.

Халина Т. И. В науке приятно быть и простым черноработчим : Михаил Михайлович Богословский // Историки России : XVIII – начало XX века / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Скрипторий, 1996. С. 658–685.

Черепнин Л. В. Академик М. М. Богословский // Ист. зап. 1974. Т. 93. С. 223–271.

Шмидт С. О. Дневник московского историка и его особенности // Богословский М. М. Дневники (1913–1919) : Из собрания Государственного исторического музея / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Время, 2011. С. 5–52.

Шмидт С. О. Многоотомное исследование академика М. М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии» // Богословский М. М. Петр Великий : Материалы для биографии : в 6 т. / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 2005. Т. 1. С. 414–431.

Шмидт С. О. Образ истории в дневнике московского историка М. М. Богословского (1915–1917 гг.) // Достоинство историка / отв. ред. В. А. Тишков ; сост. В. Б. Жиромская. М. : РОССПЭН, 2011. С. 64–79.

References

Bogoslovsky, M. M. (1987). *Istoriografiya, memuaristika, epistolariya: (Nauchnoe nasledie)* [Historiography, Memoirs, Letters: (Scholarly Heritage)] / ed. by L. A. Chernaya, A. I. Klibanov. Moscow, Nauka. 214 p.

- Bogoslovsky, M. M. (2005). *Petr Velikii: Materialy dlya biografii v 6 t.* [Peter the Great. Materials for a Biography. 6 Vols.] / ed. by S. O. Schmidt, A. V. Melnikova. Moscow, Nauka. Vol. 1. Detstvo. Yunost'. Azovskie pokhody, 30 maya 1672 – 9 marta 1697. 535 p.
- Bogoslovsky, M. M. (2011). *Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Diaries (1913–1919): From the Collection of the State Historical Museum] / ed. by S. O. Schmidt. Moscow, Vremya. 800 p.
- Cherepnin, L. V. (1974). Akademik M. M. Bogoslovskii [Academician M. M. Bogoslovsky]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 93, pp. 223–271.
- Ivanov, A. E. (2012). Mikhail Bogoslovskii. Dnevnik. 1913–1919. Iz sobraniya gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Mikhail Bogoslovsky. Diaries. 1913–1919. From the Collection of the State Historical Museum]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 4, pp. 109–111.
- Khalina, T. I. (1996). V nauke priyatno byt' i prostym chernorabochim: Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii [In Scholarship, It is Also Pleasant To Be an Ordinary Unskilled Worker: Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky]. In Sakharov, A. N. (Ed.). *Istoriki Rossii. XVIII – nachalo XX veka*. Moscow, Skriptorii, pp. 658–685.
- Khalina, T. I. (2001). Bogoslovskii Mikhail Mikhailovich [Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky]. In Chernobaev, A. A. (Ed.). *Istoriki Rossii. Biografii*. Moscow, ROSSPEN, pp. 426–433.
- Mandrik, M. V. (2013). Na sluzhbe Klio: akademiki M. K. Lyubavskii i Yu. V. Got'e [Serving Clio: Academicians M. K. Lyubavsky and Yu. V. Gauthier]. In *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. No. 12, pp. 46–65.
- Melnikov, A. V. (2001). M. M. Bogoslovskii v vospominaniyakh sovremennikov [M. M. Bogoslovsky in the Memoirs of Contemporaries]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2000 god*. Moscow, Nauka, pp. 280–300.
- Melnikov, A. V., Schmidt, S. O. (2004). Mastera russkoi istoriografii. Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii (1867–1929) [Masters of Russian Historiography. Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky (1867–1929)]. In *Istoricheskii arkhiv*. No. 2, pp. 119–134.
- Melnikov, A. V. (2005). K istorii rukopisi truda akademika M. M. Bogoslovskogo "Petr Velikii: materialy dlya biografii": predvaritel'nye arkheograficheskie nablyudeniya [On the History of the Manuscript of the Work of Academician M. M. Bogoslovsky *Peter the Great: Materials for a Biography*: Preliminary Archaeographic Observations]. In Bogoslovskii M. M. *Petr Velikii. Materialy dlya biografii v 6 t.* [Peter the Great. Materials for a Biography. 6 Vols.] Moscow, Nauka. Vol. 1, pp. 432–477.
- Muravyev, V. A. (2005). M. M. Bogoslovskii. Vybor problemy reform [M. M. Bogoslovsky. The Choice of the Issue of Reforms]. In Schmidt, S. O. (Ed.). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2004 god*. Moscow, Nauka, pp. 175–180.
- Neberekutina, E. V., Safronova, T. V. (2001). Dnevnik M. M. Bogoslovskogo [M. M. Bogoslovsky's Diary]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2000 god*. Moscow, Nauka, pp. 271–279.
- Pantykina, M. (2018). Stsenarii politicheskoi zhizni 1917–1922 gg. v dnevnike Yu. V. Got'e: opyt kognitivno-diskursivnogo analiza [Scenarios of Political Life between 1917 and 1922 in the Diary of Yury Gauthier: An Attempt at Cognitive Discourse Analysis]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 3, pp. 742–756. DOI 10.15826/qr.2018.3.325.
- Pivovarova, O. G. (2005). Istoriko-pedagogicheskaya deyatel'nost' M. M. Bogoslovskogo [The Historical and Pedagogical Activity of M. M. Bogoslovsky]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 5, pp. 151–158.
- Schmidt, S. O. (2005). Mnogotomnoe issledovanie akademika M. M. Bogoslovskogo "Petr Velikii: materialy dlya biografii" [The Multivolume Research of Academician M. M. Bogoslovsky "Peter the Great: Materials for a Biography"]. In Bogoslovsky, M. M. *Petr Velikii. Materialy dlya biografii v 6 t.* Moscow, Nauka. Vol. 1, pp. 414–431.
- Schmidt, S. O. (2011). Dnevnik moskovskogo istorika i ego osobennosti [A Diary of a Moscow Historian and Its Peculiarities]. In Bogoslovsky, M. M. *Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Diaries (1913–1919): From the Collection of the State Historical Museum] / ed. by S. O. Schmidt. Moscow, Vremya, pp. 5–52.
- Schmidt, S. O. (2011). Obraz istorii v dnevnike moskovskogo istorika M. M. Bogoslovskogo (1915–1917 gg.) [The Image of History in the Diary of Moscow Historian M. M. Bogoslovsky (1915–1917)]. In Tishkov, V. A. (Ed.). *Dostoinstvo istorika*. Moscow, ROSSPEN, pp. 64–79.

Controversiae
et recensiones

Великий Новгород. Ярославово дворище. Экскурсию для студентов УрГУ
проводит академик В. Л. Янин. Август 1982 г.

Veliky Novgorod. Yaroslav's Court. Academician V. L. Yanin conducting an excursion
for students of Ural State University. August, 1982

Controversiae
et recensiones

DOI 10.15826/qr.2018.4.357
УДК 902.2(470.24)+378.4(470.54–25)+008

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Бронислава Овчинникова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Вера Соловьева

ООО «Языки без границ»,
Санкт-Петербург, Россия

VELIKY NOVGOROD IN THE RESEARCH OF URAL UNIVERSITY

Bronislava Ovchinnikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Vera Solovyeva

ООО “Yazyki bez granits”,
St Petersburg, Russia

This article provides an overview of studies focusing on Veliky Novgorod carried out in Ural Federal University. For the purposes of the study, the authors describe the history of archaeological excavations and the formation of the source base for the study of Veliky Novgorod, a unique centre of the Eastern European Middle Ages; also, the article describes the role the teaching staff and students played in collecting this material throughout almost forty years. This has become possible thanks to a longstanding collaboration between the Department of the History of Russia of Ural Federal University and the Department of Archaeology of Moscow University, the Novgorod State Integrated Museum Reserve, the Institute of Archaeology (RAS, Moscow), and the Institute for the History of Material Culture (St Petersburg),

* *Citation:* Ovchinnikova, B., Solovyeva, V. (2018). Veliky Novgorod in the Research of Ural University. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1233–1245 DOI 10.15826/qr.2018.4.357.

Цитирование: Овчинникова, Б., Соловьева В. Великий Новгород в научных исследованиях Уральского университета // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1233–1245 DOI 10.15826/qr.2018.4.357 / Овчинникова Б., Соловьева В. Великий Новгород в научных исследованиях Уральского университета // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1233–1245. DOI 10.15826/qr.2018.4.357

all of which share creative contacts. The article singles out some directions of studies conducted by the university staff and their students, focusing on different aspects connected with Veliky Novgorod. The research covers a wide range of areas, from the studies of archaeological artefacts, the genesis and evolution of the social system and political institutions, the history of Ancient Rus' musical culture as reflected in Novgorod manuscripts; from the study of Old Russian canon law to the role Veliky Novgorod played in the system of transcontinental trade relations and cultural contacts. Finally, the authors describe the applied character of certain areas of research in the sphere of restoration of mediaeval musical instruments and the development of itineraries for the network of historical and educational tourism in Novgorod and the surrounding territories.

Keywords: Veliky Novgorod; archaeology trade relations; cultural contacts; Ural Federal University.

Предлагается обзор направлений исследования новгородской проблематики в Уральском федеральном университете. С этой целью дан экскурс в почти сорокалетнюю историю участия преподавателей и студентов в археологических раскопках и формирования источниковой базы изучения уникального культурного центра восточно-европейского Средневековья – Великого Новгорода. Такая возможность появилась в результате долгих лет сотрудничества кафедры истории России УрГУ/УрФУ с кафедрой археологии Московского университета и Новгородским объединенным историко-архитектурным музеем-заповедником, а также с академическими Институтом археологии (Москва) и Институтом истории материальной культуры (Санкт-Петербург), с которыми сложились творческие контакты. Выделены несколько направлений исследований, проводившихся сотрудниками университета и выпускниками кафедры, отражавших различные аспекты изучения Новгорода. Спектр их очень широк: от исследований памятников археологии, генезиса и эволюции социальной системы и политических институтов до истории музыкальной древнерусской культуры в ее новгородском изводе, от изучения древнерусского канонического права до места Великого Новгорода в системе трансконтинентальных торговых связей и культурных контактов. Отмечается и прикладная направленность ряда направлений в области реставрации средневековых музыкальных инструментов и разработки маршрутной сети историко-познавательного туризма по Новгородчине и прилегающим территориям.

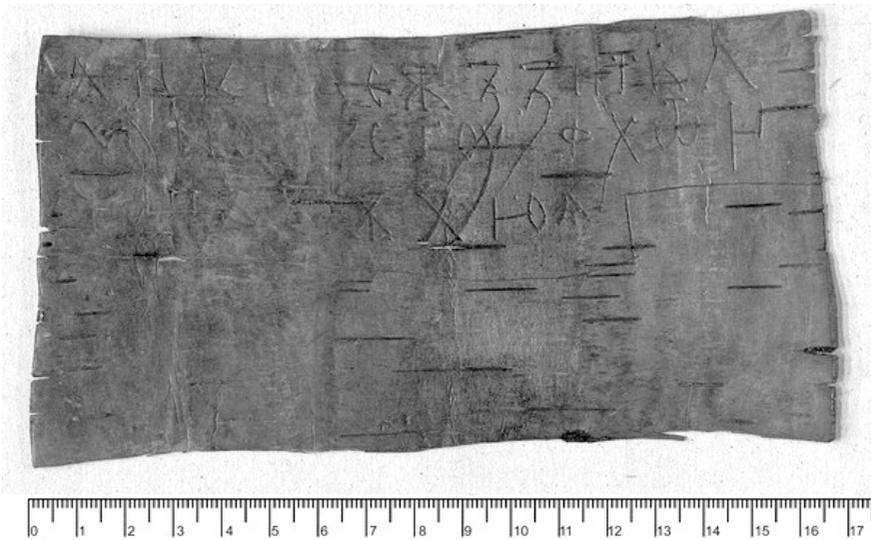
Ключевые слова: Великий Новгород; археология; торговые связи; культурные контакты; Уральский федеральный университет.

*40-летию сотрудничества историков Уральского университета
с Новгородской археологической экспедицией
посвящается*

В 2019 г. исполнится 40 лет с начала работы студентов Уральского университета (УрГУ/УрФУ) в составе одной из ведущих археологических экспедиций Европы – Новгородской, возглавляемой академиком РАН В. Л. Яниным. Будучи организованной на базе кафедры археологии Московского государственного университета, Новгородская экспедиция всегда оставалась открыта для научного сотрудничества с другими ведущими центрами страны: Институтом археологии РАН, Институтом истории материальной культуры РАН. Благодаря этому экспедиция сосредоточила плеяду авторитетных и высококвалифицированных специалистов, историков-медиевистов, филологов, археологов, музееведов. Их силами каждый сезон для молодых участников экспедиции организуются занятия и консультации, превращающие студенческую практику в настоящий третий семестр, где в качестве лекторов выступали академики РАН В. Л. Янин и А. А. Зализняк, члены-корреспонденты РАН Е. Н. Носов, П. Г. Гайдуков, А. А. Гиппиус, профессора А. С. Хорошев, Е. А. Рыбина, Н. В. Хвощинская, ведущие сотрудники Новгородского музея Н. Н. Гринев, Э. К. Кубло, С. В. Трояновский и др.

На протяжении всего этого периода научным руководителем Уральского отряда оставалась профессор кафедры истории России Б. Б. Овчинникова. Через первоклассную школу полевых исследований прошли более тысячи уральских студентов-историков. С первого своего появления на Нутном раскопе на ул. Славной в 1979 г. до сегодняшнего дня студенты Уральского университета приняли участие в работах практически на всех стационарных раскопах города и стали авторами многих знаменательных находок, среди которых уникальное золотое височное кольцо с напускными бусинами, богато орнаментированные браслеты, кольца из цветных металлов и т. п. Но главной мечтой и особой гордостью для экспедиции всегда оставались берестяные грамоты – «визитная карточка» средневековой новгородской культуры, ценнейший источник, существенно изменивший наши представления о жизни Древней Руси и об истории древнерусской письменности.

С начала обнаружения первой берестяной грамоты в 1951 г. и до наших дней в распоряжении ученых оказался целый корпус этих своеобразных необычайно информативных письменных источников – более тысячи единиц (1113). Заметную роль в формировании коллекции новгородских берестяных грамот сыграли уральские сту-

Азбука. Грамота № 778

Alphabet. Birchbark manuscript 778

денты, на долю которых приходилось порой до 11 грамот за сезон¹. Среди них грамота № 778 (находка М. Щупак), отлично сохранившаяся и представлявшая собой азбуку, по которой, вероятно, учились новгородские школьники рубежа XII–XIII вв. Символическими стали находки тысячной и тысяча первой грамоты (сезон 2010 г., археологи С. Ажермачёва и К. Булыгина).

Участие в экспедиции стимулировало развитие целого исследовательского направления, которое может быть названо «новгородикой».

Кожаная новгородская
маска-личина

Leather Novgorod mask

Работа в Новгородской экспедиции ценна не только практикой археологических изысканий, но и возможностью общения в полевых условиях с выдающимися учеными, шансом учиться у них, постигать приемы исследовательского мастерства. Предлагаем обзор работ студентов и выпускников Уральского университета разных поколений, основу которых составили археологические и письменные материалы, характеризующие историческое пространство и культурное наследие Новгородской земли и сопредельных территорий.

Культура и повседневная жизнь средневековых новгородцев отразились в цикле научных статей Б. Б. Овчинниковой.

¹ Например, в сезон 1998 г. И. Мефодиева обнаружила семь грамот (№ 788, 801–806).

Изучение ею и ее учениками предметов письма – *писал*, полученных в процессе раскопок, позволило раскрыть их значение в качестве свода археологического источника [Гарифзянова; Овчинникова, 2000]. Первым, кто обратился к этой категории находок, извлеченных из культурных слоев Новгорода, был археолог из Москвы А. Ф. Медведев [Медведев]. Исследовав артефакты, он атрибутировал их как отдельную категорию предметов для письма – *писала*, выделил типы, предложил хронологию их бытования. Тогда коллекция содержала чуть более 50 экземпляров. Сегодня благодаря трудам Б. Овчинниковой собрание насчитывает более 200 единиц. Еще один объект исследования, к которому обратилась историк совместно с магистрантом Е. Копниной, – коллекция кожаных новгородских масок-личин, хранящихся в фондах Новгородского музея. Они неоднократно привлекались авторами научно-популярных изданий в качестве иллюстративного материала по истории скоморошества. В процессе их изучения с привлечением письменных и этнографических данных уральские исследователи пришли к заключению, что кожаные маски из Новгорода, большая часть которых датируется XIII – началом XIV в., являются обрядовыми и могут служить важным источником при анализе древних религиозно-магических обрядов у славян [Овчинникова, Копнина; Копнина].

В исследовании изображения знаков на предметах рыболовецкого комплекса (Троицкий раскоп) В. Маракулиным показано, как они способствуют более подробному установлению родственных и имущественных отношений внутри новгородской общины [Маракулин]. С этой тематикой коррелирует дипломное исследование С. Любич (научный руководитель Б. Б. Овчинникова), посвященное художественному образу дракона в культуре и искусстве средневекового Новгорода. Проведен широкий сравнительный анализ зарубежных (Китай, Монголия, Скандинавия) и русских археологических, устно-поэтических, летописных, этнографических и т. п. источников для составления каталога предметов с «драконьей» символикой. Вывод гласит, что образ новгородского дракона, испытавший на себе влияние многих культур, может служить примером взаимодействия и взаимовлияния различных традиций [Любич].

С проблемой взаимоотношений народов и культур Средневековья связана проблема идентификации и атрибуции народа чудь, упоминаемого в летописи. Поставив вопрос о роли чуди в славянской среде, Ф. Трофимов (научный руководитель Б. Б. Овчинникова) проделал комплексный анализ данных археологических, топонимических и письменных источников о чудских племенах на протяжении VI–XIII вв. Это позволило ему достаточно точно зафиксировать их пространственное местонахождение и дать подробное природно-географическое и топонимическое описание. Функционировавшие в заявленный период славяно-чудские взаимоотношения были разделены на несколько крупных сфер, внутри которых прослежена их

эволюция: политические отношения славян и чуди, их верования и культурные контакты [Овчинникова, Трофимов; Трофимов].

Важной для понимания специфики развития *Новгородской Земли* является тема *торговых отношений*, особенно их восточное направление. Прежде всего это история освоения новгородцами торговых путей на Урал и в Северное Зауралье (Югру) и взаимоотношений с местным населением. Эта тема проходила в ряде дипломных проектов [Нестеркин], а позже стала научным направлением, отразившись в диссертационных исследованиях [Визгалов; Кардаш] и научных публикациях [Овчинникова, Морозов, Пархимович; Овчинникова, 2008; Овчинникова, 2009; Шашков].

Научный интерес к истории торговых связей средневекового Новгорода с Востоком (в широком смысле) конкретизировался в проблеме реконструкции путей проникновения товаров в Новгород из отдаленных районов Востока [Понамарева]. Существенную роль для развития торговых отношений Новгорода с азиатскими государствами играли Волжский, Камский и Великий Шелковый пути, о чем свидетельствуют артефакты из культурного слоя Новгорода, принадлежащие тюхтятско-аскизской культуре или выполненные в этом стиле [Кызласов, Гайдуков]. Подобные находки позволяют говорить о возможных торговых контактах Новгородской республики с Южной Сибирью, в том числе с Древнехакасским – Кыргызским каганатом, посредством освоения Великого Сибирского пути [Кызласов]. Эта область специального исследования через анализ археологических материалов выводит на проблему участия в мировом товарном и культурном обмене как русского Северо-Запада, так и Древней Руси в целом.

Контакты Новгорода и Урала не оставил без внимания член-корреспондент РАН А. В. Головнёв. Согласно его мнению, для российской истории ключевым является диалог северной и южной традиции этничности и государственности («нордизма» и «ордизма»). С IX в. нордическое влияние в лице скандинавов и верхних славян стало доминантным, охватив на юге хазаро-нижнеславянское общество. Из Ладоги в Киев распространялась власть создателей и реформаторов Руси. При всем великолепии и стратегическом значении Киева в Причерноморье и Поднепровье, очагом политического и культурного влияния в эпоху викингов оставалась Северная Русь. Чертой верхнерусской культуры, зародившейся на пути из Ладоги в Ильмень-озеро, был особый характер экспансии, который выражался не в захвате чужих селений и подчинении жителей, а в открытии и поддержании обширной сети коммуникаций. Символом этой культуры А. В. Головнёв называет «ушкуй», а в «ее деятельностной схеме связались норманская магистральность (дальняя торговля, сбор дани и военный промысел) и славянская локальность (комплекс местных производств, экологических, социальных и сакральных обычаев)» [Головнёв].

Особое звучание приобрела тема, связанная с *общественно-политическим и социальным строем Новгорода* в контексте изучения государственных форм правления на Северо-Западе Руси. М. Мельчакова в ряде статей рассмотрела демократические традиции Новгородской Руси в отечественной историографии, обращаясь к истокам этой формы правления в Древней Руси [Мельчакова, 2000; Мельчакова, 2005].

Характеристика политического устройства Новгородской республики XII–XV вв. была бы неполной без раскрытия *роли купечества в формировании республиканского института правления*. В исследовании А. Сазановой показано, что, основываясь на росте богатств, сплоченности и влияния, получив судебную автономию в торговых делах, а также доступ к выполнению ряда важных политических функций (представительство в посольствах, снаряжение военных экспедиции и т. п.), именно купечество стало движущей силой формирования и становления республиканского института средневекового Новгорода [Сазанова].

Складыванию поместной системы в Русском государстве посвятил свое исследование М. Бенцианов. Солидаризируясь с предшественниками, историк заметил, что поместные раздачи в первую очередь затронули территорию бывшей Новгородской республики. Рассматривая принцип поместной службы до Ивана III и при нем, М. Бенцианов заключил, что новгородская служба представлялась своего рода ссылкой и опалой, а новгородская корпорация служилых людей, собранная из разнородных, в том числе оппозиционных великокняжеской власти элементов, была достаточно ослабленной [Бенцианов]. К месту новгородского летописания X–XVII вв. в отечественной историографии обращалась Т. Фомина [Фомина].

В диссертационном исследовании Р. Г. Пихои была поставлена редкая для того периода тема, непосредственно связанная с историей Великого Новгорода, – это *становление и развитие древнерусского покаянного права* [Пихоя, 1974б]. Историк обратился к выявлению структуры церковного права в Новгородской республике по памятнику покаянной дисциплины XI–XII вв. – «Вопрошанию Кириково» (каноническим ответам новгородского епископа Нифонта на вопросы священников Кирика, Ильи и Саввы). Этот уникальный документ, по мнению Р. Г. Пихои, является своего рода обзором предшествующего периода развития церковного права и энциклопедией церковной жизни Новгорода XII в. [Пихоя, 2016, с. 42]. В своих работах историк подробно останавливается на характеристике ряда источников, вошедших в состав «Вопрошания», и приходит к заключению, что это ценнейший документ по восстановлению древнерусского канонического права [Пихоя, 1974а]. Изучение этой темы было продолжено в 1990-е гг. студентами. «Вопрошание Кириково» стало одним из основных источников изучения церковной и светской жизни Новгорода в XII в. [Куманева; Куцевалова]. Обобщая исследования, профессор Р. Г. Пихоя опубликовал в «Записках археографа» серию статей,

посвященных формированию и развитию новгородской школы толкования канонического права [Пихоя, 2016, с. 32–128].

Тема истории церкви и ее взаимоотношений с государством входит в сферу интересов современных молодых ученых Уральского университета. В частности, в декабре 2016 г. в Италии на семинаре в Университете Рим III (партнере УрФУ)² С. Соколов выступил с докладом, который был посвящен идеям В. Н. Татищева, где вновь рассмотрел вопрос о крещении Новгорода в интерпретации русской историографии XVIII в.

Музыкально-поэтическому искусству Древней Руси и народной песенной традиции посвящены работы М. Г. Казанцевой. Выделяя центры книгописания, она отмечала, что особая роль в этом процессе принадлежала Новгороду. При Софийском соборе находился один из ведущих центров книгописания, музыкальное древнеписьменное наследие которого хорошо сохранилось. Автор подчеркивала, что музыкальные рукописи оставили значительный след в истории древнерусской культуры. Они выделяются особым стилем письма, художественным оформлением, в них прослеживаются диалектные черты. Влияние этого стиля ощущается в списке Ирмология XII в., известного под названием «Новгородские фрагменты». На страницах многих новгородских нотированных книг сохранились записи писцов. Среди них имена Домки, Бельна, Городена, переписывавшие текст минейного круга, Моисея Княнина и безвестного Урина, а также имя Грецина, которое было идентифицировано как имя художника Олисея Гречина, перу которого принадлежит Стихирарь, написанный для церкви Константина и Елены в Новгороде [Казанцева].

В последние годы на кафедре истории России УрФУ доцентом В. Байдиным было проведено исследование по реконструкции биографии Кириши Данилова, составителя сборника «Древних российских стихотворений». Этот сборник содержит первые полные нотированные записи русских былин и исторических песен, а также баллады, духовные стихи, песни. В нем представлен исчерпывающий набор былин новгородского цикла русского эпоса, зачастую в наиболее исправных и художественно мотивированных вариантах. Ряд текстов сборника отличает высокая историческая достоверность. Текст былины-баллады скоморошьего происхождения «[Про] гостя Терентиша» сохранил топографию средневекового Новгорода. По мнению автора, в сборнике есть ряд фактов, свидетельствующих о новгородско-прионежских корнях рода Кириши [Байдин].

Дружеские контакты Уральского отряда с Новгородским центром древних музыкальных инструментов и его директором, выдающимся реставратором В. И. Поветкиным, привели к результативному сотрудничеству с группой уральских реставраторов народных му-

² В октябре 2016 г. был заключен договор о сотрудничестве УрФУ с Университетом Рим III.

зыкальных инструментов, возглавляемой Э. И. Соколовым, которая работает при Уральской государственной консерватории.

В последние десятилетия в нашей стране пристальное внимание уделяется развитию внутреннего туризма. Студенты направления «Социально-культурный сервис и туризм» привлекаются к участию в раскопках. Пройдя музейно-экскурсионную практику в Великом Новгороде, они выбрали темы, непосредственно связанные с *разработкой туристских маршрутов по Новгородской земле и сопредельным территориям*. Результаты практически ориентированных разработок представлены в дипломных проектах [Крылова; Шишлевская].

Итогом научных исследований уральцев Новгорода и Новгородской Земли явились два сборника научных статей. Первый посвящен 70-летию академика В. Л. Янина и 20-летию сотрудничества Уральского университета с Новгородской археологической экспедицией [Новгородская Русь], Второй – 30-летию участия Уральского отряда УрГУ в составе Новгородской археологической экспедиции [Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь]. Общее количество публикаций по новгородской тематике, выполненных преподавателями и студентами УрГУ/УрФУ, составляет более 80. Важной частью научной деятельности является их участие в научных региональных, все-российских, международных конференциях и выставках по проблемам, связанным с изучением Великого Новгорода.

Список литературы

Байдин В. И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале : Историко-биографические этюды. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Университет. изд-во, 2015. 206 с.

Бенцианов М. М. Дети боярские. «Наугородские помещики» : Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие : сб. науч. тр. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2000. С. 277–285 (Проблемы истории России. Вып. 3.)

Визгалов Г. П. Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам археологических исследований) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2006. 22 с.

Гарифзянова Г. Писала с территории Древней Руси // Орел шестого легиона : тез. докл. студ. науч.-практ. конф., посв. 60-летию ист. ф-та УрГУ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 37–41.

Головнев А. В. Исторический опыт межэтнического взаимодействия на севере Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии : в 2 кн. М. : Наука, 2006. Кн. 1. С. 312–320.

Казанцева М. Г. Древние Ирмологии в Новгородской традиции // Сольвычегодская старина. Сыктывкар : [Б. и.], 1994. С. 36–47.

Кардаш О. В. Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – XVIII в. (по материалам раскопок Надымского городка) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2006. 22 с.

Копнина Е. Маска-личина средневекового Новгорода // Орел шестого легиона : тез. докл. студ. науч.-практ. конф., посв. 60-летию ист. ф-та УрГУ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 61–64.

Крылова А. А. Средневековая Новгородская Русь в маршруте познавательного туризма // Третья студ. науч.-практ. конф., посв. памяти В. А. Квартального. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 90–94.

Кызласов И. Л. Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология евразийских степей : материалы Учредительного съезда междунар. конгр., Казань, 14–16 февр. 2007 г. : в 2 т. Казань : Ин-т истории Акад. наук Респ. Татарстан, 2007. Вып 2. Т. 2. С. 63–70.

Кызласов И. Л., Гайдуков П. Г. О дальности восточных связей Великого Новгорода в Древнерусскую эпоху // Средневековая археология евразийских степей : сб. ст. к юбилею проф. С. А. Плетневой. М. ; Йошкар-Ола : [Б. и.], 2006. С. 217–223. (Сер. Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3.)

Любич С. Образ дракона в средневековой культуре Великого Новгорода : дипломная работа. Екатеринбург : [Б. и.], 2012, 124 с.

Маракулин В. А. Знаки на предметах сетевого лова в средневековом Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии : в 2 ч. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2009. Ч. 1. С. 168–179.

Медведев А. Ф. Древнерусские писала X–XV вв. // Советская археология. 1960. № 2. С. 63–88.

Мельчакова М. Ю. Демократические традиции Новгородской Руси в современной отечественной историографии // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород : Изд-во НовГУ, 2005. С. 30–35.

Мельчакова М. Ю. К проблеме существования древнерусской демократии (на примере средневекового Новгорода) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2000. С. 30–35 (Проблемы истории России. Вып. 3.)

Нестеркин К. С. Новгород и Прибалтика в торговых взаимоотношениях в XIII–XV вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород : Изд-во НовГУ, 2005. С. 73–77.

Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии : в 2 ч. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2009. Ч. 1. 296 с. Ч. 2. 204 с. (Проблемы истории России. Вып. 8.)

Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург : Волот, 2000. 420 с. (Проблемы истории России. Вып. 3.)

Овчинникова Б. Б. Историко-культурные контакты Новгорода с Югрой (IX–XV вв.) // Источник и его интерпретация : сб. науч. тр. Екатеринбург : Волот, 2008. С. 13–30 (Проблемы истории России. Вып. 7.)

Овчинникова Б. Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. (свод археологического источника) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2000. С. 45–105 (Проблемы истории России. Вып. 3.)

Овчинникова Б. Б. Торговые «путешествия» новгородцев на восток // Великий Новгород и Средневековая Русь : сб. ст. к 80-летию акад. В. Л. Янина. М. : Памятники ист. мысли, 2009. С. 123–132.

Овчинникова Б. Б., Копнина Е. В. Маски и их роль в средневековой культуре Новгорода // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2000. С. 118–134. (Проблемы истории России. Вып. 3.)

Овчинникова Б. Б., Морозов В. И., Пархимович С. Г. Путешествие в Югру // Очерки истории Урала. Вып. 2. Древность Урала. Екатеринбург : Банк культур. информации, 1996. С. 85–100.

Овчинникова Б. Б., Трофимов Ф. В. «...Чудь, народ, который обитал здесь прежде русских» // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии : в 2 ч. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2009. Ч. 1. С. 15–25 (Проблемы истории России. Вып. 8.)

Пихоя Р. Г. Опыт изучения ранних новгородских памятников церковного права : (Правила «Аще двоеженец» и Вопрошание Кириково) // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. 1. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1974а. С. 9–16.

Пихоя Р. Г. Церковь в Древней Руси, конец X – первая половина XII в. : древнерусское покаянное право как исторический источник : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск : [Б. и.], 1974б. 213 с.

Пихоя Р. Г. Записки археографа. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.

Пономарева А. О. История изучения вопроса о восточном компоненте в средневековом Новгороде отечественными учеными // Общественные практики: уроки истории и современные тренды : тез. докл. Всерос. науч. конф. студентов-стипендиатов Оксфордского российского фонда (Екатеринбург, 20–22 апреля 2016 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 356–358.

Сазанова А. В. Роль купечества в формировании республиканского института правления в Средневековом Новгороде: к постановке проблемы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Великий Новгород : Новгород. музей-заповедник, 2011. Вып. 25. С. 211–218.

Трофимов Ф. В. «Чудь» в отражении письменных источников VI–XIII вв. : дис. ... магистра истории. Екатеринбург : [Б. и.], 2006. 149 с.

Фомина Т. Ю. Новгородское летописание XI–XVII вв.: отечественная историография. М. : Университет. книга, 2008. 255 с.

Шайков А. Т. В Югру за данью: как новгородцы проникали на Урал // Родина. 2002. № 11–12. С. 112–115.

Шишлевская Е. «Тропою стран полунощных...» // Третья студ. науч.-практ. конф., посв. памяти В. А. Квартального. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 115–119.

References

Baidin, V. I. (2015). *Kirsha Danilov v Sibiri i na Urale : Istoriko-biograficheskie etyudy* [Kirsha Danilov in Siberia and the Urals]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Universitetskoe izdatel'stvo. 206 p.

Bentsianov, M. M. (2000). *Deti boyarskie. "Naugorodskie pomeshchiki"* : Novgorodskaya sluzhilaya korporatsiya v kontse XV – seredine XVI v. [Boyars' Children. Novgorod Nobility: The Novgorod Service Corporation in the Late 15th – Mid-16th Centuries]. In *Novgorodskaya Rus': istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie : sbornik nauchnykh trudov*. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 277–285 (Problemy istorii Rossii. Iss. 3.)

Fomina, T. Yu. (2008). *Novgorodskoe letopisanie XI–XVII vv.: otechestvennaya istoriografiya* [Novgorod Chronicle-writing between the 11th and 17th Centuries]. Moscow, Universitetskaya kniga. 255 p.

Garifzyanova, G. (1999). Pisala s territorii Drevnei Rusi [I Portrayed the Territory of Ancient Rus']. In *Orel shestogo legiona : tezisy dokladov studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu istoricheskogo fakul'teta UrGU*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 37–41.

Golovnev, A. V. (2006). Istoricheskii opyt mezhetnicheskogo vzaimodeistviya na severe Evrazii [The Historical Experience of Interethnic Interaction in the North of Eurasia]. In *Etnokul'turnoe vzaimodeistvie v Evrazii v 2 kn.* Moscow, Nauka. Book 1, pp. 312–320.

Kardash, O. V. (2006). *Kul'tura aborigennogo naseleniya basseina reki Nadym kontsa XVI – XVIII v. (po materialam raskopok Nadym'skogo gorodka)* [The Culture of the Indigenous Population of the Nadym River Basin of the Late 16th – 18th Centuries]. Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. St Petersburg, S. n. 22 p.

Kazantseva, M. G. (1994). Drevnie Irmologii v Novgorodskoi traditsii [The Old Irmologies in the Novgorod Tradition]. In *Sol'-vychegodskaya starina*. Syktyvkar, S. n., pp. 36–47.

Kopnina, E. (1999). Maska-lichina srednevekovogo Novgoroda [The Mask of Mediaeval Novgorod]. In *Orel shestogo legiona : tezisy dokladov studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu istoricheskogo fakul'teta UrGU*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 61–64.

Krylova, A. A. (2006). Srednekovaya Novgorodskaya Rus' v marshrute poznavatel'nogo turizma [Mediaeval Novgorod Rus' in the Itinerary of Educational Tourism]. In *Tret'ya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati V. A. Kvarial'nogo*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 90–94.

Kyzlasov, I. L. (2007). Velikii Sibirskii put' v sud'be Rossii [The Great Siberian Railway in Russia's Destiny]. In *Srednekovaya arkheologiya evraziiskikh stepei : materialy Uchreditel'nogo s'ezda mezhdunarodnogo kongressa, Kazan', 14–16 fevralya 2007 g. v 2 t.* Kazan', Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan. Iss. 2. Vol. 2, pp. 63–70.

Kyzlasov, I. L., Gaidukov, P. G. (2006). O dal'nosti vostochnykh svyazei Velikogo Novgoroda v Drevnerusskuyu epokhu [On the Range of Eastern Connections of Veliky Novgorod during the Ancient Times]. In *Srednekovaya arkheologiya evraziiskikh stepei : sbornik statei k yubileyu professora S. A. Pletnevoi*. Moscow, Ioshkar-Ola, S. n., pp. 217–223. (Seriya Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya. Iss. 3.)

Lyubich, S. (2012). *Obraz drakona v srednekovoi kul'ture Velikogo Novgoroda* [The Image of the Dragon in the Mediaeval Culture of Veliky Novgorod]. Dis. ... magistra istorii. Yekaterinburg, S. n. ... p.

Marakulin, V. A. (2009). Znaki na predmetakh setevogo lova v srednekovom Novgorode (po materialam Troitskogo raskopa) [Signs on the Objects of Net Fishing in Mediaeval Novgorod (with Reference to Troitsk Excavation Site)]. In *Novgorodskaya Zemlya – Ural – Zapadnaya Sibir' v istoriko-kul'turnom i dukhovnom nasledii v 2 ch.* Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. Part 1, pp. 168–179.

Medvedev, A. F. (1960). Drevnerusskie pisala X–XV vv. [Old Russian Styluses of the 10th – 15th Centuries]. In *Sovetskaya arkheologiya*. No. 2, pp. 63–88.

Melchakova, M. Yu. (2000). K probleme sushchestvovaniya drevnerusskoi demokratrii (na primere srednekovogo Novgoroda) [On the Existence of Old Russian Democracy (with Reference to Mediaeval Novgorod)]. In *Novgorodskaya Rus' : istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie*. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 30–35 (Problemy istorii Rossii. Iss. 3.)

Melchakova, M. Yu. (2005). Demokraticheskie traditsii Novgorodskoi Rusi v sovremennoi otechestvennoi istoriografii [The Democratic Traditions of Novgorod Rus' as Reflected in Modern Russian Historiography]. In *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoi zemli*. Velikii Novgorod, Izdatel'stvo Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 30–35.

Nesterkin, K. S. (2005). Novgorod i Pribaltika v torgovykh vzaimootnosheniyakh v XIII–XV vv. [Novgorod and the Baltic States in Trade Relations in the 13th – 15th Centuries]. In *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoi zemli*. Velikii Novgorod, Izdatel'stvo Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 73–77.

Novgorodskaya Rus' : istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie [Novgorod Rus' : Historic Space and Cultural Heritage]. (2000). Yekaterinburg, Volot. 420 p. (Problemy istorii Rossii. Iss. 3.)

Novgorodskaya Zemlya – Ural – Zapadnaya Sibir' v istoriko-kul'turnom i dukhovnom nasledii v 2 ch. [Novgorod Lands – the Urals – Western Siberia in Historical, Cultural, and Spiritual Heritage, 2 Parts]. (2009). Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, 2009. Part 1. 296 p. Part 2. 204 p. (Problemy istorii Rossii. Iss. 8.)

Ovchinnikova, B. B. (2000). Pisala-stilosy drevnego Novgoroda X–XV vv. (svod arkheologicheskogo istochnika) [The Styluses of Old Novgorod, 10th – 15th Centuries]. In *Novgorodskaya Rus' : istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie*. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 45–105 (Problemy istorii Rossii. Iss. 3.)

Ovchinnikova, B. B. (2008). Istoriko-kul'turnye kontakty Novgoroda s Yugroi (IX–XV vv.) [The Historical and Cultural Contacts of Novgorod with Yugra (9th – 15th Centuries)]. In *Istochnik i ego interpretatsiya : sbornik nauchnykh trudov*. Yekaterinburg, Volot, pp. 13–30 (Problemy istorii Rossii. Iss. 7.)

Ovchinnikova, B. B. (2009). Torgovye “puteshestviya” novgorodtsev na vostok [Trade Trips of Novgorod People to the East]. In *Velikii Novgorod i Srednekovaya Rus' : sbornik statei k 80-letiyu akademika V. L. Yanina*. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, pp. 123–132.

Ovchinnikova, B. B., Kopnina, E. V. (2000). Maski i ikh rol' v srednevekovoi kul'ture Novgoroda [Masks and their Role in the Mediaeval Culture of Novgorod]. In *Novgorodskaya Rus': istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie*. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 118–134. (Problemy istorii Rossii. Iss. 3.)

Ovchinnikova, B. B., Morozov, V. I., Parkhimovich, S. G. (1996). Puteshestvie v Yugru [A Journey to Yugra]. In *Ocherki istorii Urala*. Iss. 2. Drevnost' Urala. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 85–100.

Ovchinnikova, B. B., Trofimov, F. V. (2009). "...Chud', narod, kotoryi obital zdes' prezhe russkikh" [The Chud, a People that Lived here before Russians]. In *Novgorodskaya Zemlya – Ural – Zapadnaya Sibir' v istoriko-kul'turnom i dukhovnom nasledii v 2 ch.* Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. Part 1, pp. 15–25 (Problemy istorii Rossii. Iss. 8.)

Pikhoya, R. G. (1974a). Opyt izucheniya rannikh novgorodskikh pamyatnikov tserkovnogo prava : (Pravila „Ashche dvoezhenets“ i Voproshanie Kirikovo) [An Attempt at the Study of Early Novgorod Artefacts of Ecclesiastic Law (*Pravila Ashche Dvoezhenets and Voproshanie Kirikovo*)]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Vol. 1. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 9–16.

Pikhoya, R. G. (1974b). *Tserkov' v Drevnei Rusi, konets X – pervaya polovina XII v. : drevnerusskoe pokayannoe pravo kak istoricheskii istochnik* [The Church in Old Rus', Late 10th Century – First Half of 12th Century]. Dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Sverdlovsk, S. n. 213 p.

Pikhoya, R. G. (2016). *Zapiski arkhografa* [An Archaeographer's Notes]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 496 p.

Ponamareva, A. O. (2016). Istoriya izucheniya voprosa o vostochnom komponente v srednevekovom Novgorode otechestvennymi uchenymi [The History of the Study of the Eastern Component in Mediaeval Novgorod by Russian Scholars]. In *Obshchestvennye praktiki: uroki istorii i sovremennye trendy : tezisy dokladov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii studentov-stipendiatov Oksfordskogo rossiiskogo fonda (Ekaterinburg, 20–22 aprelya 2016 g.)*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 356–358.

Sazanova, A. V. (2011). Rol' kupechestva v formirovanii respublikanskogo instituta pravleniya v Srednevekovom Novgorode: k postanovke problem [The Role of Merchants in the Formation of the Republican Institute of Administration in Mediaeval Novgorod]. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoi konferentsii*. Veliky Novgorod, Novgorodskii muzei-zapovednik. Iss. 25, pp. 211–218.

Shashkov, A. T. (2002). V Yugru za dan'yu: kak novgorodtsy pronikali na Ural [To Yugra to Collect Tribute: How Novgorod People Entered the Urals]. In *Rodina*. No. 11–12, pp. 112–115.

Shishlevskaya, E. (2006). "Tropoyu stran polunoshchnykh..." [Along the Paths of Midnight Countries]. In *Tret'ya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati V. A. Kvartal'nogo*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 115–119.

Trofimov, F. V. (2006). "Chud'" v otrazhenii pis'mennykh istochnikov VI–XIII vv. [The Chud as Reflected in the Written Sources of the 6th – 13th Centuries]. Dis. ... magistra istorii. Yekaterinburg, S. n.... p.

Vizgalov, G. P. (2006). *Mangazeya – pervyi russkii gorod v Sibirskom Zapolyar'e (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy)* [Mangazeya, the First Russian City in the Siberian Polar Region]. Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. St Petersburg, S. n. 22 p.

The article was submitted on 27.09.2018

DOI 10.15826/qr.2018.4.358
УДК 811.161.1'374.2:27+811.161.1'374.3:27

ЯЗЫК РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ*

Рец. на: *Скляревская Г. Н.* Лексика современного русского православия :
толково-энцикл. словарь. СПб. : Контраст, 2016. 688 с.

Александр Гадомский

Опольский университет,
Ополе, Польша

Татьяна Ицкович

Ольга Михайлова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE LANGUAGE OF RUSSIAN ORTHODOXY THROUGH THE PRISM OF LEXICOGRAPHY**

Rev. of: *Sklyarevskaya, G. N.* (2016). [Leksika sovremennogo russkogo pravoslaviya :
tolkovo-entsykl. slovar']. The Vocabulary of Modern Russian Orthodoxy: An
Explanatory Encyclopaedic Dictionary. St Petersburg, Kontrast. 688 p.

Aleksander Gadomski

University of Opole,
Opole, Poland

Tatiana Itskovich

Olga Mikhailova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The *Dictionary* reviewed has filled a lacuna in Russian lexicography, presenting
the vocabulary of Orthodoxy as a natural component of the modern Russian lan-

* Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.A03.21.0006. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

** Citation: Gadomski, A., Itskovich, T., Mikhailova, O. (2018). The Language of Russian Orthodoxy through the Prism of Lexicography. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1246–1255. DOI 10.15826/qr.2018.4.358.

Цитирование: Gadomski A., Itskovich T., Mikhailova O. The Language of Russian Orthodoxy through the Prism of Lexicography // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1246–1255. DOI 10.15826/qr.2018.4.358 / Гадомский А., Ицкович Т., Михайлова О. Язык русского православия в лексикографическом освещении // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1246–1255. DOI 10.15826/qr.2018.4.358.

guage that functions not only in the religious sphere, but also in the everyday lives of Russians. The analysis of the *Dictionary* is preceded by a short essay on the lexicographic sources describing the vocabulary of Orthodoxy and on the ideological deformation of the religious subsystem of vocabulary during totalitarianism. The book represents a new genre of lexicographical works defined by the author as an *Explanatory Encyclopaedic Dictionary*. The dual nature of the *Dictionary* is manifested both in the vocabulary and in the structure of the dictionary entries. The linguistic component combines interpretation, etymology, and stylistic features, as the object of description is the word as a unit of language. The encyclopaedic focus of the *Dictionary* is shown in the commentary and illustrations, as the object of interpretation is the referent of the word described. The reviewers carry out an analysis of the vocabulary, including the basic concepts of religious and theological terms, names of representatives of the Celestial and church hierarchy, words of different thematic groups connected with church life, and the lexicon of Christian morals. Additionally, the article describes the principles of representing entry words and the stylistic and semantic connections of lexical units included in the *Dictionary*. Special attention is paid to the illustrations that supplement and deepen the interpretation of entries, as well as to the author's commentary, which has undoubted cultural value and contains information of an encyclopaedic nature. The *Dictionary* has great practical value: while being aimed at a wide secular audience, it may also be useful for a church audience.

Keywords: lexicography; Orthodoxy; dictionary; encyclopaedic dictionary; religious vocabulary.

Рецензируемый словарь восполнил лакуну в отечественной лексикографии, представив лексику православия как естественную составную часть современного русского языка, функционирующую не только в церковной среде, но и в повседневной жизни россиян. Анализ словаря в рецензии предваряется кратким очерком о лексикографических источниках разных лет, описывающих лексику православия, об идеологической деформации религиозной подсистемы лексики в период тоталитаризма. Книга представляет собой новый жанр лексикографических трудов, обозначенный автором как «толково-энциклопедический словарь». Двойственный характер словаря проявляется как в словнике, так и в структуре словарной статьи, включающей несколько зон. Лингвистическая составляющая объединяет зоны толкования, этимологии и стилистической характеристики, поскольку предметом описания здесь является слово как единица языка. Энциклопедическая направленность издания проявлена в зонах комментария и иллюстраций, так как здесь объектом интерпретации становится референт описываемого слова. В рецензии дан анализ словника, включающего основные понятия вероисповедания и богословские термины, наименования представителей небесной и церковной иерархии, слова разных тематических групп, связанные с реалиями церковной жизни, и лексику христианской морали. Описаны принципы подачи заголовочных слов, показаны представленные в словаре стилистические и семантические связи

лексических единиц. Особое внимание уделяется иллюстрациям, которые дополняют и углубляют толкование заголовочного слова, а также обладающему несомненной культурологической ценностью авторскому комментарию, в котором приводятся сведения энциклопедического характера. Рецензируемый словарь имеет большую практическую ценность: рассчитанный на широкую светскую аудиторию, он, вместе с тем, может быть полезен и для аудитории церковной.

Ключевые слова: лексикография; православие; толковый словарь; энциклопедический словарь; религиозная лексика.

Словарь Г. Н. Скляревской «Лексика современного русского православия», адресованный широкому кругу читателей, стал заметным явлением в российской лексикографии, поскольку он открывает перспективы нетенденциозного толкования базовых понятий православия.

Советский период в истории России серьезным образом изменил религиозную жизнь общества: 70 лет богоборчества и государственного атеизма способствовали расшатыванию духовных констант православия. Атеистическое сознание советских граждан формировалось, в частности, с помощью продуманной языковой политики – целенаправленной идеологической переработки словарного материала, зафиксированного в лексикографических источниках. Результатом целенаправленной политики советского государства явились словари, рассчитанные на адресата с воинствующим атеистическим мировоззрением [Словарь атеиста; Гордиенко; Новиков и др.]. В их словарных статьях приводятся положения марксистской теории, разоблачающие с позиций идеологии «реакционную» роль религии и пагубность религиозных представлений для советского человека. Именно религиозная подсистема лексики русского языка претерпела существенную деформацию в период тоталитаризма [Купина; Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н.].

В современном обществе церковно-религиозная лексика православия, за годы советской власти отодвинутая на периферию лексической системы, возвращается в социокультурное речевое пространство. В связи с этим возникает острая необходимость в объяснении лексем, называющих религиозные понятия. Ощущается социальная потребность в справочных изданиях, объективно, нетенденциозно раскрывающих содержание слов-религионимов с конфессионально-догматических позиций, поскольку аутентичные словари, описывающие религиозный дискурс, были созданы еще в XIX в. [Кочкин; Малов; Михайловский].

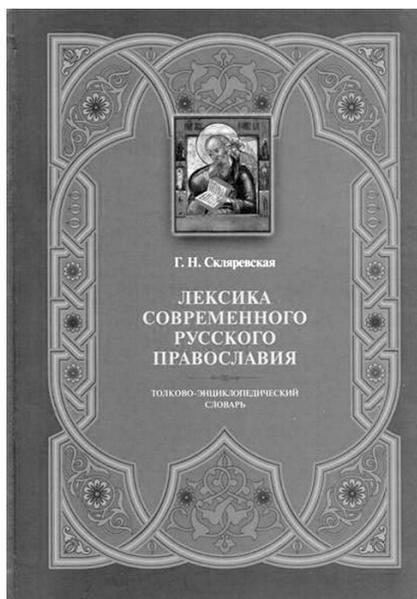
В конце 90-х гг. XX в. как в России, так и в других странах, где распространено христианство, появились словари, отражающие отдельные участки религиозной сферы [Живов; Словарь литургических терминов; Геллей; Lewicki; Markunas, Uczyciel и др.]. Активизировались исследования, посвященные религиозной тематике. В отдель-

ный раздел языкознания выделилась теолингвистика [Гадомский]. Доступными стали репринтные издания дореволюционных словарей, представляющих религиозную картину мира [Библейская энциклопедия; Краткий церковно-богослужебный словарь; Полный православный богословский энциклопедический словарь; Полный церковнославянский словарь; Православная энциклопедия]. В этих словарях представлены практика и идеология Русской православной церкви с позиций священнослужителя.

В ряду современных лексикографических источников особое место занимает рецензируемый словарь Г. Н. Скляревской «Лексика современного русского православия» (далее – ЛСРП). Он является закономерным завершением авторской работы, начатой «Словарем православной церковной культуры» [2000] и концептуально обоснованной в монографии «Православная лексика. Концепты христианской культуры. Лингвистические аспекты православия» [2013].

Новизна рецензируемого издания заключается прежде всего в самом материале. ЛСРП относится к типу дифференциальных словарей, поскольку содержит строго систематизированный пласт языковых единиц, представляя при этом лексику православия «не как закрытую периферийную систему, а как естественную составную часть современного русского языка»¹ [ЛСРП, с. 4]. Вместе с тем включенное в заглавие сочетание «современное православие» заставляет задуматься над вопросами, какой именно период берет автор в качестве современного и чем лексика этого периода отличается от «традиционной» православной лексики.

Словарь Г. Н. Скляревской – уникальное издание, в котором православная лексика описана с позиций исследователя, безупречно выдерживающего высокое качество и корректность семантизации религиозимов. Автор с возможной полнотой стремится охватить все группы лексики, обслуживающей мир русского православия (с. 7–8). Здесь представлены основные понятия вероисповедания и богословские термины, наименования представителей небесной и церковной иерархии, слова разных тематических групп, связанные с реалиями

¹ Далее ссылки на это издание будут даваться в тексте статьи в круглых скобках с указанием страниц.

церковной жизни, и лексика христианской морали. Среди обозначенных автором лексических объединений отсутствует группа «имена религиозных философов», за исключением статей, посвященных Н. Бердяеву и В. Соловьеву. Можно было бы допустить, что в издание включены те философы, чьи религиозные труды использованы в иллюстрациях, однако это предположение не подтверждается, поскольку в словарных статьях приведены высказывания из трудов Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского, Вл. Н. Ильина, Н. С. Трубецкого и др., но самих персоналий в перечне заголовочных слов не обнаруживаем.

Ценность рецензируемого словаря заключается не только в том, что он восполнил лауну в отечественной лексикографии, но и в том, что ЛСРП представляет собой новый лексикографический жанр. Автор справедливо обозначил его как толково-энциклопедический. Жанроспецифический характер проявляется как в словнике, так и в структуре словарной статьи. В соответствии с энциклопедическим характером в состав словаря включена апеллятивная и онимическая конфессиональная лексика. Онимы представлены именами святых, религиозных деятелей, а также названиями храмов, почитаемых икон и пр.: *Авва; Авраамий Чухломский; Александр (Хотовицкий); Александро-Свирский монастырь; Адамова глава; Житие протопопа Аввакума; Закхей; Заступница; Знаменский; Зосима и Савватий; «Знамение» Курская-Коренная; «Знамение» Новгородская; «Знамение» Царскосельская* и т. д.

В соответствии с заявленной целью и названием словаря произведен корректный отбор лексических единиц. Тем не менее отметим, что в ЛСРП находим статьи *Соловецкий монастырь* и *Соловки*. Если первая является необходимой как название одного из известных православных монастырей, то включение второй вызывает определенные сомнения, поскольку данный объект выходит за пределы описываемого дискурса, а связанная с этим местом трагическая история затронула не только православный мир, но и весь советский народ.

Структура словарной статьи состоит из четырех обязательных (заголовочная словарная единица; толкование заголовочной словарной единицы; авторский комментарий; набор цитат) и двух факультативных зон (этимология и стилистическая характеристика). Лингвистическая составляющая объединяет зоны толкования, этимологии и стилистической характеристики: предметом описания здесь является слово как единица языка. Энциклопедическая направленность словаря проявлена в зонах комментария и иллюстраций, где объектом описания становится референт описываемого слова.

Известно, что сфера православной религиозной коммуникации характеризуется двуязычием – использованием сакрального и обыденного (мирского) языков, которые служат отражением религиозной и светской картин мира соответственно [Ицкович; Унбегаун; Успенский]. При этом одна и та же лексическая единица в светском и религиозном дискурсе соотносится с разными

концептами, и, следовательно, одна и та же лексема имеет разные значения – религиозное и светское. В этом случае мы имеем дело с дискурсивными семантическими вариантами, то есть формально тождественными номинативными единицами, различающимися своим содержанием в зависимости от сферы употребления [Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н., с. 302].

ЛСРП является, по нашему мнению, словарем активного типа, представляющим глубокую семантизацию «церковных слов», а также такую характеристику слова, которая позволит не только понять его в заданном контексте, но и правильно употребить в собственной речи [Апресян, с. 7].

Системное описание религиозной лексики предполагает восприятие религиозного языка как кода, поэтому в ЛСРП в соответствии с заявленной автором целью включены только сакральные значения лексических единиц. Например: **Земля** – ‘Мир физических явлений, обычно связываемый с бездуховностью и грехом’ (с. 215); **Небо** – ‘1. Божественная сфера бытия; мир духовных (бесплотных) сил, божественных сущностей. 2. Божественное начало в мире, в человеке; духовный мир’ (с. 343–344); **Прелесть** – ‘В монашеской практике: ошибочное и греховное представление о своей праведности, духовной высоте, близости к Богу’ (с. 429); **Страсть**¹ – ‘Страдание’; **Страсть**² – ‘Основа того или иного греха; склонность к определенному греху’ (ЛСРП, с. 528) и др.

В качестве дискурсивных вариантов часто выступают лексемы, обозначающие моральные концепты, так как именно в их восприятии обнаруживаются принципиальные различия между религиозной и светской картинами мира. Г. Н. Скляревская дает полную, тонкую интерпретацию многозначных лексем *вера, любовь, сердце*, отражающих базовые религиозные концепты. Семантизация лексических единиц в ЛСРП проведена на уровне обыденно-языкового сознания, но при этом отличается глубиной и тщательностью проработки, ясностью толкования.

Филологическая значимость словаря заключается также и в том, что здесь широко представлены стилистические и семантические связи слов.

Лексика православия функционально однородна, а отдельные слова различаются лишь стилистическим регистром, поэтому автор использует помету *обиходн.* («в обиходном употреблении»), отмечающую разговорную приходскую лексику (*батюшка, Петровки, промысел Божий, крестик, крёстный, постричь*), и стилистический комментарий «на церковнославянском языке» для характеристики единиц более высокого регистра (*обетование, почивший, пяток, усекновение*).

Г. Н. Скляревская дает в необходимых случаях этимологические справки, раскрывая генетические связи слов, не являющихся исконно русскими по происхождению, например: *базилика, баптистерий, клирос, пресвитер, дискос, диакон*.

В пределах словаря соотнесены лексемы, связанные парадигматическими отношениями. Так, антонимы сопровождаются пометой *противоп.* («противоположное»): **Гордость...** *противоп.* Смирение' (с. 152) либо комментарием: **Горний...** (как противоположность дольнему)' (с. 155). Синонимы отмечены отсылочным толкованием (**Гордыня.** То же, что гордость' (с. 154)). Полный синонимический ряд приводится в словарной статье доминантной единицы. Например: **Дьявол** и *обиходн. дьявол...* денница, искуситель, лукавый, Люцифер, сатана' (с. 173). Попутно отметим, что среди идеографических синонимов данного ряда отсутствует номинация *князь мира сего*, выделенная в самостоятельную словарную статью (с. 271).

В ЛСРП представлены также формально-семантические связи слов-омонимов (*грешный, неверующий, смиренный, святой, мир, молитвенник*), однако в предисловии не дано обоснование лингвистических критериев разграничения омонимии и многозначности, поэтому остается неясным, почему значения слов, например *затвор, схи́ма, распя́тие, канонический*, представлены как лексико-семантические варианты, а значения вышеназванных слов, а также *верующий, почивший* – как отдельные лексические единицы.

Особая роль в углубленном освещении и конкретизации содержания лексической единицы принадлежит ее системным связям в границах более крупных парадигм. В зоне авторского комментария Г. Н. Складаревская приводит тематическую группу, родовым понятием для которой является заголовочное слово. Например: **Смертный грех...** Обычно называют семь: *чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, уныние, отчаяние, тщеславие*' (с. 506). **Таинство...** Всех таинств семь: *крещение, миропомазание, покаяние, причащение, брак, священство, елеосвящение*' (с. 534). Такой лексикографический прием конкретизирует место лексической единицы в соответствующем поле и позволяет воссоздать целостный фрагмент языковой картины мира русского православия.

Авторский комментарий, в котором приводятся сведения энциклопедического характера (хронологические, исторические, фактические и др.), обладает несомненной культурологической ценностью, так как расширяет кругозор читателя. Просветительская задача реализуется и в приложении, которое включает имена православных святых с указанием дат празднования их памяти и объяснением значений имен.

Для ЛСРП как словаря, описывающего специфический институциональный дискурс [Карасик], особую значимость имеют иллюстрации. В зоне цитат Г. Н. Складаревская приводит контексты употребления. Значение заголовочного слова раскрывается в развернутых высказываниях. Приведенные цитаты дополняют и углубляют толкование, раскрывают смысловые нюансы религиозного понятия. Источниками нетривиальных цитат являются «краткие тексты Псалтири и Нового Завета, святоотеческие тексты, тексты русских религиозных

философов, книги, мемуары, проповеди и беседы священнослужителей, популярная церковная литература» (с. 10).

ЛСРП, как отмечает автор, имеет определенного адресата. Словарь предназначен «прежде всего специалистам в области лексикологии и культурологии; лингвистам, исследующим лексику духовной сферы; иностранцам, изучающим русский язык; журналистам; государственным и общественным деятелям, обращающимся к темам православия и духовности» (с. 7). Рассчитанный на широкую светскую аудиторию словарь Г. Н. Складневской имеет большую практическую ценность, так как помогает реализовать образовательную (или, говоря церковным языком, катехизаторскую и дидактическую) функцию. Вместе с тем рецензируемый словарь может быть полезен и для аудитории церковной. Священнослужитель, богослов может получить полное представление об уровне осмысления духовной реальности образованным воцерковленным мирянином.

Лексикографическая фиксация языка русского православия – сложнейшая лингвокультурологическая задача, успешное решение которой было найдено Г. Н. Складневской.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Лексикографическая концепция нового Большого англо-русского словаря // Новый Большой англо-русский словарь : в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. М. : Рус. яз., 1997. Т. 1. 832 с.

Библейская энциклопедия. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия : в 4 вып. / труд и изд. архим. Никифора (Бажанова). М. : Тип. А. И. Снегиревой, 1891–1892. Вып. 1–4.

Гадомский А. К. Теолингвистические исследования в славянском языкознании. Симферополь : ООО «Форма», 2017. 320 с.

Геллей Г. Г. Біблійний довідник. Торонто : Всесвітня християнська місія, 1985. 856 с.

Гордиенко Н. С. Православие : словарь атеиста. М. : Политиздат, 1988. 272 с.

Живов В. М. Святость : краткий словарь агиографических терминов. М. : Гнозис, 1994. 110 с.

Ицкович Т. В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях : дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2016. 387 с.

Кочкин А. Краткий церковнославянский словарь, приспособленный к чтению евангелия и сокращенного молитвослова. Вятка : Тип. Котлевич, 1873. XXVIII + 88 с.

Краткий церковно-богослужебный словарь : Для толкового чтения книг, уяснения смысла богослужения и обрядов православной церкви. М. : Фонд «Благовест» ; Подворье Троице-Сергиевой лавры, 1997. 318 с.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 186 с.

Малов А. Краткий священный словарь, составленный имп. Российской академии членом, протоиереем А. Маловым. СПб. : Тип. Рос. акад., 1835. 397 с.

Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Идеологическое адаптирование православной лексики в советских и постсоветских словарях // Przegląd wschodnioeuropejski. 2017. № 2 (8). S. 297–305.

Михайловский В. Словарь православного церковно-богослужебного языка и священных обрядов. СПб. : Тип. Безобразова, 1866. 122 с.

Новиков М. П. Карманный словарь атеиста. М. : Политиздат, 1983. 118 с.

Полный православный богословский энциклопедический словарь : в 2 т. М. : Изд-во П. П. Сойкина, 1912. 1176 с.

Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / сост. прот. Г. М. Дьяченко. М. : Тип. Вильде, 1900. М : Изд. отд. Моск. патриархата, 1993. 1120 с. (Репр. изд.)

Православная энциклопедия [сайт]. URL: <http://www.pravenc.ru/> (дата обращения: 25.12.2017).

Скляревская Г. Н. Православная лексика : Концепты христианской культуры. Лингвистические аспекты православия. Deutschland, Saarbrücken : Sanktum, 2013. 56 с.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб. : Наука, 2000. 278 с.

Словарь атеиста. М. : Изд-во полит. лит., 1964. 269 с.

Словарь литургических терминов / ред. О. В. Шайкевич, П. Сахаров. М. : Изд-во францисканцев, 1998. 88 с.

Унбегаун Б. Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы : Памяти акад. В. В. Виноградова. Л. : Наука, 1971. С. 329–333.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис, 1994. 240 с.

Lewicki R. Chrześcijaństwo : Słownik rosyjsko-polski. Warszawa : Instytut Wydawniczy PAX, 2002. 367 s.

References

Apresyan, Yu. D. (1999). Leksikograficheskaya kontseptsiya novogo Bol'shogo anglo-russkogo slovary [The Lexicographic Concept of the New English-Russian Dictionary]. In Apresyan, Yu. D., Mednikova, E. M. (Eds.). *Novyi Bol'shoi anglo-russkii slovar' v 3 t.* Moscow, Russkii yazyk. Vol. 1. 832 p.

Dyachenko, G. M., prot. (Ed.). (1900, 1993). *Polnyi tserkovno-slavyanskii slovar' (s vneseniem v nego vazhneishikh drevne-russkikh slov i vyrazhenii)* [Comprehensive Old Church Slavonic Dictionary (with an Introduction of Important Old Russian Words and Expressions)]. Moscow, Tipografiya Vil'de. Moscow, Izdatel'skii otдел Moskovskogo Patriarkhata. 1120 p. (Reprint Edition).

Gadomski, A. K. (2017). *Teolingvisticheskie issledovaniya v slavyanskom yazykoznanii* [Theolinguistic Studies in Slavic Linguistics]. Simferopol, OOO "Forma". 320 p.

Gellei, G. G. (1985). *Bibliinii dovidnik* [Biblical Reference Book]. Toronto, Vsesvitnaya khrystiyans'ka misiya. 856 p.

Gordienko, N. S. (1988). *Pravoslavie. Slovar' ateista* [Orthodoxy. An Atheist's Dictionary]. Moscow, Politizdat. 272 p.

Itskovich, T. V. (2016). *Zhanrovaya sistematizatsiya religioznogo stilya na kommunikativno-pragmaticheskoy i kategorial'no-tekstovoy osnovaniyakh* [Genre Systematisation of Religious Style on a Communicative and Categorical Basis]. Dis. ... doktora filologicheskikh nauk. Yekaterinburg, S. n. 387 p.

Kochkin, A. (1873). *Kratkii tserkovnoslavyanskii slovar', prisposoblenniy k chteniyu evangeliya i sokrashchennogo molitvoslova* [A Brief Old Church Slavonic Dictionary, Adapted for Reading the Gospel and an Acronymic Prayer Book]. Vyatka, Tipografiya Kotlevich. XXVIII + 88 p.

Kratkii tserkovno-bogoslužebnyi slovar'. Dlya tolkovogo chteniya knig, uyasneniya smysla bogoslužheniya i obryadov pravoslavnoi tserkvi [Brief Church and Liturgical Dictionary. For Sensible Reading and Understanding of the Meaning of a Church Service and Orthodox Church Ceremonies]. (1997). Moscow, Fond "Blagovest", Podvor'e Troitse-Sergievoi lavry. 318 p.

Kupina, N. A. (2015). *Totalitarniy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language. Vocabulary and Speech Reactions]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 186 p.

Lewicki, R. (2002). *Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski*. Warszawa, Instytut Wydawniczy PAX. 367 s.

Malov, A. (1835). *Kratkii svyashchennyi slovar', sostavlennyi imperatorskoi Rossiiskoi akademii chlenom, protoiereem A. Malovym* [Brief Sacred Dictionary Compiled by the Imperial Russian Academy Member, Archpriest A. Malov]. St Petersburg, Tipografiya Rossiiskoi Akademii. 397 p.

Mikhailova, O. A., Mikhailova, Yu. N. (2017). Ideologicheskoe adaptirovanie pravoslavnoi leksiki v sovetskikh i postsovetskikh slovaryakh [Ideological Adaptation of Orthodox Vocabulary in Soviet and Post-Soviet Dictionaries]. In *Przegląd wschodnioeuropejski*. No. 2 (8), pp. 297–305.

Mikhailovskii, V. (1866). *Slovar' pravoslavnogo tserkovno-bogoslužebnogo yazyka i svyashchennykh obryadov* [Dictionary of Orthodox Liturgical Language and Sacred Rituals]. St Petersburg, Tipografiya Bezobrazova. 122 p.

Nikifor (Bazhanov), Archim. (Ed.). (1891–1892). *Bibleiskaya entsiklopediya. Illyustrirovannaya polnaya populyarnaya bibleiskaya entsiklopediya v 4 vyp.* [Biblical Encyclopedia. Illustrated Comprehensive Popular Biblical Encyclopaedia. 4 Iss.]. Moscow, Tipografiya A. I. Snegirevoi. Iss. 1–4.

Novikov, M. P. (1975). *Karmannyi slovar' ateista* [Pocket Dictionary of an Atheist]. Moscow, Politizdat. 280 p.

Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar' v 2 t. [Full Orthodox Theological Encyclopaedic Dictionary. 2 Vols.]. (1912). Moscow, Izdatel'stvo P. P. Soikina. 1176 p.

Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopaedia] [website]. URL: <http://www.pravenc.ru/> (mode of access: 25.12.2017).

Shaikevich, O. V., Sakharov, P. (Eds.). (1998). *Slovar' liturgicheskikh terminov* [Dictionary of Liturgical Terms]. Moscow, Izdatel'stvo frantsiskantsev. 88 p.

Sklyarevskaya, G. N. (2000). *Slovar' pravoslavnoi tserkovnoi kul'tury* [Dictionary of Orthodox Church Culture]. St Petersburg, Nauka. 278 p.

Sklyarevskaya, G. N. (2013). *Pravoslavnaya leksika. Kontsepty khristianskoi kul'tury. Lingvisticheskie aspekty pravoslaviya* [Orthodox Vocabulary. Concepts of Christian Culture. Linguistic Aspects of Orthodoxy]. Deutschland, Saarbrücken, Sanktum. 56 p.

Slovar' ateista [Dictionary of an Atheist]. (1964). Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 269 p.

Unbegaun, B. (1971). Russkii literaturnyi yazyk: problemy i zadachi ego izucheniya [Russian Literary Language: Issues and Tasks of Its Study]. In *Poetika i stilistika russkoi literatury: Pamyati akademika V. V. Vinogradova*. Leningrad, Nauka, pp. 329–333.

Uspenskii, B. A. (1994). *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [Short Essay on the History of the Russian Literary Language (11th–20th Centuries)]. Moscow, Gnozis. 240 p.

Zhivov, V. M. (1994). *Svyatost'. Kratkii slovar' agiograficheskikh terminov* [Holiness. A Brief Dictionary of Hagiographic Terms]. Moscow, Gnozis. 110 p.

The article was submitted on 27.09.2018

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий сектором социальной истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

arakk@rambler.ru

Барина Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

443090, Россия, Самара, ул. Советской Армии, 141.

rfnz25@yandex.ru

Вачева Ангелина, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы, Софийский университет им. Святого Климента Охридского.

1504, Болгария, София, бульвар Царя-Освободителя, 15.

avacheva@slav.uni-sofia.bg

Гадомский Александр Казимирович, доктор филологических наук, профессор, Опольский университет.

45-040, Польша, Ополье, пл. Коперника, 11а.

akazsimf@mail.ru

Грегор Ян, PhD, заведующий кафедрой иностранных языков, старший научный сотрудник, Технико-экономический институт.

370 10, Чехия, Ческе-Будеёвице, Окружни, 10.

gregor.jan@mail.vstecb.cz

Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики, Московский государственный институт культуры.

141406, Россия, Московская обл., Химки, ул. Библиотечная, 7.

krugh@yandex.ru

Журова Людмила Ивановна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

zhurova@ngs.ru

Исаченко Татьяна Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Российская государственная библиотека.

119019, Россия, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5.

isachenko33@yandex.ru

Ицкович Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

tatiana.itckovich@urfu.ru

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет.
443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34.
don.kabytov2012@yandex.ru

Килимник Евгений Витальевич, доктор искусствоведения, профессор, Уральский государственный горный университет; Уральский государственный архитектурно-художественный университет.
620144, Россия, Екатеринбург, ул. Куйбышева, 30.
620075, Россия, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 23.
kilimnik_06@mail.ru

Клейтман Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, директор Издательско-полиграфического центра, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России.
400131, Россия, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
malk@bk.ru

Корчмина Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; постдокторант, Нью-Йоркский университет Абу-Даби.
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
PO Box 129188, ОАЭ, Абу-Даби.
e.korchmina@gmail.com

Кривошапова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Специализированный учебно-научный центр, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
insekt@yandex.ru

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.
117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
liseitsev@mail.ru

Михайлова Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
oamih@yandex.ru

Овчинникова Бронислава Борисовна, кандидат исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
bovchinnikova@mail.ru

Павлов Андрей Павлович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.
a.pavlov@spbu.ru

Постникова Екатерина Георгиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Лаборатория народной культуры Научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова.
455000, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина, 38.
ekaterinapost@mail.ru

Рей Мари-Пьер, доктор исторических наук, профессор, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна; Уральский федеральный университет.

75231, Франция, Париж, пл. Panthéon, 12.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
mariepierre.rey@gmail.com

Селин Адриан Александрович, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский кампус.

101000, Россия, Москва, ул. Союза Печатников, 16.
adrian.selin@gmail.com

Соловьева Вера Валерьевна, кандидат исторических наук, ООО «Языки без границ».

191015, Россия, Санкт-Петербург, Калужский переулок, 3а.
verasalut@mail.ru

Сурикова Олеся Дмитриевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Топонимическая лаборатория кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
surok62@mail.ru

Тимофеев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, выпускающий редактор журнала *Quaestio Rossica*, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
dmitrtim@yandex.ru

Томашкова Елена, магистр, младший научный сотрудник, Технико-экономический институт.

370 10, Чехия, Ческе-Будеёвице, Окружни, 10.
tomaskova@mail.vstecb.cz

Тюменцев Игорь Олегович, доктор исторических наук, профессор, директор Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России.

400131, Россия, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
tjumencev@mail.ru

Шамин Степан Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
shaminy@yandex.ru

Штайндорф Людвиг, доктор, профессор, Кильский университет.

24118, Германия, Киль, пл. Кристиана Альбрехта, 4.
lsteindorff@oeg.uni-kiel.de

Щеглова Ольга Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
scheglova@post.nsu.ru

Arakcheev Vladimir, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Social History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
arakk@rambler.ru

Barinova Yekaterina, Dr. Hab. (History), Professor, Samara State Economic University.

141, Sovetskoi Armii Str., 443090, Samara, Russia.
rfnz25@yandex.ru

Dergacheva Irina, Dr. Hab. (Philology), Professor, Head of the department of Linguistics; Moscow State Institute of Culture.

7, Bibliotechnaya Str., 141406, Khimki, Moscow Oblast, Russia.
krugh@yandex.ru

Gadomski Aleksander, Dr. Hab. (Philology), Professor, University of Opole.

11a, Kopernik Sq., 45-040, Opole, Poland.
akazsimf@mail.ru

Gregor Jan, PhD, Head of Department of Foreign Languages, Senior Researcher, Institute of Technology and Business.

10, Okružní, 370 10, České Budějovice, Czech Republic.
gregor.jan@mail.vstecb.cz

Isachenko Tatiana, Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher, Russian State Library.

3/5, Vozdvizhenka Str., 119019, Moscow, Russia.
isachenko33@yandex.ru

Itskovich Tatiana, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
tatiana.itckovich@urfu.ru

Kabytov Pyotr, Dr. Hab. (History), Professor, Samara National Research University.

34, Moskovskoye Shosse Str., 443086, Samara, Russia.
don.kabytov2012@yandex.ru

Kilimnik Yevgeni, Dr. Hab. (Art History), Professor, Ural State Mining University; Ural State University of Architecture and Art.

30, Kuibyshev Str., 620144, Yekaterinburg, Russia.
23, K. Liebknecht Str., 620075, Yekaterinburg, Russia.
kilimnik_06@mail.ru

Kleitman Alexander, PhD (History), Associate Professor, Director of the Publishing and Printing Centre, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

8, Gagarin Str., 400131, Volgograd, Russia.
malk@bk.ru

Korchmina Elena, PhD (History), Senior Researcher, National Research University Higher School of Economics; Postdoctoral Associate, New York University in Abu Dhabi.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
PO Box 129188, Abu Dhabi, United Arab Emirates.
e.korchmina@gmail.com

Krivoshchapova Yulia, PhD (Philology), Associate Professor, Specialised Educational Scientific Centre, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
insekt@yandex.ru

Liseitsev Dmitry, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.
liseitsev@mail.ru

Mikhailova Olga, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
oamih@yandex.ru

Ovchinnikova Bronislava, PhD (History), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
bovchinnikova@mail.ru

Pavlov Andrei, Dr. Hab. (History), Professor, St Petersburg State University.

7–9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
a.pavlov@spbu.ru

Postnikova Yekaterina, Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher, Folklife Culture Laboratory of the Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

38, Lenin Ave., 455000, Magnitogorsk, Russia.
ekaterinapost@mail.ru

Rey Marie-Pierre, Dr. Hab. (History), Professor, Université de Paris I Panthéon-Sorbonne; Ural Federal University.

12, place du Panthéon, 75231, Paris, France.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
mariepierre.rey@gmail.com

Selin Adrian, Dr. Hab. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics, St Petersburg Campus.

16 Soyuza Pechatnikov Str., 101000, Moscow, Russia.
adrian.selin@gmail.com

Shamin Stepan, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.
shaminy@yandex.ru

Shcheglova Olga, PhD (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State National Research University.

1, Pirogov Str., 630090, Novosibirsk, Russia.
scheglova@post.nsu.ru

Solovyeva Vera, PhD (History), ООО «Языки без границ».
3а, Kaluzhsky Lane, 191015, St Petersburg, Russia.
verasalut@mail.ru

Steindorff Ludwig, Dr. Hab., Professor, Kiel University.
4, Christian-Albrechts-Platz, 24118, Kiel, Germany.
lsteindorff@oeg.uni-kiel.de

Surikova Olesya, PhD (Philology), Senior Researcher, Toponymic Laboratory,
Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communica-
tion, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
surok62@mail.ru

Timofeev Dmitry, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Executive Editor
of *Quaestio Rossica* Journal, Institute of History and Archaeology, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences.
16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.
dmitrtim@yandex.ru

Tomashkova Elena, Master, Junior Researcher, Institute of Technology and
Business.
10, Okružní, 370 10, České Budějovice, Czech Republic.
tomaskova@mail.vstecb.cz

Tumentsev Igor, Dr. Hab. (History), Professor, Director of the Volgograd In-
stitute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration.
8, Gagarin Str., 400131, Volgograd, Russia.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
tijumencev@mail.ru

Vacheva Angelina, Dr. Hab. (Philology), Professor, Head of the Department of
Russian Literature, Sofia University “St Kliment Ohridski”.
15, Tsar Osvoboditel Blvd., 1504, Sofia, Bulgaria.
avacheva@slav.uni-sofia.bg

Zhurova Ludmila, Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher, Institute of His-
tory, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
8, Nikolayev Str, 630090, Novosibirsk, Russia.
zhurova@ngs.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

БАН – Библиотека Академии наук
BAN – Biblioteka Akademii nauk

ГИМ – Государственный исторический музей
GIM – Gosudarstvennyi istoricheskii muzei

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
OPI GIM – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov rossiiskoi imperii

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisei

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГБ – Российская государственная библиотека
RGB – Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
RIB – Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei

РНБ – Российская национальная библиотека
RNB – Rossiiskaya natsional'naya biblioteka

СИРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества
SIRIO – Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obschestva

СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси
SKKDR – Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi

СПбИИ – Санкт-Петербургский институт истории РАН
SPbII – Sankt-Peteburgskii institut istorii RAN

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
TODRL – Trudy Otdela drevnerusskoi literatury

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ChOIDR – Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete

ЯИХМЗ – Ярославский историко-художественный музей-заповедник
YaIKhMZ – Yaroslavskii istoriko-khudozhestvennyi muzei-zapovednik

RA, NOA – Riksarkivet, Ockupationsarkivet från Novgorod

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 6, 2018, № 4

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 28,9. Усл. печ. л. 29,4.
Тираж 500 экз. Заказ № 364.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

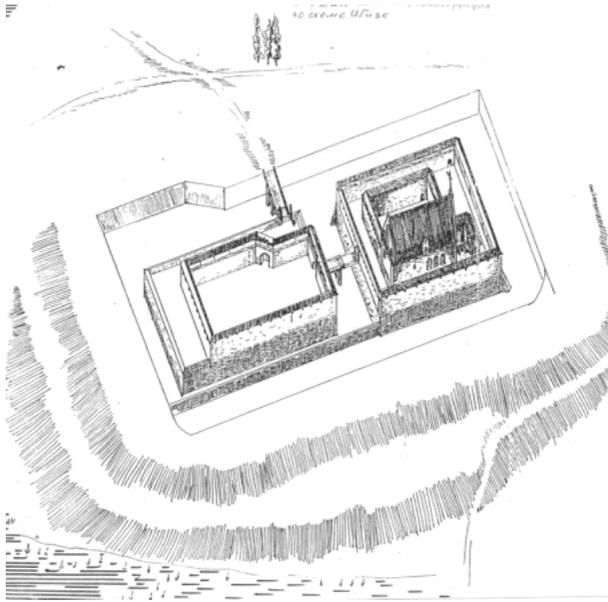
Иллюстрации к статье:
Евгений Килимник. Замки Тевтонского ордена на территории России
Illustration for the article:
Yevgeni Kilimnik. Castles of the Teutonic Knights in Russia

Замок Лабиау. Макет
Labiau Castle. Model

Замок Лабиау. Фото. 1920
Labiau Castle. Photograph. 1920

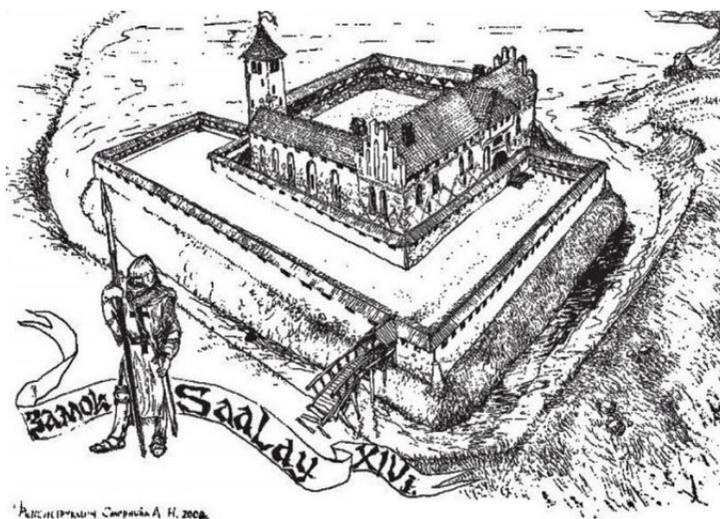

Замок Гермау. Реконструкция
Germau Castle. Reconstruction

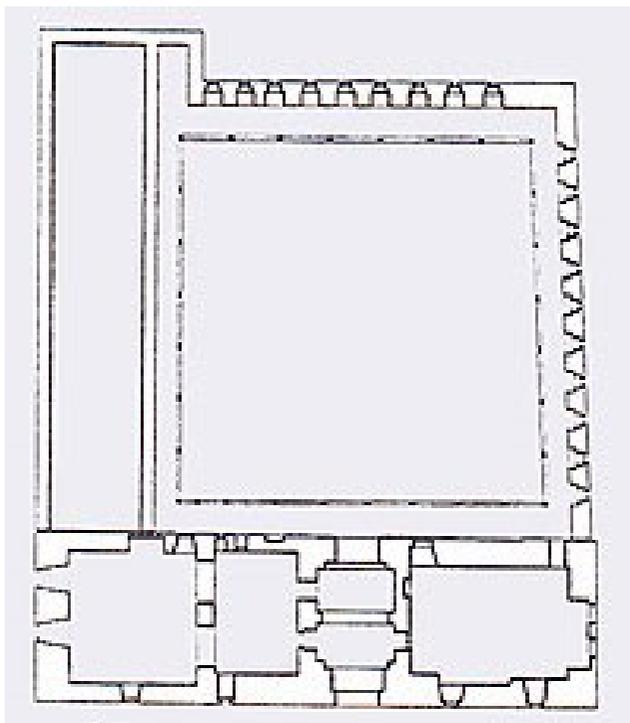

Lageplan von Burg und Dorf Germau (Zeichnung: J. M. Giese, 1828)

Замок и город Гермау. План. 1828
Town and Castle of Germau. Plan. 1828

Замок Заалау. Реконструкция
Saalau Castle. Reconstruction

Замок Заалау. План
Saalau Castle. Plan

Иллюстрации к статье:
Бронислава Овчинникова, Вера Соловьева. Великий Новгород
в научных исследованиях Уральского университета

Illustration for the article:
Bronislava Ovchinnikova, Vera Solovyeva. Veliky Novgorod
in the Research of Ural University

Академики В. Л. Янин и А. А. Зализняк и студенты УрГУ. Великий Новгород. 2005
Academicians V. L. Yanin and A. A. Zaliznyak and students of the Ural State University.
Veliky Novgorod. 2005

Студенты УрГУ с научным руководителем Б. Б. Овчинниковой.
Великий Новгород. Троицкий раскоп. 2009
Students of the Ural State University with head of research B. B. Ovchinnikova.
Veliky Novgorod. Troitsky excavation. 2009